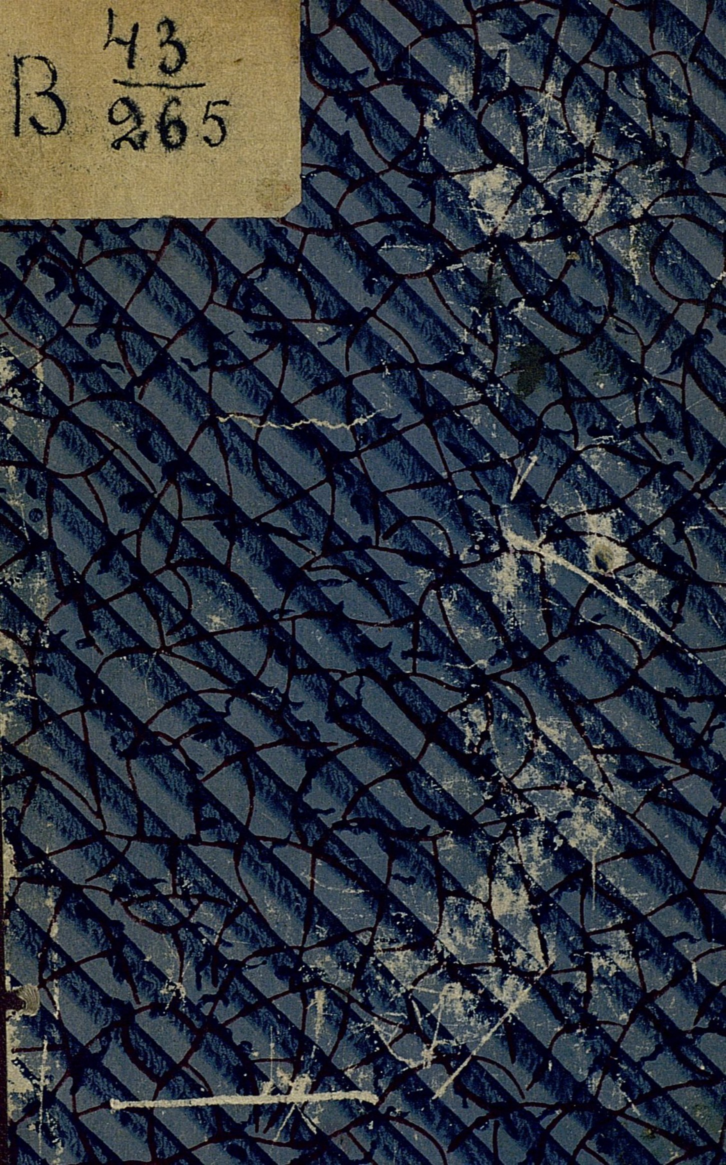
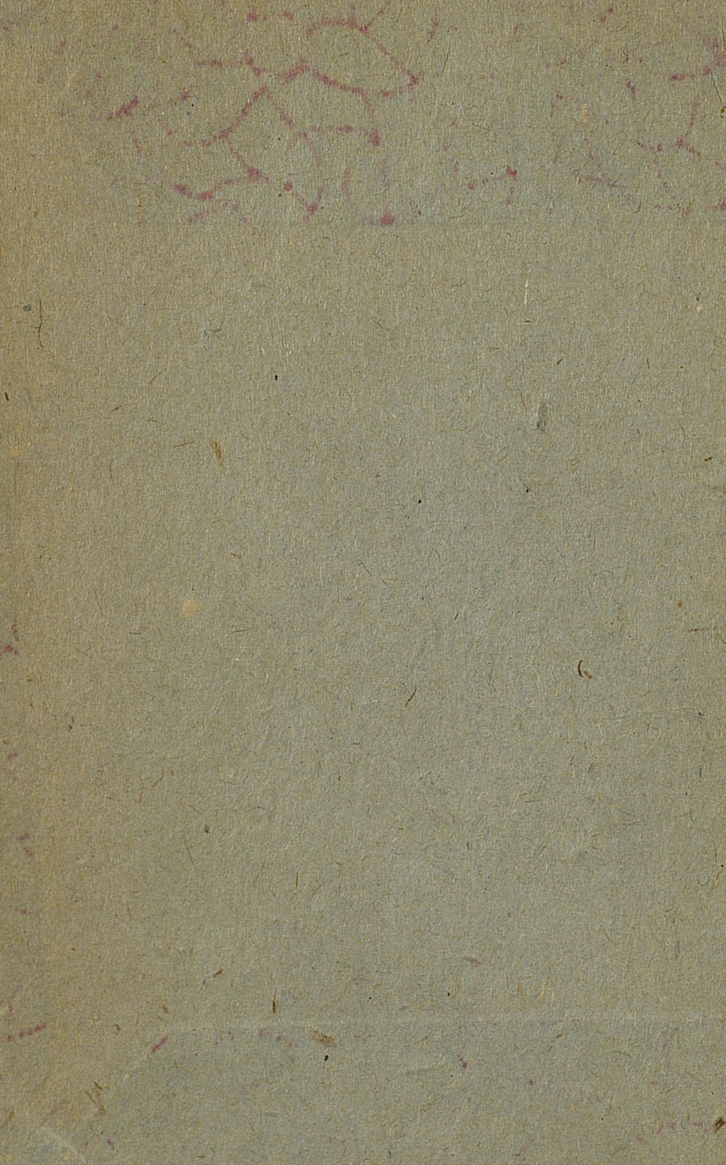




ЖИЗНЬ МОСКОВСКИХЪ ЗАКОУЛКОВЪ.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

А. И. ЛЕВИТОВА.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

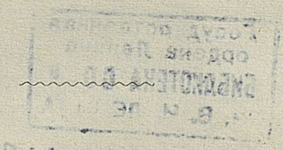
МОСКВА.
ИЗДАНІЕ А. И. МАМОНТОВА.
1875.

ЖИЗНЬ
МОСКОВСКИХЪ ЗАКОУЛКОВЪ.

ЖИЗНЬ МОСКОВСКИХЪ ЗАКОУЛКОВЪ.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

А. И. ЛЕВИТОВА.



Изданіе третье, исправленное и дополненное.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1875.

2007084337

ПЕРЕДЪ ПАСХОЙ.

(московскій фельетонъ).

Я живу въ такъ-называемыхъ комнатахъ *снебилью*. Вы, конечно, не знаете, что это за комнаты снебилью. Филантропія моя такого высокаго качества, что я отъ всей души желаю вамъ полнаго невѣдѣнія этого милаго предмета. Скажу вамъ только, что тѣ комнаты, въ которыхъ я занимаю одну, особенно отвратительны. Но дѣло не въ томъ. Содержательница нашихъ комнатъ имѣетъ въ своихъ палестинахъ довольно хорошую репутацію, вѣроятно потому, говоря въ скобкахъ, что изъ всѣхъ подобныхъ содержательницъ, какихъ только я знавалъ когда-либо, она самая вздорная и грязная баба, а ея клѣтки снебилью—самыя дрянныя, самыя темныя, самыя разрушающія. Можете, слѣдовательно, очень легко представить себѣ, сколько люда втискалось въ эти клѣтки, потому что, какъ вамъ самимъ извѣстно, стремленіе къ грязи у русскаго человѣка природное...

И вотъ съ самой Страстной недѣли всѣ помышленія этого люда были главнымъ образомъ направлены къ

тому собственно, что какъ бы это раздобыть финансовъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія болѣе или менѣе громадной бутыли съ тѣмъ веществомъ, безъ котораго русскому человѣку и праздникъ—не въ праздникъ.

Сотни мастеровыхъ, населяющихъ подземелья дома, гдѣ живу я, только, кажется, тѣмъ и заняты были во всю недѣлю, что таскали изъ откупной конторы эти ужасающія саженныя бутыли, при видѣ которыхъ невольно припоминалась старинная пѣсня:

«Кому чару пить,
Кому распивать?»

Военное офицерство, помѣщающееся въ верхнихъ этажахъ нашего дома, въ три жилы, что называется, турило изъ своихъ аппартаментовъ неотвязныхъ кредиторовъ, отзываясь тѣмъ, что ему самому, будто бы, жалованья къ празднику не выдали; между тѣмъ какъ деньщики онаго офицерства возились съ бутылями, подкрашивая ихъ жженымъ сахаромъ, стручковымъ перцемъ, и, почти ежеминутно, тайно пробуя сами, явно давали пробовать своимъ господамъ эту замысловатую влагу, никакъ, повидимому, не желая разстаться съ мыслью, чтобъ ихъ военная, деньщичья, такъ сказать, досужливость не могла улучшить этого адскаго зелья.

Въ то же время и статскіе майоры и прапорщики, которыхъ тоже очень много въ нашихъ клѣткахъ снебилью, надѣли ватные халаты и вмѣсто хожденія по комнатѣ и посвистыванія, чему эта публика любитъ всецѣло отдаваться въ свободное время, теперь глубомысленно, черезъ самыя чистыя тряпочки процѣживала

въ графины праздничный нектаръ, пробовала его, миролюбиво и усладительно покрехтывая, и давала пробовать своимъ кредиторамъ.

Я такъ долго бѣдствую въ меблированныхъ комнатахъ, что ихъ жизненныя картины не могли не опротивѣть мнѣ до безконечности; но прежде эти картины все-таки чѣмъ-нибудь да разнообразились, и я не столько изъ любви, сколько изъ тяжкой необходимости каждый день созерцать ихъ, все кое-какъ мирился съ ними. Но на нынѣшней Страстной недѣлѣ это постоянное, неизбѣжное подкрашиванье и улучшеніе откупнаго матеріала нашими жильцами вынуждало меня чаще обыкновеннаго запирать на ключъ мои пенаты и уходить отъ нихъ на грязную мостовую, на дождь и холодъ, пренебрегая возможностью насморка, или даже утонутія въ импровизованныхъ болотахъ, обыкновенно украшающихъ московскія улицы въ началѣ всякаго весенняго сезона.

Но, справедливый Боже! мои пенаты тосковали безъ меня на замкѣ, я тосковалъ на улицахъ безъ моихъ пенатовъ, а между тѣмъ картины, выгнавшія меня изъ дома, были тѣ же и на улицахъ. По нимъ ходили и ѣздили не люди, какъ въ обыкновенное время, а громадныя бутыли. Съ безстыдствомъ холопа, случайно попавшаго въ господа, задирали они кверху свои зеленыя головы, заткнутыя толстыми пробками, толстымъ и длиннымъ туловищемъ своимъ совершенно загораживая отъ вашей наблюдательности людей, сгибавшихся подъ ихъ тяжестью, такъ что рѣшительно невозможно было видѣть по лицамъ этихъ людей, послѣднихъ ли денькo-

нокъ стоило имъ пріобрѣтеніе толстыхъ бутылей, или суммъ у нихъ осталось еще настолько, чтобы на праздникахъ пріобрѣсть еще толстѣйшія.

Такъ какъ я не видѣлъ лицъ людей, то кромѣ того, что терялся общій интересъ уличнаго шатанія, я не былъ въ состояніи отвѣтить себѣ на только-что высказанный мною вопросъ, а разрѣшеніемъ этого вопроса я не могу не интересоваться, потому что впечатлѣнія среды, меня родившей, настолько сильны во мнѣ, что я не могъ никогда окончательно забыть ихъ. Въ этой средѣ, помню я, глубоко бывали огорчены, если купленную къ празднику бутыль грѣшнымъ дѣломъ успѣвали распробовать на Страстной еще, а на самый праздникъ не смогали купить другую, и огорченіе это, по моему крайнему разумѣнію, было весьма и весьма натурально, потому что въ такое свободное время, какъ праздничное, чѣмъ же и займетесь, если не будете пить и, находясь въ подпитіи, славословить? Подтверждаю это авторитетомъ знакомаго человѣка.

Въ далекой глуши, на моей родинѣ, живетъ нѣкій маститый старецъ, весьма грамотный однодворецъ. Съ высоты своей жизненной мудрости, онъ отзывается такъ о занятіяхъ, приличныхъ празднику:

— Ежели таперича писаніе читать станешь, спасенія для души малость изъ эвтова выйдетъ, потому на такое время и безъ того черти-то всѣ въ адъ посажены; дѣло какое—грѣхъ дѣлать; разговаривать мнѣ съ вами, съ дураками—не объ чемъ. Что же я таперича дѣлать должонъ?—Должонъ, слѣдственно, я выпивать для тово, чтобы сердце у меня празднику радовалось и въ веселіи

славословило. Вѣрно ли я говорю? обращался онъ къ поучаемымъ.

— Это точно, Митрій Захарычъ, съ глубокимъ вздохомъ, до самой ясной очевидности доказывавшимъ общее умиленіе сердецъ, отвѣчали поучаемые.

Конечно, у Митрія Захарыча, знаю я, была всегда возможность раздавить одну бутыль и тотчасъ же послать за другою. Веселье сердца у него, слѣдовательно, постоянно поддерживалось и славословіе не прекращалось; но скажите же вы мнѣ на милость, что̀ оставалось дѣлать тому человѣку, который купилъ бутыль на Страстной, долго и тщательно подкрашивалъ ее, настаивалъ разными наборами, замазывалъ ее глухо-на-глухо тѣстомъ, грѣлъ въ вольномъ духу и вдругъ, по искушенію, всю бутыль употребилъ еще до праздника? Спрашиваю я весь крещеный міръ, что̀ оставалось дѣлать такому человѣку, когда онъ при всѣхъ стараніяхъ, при всѣхъ подходахъ къ друзьямъ и знакомымъ, рѣшительно не могъ добыть другой бутыли?..

Такой пассажъ, не знаю какъ на кого, а на меня бы подѣйствовалъ гибельнымъ образомъ: сначала я принялся бы тосковать, ругаться, пробовалъ бы заложить нѣчто изъ зимней одежды; но такъ какъ ростовщики, цѣлуясь въ это время съ своими бутылями, дѣла не дѣлаютъ, то я, право, поднялъ бы на себя руки, потому что тутъ у меня были бы два разсчета и оба одинаково вѣрные: одинъ тотъ, что двухъ смертей не будетъ, одной же не миновать, а другой: если ужь умирать, такъ о Святой, потому что, по отечественной легендѣ, всѣ умершіе въ это время въ рай попадаютъ...

Я не простилъ бы себѣ такую шутку, еслибы не имѣлъ основанія шутить такимъ образомъ. Она была бы зла и неумѣстна, еслибы въ самомъ дѣлѣ не видалъ я, что въ праздники особенно бурливо ревутъ и волнуются волны водочнаго моря, еслибы въ самомъ дѣлѣ не зналъ я, какъ море это безнаказанно пожираетъ столько народа, котораго никто не научилъ еще, что праздничныя удовольствія вытекаютъ совсѣмъ не изъ этого гибельнаго моря, текущаго развратомъ и смертью.

Но, говоря безъ лиризма, общій результатъ впечатлѣній, навѣянныхъ на меня Страстною недѣлею, былъ тотъ, что въ субботу, вечеромъ уже, я отправился въ откупную контору и пріобрѣлъ тамъ полведерную бутыль. Такимъ образомъ, какъ видите, начавши за здравіе, я свелъ за упокой, ибо, рекомендуя себя вниманію публики, я, Jean de Sizoy, по чести долженъ сказать, что я вовсе не такой человѣкъ, который бы долгое время могъ противостоять господствующимъ нравамъ. Подтрунивая надъ господами, которые подкрашивали и подцвѣчивали свои бутыли, я оказался больше ихъ достойнымъ всякаго сожалѣнія, потому что у меня не осталось времени ни подкрасить водку, ни процѣдить ее, а тѣмъ паче настоять и нагрѣть. Слѣдовательно я долженъ былъ употреблять ее именно такою, какою она вышла изъ рукъ матери-природы, т. е. отца-откупщика. Изъ такого оборота дѣла, пожалуй, кто-нибудь выведетъ то правоученіе, что надо быть снисходительнымъ къ слабостямъ ближнихъ. У меня же на этотъ счетъ довольно давно выведено такое правило: трудно человѣку

удержаться отъ выпивки тогда, когда выпиваетъ все, что́ около него существуетъ и движется...

Sapienti sat! Онъ, т. е. sapiens, непремѣнно изъ всего мною сказаннаго выведетъ то заключеніе, которое выведетъ; я же иду дальше, если только я не лишился способности идти дальше, потому что, понимается, полведерная бутыль свое дѣло сдѣлала...

...Почти полночь. Въ комнатахъ *снебилью* тишь. Всѣ разошлись по заутренямъ. Всегда темный корридоръ нашъ слабо освѣщенъ чуть-чуть мерцающей гдѣ-то въ углѣ лампадкой. Кто настолько ведетъ одинокую жизнь, что и въ эту ночь сидитъ одинъ дома, тому мало сказать скучно, потому что того смертнаго томленія, того, съ каждой минутой болѣе и болѣе гнетущаго, изныванія души, которое неминуемо объемлетъ одинокаго человѣка, нельзя обозначить этимъ словомъ.

Мнѣ въ эту минуту скучно именно такъ, какъ сказалъ я, потому что я сижу одинъ. Мнѣ вспоминается мое прошлое, когда я не былъ одинъ. Сельская церковь, думаю я, иллюминована теперь общими стараніями прихода; на улицахъ веселая, дѣтски-радующаяся жизнь. Предъ образами ярко горятъ свѣчи прихожанъ; еще ярче блестятъ имъ въ глаза парчевыя ризы священниковъ. Мой десятилѣтній дискантъ валдайскимъ колокольчикомъ звенитъ съ клироса, заглушая доморощенный хоръ.

Ба! что это такое необыкновенно теплое вдругъ охва-

тило всю грудь мою, залило сердце и волной хлынуло въ глаза? Я давно не испытывалъ такого ощущенія. Во время оно за нимъ слѣдовали слезы. Но, увы, нѣтъ теперь слезъ, какъ нѣтъ людей, съ которыми я былъ не одинъ!

Одинъ! Что такое одинъ? А вотъ что: въ комнатахъ снебилью я задолжалъ теперь сорокъ рублей восемнадцать копѣекъ. Отопру я сейчасъ же вотъ этотъ столъ, возьму изъ него свои документы и сейчасъ же уйду изъ квартиры, отряхнувши прахъ съ сапоговъ моихъ. Пойду направо—никого не встрѣчу, кто бы сказалъ мнѣ: приходи поскорѣе; пойду налѣво—тоже... И такъ до гроба!..

Тяжесть ночной думы объ одиночествѣ можетъ быть впрочемъ значительно облегчена скрежетаніемъ зубовъ, не театральнымъ, а настоящимъ царапаньемъ своими ногтями своей груди, а главное—стараніемъ увѣрить себя, что нѣтъ худа безъ добра...

«Безпомощное положеніе бѣднаго, одинокаго человѣка вызываетъ у него энергію, которая, еслибъ онъ былъ обезпеченъ, могла бы, пожалуй, совсѣмъ не проявиться», слышалъ я недавно.

«Это очень хорошо-съ!.. «Съ» прибавляю я здѣсь съ тою именно цѣлью, чтобы какъ можно учтивѣе похвалить это правило.

«Когда говоришь съ какимъ-нибудь бариномъ, вразумляла меня покойница-мать (а правило слышалъ я отъ одного очень состоятельнаго барина),—говори всегда: слушаю-съ, сударь-съ! Такъ съ господами говорить, милый ты мой, политика требуетъ. Перенимай, что тебѣ хорошіе люди скажутъ, а мы съ отцомъ послѣднія

жилы изъ себя вытянемъ, да учиться тебя отдадимъ. Ты тогда у насъ самъ бариномъ будешь».

Бѣдная! Ученье мое действительно порвало у васъ съ отцомъ послѣднія жилы, хотя я и не знаю, чему я выучился, точно также какъ не знаю того, кто теперь, послѣ смерти отца, будетъ пахать ту наслѣдственную полосу, которую я долженъ былъ пахать послѣ него.

Какія однакожь странныя думы иногда забираются въ голову, какъ нежданно и повидимому непослѣдовательно вызываютъ онѣ одна другую! Наслѣдственная полоса! Наслѣдственный садъ!... Снѣгъ на моей полосѣ растаялъ теперь, весенній разливъ досыта напиталъ ея землю; ждетъ она теперь, чтобы теплое солнце весеннее согрѣло ее, назябшую зимними холодами,—ждетъ, чтобы пріѣхалъ пахарь-хозяинъ и бросилъ сѣмена въ ея теплыя нѣдра. Говорю: ждетъ еще всего этого моя полоса, потому что въ настоящую минуту такъ же пусто, такъ же грустно и молчаливо на ней, какъ вотъ въ этой комнатѣ. А садъ?... Ранняя нынче весна, и надо полагать, что дорожки его просохли уже; но вѣрно и то, что тихо и пусто теперь въ немъ, какъ тихо и пусто на полосѣ. Какъ, я думаю, испугались и забѣгали зайцы, пріютившіеся въ немъ на зиму, когда увидѣли, какъ на сельской колокольнѣ запылало зарево праздничнаго освѣщенія! Я какъ будто слышу даже, какъ шуршатъ они въ непроходимомъ вишнякѣ, стараясь укрыться въ его разрѣженной морозами чащѣ. И думается мнѣ, что и садъ, запущенный вслѣдствіе моего ученья разнымъ наукамъ, ждетъ теперь, когда кончится обѣдня и взойдетъ свѣтлое, праздничное солнце. Не пусто будетъ

тогда въ немъ, потому что выбѣгутъ въ него въ это время рѣзвыя дѣти, такія же красивыя и цвѣтущія, какъ были, припоминаю я, красивы и цвѣтущи молодые вязы, что̀ росли въ четырехъ углахъ нашего сада.

Вотъ передо мной и вязы, подъ тѣнью которыхъ я, мои братья и сестры игрывали когда-то. Такъ, это именно стоятъ теперь передо мною стройные стволы деревьевъ, которыя росли вмѣстѣ со мною; это ихъ зеленые листья, что̀ бывало вѣчно шепчутся межь собой и заставляютъ задумываться. А вотъ за чертой, которую дѣлали вязы, и родное село. Я живо вижу его тихую улицу. Черезъ пятнадцать лѣтъ я не забылъ ни одной лачужки.

Прошлое, прошлое мое! Картины твои все тѣ же, какими онѣ были когда-то. Гдѣ же люди, которые ихъ оживляли? Вѣдь безъ людей онѣ мертвы.

— Умерли люди, умерли! говоришь ты мнѣ, старина.

— Всѣ умерли?

— Всѣ.

— Хорошо-съ! Это очень хорошо-съ! А полоса моя, а садъ мой, вязы, село — все это живо еще, все это, разсчитываю, не измѣнилось?

— Разсчитывай! Все это не измѣнилось, все это живо.

— Спасибо, старина, спасибо.

Громъ кремлевскихъ пушекъ прокатился въ этотъ моментъ по московскимъ улицамъ. Но думы мои, испугавшись этого грома, не вдругъ отлетѣли отъ меня. Я осмотрѣлся. Передо мной за столомъ сидѣлъ мой со-

сѣдъ по комнатамъ снебилью, выгнанный изъ службы,—талантливая натура. Полведерная, не подкрашенная бутыль нагло возвышалась на столѣ, уменьшенная впрочемъ болѣе нежели на четверть.

Я бросился къ открытому окну. Въ глаза мнѣ наказывающею молніей блеснула иллюминація Ивана Великаго, въ лицо пахнулъ холодный вѣтеръ ночной. Сотни колоколовъ таинственно говорили съ сурово-молчавшею ночью о воскресеніи Вѣчнаго Свѣта, разгоняющемъ всякій мракъ... Въ тысячѣ мѣстъ тысячью громовыхъ голосовъ раздавалось громовое пушечное эхо.

— Съ прра-а-здникомъ! бормоталъ мнѣ полусонный и совершенно пьяный сосѣдъ.—Фыпьемъ, лю-бе-е-зный др-ругъ!

Я не могъ отвѣчать ему, потому что языкъ мой не слушался меня. Мою душу и голову жегъ огонь сознанія, что въ эту ночь я гнусно наругался надъ святыми заповѣдями отца и матери.

Стали они передъ глазами моими, эти простые, столько любившіе, столько страдавшіе люди; головы свои сѣдыя склонили къ чахлымъ грудямъ и плачутъ..... Молча плакали они, но мнѣ понятно было, что они хотѣли сказать мнѣ: «Обманулъ, ты насъ, Ваня! Обманувши, въ гробъ силою вколотилъ», слышалось мнѣ въ мертвенно-унылой тиши комнатъ *снебилью*...

МОСКОВСКІЯ

„КОМНАТЫ СНЕБИЛЬЮ".

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Растрепанно и сумрачно какъ-то высматриваютъ на Божій свѣтъ дома, въ которыхъ есть эти, такъ-называемыя, *комнаты снебилью*. Лучшіе дни молодыхъ годовъ моихъ безвозвратно прожиты мною въ этихъ тайныхъ вертепахъ, гдѣ пріучается, какъ можетъ, пугливая бѣдность.

Безконечно-длинною вереницей возникаютъ въ головѣ моей воспоминанія о разныхъ рѣшительно-неестественныхъ столкновеніяхъ съ совершенно невѣроятными характерами, когда я случайно увижу на воротахъ какого-нибудь высокаго дома билетъ съ уродливой надписью: *сдѣсъ одаюца комнаты снебилью.*

Какимъ-то странно-болѣзненнымъ чувствомъ прохватывается все существо мое, когда я увижу, какъ бьется и трепещетъ на вѣтрѣ лоскутъ сѣрой, грязной бумаги, нелѣпо примазанный къ воротному столбу мякишемъ чер-

наго хлѣба, потому что передъ глазами моими вытягивается тогда несчастная шеренга бездомовныхъ людей, которые самою судьбою, кажется, осуждены на вѣчное скитанье по этимъ *комнатамъ снебилью*, рекомендуемымъ сѣрымъ лоскутомъ.

И при видѣ бѣдныхъ людей этихъ—сотоварищей печальнаго пути моего по бурному, если не смѣшно такъ выразиться, морю житейскому, живѣе чувствуется мнѣ мое прошлое горе, глубже западаютъ въ душу настоящія невзгоды и нужды, потому что грустно размышляю я въ это время о безконечномъ рядѣ справедливыхъ жизненныхъ драмъ, обыкновенно разыгрывающихся въ этихъ комнатахъ на страшную тэму о погибели молодой, энергичной жизни, разбитой нуждою желѣзною.

«Братъ мой!» слышится мнѣ мягкій голосъ рѣдко когда уже вспоминаемаго юноши, съ которымъ, въ пылу молодыхъ мечтаній о великомъ и добромъ трудѣ жизненномъ, побратались мы на жизнь и на смерть,—«и въ этой радости, чтобы былъ ты при смерти моей, мнѣ отказалъ Богъ!»

Страшной, томительною мукой наполняютъ душу мою слова эти, потому что, на великое несчастье мое, такъ ясно, такъ осязательно представляется мнѣ въ это время прекрасная жизнь въ тяжкой борьбѣ съ мучительной смертью,—и не могу я тогда дать себѣ отчета въ томъ, для чего существовала эта жизнь, зачѣмъ она, жаждавшая счастья и дѣятельности, такъ долго и такъ тяжко страдала, и наконецъ зачѣмъ она, не выдержавши этихъ страданій, такъ видимо-незаконно умираетъ теперь въ глазахъ моихъ, не примиренная съ грубостью жизни ни

однимъ словомъ утѣшенія, ни малѣйшимъ признакомъ участія людского?...

И другой образъ, граціозный и свѣтлый, возстаетъ предо мной. Какъ и въ прежнее счастливое время, безпечальный и наивный, шутливо лепечетъ онъ мнѣ о вѣчной разлукѣ съ дорогимъ человѣкомъ.

«Ахъ, сосѣдъ! говоритъ мнѣ милый голосъ.—Какъ онъ умиралъ страшно, сказать не могу. Вѣдь знаете вы, какой онъ всегда смирный былъ, да веселый; а тутъ... ахъ! вспомнить ужасно: зеленый, зеленый весь сдѣлался, ровно трава вешняя, и какъ же бранился онъ страшно, зубами какъ скрежеталъ!.... Одна я только усмирять его немного могла. Положу, бывало, руку къ нему на лобъ и смотрю на него,—онъ какъ будто и покойнѣе станетъ. Вижу я такъ-то, что ужъ немного ему жить остается, и говорю: «Ты бы, говорю, роднымъ что-нибудь написалъ». — «Да, точно! говоритъ, написать нужно. Напиши, говоритъ, ты повѣстку такую общую и роднымъ, и знакомымъ моимъ, что, дескать, родственникъ вашъ, или пріятель такой-то (знаешь, говоритъ, какъ на балъ приглашаютъ), умирая, изъявляетъ свое крайнее сожалѣніе, что не можетъ онъ вамъ на прощаньи всѣмъ въ глаза плюнуть!... Покорнѣйше проси ихъ извинить меня на этотъ разъ: силъ, скажи, не было»... Долго онъ тутъ смѣялся, отвернувшись и отъ меня къ стѣнѣ; съ тѣмъ и умеръ. А за нимъ и меня отнесли. Не могла я жить безъ него,—тоска страшная очень мнѣ грудь надсадила. Вотъ и платье, въ которомъ меня схоронили. Прелесть, что за-платье такое! Бѣлое-бѣлое, какъ «кипень», съ улыбкой лепечетъ дѣ-

вушка, употребляя слово своей далекой родины. «Жаль, не было васъ: голову мнѣ въ это время убрали цвѣтами, и подушку, и гробъ—все завалили цвѣтами (недороги цвѣты были тогда,—весной я умирала), и несли меня всѣ наши дѣвушки. Вы ихъ всѣхъ знаете: тѣ, съ которыми я на одно мѣсто работала,—онѣ всѣ при васъ бывали у меня. Ахъ, помните вы, какъ намъ весело было! Хозяйка-то насъ распугивала какъ, помните? «Деньги», говоритъ, «подавайте: первое число подошло». Не могу безъ смѣха вспомнить этой хозяйки: совсѣмъ у ней «мужчинская» борода была и голосъ толстый такой. Я всегда думала, что она меня съѣстъ, когда, бывало, не достанешь ей денегъ къ первому числу. Ну, прощай, сосѣдъ! Я улечу сейчасъ; я летаю нынѣ—вотъ посмотрите».

И дѣйствительно, словно бѣлый голубь, то взвивалась она въ далекое поднебесье, то снова спускалась ко мнѣ, порхая передъ глазами моими какою-то невиданною птицей и чаруя меня своей милой улыбкой, съ которою она показывала мнѣ недавно пріобрѣтенное умѣнье летать.

— Што, тѣ комлу што-ль надыть? рычитъ недавно пріѣхавшій изъ самаго степнаго села дворникъ, злой отъ вчерашняго похмѣлья, суровый и всклокоченный по природѣ.—Въ четверто крыльцо на третій этажъ по колидору ступай, тамъ тѣ комла и будетъ.

Испугался милый призракъ суроваго голоса и улетѣлъ на небо, а мрачный домъ, по-прежнему, мрачно и неустанно смотритъ на улицу своими безчисленными окнами, сторожитъ, должно-быть, чтобы не вылетѣли

несчастныя птицы, за-живо погребенныя въ его душныхъ клѣткахъ; и грязный билетъ тоже, по-прежнему, бьется и трепещетъ на вѣтрѣ своими двумя отклеившимися углами, останавливая на себѣ вниманіе проходящихъ.

— Ты тамъ Татьяну-съемщицу спроси! продолжаетъ дворникъ,—такъ, т. е. Татьяну, и спрашивай: «гдѣ, молъ, тутотка Татьяна живетъ?» А какъ, примѣромъ, Татьяна тебѣ скажется, ты и скажи ей: «гдѣ, молъ, у тебя комла тутъ порожняя есть? Дворникъ, молъ, къ тебѣ спосылалъ меня.

Обыкновенно я не пользуюсь въ это время указаніями дворника. Я иду дальше отъ него и отъ дома, потому что оба они тогда кажутся мнѣ въ одинаковой степени деревянными.

— Ишь ты попёръ какъ! рычитъ дворникъ.—Безпремѣнно сдуть что-нибудь наровилъ. Што это за-шельма народъ въ Москвѣ, братцы мои! Такъ, т. е., и норовитъ къ тебѣ съ сапогами совсѣмъ въ ротъ залѣзть!..

II.

СЪЕМЩИЦЫ.

Самый рельефный и красивый орнаментъ *комнатъ снебилью*—это Татьяны, съемщицы комнатъ, главныя жизненныя цѣли которыхъ, по преимуществу, заключаются въ томъ, чтобы вынудить себѣ отъ своихъ жильцовъ и отъ приходящихъ къ нимъ гостей почетный титулъ мадамы,—и Лукерьи—лица, неизбѣжно кухарствующія въ комнатахъ. Эти два божка обладаютъ почти одина-

ковою силой, дающей имъ всѣ возможности или разбивать наказательнымъ громомъ и сожигающею молніей тѣ несчастныя существа, которыя отдались ихъ командѣ, или обливать ихъ горемычныя головы до безконечной пошлости надоѣдающимъ дождемъ своихъ безобразныхъ благодѣяній, судя потому, насколько несчастныя существа, командуемыя ими, надѣлены благодѣтельной природой способностями пріобрѣтать себѣ благорасположеніе, или обратное чувство со стороны Татьянъ и Лукерій.

Оба эти, въ высокой степени интересные, субъекты одинаково подарены Москвѣ и вообще всѣмъ большимъ городамъ тульскими, коломенскими и, большею частію, ярославскими подгородными слободами. Такъ, молодой ли солдаткѣ придется невтерпежъ отъ нападковъ мужниной семьи, или когда, такъ называемая, ухорь-баба наскучитъ носить красные платки отъ своихъ деревенскихъ ребятъ,—сейчасъ же онѣ раннимъ утромъ соберутъ свои пожитки въ одинъ большой холстинный мѣшокъ, взваливъ его на крѣпкія плечи, и, много не разговаривая, отправляются въ столицу искать, между новыми людьми, новыхъ работъ и счастья.

При началѣ своей карьеры, начинающейся обыкновенно съ кухарки у какого-нибудь купца третьей руки, баба неизбѣжно дурѣетъ при видѣ этой всегдашней суетни столичной жизни, которая, даже и въ самыхъ тихихъ своихъ омутахъ, всегда слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, дотолѣ исключительно смотрѣвшіе на однѣ зеленыя деревья и травы, такъ густо опушающія тихія деревенскія улицы. Долгое время, съ крайне-безцѣльно, но вмѣстѣ съ тѣмъ напряженно-выпучен-

ными глазами, всматривается баба въ непривычныя жизненныя явленія той области, въ которую занесла ее ея лошадиная судьба, и не мало, по ея словамъ, «издивляется» этимъ явленіямъ. Долго она, какъ дубокъ, пересаженный съ одной почвы на другую, гнется во всѣ стороны, поставленная въ необходимость болѣть отъ той такъ жирно намасленной каши, которою купеческіе дома имѣютъ необузданность начинять свою прислугу. Напустившись съ азартомъ голоднаго сельскаго человѣка на эту національную сласть, поджаристость которой такъ ясно налощена обильными поливаніями хозяйскаго масла, баба тѣмъ «скуснѣе» слизываетъ съ ложки горы лакомаго снадобья, что за обѣдомъ, вмѣсто угрюмыхъ, изработавшихся лицъ своихъ семейскихъ мужиковъ, она видитъ разухабистыхъ Захаровъ въ красныхъ рубахахъ, съ блестящими серьгами въ лѣвыхъ ушахъ,—веселыхъ Захаровъ, непремѣнно довольныхъ и собою и хозяйскою кашей, съ глазами лукаво прищуренными на новую стряпуху, съ бойкой, вырывающей изъ компаніи волны хохота, поговоркой:

«Лей кубышка, поливай кубышка!
Не жалѣй хозяйскаго добришка!»

выкрикиваетъ удалой Захаръ, любезно знакомясь съ новою сосѣдкой посредствомъ ошарашиванія ее въ бокъ локтемъ.

— Что, спрашиваетъ онъ ее при этомъ знаменательномъ поталкиваніи,—пріуныла? Аль бы насъ молодцевъ, не взлюбила? Аль хозяйское добро въ ротъ нейдетъ?

Свыкнется, слюбится, стерпится, — на веселье печаль наша смѣнится. Будемъ мы съ тобой жить-поживать, добра наживать да въ кабакѣ его на сладкомъ винцѣ пропивать. А ты молодецкую рѣчь слушать-то слушай, а сама не зѣвай: видишь, каша-то вся ужь!..

— Будетъ тебѣ, чортъ, шутки-то шутить! говорятъ Захару сосѣди.—Напугаешь ты бабу-то ими. Видишь, не привыкла еще къ нашимъ порядкамъ.

Осмотрѣвшись, Татьяна дѣйствительно видитъ, что каша уже вся въ самомъ дѣлѣ, но ее нисколько не печалитъ это обстоятельство. Ее до того ошеломили жирные щи и жирнѣйшая солонина, съ слабымъ подобіемъ которой она во все продолженіе своей сельской жизни знакомилась только по Рождествамъ да по Святымъ, что Татьяна едва настолько можетъ работать своей побѣдною головой, чтобы хоть немного удивиться складнымъ разговорамъ шутливаго сосѣда. Неудержно клонитъ ее къ сладкому сну, въ первый разъ попробованная, купецкая трапеза,—лупитъ баба свои большіе сѣрые глаза, стараясь не показаться соней, лупитъ и ничего не видитъ, прислушивается ко всему самымъ внимательнымъ манеромъ и ничего не слышитъ.

— Что ты, словно идолъ какой, изъ стороны въ сторону мечешься, а настоящаго дѣла не дѣлаешь, дура ты эдакая деревенская, неповитая! кричитъ на нее грозный хозяйскій голосъ.—Ну, куда тебя черти несутъ? Я тебѣ велѣлъ самоваръ ставить, а тебя шуты-то на погребицу поволокли.

«О, Господи! потихоньку творитъ молитву сельская дура въ своемъ сонномъ бодрствованіи.—Ничего-то я,

грѣшная, не слышу. Вотъ они враги-то гдѣ сильные! Не то, что по селамъ...»

Наконецъ, оставшійся отъ хозяевъ чай прогоняетъ сонъ кухарки вмѣстѣ съ ея тревожными мыслями. Только въ окнѣ неустанно жужжащія мухи чуть-чуть замѣтно нарушаютъ ту несмущаемую тишину, которая обыкновенно царствуетъ по купеческимъ кухнямъ въ послѣобѣденное время. Захары всѣ до одного человѣка разошлись, какъ они говорятъ, по своимъ обязанностямъ, а хозяйское семейство непробудно спитъ въ прохладныхъ хоромахъ.

«Ничего въ городѣ жизнь-то!» думаетъ про себя Татьяна, свободно припоминая въ этой тишинѣ, что если первый день ея службы принесъ ей нѣкоторое огорченіе, за то онъ принесъ ей и наслажденія, которыхъ она никогда не испытывала въ своей убогой, сельской жизни.

Вертитъ баба передъ жадными глазами кусокъ сахару и, любуясь имъ, съ великимъ удовольствіемъ прощаетъ городскому дню искушенія и нападки, которыми на первый разъ онъ такъ смутилъ простую сельскую душу.

«Запужалась я давича некстати съ непривычки-то! развиваетъ Татьяна свою безмолвную думу.—Въ этомъ раю не жить, такъ гдѣ же и жить?» И послѣ этого вопроса живо вспоминается ей и завтракъ изъ пшенной каши, вареной на молокѣ, въ которомъ плавало коровье масло за первый сортъ, и жирный обѣдъ съ ухорскими приговорками Захара, и настоящій чай. «Бывало, поглядишь только на сахаръ-то, какъ онъ, ровно ранній

снѣгъ, бѣлѣлся въ рукахъ у поповенъ да у дворовыхъ, когда они чай пьютъ; а теперича на-ка-сь! Въ-очью у меня сахаръ-то. Захочу—сейчасъ весь кусокъ сгрызу, а захочу—по-немпожечку сосать буду. Что это за сласть такую придумалъ народъ! Толкуютъ по деревнямъ: изъ нѣмецкой земли его возятъ; тамъ его, говорятъ, изъ собачьихъ костей дѣлаютъ. Ну, да ничего. Пущай себѣ изъ собачьихъ,—окромя какъ одной сласти никакихъ въ немъ костей я не вижу. Полагать надо, врутъ все это, потому народъ по деревнямъ знамо какой — глупый народъ!...»

Блаженствуя и посмѣиваясь тихомолкомъ, дѣлала Татьяна этотъ первый шагъ на поприщѣ забвенія своей прежней, горемычной жизни, который обыкновенно, также не задумавшись, дѣлаетъ всякій сельскій человѣкъ, когда хоть чуть-чуть смѣкнетъ, что и на его, до извѣстнаго случая тощее, тѣло напластываются наслоенія жира, и когда почувствуетъ, что и въ далекомъ будущемъ ему предстоитъ полная возможность справлять праздники неуклоннымъ зажариваніемъ жирныхъ кулебякъ и задираніемъ вверхъ носа, одуренно занюхивающагося въ такія времена аромата, который бьетъ отъ новаго китайчатаго кафтана на плечахъ счастливца и отъ его скрипучихъ, смазанныхъ чистымъ смоленскимъ дегтемъ, сапоговъ...

И дальше идетъ Татьянина дума, въ первый разъ, можетъ-быть, не сдерживаемая ни семейскимъ, ни своимъ убожествомъ:

«Коего шута, прости Господи мою душу грѣшную, давно оттелева я не бѣжала? спрашивала баба съ силь-

нымъ ожесточеніемъ на свою недогадливость.—Есть тутъ кому побранить тебя, за то, по крайности, ты знаешь: не мужикъ тебя сѣрый лаетъ, а хозяинъ-купецъ уму-разуму учитъ. Душа, по крайности, за хлѣбомъ-солью у добрыхъ людей отдохнетъ».

Такимъ образомъ кусокъ сахару изгоняетъ изъ памяти неблагодарной Татьяны ея голодную, сельскую родину. Съ неутомимымъ азартомъ въ первый разъ обласканнаго, хотя и безъ намѣренія, русскаго человѣка во весь остальной вечеръ отворачиваетъ она тяжелую хозяйскую службу, стараясь отблагодарить за эту ласку.

Послѣ ужина хозяинъ спросилъ свою благовѣрную:

— Што, баба-то какова? Есть за что хлѣбомъ кормить?

— Баба, сказываю тебѣ, — золото! Воротитъ все до страсти; пыль столбомъ валитъ, какъ она тутъ дѣвствовала, отвѣтила благовѣрная.

— Ну, этто чудесно! благодушно говоритъ хозяинъ, засыпая.

Татьяна между тѣмъ за кухонною перегородкой свое толковала:

«Наработалась я очинно, говоритъ,—опять же и пища такая, словно въ заговѣнье, такъ и валитъ! Господу Богу-то завтра ужь, видно, и за спанье и за вставанье поутру вразъ помолюсь...»

III.

Тотъ недолгій періодъ времени, въ который Татьяна передѣлывается изъ купеческой кухарки въ съемщицу

комнатъ снебилью, самый блаженный періодъ во всей ея жизни, ибо въ это время она простодушно и благодарно пользуется благами, предоставляемыми ей купеческимъ домомъ, по всегдашней пословицѣ, полнымъ какъ чаша. Не видавъ никогда ничего изящнѣе сооруженнаго на медвѣжій ладъ хозяйскаго дивана подъ красное дерево и гостиной, обитой красно-лапчатыми обоями, росписанной пузастыми амурами, рогами изобилія, лирами и тому подобными штуками,—Татьяна почитаетъ живущихъ въ этомъ домѣ не иначе, какъ за мощныхъ своихъ повелителей, могущихъ съ одного маха срубить ей голову и съ одного маха же опять приставить ее къ плечамъ. Слишкомъ кислую и вяжущую оскомину набила Татьянѣ сельская рѣдька съ сѣрымъ квасомъ, чтобы ей можно было безъ полнаго благоговѣнія садиться за воскресный пшеничный пирогъ, отъ котораго такъ пріятно-щекотливо ударяло въ носъ затомленною въ жаркой печи говядиной съ яйцами, съ рисомъ, съ масломъ, съ лукомъ—этимъ пріобрѣтающимъ, вслѣдствіе печенія, какую-то неимовѣрно-вкусную сладость лучкомъ, который, въ компаніи съ мелко-намелко растолченнымъ перцемъ, составляетъ окончательное украшеніе всякой кулебяки, назначаемой для праздничнаго лакомства вѣрнымъ купецкимъ личардамъ.

Дѣвичья свѣжесть хозяйской дочери, неизобразимо-неуклюжая толщина водовознаго мерена, молчаливая угрюмость *самого* и крикливо-безалаберная доброта *самой*—все это, такъ сказать, съ самаго дна Татьяниной души выволакиваетъ искреннія дани всякаго сор-

та признательностей благодѣтельной судьбѣ за свое счастливое положеніе.

Вѣками и психологіей освященная поговорка, что человѣкъ въ сей жизни, даже находясь на самомъ верху славы и величія, не можетъ быть доволенъ своимъ положеніемъ, сдѣлалась бы крайне несостоятельною въ глазахъ философа, который бы хоть мелькомъ взглянулъ на Татьяну въ этотъ цвѣтущій періодъ ея жизни.

— Што это, Татьянушка, работищи у тебя какая пропасть! удивлялась какая-нибудь ея деревенская знакомая, сидя у ней въ гостяхъ.—Эдакъ ты черезъ силу будешь чугуны-то ворочать,—животы, пожалуй, сразу надорвешь.

— Не работала рази я дома-то? съ сердцемъ спрашивала Татьяна. — Работала, кормилица, по цѣлымъ днямъ окромя заваляще́й крови во рту не бывало, а все работала, ровно лошадь двужильная, неустанная. Здѣсь мнѣ не въ тягость жить, потому кормъ хорошій, компанія веселая. Всѣ къ тебѣ съ добрымъ словомъ, не то чтобы за косы да въ поволочку.

Такимъ образомъ, несмущаемо-довольная своей жирною судьбой, Татьяна съ каждымъ днемъ толстѣетъ все больше и больше на удивленье и похвальбу честному купецкому міру. Красноватое, вѣчно-сморщенное лицо, которое носила Татьяна до поступленія въ кухарки, сдѣлалось теперь мужественно-смуглымъ и довольнымъ, слезливые глаза широко раскрылись, черные зрачки ихъ заблистали какимъ-то лукавствомъ, смѣткой какою-то, говорящей какъ будто: «Ну, братъ, объегорить

меня врядъ ли удастся тебѣ. За этимъ дѣломъ, другъ ты мой сладкій, приходи къ намъ въ четвергъ послѣ дождичка!...»

«Какъ скоро отъѣлась эта Татьяна, братцы мои! толкуютъ про кухарку ея сожители по кухнѣ, Захары.— Выровнялась баба на удивленье,—глядѣть на нее, почитай, нельзя!...»

А Татьяна слушаетъ эти рѣчи и посмѣивается себѣ втихомолку. Посмѣивается всѣмъ этимъ сосѣднимъ кучерамъ и проходящимъ солдатамъ—*Ликсѣй Ликсѣичамъ,* вѣчно показывающимъ съ господскаго крыльца свои нѣмецкіе сюртуки, и простымъ рабочимъ, гармониками и балалайками оживляющимъ праздничное свободное время, хлещетъ въ глаза своимъ ситцевымъ, разводистымъ сарафаномъ. Смотритъ на нее праздничный народъ, какъ она на лавочкѣ у калитки сидитъ, въ пестромъ шерстяномъ платкѣ, въ бѣлой кисейной рубахѣ, отъ которой на бѣлыя руки пышные рукава рѣчною волной упадаютъ,—смотритъ и сквозь зубы съ тяжкимъ вздохомъ цѣдитъ:

— Н-ну! Эдакая баба хоть кого изъ нашего брата на чужой сторонѣ сбережетъ!...

А Татьяна на всѣ эти штуки бровью даже черною не ведетъ.

— Будетъ тебѣ, шарамыжникъ, разговоры-то разговаривать! обыкновенно отвѣчала она какому-нибудь зарубившему праздничную муху лихачу, когда онъ растолковывалъ ей о прелестяхъ, совершающихся по праздникамъ въ полпивной его, будто бы, закадычнаго друга и односельца.—Знаемъ мы, какой онъ тебѣ другъ-то!

Кабы онъ тебѣ другъ былъ, не пустилъ бы тебя безъ сапогъ намедни.

— Дура! презрительно отзывался лихачъ о Татьянѣ, когда она напоминала ему о несчастномъ, хотя и дѣйствительномъ, случаѣ, когда односелецъ-полпивщикъ стянулъ съ него сапоги за нѣкоторыя бутылки, превышавшія праздничный бюджетъ лихача.

Татьяна не оставалась въ долгу у лихача.

— Сволочь! отвѣчала она ему съ насмѣшливымъ презрѣніемъ, и тутъ же тонкимъ, заунывнымъ голосомъ затягивала какую-нибудь пѣсню своей, съ каждымъ днемъ все больше забываемой, родины.

Много мужскихъ и женскихъ ретивыхъ сердецъ, тоже, какъ и Татьяна, отдыхавшихъ на улицѣ святымъ праздничнымъ временемъ, слушая ея мастерскую пѣсню, вспоминаютъ тогда о томъ, какими теперь разноцвѣтными лентами развиваются по родимымъ, оставленнымъ улицамъ знакомые хороводы; на чужой сторонушкѣ въ-явь слышатся имъ родные голоса, предъ глазами медленно хлещутъ, усмиренныя предвечернею тишиной, волны рѣчныя, за ними зеленѣется лѣсъ, а тамъ разстилаются кормилицы-поля,—и вотъ изъ сосѣднихъ домовъ одинъ за однимъ подходитъ народъ къ Татьянѣ, какъ первой пѣсенницѣ квартала.

— Не полегче ли душѣ будетъ, какъ пѣсню другую сыграешь; а то, признаться, такъ сердце для праздника защемило—страсть! Три года вотъ уже домой не соберуся никакъ, толкуютъ Татьянѣ подходящіе сосѣди.

Слово за слово, пѣсня за пѣсней, и невидимо какъ приблизился темный вечеръ, въ который еще грустнѣе

дѣлается отъ этихъ скорбныхъ аховъ и оховъ нашей народной пѣсни. Слушалъ, слушалъ ее съ балкона, вплоть закрытаго плющомъ и маркизами, молодой сосѣдъ, богатый купецъ, и не вытерпѣлъ, чтобы не вскрикнуть:

— Будетъ вамъ, ребята, душу тянуть изъ меня! Валяйте-ка лучше плясовую какую-нибудь; я вамъ сейчасъ водки и пять цѣлковыхъ пришлю.

На долю Татьяны досталось изъ этихъ денегъ *три* двугривенныхъ. И часто такіе случаи выпадали. Деньга валила къ Татьянѣ невидимо; нашила она себѣ цвѣтныхъ сарафановъ, тонкихъ кисейныхъ рубахъ, накупила позолоченныхъ перстней съ свѣтлыми каменными глазками—и непрерывно блаженствуетъ, потому что, хотя и по немаломъ приставаніи, одинъ изъ самыхъ заухабистыхъ, самымъ неотвязнымъ образомъ ухаживавшихъ за ней, Захаровъ наконецъ-таки покорилъ ея долго нечувствительное сердце и съ большимъ парадомъ водилъ ее, что называется, въ дребезги расфуфыренную, въ полпивную по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

— Гдѣ ты ворожбѣ такой научился, что бабу эту лютую къ себѣ присушилъ? спрашивали у счастливца его пріятели-лихачи, истратившіе нѣкогда много пяти алтынныхъ на безплодное угощенье Татьяны пряниками и орѣхами.

— А всей моей ворожбы и было тутъ только, что красота да удаль наша молодецкая! хвастливо отвѣчалъ Захаръ.—Теперь съ этой самой бабой въ жисть мою

не разстанусь. Сказываютъ, отецъ тамъ женить меня на какой-то сельской дурѣ собирается. Только онъ это, надо полагать, затѣваетъ напрасно, потому я теперь всякаго горя ему за это надѣлать могу...

— Былъ такой слухъ и у насъ на фабрикѣ, коварно передаютъ Захару завистливые прiятели про небывалый слухъ.

— И у васъ ужь знаютъ? азартно спрашиваетъ Захаръ.—Значитъ, старый-то тамъ не шутки шутитъ. Только вотъ праздникъ теперь у насъ, братцы, не дастъ мнѣ тотъ праздникъ соврать; а я вамъ, молодцы, говорю, ничего со мной старикъ въ этотъ разъ не подѣлаетъ, потому я въ солдаты—и она за мной... Такъ ли говорю, Татьяна?

— Милый ты мой, золотой ты мой! извѣстно, што горе теперича мы сообча мыкать должны. На то и въ знакомство вошли... тихонько говоритъ Татьяна, стараясь усмирить ласками порывы своего любезнаго, который неоднократно уже порывался разорвать на себѣ красную рубаху, для того, чтобы видѣли и вѣрили люди, что онъ теперь противъ отцова желанья неудержно пойдетъ...

И на этомъ пути, какъ видно, Татьянѣ везло. Сынъ за свою любушку возсталъ противъ своего сердитаго отца, завѣтъ родителей, учившихъ его при отпускѣ изъ дома—противъ женской красоты воевать неуклонно—забылъ, на ея красоту глядючи; а теперь при одномъ слухѣ только, что отецъ подыскиваетъ ему разлучницу, по цѣлымъ днямъ кипитъ и горюетъ своей молодою душой.

Но не даромъ играется въ пѣснѣ, что

«Сладки яства пріѣдаются,
Красны платья скоро носятся».

Раздобрѣла Татьяна до такой степени, что кто бы только ни посмотрѣлъ на нее, непремѣнно говорилъ: «Ну, ужь съ этимъ тѣломъ больше ничего не подѣлаешь. Раскормить его, чтобъ оно было болѣе и толще, никакой пищею невозможно».

Лишь только увидала себя Татьяна въ такомъ положеніи, сейчасъ же тоска на нее напала великая, — и принялась она въ этой тоскѣ ныть и съ хозяевами, какъ говорится, храпѣть, то-есть зубъ-за-зубъ. Ей кто-нибудь слово скажетъ, а она на это слово десять своихъ въ отвѣтъ, да такихъ, что каждое изъ этихъ словъ всякаго человѣка по лбу словно обухомъ ошарашивало.

— Что это какая у насъ Татьяна брехучая сдѣлалась? удивляются промежь себя хозяева. — Прежде, бывало, водой не замутитъ, а теперь слова сказать нельзя. Къ работѣ рукъ не прикладываетъ. «Я, говоритъ, въ крѣпость вамъ еще не продавалась». Ужь не прогнать ли ее.

— Посгоди маленько прогонять-то, вступился *самъ*. — Рази не видишь, баба съ жиру сбѣсилась... Это со многими на моихъ глазахъ бывало; это у насъ въ Расеѣ — словно болѣсть какая по рабочему народу ходитъ. Ты вотъ погоди, я ей маленько жиру-то поспущу: поутюжу ее бездѣлицу, чтобы не заѣдалась. Ежели съ этого не

пройдетъ, тогда гони, потому самый она тогда пропащій человѣкъ выдетъ...

А Татьяна между тѣмъ свое разговариваетъ:

— Что это,—говоритъ,—Господи, долю Ты мнѣ какую послалъ горемычную? Весь вѣкъ свой все я изъ-за чужихъ рукъ выглядываю. Ни тебѣ куска въ ротъ по своей волѣ нельзя положить, ни спокою никогда, какъ у добрыхъ людей, не бываетъ!...

А тутъ эти разныя странницы и салопницы, ожидающія въ кухнѣ хозяйскаго подаянія, еще пуще разжигаютъ горюющую бабу.

— А ты, жалостливо толкуютъ онѣ Татьянѣ, — смирись. Хошь и трудно тебѣ съ сердцемъ своимъ совладѣть, а все же смирись, потому Господь Богъ все видитъ.

— Милая ты моя! вскрикиваетъ кухарка, ободренная этою поблажкой, — стараюсь вѣдь я всячески для нихъ,—ничего не подѣлаешь! Все пуще меня злость разбираетъ, глядючи на ихъ безурядье; а вѣдь они тоже носы-то вонъ куда задираютъ, словно господа какіе! «Мы, говорятъ, купцы. Грубить будешь, фартальному подарокъ пошлемъ, онъ тебя въ полиціи отдеретъ...» Вѣдь вонъ они черти какіе!

— Охъ, жалость меня на тебя разбираетъ, Татьянушка! Сдѣлай-ка ты по моему совѣту: на-ка тебѣ вотъ эту самую травку и положи ты ее, мать моя, подъ изголовье къ *самой*,—авось, можетъ, перестанетъ она на тебя лютовать. *Самъ*-отъ—ничего, все молчитъ; а она—охъ, какая подхалимая бабенка, опять же и злющая! Третьево-дня сижу у ней, а она мнѣ и говоритъ: «что мнѣ

только съ этой змѣищей-Танькой дѣлать, ума не приложу!...»

Но всѣхъ больше поджигала Татьяну одна московская солдатка, давнишняя содержательница *комнатъ снебилью*. Поршедшая огонь и воду и кромѣ того всѣ тридцать четыре мытарства, бабенка эта познакомилась съ Татьяной слѣдующимъ курьезнымъ образомъ. Разъ какъ-то несчастная коммерсантка, проюрдонивши деньжонки, полученныя впередъ отъ жильцовъ, шаталась по рынку съ кулькомъ и съ хлѣбными крошками въ карманѣ, вмѣсто денегъ. Притыкалась она то къ одному, то къ другому мяснику, пробовала то одного, то другого лавочника веселою шуткой взять, только время подходило уже къ обѣду, а коммерсантка кромѣ какъ, по ея словамъ, одного невѣжества ничего къ обѣду пріобрѣсть отъ торговыхъ людей не могла.

Тяжелая мысль быть пробранной за неприготовленіе обѣда голодными жильцами, а паче того отставнымъ поручикомъ Бжебжицкимъ—сорви головой, поселившимся съ бою въ лучшей комнатѣ, засѣла въ мозгъ бабы и мучительно сверлитъ его.

«Рази не убечь ли мнѣ на нынѣшній день куда-нибудь? думаетъ пугливая баба. —Завтра, можетъ, достану гдѣ-нибудь деньжонокъ, такъ пироговъ имъ напеку, а барину-то окромя еще полуштофъ поставлю,—вотъ онъ и смилуется».

А Татьяна между тѣмъ пылала въ это время желаніемъ знакомства съ какой-нибудь благородною женщиной, приказницей что ли какою, которая бы ходила въ чепцѣ и въ нѣмецкомъ платьѣ. Коммерсантка въ этомъ

случаѣ какъ разъ удовлетворяла своей особой аристократическимъ Татьянинымъ стремленіямъ. Плюгавая и сморщенная по физической природѣ своей, она тѣмъ не менѣе всегда съ особою бойкостью юлила около людей, которыхъ судьба посылала ей въ кормильцы и поильцы. Шикъ, съ которымъ она донашивала старыя платья и чепцы, какими снабжали ее различныя вѣтреныя, но великодушныя Лизетты, постоянно, во время какой-нибудь невзгоды, наполнявшія ея комнаты снебилью, былъ неподражаемъ. Этотъ шикъ свойственъ только тѣмъ немногимъ бѣднымъ созданіямъ обоего пола, которыхъ судьба взяла, какъ объ этомъ говорится, отъ сохи на время и поселила въ столицѣ. Поселила она ихъ въ столицѣ и щедро разсыпала предъ ихъ деревенскими и, слѣдовательно, простоватыми глазами всю изящную роскошь цивилизованнаго города,—и вотъ смотритъ-смотритъ на эту роскошь какой-нибудь красивый русскій парень, толкнутый барскою рукой въ слесаря, и вдругъ ни съ того, ни съ сего пропиваетъ свою праздничную поддевку, сшитую дома, и покупаетъ на толкучкѣ какое-нибудь жалкое подобіе сюртука и говоритъ про себя, любовно оглядываясь въ тусклое зеркало вонючей харчевни:

«Вотъ когда мы зафраптили-то!... Сейчасъ умереть, на деревнѣ меня бы теперь ни единая душа не узнала, потому, какъ есть, нѣмцемъ сталъ!..»

Трудно вообразить себѣ что-нибудь жалче такого молодца, когда онъ въ какой-нибудь праздникъ идетъ въ своемъ новокупленномъ нарядѣ съ таліей большею частію болтающейся по пяткамъ, въ русскихъ сапогахъ

съ длинными голенищами, за которыя заткнуты оборваннѣйшіе штанишки. Суконный замасляный жилетъ съ пуговицами въ два ряда, съ бортами, лежащими на груди въ видѣ какихъ-то собачьихъ ушей, и красный ситцевый галстукъ, обверченный на шеѣ раза три, окончательно довершаютъ сходство новорожденнаго нѣмца съ коровой въ сѣдлѣ. А если нѣмецъ къ этому прибавитъ еще извалявшуюся шляпенку, а по жилету развѣситъ толстую бронзовую цѣпочку отъ томпаковой луковицы, тогда, по-истинѣ, чудеса всего міра не представятъ вамъ ничего комичнѣе этого зрѣлища.

Почти одинаковыя комедіи разыгрываются и бабами, кухарствующими въ столицахъ. Ихъ коленкоровые чепцы съ густыми фалбарами, ихъ собственноручно устроенные кринолины приводятъ въ несказанный ужасъ даже тѣ сердца, которыя самымъ кавалерскимъ образомъ относятся къ человѣческому роду.

«Господи! восклицаетъ даже и такое сердце при взглядѣ на сельскую бабу въ праздничномъ нѣмецкомъ платьѣ.—Зришь же ты, Боже, неуклюжесть эту слоновую и не метёшь ее съ прекраснаго лица земли!...»

Ощущая въ себѣ неодолимое желаніе уважать такіе чепцы и такіе кринолины, Татьяна долгое время искала себѣ женщину, которая бы могла ей перестроить ея сарафаны на платья, помогла соорудить кринолинъ и сшить чепецъ. Въ этихъ видахъ, она, встрѣчаясь съ коммерсанткой на рынкѣ, всегда привѣтствовала ее низкимъ поклономъ и пожеланіемъ добраго утра. Но коммерсантка долгое время не отдавала должнаго вниманія этимъ поклонамъ и пожеланіямъ, ибо связывать-

ся со всякою деревенскою швалью было рѣшительно внѣ ея цивилизованно-плутоватыхъ нравовъ.

Но въ описываемое утро, когда коммерсантка приставала съ своими просьбами о говядинѣ къ невѣжественнымъ торгашамъ, когда въ ея неоднократно напуганномъ воображеніи проносился грозный образъ отставнаго поручика Бжебжицкаго, съ длиннымъ чубукомъ въ красныхъ рукахъ, требовавшій отъ нея обѣдъ или жизнь,— въ тѣ, говорю, горестные моменты появленіе на рынкѣ Татьяны, какъ и всегда смиренно и непрошенно раскланивавшейся, сразу усмирило тревожную душу недоступной до сихъ поръ коммерсантки. Маленькая и, такъ сказать, чепцеватая бабенка, подшпориваемая Бжебжицкимъ, подбѣжала къ Татьянѣ дружелюбной иноходью и завязала съ ней разговоръ слѣдующаго великосвѣтскаго свойства.

— Здравствуй, здравствуй, Татьянушка! Что твои идолы-то?

— Да что, сударыня! отвѣтила Татьяна съ досадой,— про моихъ идоловъ и разговора нечего заводить. Поѣдомъ они меня съѣли.

Концомъ этого разговора былъ заемъ въ рубль серебромъ, который коммерсантка мимоходомъ, какъ бы, перехватила у Татьяны на самое короткое время. Конечно, рублевый заемъ не такая великая вещь, чтобъ о немъ нужно было очень много распространяться; но съ него начинается эпоха стремленій Татьяны къ кофе въ *накладку*, начинаются ея знакомства съ различными барышнями, жилицами коммерсантки, рекомендовавшими себя гувернантками безъ мѣстъ, сиротами полковника

или даже генерала и, въ крайнемъ только случаѣ, вдовами раззорившихся, но нѣкогда первогильдейскихъ купцовъ.

— Какъ мы съ тятенькой въ Орлѣ жили, такъ это даже страсти! говоритъ генеральская сирота, перекраивая Татьянинъ сарафанъ на платье. — Былъ тятенька мой, Татьянушка, первымъ лицомъ въ городѣ. Всѣ господа въ гости къ намъ ѣздили и мы ко всѣмъ ѣздили.

— Торговали мы, милая Татьяна Лексѣевна, въ другое время растолковываетъ ей вдова раззорившагося милліонера, — краснымъ товаромъ. Было, можетъ, его, краснаго-то товару, въ нашихъ лавкахъ на нѣсколько милліоновъ... вотъ какъ! А теперя, сама видишь, какое горе терплю, и все мнѣ Господь помогаетъ за мою, должно-быть, простоту прежнюю.

Однимъ словомъ, всѣ эти чужеядныя растенія наперебой кинулись перешивать сарафаны Татьяны, поить ее чаемъ, *кофіемъ* и занимать у ней часика на два, на три по рублю.

Слушаетъ Татьяна барскіе, по ея мнѣнію, разсказы съ благоговѣйно-выпученными глазами, искренними и тяжелыми вздохами сочувствуетъ несчастіямъ нѣкогда столь вельможныхъ барышень, терпѣливо жгется ихъ горячимъ кофе, не задумываясь одѣляетъ ихъ рублями, зажитыми въ долгой и трудной службѣ идоламъ-купцамъ, и наконецъ дошла до того, что однажды сама разсказала захожей богомолкѣ, когда никого не было въ хозяйской кухнѣ, что она—офицерская жена, что ей, по-настоящему, барыней быть слѣдуетъ — и была бары-

*

ней, долгое время была, и именно до тѣхъ самыхъ поръ, пока не запилъ ея мужъ-офицеръ и не пропалъ безъ вѣсти.

— Толкуютъ, закончила Татьяна удивленной и соболѣзновавшей о ея горѣ богомолкѣ, — въ большихъ теперь чинахъ мужъ. Самъ, говорятъ, главный начальникъ за его усердную службу (въ недавнемъ времени слухи были объ эвтомъ) тремя рублями изъ своихъ енаральскихъ рукъ наградилъ.

Что именно заставило Татьяну соврать такимъ образомъ, до сихъ поръ неизвѣстно. Извѣстно только то, что вольная жизнь комнатъ снебилью, которой Татьяна насмотрѣлась у коммерсантки, до того показалась ей привлекательной, что жизнь купецкой кухни ей опротивѣла, какъ говорится, вдосталь.

Не стерпѣвши, наконецъ, постоянно-нахмуреннаго мурла своей кухарки, *самъ* однажды сказалъ Татьянѣ:

— Ты што же это, Татьяна Лексѣевна, рыло-то воротишь, словно медвѣдь? Али много жира съ хозяйскихъ хлѣбовъ завела?

— Съ твоихъ-то хлѣбовъ и заведешь жира! басовито пробормотала Татьяна, предусмотрительно пробираясь въ кухню.

— Стой-ка, стой мать! не совсѣмъ еще прогнѣвавшись, останавливалъ ее *самъ*.—Што ты въ самомъ дѣлѣ не свое на себя берешь! Ужь не поутюжить ли мнѣ тебя, барыня? Не поумнѣешь ли, авось, хошь съ моей-то легкой руки?

Говоритъ это *самъ*, благодушно и тихо посмѣиваясь и бороду разглаживая, потому зналъ Татьяну за хоро-

шую бабу и серьезно обижать ее не хотѣлъ. Думалъ, что отъ однихъ добрыхъ словъ очувствуется.

— Ученаго учить—что портить! возговорила Татьяна на ласковыя рѣчи хозяйскія. — Своихъ дураковъ полны горницы,—ихъ бы перва-на-перва поучилъ.

Тутъ хозяинъ не стерпѣлъ и далъ Татьянѣ тумака, сначала въ затылокъ, а потомъ въ бокъ. Татьяна во все свое звонкое горло закричала караулъ и стремглавъ бросилась въ фарталъ.

Особенно уголовнаго дѣла по случаю Татьяниной жалобы не затѣялось. На утро только квартальный пришелъ къ *самому* съ визитомъ, потолковалъ съ нимъ немного, получилъ отъ купца про свои домашніе обиходишки десять рублишковъ и посовѣтовалъ прогнать со двора кляузницу-кухарку.

На всю улицу орала Татьяна, когда *самъ* прогналъ ее; гвалтъ, съ которымъ Захары толкали ее, по хозяйскому приказу, въ три-шеи, собралъ къ купеческому дому много народа; а вскорѣ послѣ этого на воротахъ одного разваливающагося и мрачнаго деревяннаго дома на Сивцевомъ Вражкѣ запестрѣлся билетъ, гласившій слѣдующее:

«*Сдесъ адаюца комнаты састыломъ иснебильlю вхотъ, налева фперваю лесницу*».

Эти комнаты снебилью оборудовала Татьянѣ опытная въ дѣлахъ подобнаго рода коммерсантка.

Спасайтесь отъ нихъ, бѣдные люди!

IV.

ОБЫКНОВЕННЫЕ СЛУЧАИ, ОБСТАВЛЯЮЩІЕ ТАТЬЯНИНЫ КОММЕРЧЕСКІЯ МИСТЕРІИ.

Этотъ домъ, въ которомъ расположилась Татьяна, биткомъ набитый чумазыми сапожниками, кривоногими портными, обсыпанными съ ногъ до головы сажей гигантами-кузнецами, синими, зелеными и даже иногда желтоватыми и ярко-красными красильщиками,—этотъ домъ, говорю, загудѣлъ и заоралъ еще громче и безалабернѣе, чѣмъ гудѣлъ и оралъ онъ до водворенія въ немъ съемщицы комнатъ снебилью. Маленькіе мастеровые ребятенки, прежде мелькавшіе въ кабакъ и въ мелочную лавочку, примѣрно, по десяти разъ въ день, теперь бѣгали въ означенныя мѣста непремѣнно разъ по пятнадцати; ибо прапорщикъ Бжебжицкій, день и ночь лупившійся въ штоссъ съ своими закадыками, въ то время, когда тихая и тайная полночь укладывала на убогій одръ Лукерью (Татьянину кухарку), часто выкидывалъ слѣдующіе фокусы. Отворивши окно своей квартиры, онъ зычно обращался къ ребятенкамъ-ученикамъ, которые, какъ извѣстно, осень и лѣто спятъ по разнымъ дыркамъ въ дровахъ, въ холодныхъ чуланахъ, на сѣновалахъ съ хозяйскимъ кучеромъ и проч. и проч.

— Эй вы, чертенята! оралъ Бжебжицкій. — Куда вы застряли тамъ, бѣсовы дѣтки? Ежели кто изъ васъ

достанетъ мнѣ сію минуту штофъ водки, пять селедокъ и луку, тотъ получитъ отъ меня пятачочъ. Жива-а!

Въ тотъ же моментъ бездушная, но громадная масса дровъ, сложенная подъ окнами прапорщика, обнаруживала нѣкоторую жизнь. Въ этой полночной тишинѣ, которая даже подчиняетъ себѣ немолчный шумъ столицъ и большихъ городовъ вообще, глухо затренькало что-то, зашуршало,—и вотъ предъ усастымъ лицомъ отставнаго военнаго предсталъ всѣхъ и всегда слушающійся духъ, въ видѣ нѣкотораго маловозрастнаго халатника, съ бѣлокурыми шаршавыми волосами, съ молодымъ личикомъ, отчетливо изрисованнымъ пріобрѣтенною въ городѣ плутоватостью и неудержимой охотой пріобрѣтать отъ тороватаго столичнаго населенія пятачки и гривеннички, которые такъ обильно вознаграждаютъ скупердяйство и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, суету хозяйскихъ обѣдовъ и ужиновъ.

Предсталъ этотъ духъ и, канальски улыбаясь и рабски переминаясь на мѣстѣ босыми ногами, доложилъ прапорщику:

— Я эфто дѣло-съ, ваше в-діе, вамъ въ точности объоробую, потому какъ я служу-съ вашимъ б-мъ вѣрно-съ...Лавочникъ Митрій-съ сказалъ мнѣ-съ: «въ полночь ко мнѣ стучись,—обиженъ не будешь».

Смѣется мальчишка и, говоря эти слова, какъ-то знаменательно топчется.

— Молодецъ-парнёкъ! похвалили его изъ-за картъ юнкера и прапорщики и вообще всѣ тѣ московскія полночныя совы, которыя проявляютъ свою дѣятельность по разнымъ закоулкамъ преимущественно въ ночное

время, потому что днемъ она слишкомъ ярко и ослѣпительно бросалась бы въ глаза остальному обществу.

— Я вамъ, ваше в-діе, все могу-съ... Теперича у насъ въ мастерской хоша и есть большіе ребята, но они того не могутъ сдѣлать, что я могу, потому я все равно какъ взрослый какой! Водку я тоже могу...

— Неужели и водку можешь? освѣдомилась у ребенка пьяная компанія

— Сейчасъ издохнуть могу! Что-жь такое? Мнѣ это все нипочемъ. У насъ, ваше в-діе, весь родъ такой: три брата здѣсь на мастерствѣ пропали, отецъ пропалъ, двое дядей, материнъ племянникъ, такъ всѣ тутъ до единаго лоскомъ и легли. Наши сельскіе говорятъ: это они отъ большого ума запились...

Послѣ такой семейной характеристки прапорщикъ еще усиленнѣе принялся хвалить доблестнаго парнишку; но тѣмъ не менѣе, когда парнишка раздобылъ штофъ, селедокъ и луку, заслуга его была награждена вовсе не пятачкомъ, а просто-на-просто шутливою трепкой, потому что какъ самъ Бжебжицкій, такъ и его компанія давно уже метали и понтировали на счетъ его сіятельства графа Шереметева, т. е. «я вотъ, любезный другъ, сотру тебѣ два милліона шесть сотъ семьдесятъ четыре тысячи, а ты посылай за свѣчкой— и тогда опять залупливай во всю ночь!» А любезный другъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, ужь посылай за свѣчкой самъ, а запись я тебѣ въ непродолжительномъ времени сполна уплачу».

На другую ночь прапорщикъ тщетно оглашалъ предутреннюю тишину спавшаго дома, призывая какого-

нибудь субъекта, годнаго къ пріобрѣтенію водки въ незаконные часы. Ночь отвѣчала ему однимъ только лаемъ пугливой и крайне впрочемъ задорной оболонки, принадлежавшей одной изъ безчисленныхъ полковничьихъ дочерей, которая поселилась у Татьяны вдвоемъ съ нѣкоторой несчастною дѣвицей, отошедшей, какъ она говорила, отъ отличнаго мѣста собственно какъ за свою честь и за халуйское обхожденіе съ нею хозяйскаго сына, восемнадцатилѣтняго гимназиста. Такъ одинъ только лай оболонки отвѣчалъ на возгласы Бжебжицкаго, да изрѣдка перешептывались между собою конурки, образовавшіяся въ дровахъ,—конурки подлѣсничныя, закоулки въ извилинахъ галлереи, опоясавшей весь домъ и верхушки конюшень.

— Это вчерашній баринъ-то покрикиваетъ? слышался шепотъ съ чердака одноэтажной красильни.

— Спи, молчи, покуда онъ тебя не поднялъ. Бѣдовый! говоритъ другой шепчущій голосъ съ сѣновала, но говоритъ такъ тихо, что можно было подумать, что это зашуршало сѣно подъ легкими ногами испуганной полночною силой кошки.

— А, бѣсы! гремитъ проигравшійся на нѣсколько милліоновъ воинъ съ третьяго этажа.—Да дозовусь ли я какую-нибудь шельму? спрашиваетъ онъ наконецъ, грузно сходя съ деревянной скрипящей лѣстницы.— Гдѣ вы тутъ, ракальи? и при этомъ онъ быстро запускаетъ руку въ подлѣсничную конурку и вытаскиваетъ оттуда нѣкотораго заспаннаго и малолѣтняго артиста по сапожной части.

— Ты что же это, канальчонокъ, такъ крѣпко дрых-

нешь? Не слыхалъ развѣ, какъ я тебя звалъ, шельменышъ ты эдакой?

— Я думалъ, баринъ, что вы это не меня кличете...

— Цыцъ! Тебя или другого—все равно. Сейчасъ долженъ бѣжать, какъ только заслышишь мой голосъ. Маршъ въ кабакъ! Штофъ очищенной и дюжину баварскаго! Да не забудь смотри: Фрицовской фабрикаціи спрашивай.

— Это, сударь, Ванюшка на эфти дѣла ходокъ, а не я. У него вся родня такая!... Вся она у него на эфтихъ дѣлахъ безъ остатку сгасла, говорилъ испуганный мальчикъ. — Вонъ, вонъ онъ убѣжать хочетъ отъ васъ изъ дровъ. Заслышалъ, что про него вамъ сказываю, и убѣжалъ.

— Веди меня къ нему, куда онъ убѣжалъ! Я ему покажу. Ахъ, шельмы! Ахъ, канальи! Проливай послѣ этого за нихъ свою кровь! шутилъ Бжебжицкій, и компанія, смотрѣвшая изъ оконъ на его экспедицію, вторила его шуткамъ громкимъ смѣхомъ, пронзительно скандализировавшимъ ночную тишину.

И тутъ же, въ довершеніе эффекта, раздается звонкій крикъ вчерашняго шаршаваго мальчишки, котораго феодальный прапорщикъ насильно протискиваетъ въ кабакъ.

— Не пойду, не пойду! кричитъ ребенокъ. — Что я вамъ буду ходить-то? Колотить-то меня и безъ васъ разъ сто въ день колотятъ.

— А вотъ тебѣ, ракалія, сто первый! Вотъ тебѣ сто первый! Пойдешь?

— Не пойду. Бейте: я вѣдь терпѣливъ. Меня эфтимъ, небойсь, не изнимете.

— Врешь, пойдешь! Врре-е-шь, пойдешь! Ну, говори: пойдешь теперь?

— Пойду, пойду, баринъ! Сейчасъ летомъ полечу, пустите только...

— Что? Не стерпѣлъ? А туда же толкуетъ, что его ничѣмъ не изнимешь. Ну, бѣжи же да смотри: у меня не зѣвать!

Въ это время, словно изъ какого подземелья, послышалось сначала визжаніе дверного блока, а потомъ голосъ дворника:

— У насъ, ваше б-діе, не такой домъ, чтобы въ немъ буянить! Буянство въ немъ тоже не дозволяютъ...

— Ш-што? спросилъ прапорщикъ.—Выплыви, каналья, на свѣжую воду, я на тебя погляжу...

Дворникъ моментально скрылся послѣ этого столь законнаго желанія, выраженнаго непобѣдимымъ воиномъ; а шаршавый перенекъ, родъ котораго безъ остатка угасъ въ московскомъ мастерствѣ, благополучно прошмыгнулъ въ калитку.

— Я тебѣ въ первый и въ послѣдній разъ говорю, протяжно толковалъ на дворѣ Бжебжицкій оставившему поле битвы дворнику,—у меня, братъ, руки по швамъ. Я, братъ, не люблю. Я, любезный другъ, прямо тебѣ скажу: никакія мордасы мнѣ сопротивляться не въ силахъ. Вотъ что!

И все, что было живаго въ домѣ, навсегда запамятовало эти заключительныя слова браваго солдата, какъ самъ себя называлъ прапорщикъ, такъ что послѣ этого

изреченія не находилось ему ни спорника, ни поборника въ цѣломъ кварталѣ и даже въ близь-лежащихъ окрестностяхъ. Пошло, слѣдовательно, дѣло такимъ образомъ, что не только приказанія самого прапорщика безпрекословно исполнялись мастеровымъ населеніемъ дома, но даже и приказанія протежируемыхъ имъ полковничьихъ дочерей, безмѣстныхъ гувернантокъ, несчастныхъ дѣвицъ и раззорившихся милліонерокъ-купчихъ, которыя неудержимыми волнами влились въ Татьянины *комнаты снебилью*.

Въ окнахъ швейной и цвѣточныхъ мастерскихъ, помѣщавшихся на томъ же дворѣ, показались толстыя коленкоровыя шторы; но когда эти шторы оказались безсильными сдерживать натиски Бжебжицкаго и компаніи, квартировавшей у Татьяны, окна были закрыты почти наглухо частыми проволочными рѣшетками. Но изобрѣтательность Татьяниныхъ жильцовъ проникла и сквозь эти рѣшетки, такъ что въ прежде веселые воскресные вечера, когда шумными играми этихъ красильщиковъ и портныхъ, кузнецовъ и цвѣточницъ, швей и сапожниковъ до краевъ зачерпывался тѣсный дворъ многотрудящагося дома, — въ эти вечера, сдѣлавшіеся послѣ Татьяниныхъ комнатъ какими-то грустно-тихими, очень нерѣдко разыгрывались тѣ едва примѣтныя въ оглушительно-шумящемъ кипяткѣ столичной жизни драмы, которыя ложно направленныя общества съ плутовато-снисходительными улыбками называютъ обыкновенными, но отъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, мучительно скорбитъ всякое новое сердце.

— Лукерья! говорилъ кухаркѣ одинъ бородатый

юноша, — подай свѣчи, да ежели Дуняша изъ цвѣточной прибѣжитъ, скажи ей, что меня дома нѣтъ. Тетенька, молъ, къ нему съ машины неожиданно пріѣхала. Ни подъ какимъ видомъ не пускай. Понимаешь?

— Проказникъ вы, Петръ Лукичъ! улыбается Лукерья, медленно покачивая головой.

— Что? въ свою очередь освѣдомляется Бжебжицкій, промывая горячимъ чаемъ длинный черешневый чубукъ.—Вѣрно: цвѣли, цвѣли цвѣтики, да поблекли?

— Комиссія! отвѣчаетъ борода.—Не знаю, какъ отвязаться. Плачетъ, какъ рѣка льется. По чемъ?—сего никто понять не въ состояніи.

— А вы ее, за слезы-то, взяли бы за бѣлы руки да за длинный хвостъ—да на лѣстницу. А то не знаетъ, какъ отвязаться! поучительно наставляетъ Бжебжицкій юную бороду.—А позвольте узнать чинъ, имя, фамилію и состояніе особы, находящейся у васъ въ настоящее мгновеніе.

— Тише! шепчетъ юный.—Это такая исторія, такая странная исторія! Вотъ смотрите: дала сейчасъ двадцать пять серебромъ и приказала за ужиномъ посылать.

— Отцы мои! ужаснулся Бжебжицкій.—Ну-ка, покажите деньги-то. Такъ, такъ: депозитка на яву. Такъ я, другъ мой, въ моментъ распоряжусь ужиномъ. Только вотъ одежонку накину.

— Смотрите только, трепещетъ юноша,—не просадите въ билліардной. Осрамите меня.

— Полно, пожалуйста. Что я за дуракъ такой! Этими странными, какъ вы ихъ называете, исторіями

нужно пользоваться да пользоваться. Тутъ протекція можетъ быть. Тутъ,—чѣмъ чортъ не шутитъ!—городничество чудесное можно съ одного выстрѣла зацѣпить. Такихъ чудесъ-то иные люди во всю жизнь стараются достичь да не достигаютъ. Вотъ что! Такъ я живо сооружу трапезу. У меня тоже, какъ у опамеднишняго мальчишки, весь родъ на этомъ мастерствѣ угасъ.

— Лукерьюшка! дома Петръ Лукичъ? спрашиваетъ цвѣточница Дуняша про бородатаго счастливца.—На силу-то я къ вамъ урвалась отъ хозяйки. Дай, молъ, пойду вечерокъ скоротаю.

— Охъ, дѣвушка, дѣвушка! грустно сказала Лукерья,—чуть ли не пришелъ конецъ вечерки-то тебѣ у насъ коротать. Не велѣлъ вѣдь твой дома сказываться. «Скажи», говоритъ, «ей, что ко мнѣ тетка пріѣхала». А какая она, чортъ, тетка? Расфуфырена точно до страсти, аки барыня какая большая! Въ третій разъ ужь гоститъ у него.

— Что же, она и теперича у него сидитъ? торопливо выпытываетъ Дуняша, побѣлѣвши всѣмъ своимъ румянымъ, шестнадцатилѣтнимъ личикомъ.

— И теперь сидитъ. Барина-то того прощалыжнаго за ужиномъ въ расторацыю услали. Онъ тоже, баринъ-то этотъ, любитъ на чужбинку-то. У него губа-то, я тебѣ скажу, ровно бы у заправскаго господина на барскія-то кушанья оттопырена.

Но Дуняшу уже не занималъ кухаркинъ разсказъ про прапорщичью, оттопыренную на майорскій маперъ, губу. Не сморгнувъ смотритъ она на кухарку и, какъ бы, ждетъ отъ нея чего-нибудь болѣе интереснаго; но ку-

харка, закончивши губой свои разговоры, принялась загадывать на засаленныхъ картахъ про нѣкоего разбойничка-солдатика, который ушелъ куда-то въ далекій походъ, занявши у ней предварительно на самый короткій срокъ красную бумагу въ десять рублевъ цѣнностью.

— Чортъ его, прости Господи мою душу грѣшную, знаетъ! шептала Лукерья, пристально разсматривая карты. Вотъ вѣдь и дорога ему лежитъ въ бубновый домъ; вотъ вѣдь, кубысть, и антиресъ для бубновой крали вышелъ; а все не несетъ его нечистая сила! Черти эти люди-то, грабители! Такъ-то-сь! закончила она и благодушно перекрестила сладко зѣвнувшій ротъ.

— Такъ что же, Лукерьюшка? Какъ онъ тебѣ сказалъ-то? снова начала Дуняша.— Такъ и приказалъ: что, дескать, не пускай ее,—меня, молъ, дома нѣтъ?

— Такъ и сказалъ, другъ сердечный! Только ты не убивайся. Что убиваться-то по этимъ мужикамъ? Обманщики они, Ироды! У меня вотъ тоже Максимъ, унтеръ изъ депа, бралъ красную-то бумагу, дюже божился, все говорилъ: «Глаза лопни, черезъ недѣлю сполна принесу!» Теперь вотъ третій годъ ужь пошелъ, какъ онъ носитъ деньги-то. Только, ты думаешь, не лопнутъ у него за это бѣльмы-то его собачьи?—Лопнутъ. Утроба-то ненасытная и то, можетъ, лопнетъ. О, чтобъ ихъ всѣхъ порастрескало проклятыхъ этихъ мужиковъ! Умѣютъ они нашу сестру объегоривать.

— А она, это ты правду говоришь, все еще у него сидитъ? еще разъ переспросила Дуняша.

— Что-жь я тебѣ, дура, врать что ли стану? съ

досадой отвѣтила Лукерья.—Что я его, кобеля борзаго, укрывать-то нанялась, что ли?

— Ахъ, я разнесчастная, разнесчастная! вдругъ вскрикнула Дуняша, вцѣпившись руками въ свои волосы.—Дай-ка же я брошусь на нее, на разлучницу мою лютую! Дай же я ей ясные ея глаза своими когтями выковырну!... И съ этими словами она бросилась къ запертой двери и ударила въ нее и обоими кулаками, и головой, и крѣпкою грудью.

— Что ты, что ты, безпутница, дѣлаешь? закричала Лукерья, бросившись въ слѣдъ за обезумѣвшею дѣвушкой.

— Куды те, полоумную, шуты несутъ? кричала на Дуняшу Татьяна, тоже бросаясь на нее изъ своей коморки.

— Что тутъ такое? что тутъ такое? пугливо освѣдомлялась красивая, полная барыня изъ-за чуть растворенной комнаты своего любезнаго бородача, сверкая золотою часовой цѣпочкой, развѣшенною на груди въ видѣ адъютантскихъ эксельбантовъ.

— Это ничего, сударыня! Это у насъ больная есть, говорила Татьяна, понявшая уже, что жильцамъ надобно дѣлать всякое удовольствіе и послугу.

— Же лонеръ, мадамъ! Милль пардонъ, мадамъ! расшаркивался воротившійся изъ трактира Бжебжицкій и достаточно уже хватившій для смѣлости.—Это моя сестра! Малядъ, бѣдное дитя! Она въ горячкѣ! плакалъ услужливый воинъ и могуче оттаскивалъ дѣвушку отъ двери.—Другъ мой! Бѣдный другъ мой! говорилъ онъ.—Поди, лягъ въ постель, голубенокъ! Успокойся.

— Подите къ чорту! простилась Дуняша съ компаніей, быстро сбѣгая съ лѣстницы.

— Комедчики! Право комедчики! разрѣшила всю эту исторію хладнокровно Татьяна. — Только и дура же эта Авдотья! Поди-ка, что выдумала—къ господамъ драться полѣзла! Молода еще больно, фарталы-то, должно быть, и во снѣ еще ей не снились....

— Что, Авдотья Елисѣевна, али съ господами-то — не съ нашимъ братомъ? встрѣтилъ Дуняшу на дворѣ молодой мастеровой, нѣкогда отвергнутый ею.—Хорошо, вѣрно, господа привѣчаютъ, да хорошо и вонъ провожаютъ... съ насмѣшливою тоской говорилъ онъ дѣвушкѣ, дрожавшей всѣмъ тѣломъ отъ злости на человѣка, такъ нахально обругавшаго ея первую, молодую любовь.

— Милый ты мой! Митя, голубчикъ! разшиби ты сейчасъ окно у нихъ, у разбойниковъ! Я тебя за это, умереть мнѣ на мѣстѣ, полюблю съ этого самаго часа. Только ты возьми камень и разшиби.

— Бѣги за ворота, а оттуда въ пивную къ Прокофью, тамъ меня и жди; сиди смирно, не пугайся, ежели полицыя придетъ. Скажешь тогда, ежели спросятъ: «я, молъ, тутъ съ Митріемъ близко часу сижу», совѣтовалъ Дмитрій, и скоро послѣ этого въ *комнатахъ свѣтилью* цѣлая оконная рама была въ дребезги разбита десятифунтовымъ булыжникомъ.

— Держи, держи! оралъ Бжебжицкій, размахивая своимъ ужаснымъ чубучищемъ.

— Держи, держи! голосилъ дворникъ на улицѣ будочникамъ; но халатникъ сидѣлъ уже у дяди Прокофья и любовно говорилъ своему новому другу:

— Милая моя! ты вотъ осмѣяла меня тогда: мастеровщиной немытой ругала,—а все же я тебя въ твоемъ грѣхѣ отъ всего моего сердца прощаю. По молодости по своей дѣвичьей проштрафилась ты, не знала, что господа-то вашу сестру для утѣхи своей обманываютъ... Пей пиво, голубь, не плачь, потому настоящаго-то горя такъ и то не выплачешь, а твое горе—не горе, а плевое дѣло...

— Я, Митя, и не плачу, шептала Дуня. — Я вотъ только съ сердцемъ никакъ не могу совладать; дрожитъ оно у меня очень, сердце-то! Всѣхъ бы я ихъ, до одного человѣка, теперича зубами изгрызла.

— Мы теперича, растягивалъ Дмитрій, пьянѣя и, слѣдовательно, уже начиная муштровать свою бабу,— мы теперича никогда не должны этого говорить. Потому передъ Богомъ такія слова—грѣхъ, по писанію не такъ... Опять же, ежели ты возверзишь... и воззовешь... Н-ну, од-дно сл-лово... у меня слушаться! Со мм-мной тебѣ, дѣвка, хор-рошо буд-детъ! Я не вор-ръ, не пьяница чтобы большой ужь очень, — грамотенъ тоже... Слушайся меня, дѣвка, пей пиво, а я твоего грѣха не попомню. Цалуй!...

Не мало также новой жизни въ прежнюю патріархальность воскресно-мастеровыхъ вечеровъ дома внесли и праздничные возгласы Захара, бывшаго подручника Татьяны у купца. Затешется онъ, бывало, на дворикъ *комнатъ снебилью,* станетъ предъ ихъ окнами растрепанный, разбитый весь, съ пьянымъ, чахоточнымъ румянцемъ на лицѣ, и заоретъ:

— Эй, Татьяна Ликсѣвна! отворяй ворота, прини-

май за повода,—гости пріѣхали!... И ежели Татьяна, распивая кофей съ пріятельницами въ какомъ-нибудь дальнемъ углу своей квартиры, не услышитъ молодецкаго вызова, то кто-нибудь изъ жильцовъ, а чаще всего прапорщикъ Бжебжицкій, неустанно посылающій изъ своего окна поцѣлуйчики проходящимъ дамамъ, непремѣнно бѣжалъ къ ней и докладывалъ:

— Татьяна! опять Захаръ пришелъ, пьянѣе прошлаго. Что же ты не сразишься съ нимъ? Бѣжи скорѣе; ругаетъ онъ тебя на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Ахъ, губитель! Ахъ, злодѣй мой великій! восклицала Татьяна.—Осрамитъ онъ меня теперь до конца. Что я съ нимъ, съ варваромъ, буду дѣлать?

— Сразись поди, пролей свою кровь! совѣтовалъ жилецъ, алкая потѣшить свое бездѣльное одиночество медвѣжьей травлей.—Можетъ-быть, видъ твоей жертвенной крови, продолжалъ шутливый баринъ, — и приведетъ его снова въ норму.

— Какая ему теперича норма! возражала Татьяна барскому слову, съ коварною цѣлью показать, что она нынче понимаетъ тоже по-французскому.—Онъ теперича, ежели я дворнику четвертака не дамъ, брехать будетъ до самой зари утренней.

— Такъ ты прибѣгай поскорѣе хоть къ сему спасительному средству, не то вѣдь скандалъ выйдетъ.

— Будетъ ужь вамъ! пугалась Татьяна. — Мнѣ и безъ вашихъ присказокъ тошно.

— Тошно? А зачѣмъ измѣняла? Помни, что злодѣяніе всегда наказывается, а порокъ торжествуетъ.

— Что же, Татьяна Ликсѣвна? кричалъ со двора

неугомонный Захаръ.—Али, барыней стамши, компаніей старинной брезгаете? Эдакъ-то, кажись бы, добрые люди не дѣлаютъ.

— Будетъ тебѣ, молодецъ! усовѣщивалъ Захара дворникъ.—На чужомъ дворѣ буянить тоже не очень-то нашему брату дозволяютъ.

— Валяй, валяй ее, другъ сладкій, половчѣй! совѣтовали молодые мастеровые. — Ежели ты ее, т. е. какъ слѣдствуетъ, пропечешь, сейчасъ умереть, мы тебѣ пару пива на складчину тотчасъ же выставимъ, потому чтобы про нашего брата знали и вѣдали.

— Мы, друзья, свои дѣла и безъ пива въ тонкости знаемъ, хвалился Захаръ. — И какъ я вамъ зараньше объявляю, какъ передъ Господомъ Богомъ, врядъ ли этой самой Танькѣ голову свою отъ меня уберечь, потому она жисть мою молодую заѣла; отъ ласки моей сердечной отвернулась, стерва проклятая, и оплевала ее, эту самую ласку. Эхма!

Большая душевная потеря слышалась въ голосѣ пьянаго молодца. Стоитъ онъ посереди двора, готовый на все, и съ каждою минутой возжигается все больше и больше.

— Други! кричалъ онъ,—вѣдь что она со мною сдѣлала. У мѣста въ сновальщикахъ былъ—прогнали ради ея, старикомъ своимъ за любовь съ нею проклятъ, родными брошенъ! И на все это я не посмотрѣлъ, все одну ее въ душѣ моей содержалъ... Ахъ! держите меня, братцы, пожалуйста, а то какъ бы грѣха какого не случилось, какъ бы она отъ моей крѣпкой руки не подохла.

— Будетъ, будетъ, дружокъ! уговаривалъ снисходительно дворникъ, разжалобленный этимъ сокрушительнымъ горемъ.—Видишь, народу сколько собралось; ундеръ, пожалуй, придетъ, въ сибирку заберетъ. Чтó хорошаго въ сибиркѣ...

— Ахъ, ничего нѣтъ въ сибиркѣ хорошаго! Только блаже бы мнѣ въ самой Сибири быть, чѣмъ съ этой поскудой водиться. Ахъ, надо мнѣ съ ней порѣшить, братцы! За одно ужь мнѣ погибать-то. Разступись, народъ!... И при этомъ Захаръ вбѣгаетъ на лѣстницу *комнатъ снебилью*, и скоро ожесточенная битва, начатая имъ съ Татьяной въ ея квартирѣ, переходитъ на дворъ, поглотивши собой праздничное вниманіе цѣлаго дома.

— Kраулъ! краулъ! звонкимъ дишкантомъ кричала Татьяна въ сильныхъ Захаровыхъ лапахъ.

— Какъ онъ ее любитъ! Какъ онъ ее любитъ! басовито шутилъ Бжебжицкій, покуривая Жуковъ изъ длиннаго черешневаго чубука.

— Это точно, ваше в-діе, что онъ ее очинно любитъ! подвернулся какой-то пестрый халатъ. — Онъ безъ нея жизни готовъ рѣшиться, ваше в-діе! Каждый праздникъ такъ-то ходитъ сюда этотъ молодецъ и каждый разъ ихъ обоихъ въ полицыю забираютъ. Потѣха!

— Ну, разговорился! прикрикнулъ Бжебжицкій на халатъ, справедливо вознегодовавъ на такую фамильярность.—Всѣ вы таковы, канальи!..

— Батюшки, заступитесь! родимые, отбивайте!— убьетъ! умоляла Татьяна, въѣвшись, однакоже, всѣми зубами въ плечо своему безпощадному противнику.

— Вотъ какъ у насъ, Татьяна Ликсѣвна, старинныхъ любушекъ привѣчаютъ! Вотъ какъ мы имъ русыя косы расчесываемъ, бѣлыя лица разглаживаемъ,— во-отъ ка-а-къ! злобился Захаръ, волоча Татьяну по грязному двору.

Волны народа, облелѣявшія бойцовъ, бурлили и переливались около нихъ, словно бы крутилъ ихъ вихорь летучій; но тѣмъ не менѣе никто не рѣшался расхолодить этихъ раззлобившихся звѣрей, которые, съ пѣной у ртовъ, грызли другъ друга и ворчали, ежели кому изъ нихъ удавалось какъ-нибудь покрѣпче тиснуть такъ недавно дружеское тѣло.

— У нихъ теперь надолго пойдетъ, толковали въ толпѣ.—Ежели ихъ теперича водой не разлить, до самой до темной ночи продерутся.

— До полночи не продерутся, слышались возраженія,—устанутъ, опять же и кровь... Ужь тутъ долго не надерешься, коли кровь пошла. Сейчасъ же тебѣ въ голову вдаритъ...

— Это точно, что вдаритъ; особенно ежели носъ тебѣ разсадятъ...

— Что́, что тутъ такое? возговорилъ наконецъ старикъ-ундеръ, пришедшій на шумъ.—Ты опять тутъ? обратился онъ къ Захару съ грознымъ вопросомъ.— Я тебѣ въ прошлое воскресенье что сказалъ — а? чтобы нога твоя здѣсь не была? а ты опять затесался; опять ты тутъ, разбойникъ, буйство сталъ учинять? Я же теперь тебя побаюкаю за такія дѣла!... И при этомъ карательный старикъ свалилъ Захара съ

ногъ, хвативши его, что называется, въ ѣдало, или въ самую суть.

— Бей, бей его, сударь, разбойника! со слезами просила Татьяна.—А какъ смѣнишься, приходи ко мнѣ чай пить... Я тебѣ господскихъ щей налью и водки куплю.

— Много благодарны, Татьяна Ликсѣевна! Свое дѣло знаемъ: мы его сейчасъ, какъ слѣдствуетъ, по начальству, объяснялся старикъ мимоходомъ въ квар-талъ, куда онъ потащилъ Захара, который, въ свою очередь, на всю улицу оралъ:

— Мнѣ теперича все ни почемъ! Я свою душу утѣшилъ! Съ меня будетъ...

— Молодецъ! поощряли его мастеровые. — Ничего они тебѣ въ фарталѣ не подѣлаютъ. Въ другой праздникъ придешь, такъ мы ворота-то припремъ, городоваго-то не пустимъ,—расправляйся, какъ знаешь...

— Молодецъ! вторилъ имъ Бжебжицкій. — Свое взялъ, а тамъ—хоть трава не рости. Что, Татьяна Алексѣевна, побаловаться изволили маленько? Вѣрно это не то, что кофе распивать да за деньгами приставать каждую минуту? Говорилъ вѣдь я тебѣ, дура ты эдакая, ежели будешь за деньгами часто ходить, такъ либо я тебя отдую, либо Захаръ. Вотъ такъ и вышло по-моему!.. И на картахъ тебѣ гадать нечего было...

И подъ громкій и вмѣстѣ съ тѣмъ непрестанный гулъ такого рода сценъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше разросталась по широкой Москвѣ, между ея извѣстнымъ людомъ, слава Татьянина заведенія. Посторонняя жизнь, такъ или иначе интересуясь жизнью *комнатъ снебилью*, отвсюду налетая на домъ, въ ко-

торомъ помѣщались онѣ, въ соединеніи съ случаями, подобными только что описанному пассажу, образовала наконецъ у воротъ дома, на дворѣ его и въ самомъ домѣ какъ бы какой вѣчно крутящійся, вѣчно шумящій омутъ, непрестанно горланящая пасть котораго ежесекундно пытала самыми страшными и разнообразными пытками все, что, по несчастью, жило по сосѣдству съ компатами.

— Любезненькій! гдѣ тутъ Татьяна Ликсѣевна — съемщица живетъ? пугливо всунувшись въ калитку, спрашиваетъ у дворника румяный прикащикъ съ громаднымъ кулькомъ подъ мышкой.

— Ступай ты лучше отсюда, купецъ, ступай, покедова я тебѣ шеи не нагрѣлъ! отвѣчаетъ дворникъ, измученный многочисленными разспросами разнообразнѣйшихъ субъектовъ о мѣстожительствѣ Татьяны Ликсѣевны.—Сейчасъ умереть, ежели не уйдешь сію минуту, побѣгу къ хозяину,—я вѣдь знаю, у кого ты живешь,—и скажу ему: вонъ, молъ, гдѣ твой соколикъ погуливаетъ!

— Напрасно вы, любезный человѣкъ, сердиться изволите-съ, ласковымъ и крайне пугливымъ голосомъ шепчетъ прикащикъ.—Пожалуйста не шумите-съ: мы съ вами сначала по политикѣ будемъ разсуждать; денегъ вы отъ меня много можете завсегда имѣть, потому какъ мнѣ не Татьяна нужна, а Прасковья Петровна: дѣвица такая живетъ у ней. Нужно намъ ее въ Останкино пригласить на прогулку-съ.

— Знаемъ Прасковью Петровну. Ступай вонъ въ энто крыльцо; только у ней, братецъ, вашего брата-

купца много теперь засидѣлось. Съ вечера еще въ экой-ли пристани тихой кантуютъ. Слышишь вонъ, какъ на итарахъ наяриваютъ?—Это у ей.

— Это ничего! Пущай ихъ наяриваютъ; она намъ всякое снисхожденіе завсегда оказываетъ, потому доброту нашу цѣнитъ, опять же и деньги наши... торопливо закончилъ купецъ и, выхвативши изъ кармана горсть мелочи, бросилъ ее дворнику и мышкой юркнулъ на крыльцо оцѣнивающей должнымъ образомъ его доброту Прасковьи Петровны.

— Экой народъ взбалмошный — эти купцы! Ума у нихъ не такъ чтобы много, а деньжищевъ гибель! со вздохомъ заключилъ дворникъ, пересчитывая новенькое серебро.—Все это надобно мнѣ въ кладъ положить, потому не скоро такимъ образомъ разживешься. Гдѣ только черти эти берутъ такую деньгу,—смотрѣть хорошо!

— Эй землячокъ, родимый! перебилъ дворника тоже испуганный, но басовитый голосъ пріѣзжаго мужика, тоже, какъ и недавній купецъ, пугливо просунувшаго въ калитку косматую голову.

— О, чтобъ васъ совсѣмъ! гнѣвался дворникъ. — Словно омутъ какой, такъ тебя и претъ! Что тебѣ?

— Да то-то, кормилецъ! Кое мѣсто пріѣхалъ, черти въ кулачки не бились,—все дѣвку свою ищу. Ушла изъ деревни на заработки, а теперь, говорятъ, вольнаго поведенія стала. Сказывали, въ вашихъ мѣстахъ скрывается, у какой-то офицерши Татьяны.

— Офицерши! презрительно воскликнулъ дворникъ.— Много ихъ такихъ офицершевъ-то... Какъ дѣвку-то зо-

вутъ? Сказывай у меня живѣе; а то уйду сейчасъ, тогда, хоть ты околѣй тутъ на семъ мѣстѣ, ничего не узнаешь!

— Прасковья была, кормилецъ! Мы ее въ деревнѣ-то все Праскуткой звали.

— То-то Праскуткой! Пускаете вы ихъ сюда на свой срамъ, а на ихъ погибель. Вотъ что! А тебя-то какъ зовутъ?

— Меня-то?

— Да, тебя-то!

— Дворникъ! Ты дворникъ? перебилъ мужиковъ отвѣтъ нѣкоторый юркій баринъ съ горделиво-халуйскимъ выраженіемъ въ лицѣ. — Куда тутъ переѣхала недавно благородная дѣвица одна, Адельфиной Лукьяновной зовутъ?

— Былъ Петръ Ивановъ, продолжалъ мужикъ прежній разговоръ.

— Такъ и есть! Дочь твоя, Петръ Ивановичъ, у насъ въ этомъ самомъ домѣ живетъ; только жаль мнѣ тебя, а помочь не чѣмъ. Такой она теперь барыней сдѣлалась — на всѣ руки! жалѣлъ дворникъ бывшаго нѣкогда Петра Иванова, не обращая вниманія на юркую личность.—Придется тебѣ ее, дружокъ, знатно за волосы отхватать.

— Что же ты, скотина, не отвѣчаешь? вскрикнулъ баринъ. — Съ нимъ благородный человѣкъ разговариваетъ, а онъ все къ своему сѣрому волку морду гнетъ. Успѣете еще рожи-то другъ другу въ харчевнѣ расколотить.

— Виноватъ, ваше в-діе! спохватился дворникъ, въ

моментъ выхваченный этимъ окрикомъ изъ-подъ занятнаго впечатлѣнія, навѣяннаго на него разговоромъ о пропащей Петровой дочери.—Вонъ по тому крыльцу извольте идти въ 7 №. Тамъ вы эту барыню сразу отыщете.

«Вѣдь кричитъ тоже! бурлилъ привратникъ въ слѣдъ уходящему сердитому господину. — Подумаешь, что заправскій баринъ къ заправской барынѣ пришелъ въ гости и, подумавши, испужаешься. А какъ знаешь эти порядки, ничего-то ты не боишься, потому ежели тебѣ самое мудреное нѣмецкое имя скажутъ, ты ужъ и знаешь, что врутъ».—Твоя дочь-то тоже теперь по-нѣмецкому назвалась—и не выговоришь. Прокуратъ здѣсь народъ, Петръ Ивановичъ! Все это онъ нога въ ногу съ господами наровитъ, отчего и гибнетъ, особенно женскій полъ; потому стрекулятниковъ этихъ въ столицыи пропасть. Всякую они деревенскую дѣвку, самую степенную, безпремѣнно съ пути собьютъ. Хитры на эти дѣла бездомовники проклятые!

— Били бы подюжѣе ихъ! исхитрился посовѣтовать дядя Петръ. — У насъ по деревняхъ такихъ-то, чѣмъ не попадя, колотятъ. Застанутъ у какой, оглобля подъ руку попадется, оглоблей бьютъ; топоръ—топоромъ... Злы мужики на счетъ эфтого...

— Н-ну, здѣсь такъ-то нельзя; здѣсь порядки не тѣ. Въ полицыю, говорятъ, представляй. Тамъ, говорятъ, на всякое дѣло законъ прописанъ. А все же я тебѣ совѣтую съ дочерью своимъ судомъ лучше расправиться; по судамъ-то не ходи, потому, вижу я, простоватъ ты—обчешутъ. Возьми, говорю, за косы-то ее да по

зубамъ хорошенько, чтобъ она отца съ матерью не срамила.

— За этимъ не постоимъ, золотой! Извѣстно, родители. Вдаришь, какъ не вдарить... Такъ и батюшка съ матушкой (пошли имъ, Господи, царство небесное!) съ дѣтками расправляться учили... И перекрестившись, при воспоминанiи о покойникахъ батюшкѣ съ матушкой, дядя Петръ отправился къ дочери.

Но и крестъ, разгоняющiй адскiя полчища, не разогналъ бѣсовъ большого города, которые въ безпрестанной и крикливой тревогѣ возились въ домѣ, занимаемомъ комнатами снебилью, и внѣ его. Человѣческiя радость и горе отвсюду—или тихимъ, усталымъ шагомъ пѣшехода ползли въ эти комнаты, или въѣзжали подъ ихъ крыльцо на лихачовскихъ рысакахъ, отъ бойкаго скока которыхъ колебался весь домъ и жалобно дребезжали стекла въ разсохшихся рамахъ. И въ то время, когда дядя Петръ расправлялся съ своей непутевой дочерью, въ подвалы и нижнiе этажи къ мастеровымъ забирались многоразличныя личности и торопливыми голосами людей, безотлагательно куда-то поспѣшающихъ, громко спрашивали:

— Послушайте, скажите пожалуйста, гдѣ живетъ студентъ Клокачовъ?

Нѣмецъ слесарь, которому былъ предложенъ этотъ вопросъ и который съ утра выслушалъ уже такихъ вопросовъ безчисленное количество, на минуту прекратилъ визжанiе желѣза, опиливаемаго англiйскимъ терпугомъ, съ досадой бросилъ его на верстакъ и, злобно выпучивши на гостя слезливые глаза, крикнулъ:

— Я развѣ вамъ дворникъ? Чтобы чортъ побралъ все! И при этомъ онъ быстро замѣнилъ сюртукомъ фланелевый халатъ и ушелъ въ биргалль.

— Гдѣ здѣсь отдаются комнаты? переспросили несчастливца уже на дворѣ, и натурально, что несчастливецъ ускорилъ шаги и отвѣтилъ слѣдующее:

— Здѣсь ни одной нѣтъ комнаты! У чорта въ аду много бываетъ комнатъ,—д-да!...

— Эй! мейнъ геръ! кричитъ изъ окна утекающему нѣмцу прапорщикъ Бжебжицкій. — Подите сюда, пожалуйста. Дѣло есть.

Нѣмецъ съ видимою неохотой возвращается.

— Почтенный бюргеръ! говоритъ ему Бжебжицкій,— вы непремѣнно идете пить пиво; захватите и меня съ собой. Больше сего, я вамъ ничего сообщить не имѣю.

Нѣсколько пріятельскихъ лицъ съ хохотомъ показываются въ окнахъ прапорщичьей квартиры и крайне любопытствуютъ прослѣдить ту злость, съ которой нѣмецъ смотрѣлъ нѣкоторое время на ихъ шутливаго товарища.

Благообразный мущина, съ дамой, одѣтой въ щегольской бурнусъ, останавливается противъ офицерскихъ оконъ и спрашиваетъ:

— Позвольте узнать, милостивый государь, гдѣ здѣсь отдаются меблированныя комнаты?

— А вотъ извольте идти въ это крыльцо, во второй этажъ. Позвоните и спросите съемщика Ивана Медвѣжатникова, граціознымъ жестомъ указалъ Бжебжицкій на крыльцо одного вѣчно-занятаго учителя гимназіи, служившаго всегдашнею потѣхой для цѣлаго дома.

Скоро компанія, собравшаяся у Бжебжицкаго, имѣла наслажденіе видѣть, какъ мученикъ-учитель выбѣжалъ на дворъ въ туфляхъ и шлафорѣ, таща за руку благообразнаго мущину, дама котораго стремительно утекала за ворота.

— Вы развѣ не видали этого? горячился учитель, показывая своей жертвѣ на билетъ, приклеенный на двери въ его ученую берлогу. На билетѣ значилось:

«Здѣсь *не* отдаются комнаты съ мебелью, а отдаются у Татьяны. Входъ къ ней изъ воротъ направо, по второй лѣстницѣ, въ третій этажъ». Изреченіе это было переведено на французскій и нѣмецкій языки.

— Я не понимаю, милостивый государь, гдѣ у васъ были глаза, кричитъ учитель,—когда вы шли ко мнѣ!

— Извините, ради Бога! Меня послали сюда, сказали, что у г-на Медвѣжатникова...

— Какой тамъ чортъ Медвѣжатниковъ? Это вонъ все тѣ шелопаи потѣшаются...

— Профессоръ! Профессоръ! кричалъ съ хохотомъ Бжебжицкій,—не сердитесь. Муки эти на томъ свѣтѣ за ваши ученые грѣхи вамъ зачтутся.

— Шаромыга! отвѣчалъ, въ свою очередь, профессоръ, грозя кулаковъ своему врагу.

— Ругаются! доложилъ учителю, подошедшій къ нему въ это время, лакей. — Ужасти, какъ ругаются! Сказали, чтобъ я въ другой разъ и приходить не отваживался. И тебя, говорятъ, изъ окна вонъ вышвырнемъ.

— Какъ же они ругаются?

— Сказать не смѣю-съ; только просто ругаются ру-

гательски. Говорятъ, ежели онъ еще разъ пришлетъ, спустимся мы къ нему въ квартиру и изобьемъ его.

— Ступай въ кварталъ! Тамъ такъ все и объяви, отъ моего имени.

А изъ открытаго окна коморки, занимаемой благородною дѣвицей Адельфиной, на весь кварталъ разливалась разухабистая «барыня» на двухъ скрипкихъ и на гитарѣ, сопровождаемая молодецкими выкриками и, какъ есть, демонскимъ трепакомъ.

— Вали гуще! кто-то пьяный оралъ во всю грудь. — Что на нихъ, на чертей, глядѣть-то! За то деньги платимъ. Мы тебѣ покажемъ, какъ къ намъ лакея присылать съ наставленіями! крикнула какая-то рожа, высунувшись изъ окна.

— Краулъ! Краулъ! кричала мансарда совершенно по женски. И вслѣдъ за тѣмъ та же мансарда, перемѣнивши тонъ, приговаривала по-мужски: — Я тебѣ, шельма, дамъ, какъ кофе ходить распивать къ господамъ въ номера.

— Батюшки! что же это такое? обливаясь горькими слезами, спрашивалъ дядя Петръ Иванычъ, выходя изъ комнатъ спебилью. — Родная дочь на отца руку накладываетъ — а?

— Ишь, музланъ, туда же учить лѣзетъ! щебетала вслѣдъ ему Прасковья Петровна, прощалыжничествомъ большого города нареченная Амаліей Густавовной. — Не училъ тогда, когда поперекъ лавки укладывалась, — теперь ужь не выучишь: теперь ужь мы вдоль лавки-то въ пору только укладываемся... Такъ-то! Увидишь сво-

ихъ, поклонись нашимъ; а то видите, кварталомъ вздумалъ стращать, ежели не остепенюсь!..

— Вотъ она Русь-то разгулялась! хохоталъ Бжебжицкій.—Катайте, катайте его, Амалія Густавовна, а то онъ, пожалуй, хвастаться будетъ, что онъ тутъ намъ, городскимъ, страху задалъ.

— Я ему задамъ страху! Не на тѣхъ напалъ страху-то задавать!

— Вотъ ужь это, дѣвушка, напрасно ты такъ-то поговариваешь! вступилась за дядю Петра старушонка одна, съ чулкомъ въ рукахъ.—Онъ тебѣ родитель...

— Молчи, старая дура! прикрикнула на нее русская нѣмка.—Почемъ ты знаешь, можетъ, я ему родитель-то?...

Усѣлась старуха послѣ этого окрика на дрова, на самую солнечную припеку, и, подъ визгъ мастероваго желѣза, подъ гвалтъ комнатъ снебилью, подъ грохотъ экипажей и вообще подъ этотъ несмолкаемый стонъ столичной суеты, зашептала нескончаемую рацею о прошлыхъ временахъ и о прошлыхъ людяхъ.

— Была сама такою-то! говорила старуха, покачивая головой и побрякивая вязальными спицами.—Много соблазну здѣсь для нашей сестры: устоять никакъ невозможно; а все же, бывало, когда отецъ, али мать наѣдетъ, примешься, бывало, плакать; примешься на долю свою стыдную жаловаться и скорбѣть... А вѣдь въ нынѣшнихъ стыда-то нѣтъ никакого. Охъ, нѣтъ никакого стыда въ нынѣшнихъ людяхъ!... Срамъ!.. Все равно какъ дикіе звѣри стали! Ни въ Бога вѣры, ни любови къ людямъ!...

— Ваше благородіе! Повѣстка къ вамъ отъ г. квартальнаго поручика, пробасилъ Бжебжицкому усастый полицейскій вѣстовой.—Извольте завтрашній день къ 10-ти часамъ въ контору пожаловать.

— Это зачѣмъ?

— А вотъ тутъ въ повѣсткѣ все аккуратно прописано.

— Дай сюда! И Бжебжицкій сталъ читать: «Симъ приглашаю... по дѣлу, якобы, о скандалѣ, произведенномъ вами въ квартирѣ учителя и проч. Также по жалобѣ солдатской дочери Афимьи...»—Чортъ знаетъ, что такое! За все, про все нынѣ въ кварталъ зовутъ. Любезный! скажи поручику, что, молъ, прапорщикъ лежитъ на одрѣ. Слышишь? Такъ и скажи.

— Слушаю-съ! Счастливо оставаться, ваше благородіе!

— Погоди-ка. Не знаешь ли жида какого-нибудь: денегъ бы мнѣ у него занять подъ сохранную росписку.

— Не могу знать-съ, ваше благородіе! А ежели, теперича, серебро, золото, али бы что изъ платья изъ хорошаго, такъ мы сами иногда вѣрнымъ людямъ даемъ.

— Куракъ! Я тебѣ самъ дамъ подъ золото да подъ серебро, даромъ что ты невѣрный человѣкъ...

— Что это за проказникъ такой этотъ баринъ! смѣялась Татьяна изъ кухни.—На всякое слово у него завсегда отвѣтъ есть. Ежели бы онъ деньги платилъ какъ слѣдуетъ, да не дрался,—цѣны не было бы этому барину!...

V.

ЛАВА, ИМѢВШАЯ БЫЛО НАЧЕРТИТЬ ЛЕГКУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ ЛИЦЪ, СОГНИВАЮЩИХЪ ВЪ КОМНАТАХЪ СНЕБИЛЬЮ.

Я тебя постараюсь какъ можно тише окрикнуть, бѣдный народъ! Я спою про тебя, вѣчно ноющая, вѣчно голодающая птица *комнатъ снебилью*, настолько незлобивую пѣсню, насколько незлобивыхъ жизненныхъ темъ набралась въ этихъ клѣткахъ моя собственная, озлобленная голова.

О, миръ вамъ, люди покоробленные, а чаще, какъ дуга, согнутые всесильною нуждой! Миръ вашимъ снамъ, озлобленно-тревожнымъ, ногамъ вашимъ, вѣчно снующимъ и ничего не выхаживающимъ, всегдашней злобѣ вашей желаю я скораго угомона!..

Ибо злоба ваша—смерть ваша. А какъ тяжело умирать одному въ меблированныхъ вертепахъ,—одному, съ одною только злостью своей даже и на этотъ день, который такъ свѣтло пробивается въ комнату сквозь грязно-желтую коленкоровую штору, на этотъ бойкій гулъ столичной жизни, неумолчно гудящій за стѣнами!

Предсмертному крику гаснущей, медленно истомленной жизни въ кухонномъ углу гдѣ-то безучастно и отвратительно-крикливо вторитъ одна только Лукерья без-

смысленно-фабричною пѣсней про какого-то всадника, который будто бы

«Кор-ми-и-тъ ко-о-ня сы-ы-та-а,
Самъ ѣстъ сухари».

Пѣсня закончилась наконецъ, къ общей потѣхѣ населенія комнатъ, зазвонистою кучерскою трелью, а съ нею вмѣстѣ закончилась и жизнь, желавшая сейчасъ одного счастья—взглянуть на человѣческое лицо,—закончилась скрежетомъ зубовъ, хрипомъ надсаженной груди и желтою пѣной на посинѣвшихъ губахъ. Исковерканная тою безобразно-ужасающей печатью, которую смерть, въ довершеніе эффекта, кладетъ на изможденныя тѣла бѣдняковъ, жизнь эта сейчасъ же, вмѣсто послѣдней молитвы, накликаетъ на себя—тѣмъ только, что умерла она, что понесла отдать свое несносное бремя къ Зовущему всѣхъ труждающихся и обремененныхъ успокоиться въ Немъ—цѣлый потокъ безсмысленныхъ ругательствъ и проклятій.

Пришла Татьяна, неумытая, заспанная, растрепанная; взяла она эту повисшую, весь свой короткій, но трудный вѣкъ старавшуюся быть честною, руку и сказала:

— А околѣлъ вѣдь... Лукерья! бѣги скорѣе въ фарталъ. Ахъ ты, голь перекатная! добавила съемщица, помотывая головой:—кто теперича тебя, голь, въ сырую землю схоронитъ?

Такія картины не настолько рѣдки у насъ, чтобъ я не могъ сказать про нихъ правдиваго слова, и сказалъ бы, еслибы не боялся упрековъ въ лиризмѣ, безъ котораго я рѣшительно не могу ни поклоняться свѣтлому

лицу природы — единственному совершенству на всей землѣ, ни скорбѣть о людской погибели, а потому пусть пойдетъ другая глава.

VI.

НАРУЖНЫЙ ВИДЪ ДОМА СЪ МЕБЛИРОВАННЫМИ КОМНАТАМИ.

Трудно чему-нибудь быть своебразно-грязнѣе столичныхъ домовъ, заваленныхъ разными русскими мастерскими. Выстроенные спекуляцiей на манеръ всѣхъ вообще столичныхъ громадъ, то-есть на манеръ большаго квадратнаго сундука, они до жильцовъ нѣкоторое, весьма недолгое, время ничѣмъ не отличаются отъ своихъ сосѣдей, составляющихъ вмѣстѣ съ ними длинную улицу. Но вотъ внизъ переѣхало *Экипажное заведенiе Трифона Рыкова*, рядомъ съ нимъ въ двухкомнатной квартирѣ поселился сапожный мастеръ Самсонъ Соловьевъ, въ бельэтажѣ какая-то толстая баба съ страшнымъ рубцомъ на лбу, словно бы отъ сабельнаго удара, и съ шестью молоденькими горничными; въ подвальной квартирѣ, черезъ дворъ—извощичiй содержатель и какiе-то старые отставные солдаты, вѣчно дерущiеся на дворѣ и кричащiе караулъ; третiй, самый верхнiй, московскiй этажъ гостепрiимно принялъ въ свои невыразимо-воняющiе прiюты орду *комнатъ снебилiю*. И вотъ черезъ какiе-нибудь полгода ярко-набѣленныя стѣны новаго дома покрываются копотью; штукатурка, хотя

умышленно ее никто и никогда не ломалъ, обваливается и кажетъ по мѣстамъ красныя кирпичныя раны; окна же, особенно въ квартирахъ у извощиковъ и отставныхъ солдатъ, вмѣсто стеколъ, залѣпливаются синей сахарною бумагой; въ комнатахъ снебилью и у толстой бабы съ многочисленными горничными заставляются подушками въ пестрыхъ ситцевыхъ наволочкахъ, — и вообще весь домъ, видимо новый и крѣпкій, сразу какъ будто проживаетъ пятьдесятъ лѣтъ, и кажется, что какая-то враждебная сила безпрестанно раскачиваетъ его, ломитъ и валитъ. Печальными такими и разслабленными замарашками смотрятъ эти дома, какъ-то особенно скоро вростаютъ въ землю ихъ фундаменты и скособочиваются, точно бы какой человѣкъ слабый, голова котораго скривилась на бокъ отъ первой жизненной тукманки. Глядя на безсмысленную грусть и тупую озадаченность, постоянно рисующіяся на лицѣ такого человѣка, непремѣнно подумаешь, что вотъ сейчасъ подкосятся его дрожащія ноги, что изъ широко выпученныхъ, но тусклыхъ глазъ польются обильныя слезы, а отвислыя губы безотвязно запросятъ пощады...

Вотъ довольно схожій портретъ дома, въ которомъ поселилась Татьяна съ своими жильцами. При первомъ взглядѣ на его каменное, неподвижное лицо, всякій легко убѣждался, что здѣсь поселилась бѣдность, въ большей части случаевъ поневолѣ неразборчивая на тѣ средства, при помощи которыхъ она съ жалобами и слезами доволакивается до темной могилы, гдѣ навсегда укроются ея грязныя отрепья и успокоится необходимо-грязная и темная жизнь.

Но не веселѣе наружности описанныхъ домовъ и внутренность ихъ, съ тѣми обыкновенными исторіями про жизнь своихъ жильцовъ, которыя будутъ, пожалуй, гораздо печальнѣе унылаго лица дома, пріютившаго въ стѣнахъ своихъ всякаго рода несчастье. Слушайте же эти исторіи—и тогда для васъ, можетъ-быть, очень сбыточною покажется та мысль, что оттого печаленъ столичный домъ, заселенный бездомнымъ народомъ, что даже бездушному камню нельзя не скорбѣть при видѣ разнообразныхъ мукъ этихъ людей, которыя, вслѣдствіе безалаберно-сложившейся жизни, отовсюду, проливнымъ дождемъ сыплются на ихъ бездольныя головы.

VII.

КОРРИДОРЪ КОМНАТЪ И ЕГО ЖИЛЬЦЫ.

И радъ бы сказать, что по этой залитой помоями, расшатанной и безъ церемоніи завѣшанной разнымъ бѣльемъ лѣстницѣ, которая вела въ Татьянины комнаты *снебилью,* можно ходить людямъ,--но для этого нужно быть самымъ наглымъ лжецомъ. Хозяинъ зналъ, для кого онъ строилъ свой домъ, и потому предоставилъ владимірскимъ плотникамъ полную волю гондобить его, какъ Господь Богъ положитъ имъ на сердце. И въ то время, когда плотники орудовали, капитальная борода, изрѣдка наѣзжая къ нимъ съ своимъ хозяйскимъ глазомъ, говорила:

— Ничего, не взыщутъ! Мѣсто здѣсь такое, для всякой швали удобное. Лѣтъ черезъ пятокъ, Господь ежели благословитъ, окупится домишка, а тогда его можно будетъ подрумянить маненько, подпереть, пообмазать—и по боку. Дураковъ тоже много; а не найдется охотниковъ, застраховать можно... Исторія тоже извѣстная...

Про длинный коридоръ комнатъ тоже не могу сказать ничего особенно пріятнаго. Теменъ онъ былъ, какъ адъ, а кобель Бжебжицкаго и сосѣдство кухни, пропитанной своеобразнымъ запахомъ щей и Лукерьиной постели, покрытой ея шубой изъ кислой овчины, сдѣлали его до того вонючимъ, что свѣжій человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не выносилъ его духоты болѣе пяти минутъ. Однакоже были люди, которые сжились съ этою темнотой и вонью до полнаго равнодушія къ нимъ, и мое собственное мнѣніе въ этомъ сучаѣ таково, что всякій человѣкъ, конечно не безъ нѣкоторыхъ усилій, можетъ скоро привыкнуть къ этимъ вещамъ, если у него хватитъ денегъ на покупку какого-нибудь кофеишка съ хлѣбомъ и не хватитъ на бутылку ждановской жидкости, могущей очистить его апартаментъ отъ заразительныхъ міазмовъ, такъ вредно дѣйствующихъ на человѣческіе нервы вообще.

Привыкли, говорю, люди къ удобствамъ своего коридора такъ, что и слезы у нихъ есть, когда износятся башмачонки, поистратятся въ безработьи припасенныя про черный день деньжишки, и смѣхъ тоже довольно легко вылетаетъ изъ ихъ грудей, когда какимъ-нибудь свободнымъ праздничнымъ днемъ, послѣ рюмочки и пшеничнаго пирога, придется вспомнить съ какою-ни-

будь давнишней подругой про былые годы, когда жили при мѣстахъ, у хорошихъ хозяевъ, когда были молоды лица и беззаботны души...

Все въ этомъ корридорѣ однѣ только женщины жили. Сосчитать, сколько ихъ тамъ именно, узнать, что́ онѣ платятъ за квартиру, чѣмъ живутъ—не было никакой возможности. Видѣли только болѣе или менѣе состоятельные жильцы, жившіе въ комнатахъ, что кишитъ что-то въ корридорѣ безразличное и живое,—раскатываются въ немъ какія-то перемѣнныя волны, а какія именно—не знали, и конечно не хотѣли знать, потому что не нужно было. Волны эти обыкновенно вливались въ Татьянинъ корридоръ такимъ образомъ: живетъ-живетъ, бывало, какая-нибудь горемычная въ почетныхъ экономкахъ у богатаго холостяка такъ долго, что оба они въ этомъ сожительствѣ половину зубовъ потеряютъ, разнообразя свою жизнь рѣдкимъ, а можетъ-быть и частымъ погрызываніемъ другъ друга, и посѣдѣть тоже оба успѣютъ. Привыкнетъ экономка къ достатку, къ хорошей комнатѣ, къ сладкой пищѣ — и вдругъ старичина нежданно-негаданно протягиваетъ, какъ говорится, рѣзвыя ноги. Дальніе родные великодушно подарили экономкѣ старый салопъ на бѣличьихъ лапкахъ, да сама она успѣла фунтикъ-другой серебреца столоваго ухватить—и переѣхала къ Татьянѣ въ самую дешевую комнату.

«По одежкѣ протягивай ножки!» говорила вдова, размѣщаясь въ своемъ новомъ жильѣ. Надѣяться теперь не на кого, а между тѣмъ привыкшая къ куску губа—нѣтъ-нѣтъ, да и спроситъ либо супца съ хорошей, настоя-

щею, какъ встарину бывало, говядинкой, либо чайку въ накладочку, либо винца красненькаго, котораго до тошноты захотѣлось бабенкѣ, съ утра до вечера молчаливо размышляющей о привольной жизни при покойникѣ,— и вотъ серебро, ложка за ложкой, безвозвратно улетаетъ въ укладистые сундуки сосѣдки-еврейки, а въ концѣ концовъ случается обыкновенно то, что Татьяна, разнюхавши, что жилица прогорѣла, благоразумно выпроваживаетъ ее на жительство въ корридоръ.

Часто также приходили къ Татьянѣ молодыя знакомыя дѣвицы съ такими разговорами:

— Что теперь дѣлать мнѣ, милая Татьяна Лексѣевна? Ума не приложу.

— Что такое, что такое у тебя случилось? спрашиваетъ Татьяна Лексѣевна встревоженную дѣвицу.

— Да что? Обобралъ меня до нитки варваръ-то мой. Ужь онъ меня билъ-билъ, обобрамши-то, и говоритъ: теперь извольте идти, мамзель, куда вамъ угодно. Смѣется, разбойникъ! Косу-то мнѣ, злодѣй, всю повыдергалъ. Хочу въ фарталъ идти; знакомые у меня тамъ есть: защитятъ, можетъ...

— Да за что же это онъ тебя? освѣдомляется любопытная Татьяна.—Вѣдь вы допрежь дружно живали.

— Да за что? откровенничаетъ дѣвица.—Ни сномъ, ни духомъ не знаю за что... Точно-что по лѣту я какъ-то раза съ три ѣзжала въ лагери къ брату двоюродному (Писаремъ при самомъ генералѣ вотъ ужь сколько лѣтъ служитъ). Ему и помстилось; а я развѣ таковская? Сама небось знаешь, какъ я на своемъ словѣ завсегда

стою. И довольно даже того, что я съ нимъ который годъ живу, а онъ ревновать вздумалъ!...

— Что говорить! что говорить! Экой безобразникъ какой! А я все говорю про него: вотъ, молъ, смиренникъ-то полюбовникъ Грунинъ,—а онъ поди-ка какой! Какъ же ты теперь? Гдѣ жить-то покелича станешь?

— Да то-то не знаю. Ты мнѣ, пожалуйста, каморочку отведи какую-нибудь, покуда съ дѣлами не справлюсь.

— Каморки-то у меня, дѣвушка, нѣтъ теперь. Вчерась послѣднюю студентъ занялъ какой-то. Какъ бы знала, ни за что бы не отдала. Такъ ужь и пустила чтобы только не пустовала. Ты вотъ въ коридорчикѣ покелича на моемъ сундукѣ помѣстись. Чудесно тутъ намъ будетъ съ тобой. Безъ переводу тутъ у насъ чай съ кофеями пойдутъ.

Вслѣдствіе такого дружескаго предложенія, молодая дѣвица поселяется въ корридорѣ, и долго ея разсказы про вырванную варваромъ косу и про двоюроднаго брата, генеральскаго писаря, развлекаютъ однообразную жизнь темнаго жилья. Живетъ дѣвица въ корридорѣ и высматриваетъ изъ его непроглядной темноты другого варвара, который бы вырвалъ ей вновь выращенную косу; точно также и сожительницы ея, кухарки и горничныя, какъ онѣ про себя говорятъ—«безъ мѣстовъ», живутъ такъ и высматриваютъ себѣ мѣстечки, съ которыхъ, по недолгомъ житіи, снова погонятъ ихъ съ ихъ унылымъ скарбомъ въ Татьянины комнаты, гдѣ по случаю такихъ событій раздадутся конечно новыя рѣчи про новыхъ хозяевъ, про новыхъ людей, посѣщавшихъ ихъ, которые, по разсказамъ этого бѣлорабочаго люда, всѣ будто бы

безъ исключенія мошенники, жидоморы, идолы, черти, подхалимы и т. д.

Отчего это принято называть такія кухарочныя опредѣленія глупыми сплетнями, не стоющими вниманія порядочнаго человѣка, а не истиной? Этотъ вопросъ случайно зародился въ моей головѣ, и, конечно, когда-нибудь, такъ же случайно, я разрѣшу его; а теперь скажу, что изъ всей этой безразличной корридорной толпы рельефнѣе даже самой Татьяны выступалъ нѣкоторый субъектъ, извѣстный въ *комнатахъ снебилью* подъ именемъ Александрушки. Еще въ то время, когда Татьяна только-что осматривала квартиру, занимаемую ею въ настоящую минуту, Александрушка сидѣла уже въ корридорѣ у двери и вязала длинный шерстяной чулокъ, сморщенная и серьезная до полной неподвижности, въ ситцевомъ линючемъ платьѣ, съ мѣдными очками на большомъ носу, изображая собой какъ бы какого заколдованнаго сторожа, приставленнаго сторожить пустую квартиру.

Отъ квартиры, въ то время только-что отдѣланной, несло сырымъ лѣсомъ, клеемъ и масляными красками. Нога человѣка не была еще въ ней послѣ печника, который, закончивши свою работу порядочною выпивкой съ одною сосѣдней кухаркой, ушелъ и не возвращался даже и тогда, когда хозяинъ искалъ его для поправки печей, дымившихъ какъ жерло ада, и потому дворникъ, рекомендовавшій Татьянѣ прелести фатеры, по его словамъ, «за первый сортъ», былъ справедливо удивленъ этою старухой, безмолвно позвякивавшей

спицами и неразборчиво шептавшей что-то своими тонкими, высохшими губами.

— Бабушка! кто это тебя сюда пустилъ? спросилъ дворникъ старуху; но старуха уперла въ него своими свѣтлыми очками, помахала головой, какъ будто удивляясь тому, что дворникъ не знаетъ человѣка, устроившаго ее въ коридорѣ, и только. — Что же ты не говоришь? Ай нѣмая? Говори! Хозяинъ што ли пустилъ? расталкивалъ уже дворникъ молчаливое существо.

— Ты вотъ что, дворникъ, прошептала наконецъ таинственная незнакомка,—ты не толкайся. Я губернская секретарша!

— Полно балы-то точить! сердился дворникъ.—Сказывай: по чьему ты приказу здѣсь поселилась?

— И *ты* не смѣй мнѣ говорить, мужланъ! Я сказала тебѣ, кто я такая. И барыня при этихъ словахъ энергично оттолкнула отъ себя закорузлую дворницкую руку.

— А, такъ ты такая-то! Ты толкаться еще въ чужой фатерѣ вздумала! Сказывай: кто тебѣ приказалъ жить здѣсь?

— Богъ! удовлетворила наконецъ любопытнаго дворника губернская секретарша.

— Что ты съ ней будешь дѣлать? спросилъ дворникъ уже у Татьяны, съ какою-то снисходительною полуулыбкой. — Надо, вѣрно, въ фарталъ идти объявить.

Губернская секретарша не обратила ни малѣйшаго вниманія на роковое слово «фарталъ» и по-прежнему

продолжала звякать спицами, мотать головой и шептать что-то — должно-быть про свои, одному Богу только извѣстныя, дѣла.

Квартальный пришелъ—и добился столько же, сколько и дворникъ.

— Какъ вы сюда попали? спрашивалъ у старухи надзиратель.

— А такъ и попала..отвѣчала она съ видимымъ неудовольствіемъ.—Какъ попадаютъ-то, развѣ не знаешь?

— Говорите, кто вы такія? Давайте ваши документы.

— Молодъ еще документы-то спрашивать! Начальникъ какой выискался! Молоко-то на губахъ обсохло ли?

Доложили объ этомъ происшествіи хозяину. Тотъ пришелъ и долго стоялъ передъ старухой, поглаживая бороду въ великой задумчивости и по временамъ осклабляясь. Самовольная постоялка тоже ничего не говорила и даже ни разу не взглянула на него, сосредоточенно уткнувшись въ свой чулокъ. Наконецъ хозяинъ сказалъ дворнику:

— Богъ съ *ей*, Трофимъ, не трожь ее. Человѣкъ, видно, не простой, потому большимъ сурьезомъ и молчальностью отъ Бога награжонъ...

— А какъ же, хозяинъ, вступилась-было Татьяна,— мнѣ-то съ ней быть? Вѣдь ужь платежа отъ ней не добьешься, а я бы на ея мѣсто всегда нашла жилицу съ капиталомъ...

Тутъ хозяинъ почти такъ же серьезно, какъ и Але-

ксандрушка, сморщилъ свои черныя брови и внушительно заговорилъ:

— Мнѣ, говоритъ,—милая ты женщина, пребываніе въ моемъ домѣ прозорливаго человѣка не въ примѣръ твоей платы дороже. Можетъ, она нечестія твоего ради наслана вонъ откуда... и при этомъ хозяинъ торжественно указалъ на потолокъ.—Такъ-то. Потому такъ, милая женщина, разсуждаю я про тебя, что допрежь тебя ни въ одномъ моемъ домѣ такихъ исторіевъ никогда не было, хотя точно-что благочестивые люди помногу и подолгу у меня пребываютъ... Опять же и солдатка ты: всякому грѣху, значитъ, ты больше нашего брата причастна. Слѣдовательно, для одной тебя *энто* устроено, и ты должна все *эфто* понимать и цѣнить...

— Такъ вы, ваше степенство, скинули бы мнѣ за нее хоть полтинничекъ въ мѣсяцъ за фатеру. Вы люди богатые.

— Это такъ, достатокъ имѣемъ; только съ фатеры единой даже копѣйки скостить не могу, потому такъ уже положено ходить ей по тридцати серебромъ; щепочекъ вонъ, коли хочешь, что отъ построекъ осталось, возьми охапочку-другую. Просимъ прощенья, милая женщина! Жить вамъ да поживать, да добра наживать! закончила борода, отправляясь восвояси.

— Жидоморъ, чортъ!... шептала вслѣдъ ему Татьяна; послѣ чего губернская секретарша безвозбранно поселилась въ комнатахъ *снебилью*, оплачивая свое завоеванное помѣщеніе и кусокъ хлѣба своимъ неутомимымъ рвеніемъ служить даже слугѣ всѣхъ — Лукерьѣ и

готовностью, во всякое время дня и ночи, сердито побранить какого-нибудь подкутившаго жильца, утѣшить Татьяну въ какомъ-нибудь несчастьи, истолковать ей мудреный сонъ, видѣнный въ прошлую ночь, и проч.

Терпѣливо и ни на минуту не мѣняя своего сердитаго лица, исполняетъ заштатная чиновница свои многочисленныя роли, такъ что въ непродолжительномъ времени ея полоумная манера неизмѣнно и во всемъ угождать всякому человѣку, но угождать какъ бы изъ-подъ палки, что называется «срыву»,—сдѣлала ее тѣмъ не менѣе любимицей и темнаго коридора, и свѣтлыхъ комнатъ, так что стала барыня совершенно необходимою вещью въ обоихъ мѣстахъ, въ одно слово нареченною и благородными комнатными жильцами, и корридорными плебейками ласкающимъ именемъ «чиновницы-Александрушки».

Безъ такихъ Александрушекъ въ Москвѣ обходится рѣдкій домъ. Это чрезвычайно-своеобразное русское горе, гнѣздящееся въ различныхъ Тулахъ, Нижнихъ и прочихъ жирныхъ городахъ, которые пріучаютъ его съ цѣлью потѣшиться имъ надосугѣ тою потѣхой, которую доставляютъ имъ бодливыя, но не имѣющія рогъ, коровы... Характеризуется это горе своими землячками и, такъ сказать, пристанодержателями знаменательнымъ словомъ: *тронумшись маненько*; а я лично думаю, что оно *обозлимшись*, и *обозлимшись не маненечко, а очинно*. По послѣднимъ штрихамъ, которыми я имѣю закончить Александрушку, весьма легко разсудить, какимъ именемъ лучше назвать коренную жилицу комнатъ *снебилью*.

Во весь голосъ, безъ всякой помѣхи, задуваетъ, бы-

вало, Лукерья на кухнѣ, примѣрно хоть про то, какъ нѣкто «вечоръ былъ на почтовыемъ дворѣ», и какъ этотъ нѣкто на томъ дворѣ на почтовомъ «получилъ отъ дѣвицы письмо». Раздолье полное звонкому бабьему голосу, потому что день выгналъ всѣхъ комнатныхъ жильцовъ на добычу; корридорный людъ тоже разбрелся кое-куда по своимъ мизернымъ дѣлишкамъ, — и во всемъ этомъ пустынномъ сараѣ осталась только домосѣдничать Лукерьина пѣсня да Александрушка.

Въ видѣ какой-то толстой, пѣгой змѣи ворочается въ колѣняхъ у убогой чиновницы ея всегдашній, непокидаемый другъ—шерстяной чулокъ, тихо звякаютъ и шелестятъ ея вязальныя спицы, а сама она, неразвлекаемая многоразличными комиссіями, которыми со всѣхъ сторонъ засыпали ее жильцы комнатные и корридорные, когда бывали дома, долгое время, по своему обыкновенію, молчаливо и неподвижно сидитъ около самой двери и какъ будто старается подслушать, о чемъ именно шепчутся съ этимъ неповоротливымъ чулкомъ ея тонкія, проворныя спицы. Сидитъ, говорю, и ни слова; только головою, по-истинѣ обутою въ какой-то чепецъ съ уродливыми фалбарами, изъ стороны въ сторону раскачиваетъ. А между тѣмъ по лицу ея проходятъ въ эти минуты глубокія морщины, налегаютъ какія-то мрачныя, выражающія крайнее страданіе, тѣни, такъ что Лукерья, случайно прошедши мимо Александрушки, непремѣнно произноситъ:

— Ну, начинается комедь. Подступило!

И дѣйствительно, комедь начинается.

— Что такое? сердито и громко спрашиваетъ Але-

ксандрушка у своихъ спицъ.—Мало ли по бѣлу свѣту всякихъ злыхъ дѣлъ дѣлается, мало ли разной неправды по землѣ ходитъ? Что же мнѣ за дѣло? Батюшка съ матушкой учили: не осуждай. Ну, и не буду, да! Молчишь—не грѣшишь и спишь—не грѣшишь.

Эти растолковыванія всегда перекрикивали горластую Лукерьину пѣсню. Полная тишина воцарялась тогда въ комнатахъ *снебилью*; только одинъ котъ тихо мурлыкалъ, ластясь къ ногамъ Александрушки, да сама Лукерья, опершись о косякъ кухонной двери, пристально смотрѣла на человѣка съ загогулиной въ головѣ и по временамъ, съ видимымъ впрочемъ ужасомъ, спрашивала:

— А ну-ка, Александрушка, про мою судьбу что-нибудь разскажи!

— Что же такое, что у ней каменный домъ? отвѣчала больная на вопросъ Лукерьи о ея судьбѣ.—Кабы тогда я глупа не была, онъ бы и теперь, домъ-то, мой былъ. Да! Я ей тогда сказала: сестрица! ты замужъ хочешь, за богатаго хочешь? Выходи—вотъ тебѣ мой домъ. Тебя съ нимъ богатый возьметъ, только ты меня не покинь, когда мнѣ что понадобится. Вотъ она и не покинула... Ха-ха-ха-ха! А, сестра! Ахъ, черти! Грѣхъ, грѣхъ ругаться-то, Александра Семеновна! Перекрестись, милая.

— Ишь вѣдь какъ чешетъ она правду-то матку! ужасалась Лукерья, относя всѣ эти слова къ своей особѣ.—Какъ она самое-то нутро мое до тонкости разбираетъ—страсть! Брехъ-баба я, грѣшница, каюсь! И за дѣло, и безъ дѣла со всякимъ грызться готова...

Теперь сокращусь, попристальнѣй стану Богу молиться. Только къ чему же она это про каменный домъ заводила?.

— А былъ бы, былъ бы домъ и теперь мой! все съ большимъ и бо̀льшимъ неудовольствіемъ толковала Александрушка.—А можетъ бы его пожаромъ спалило, сквозь землю бы провалился, или бы какъ-нибудь меня, дуру, имъ чужіе добрые люди надули. Все можетъ. Много, я говорю, по бѣлу свѣту всякаго несчастья расхаживаетъ,—охъ, какъ много! И несчастья, и неправды... Я вотъ теперь испоконъ-вѣку всѣмъ помогала да угождала, а меня всѣ вонъ выгнали, лицо-то мнѣ все заплевали. А за что? Ну-ка, скажи, за что? усиленно спрашивала больная, воззрясь въ свой чулокъ и спицы.

— А ужь это такъ, Александра Семеновна! жалобно отвѣтила ей Лукерья, опять-таки воображая, что это угодный Господу человѣкъ про ея *жисть* обинякомъ разговариваетъ.—Это ужь, Александра Семеновна, моя должность такая разнесчастная. Жалованья-то мало, а ругательствъ всякихъ въ-волю на этихъ мѣстахъ напринимаешься...

— Гдѣ бишь у меня сынъ? вдругъ спросила старуха и при этомъ вопросѣ даже отняла глаза отъ чулка и подняла ихъ кверху.—Какой это у меня сынъ былъ, никакъ я не вспомню? Что это онъ у меня словно бы офицеръ былъ, или бы дѣвицей онъ былъ? Нѣтъ, это дочь-дѣвица у меня была; а онъ офицеръ былъ, точно! Добрый былъ, красивый, верхомъ на конѣ, я помню, ѣзжалъ онъ, денегъ давалъ мнѣ...

Тутъ окончательно уже пришла въ себя Александрушка, при воспоминаніи о сынѣ, и хриплымъ голосомъ на всю комнату заплакала.

— Ви-и-кторушка! Го-о-лубчикъ мой! Всѣ-то меня безъ тебя бьютъ, всѣ обижаютъ!..

— Ну, ужь теперь про себя пошла, проговорила Лукерья, уходя въ кухню.—Жаль, раньше ты не пришелъ: такія тутъ сейчасъ Александрушка исторіи городила—забава! Теперь опомнилась, объ сынѣ голосить принялась, рекомендовала кухарка Александрушкину печаль одному знакомому солдатику, который пришелъ потолковать съ ней бездѣлицу до тѣхъ поръ, пока хозяйка съ рынка не приволокется (Чортъ ее облупи совсѣмъ, толстую шельму! Всегда, какъ увидитъ, оретъ: зачѣмъ, говоритъ, крупа, къ моей кухаркѣ шатаешься? У меня, говоритъ, благородные господа живутъ).

— Черти вы, идолы! орала Татьяна, до красноты упаренная полупудовою порціей говядины, которую она притащила съ рынка.—Кричала, кричала, чтобы двери отворили,—хоть бы сабака какая бѣшеная отозвалась. Ну, эта сумасшедшая заговорится съ собой, не слышитъ; а ты-то здѣсь какихъ чертей собирала? спрашивала сердитая съемщица у Лукерьи.

— Здравія желаю, Татьяна Ликсѣевна! ласково раскланивался солдатъ, пряча за обшлагъ шинели только-что закуренную трубчонку,

— Надымилъ ужь тутъ табачищемъ-то своимъ! взъѣлась на него Татьяна. — Вѣдь съ него собаки чихаютъ, а ты господскія хоромы имъ сквернишь. И зачѣмъ только ты, крупа, къ моей кухаркѣ шатаешься?

повторила она свою обыкновенную фразу, на которую солдатъ никогда не могъ отвѣчать сколько-нибудь удовлетворительно. — Охъ, дѣлать-то вамъ нечего!.. Ужо тебя баринъ какой-нибудь протолкаетъ отсюда.

Не выдержалъ наконецъ солдатикъ нападковъ съемщицы и заговорилъ:

— Хоть я теперича, Татьяна Ликсѣевна, и солдатъ, только никому обижать себя не позволю, потому не та наша линія... Такъ-то! А что теперь касательно, что я къ Лукерьѣ пришелъ, она мнѣ въ сродствѣ, и вы ей сродниковъ своихъ запретить впускать не имѣете права, потому не къ вамъ я пришелъ.

Энергичнѣе этой оппозиціи, выставленной солдатикомъ Татьяниной ruготнѣ, никогда еще не видывалъ темный корридоръ, хотя, надо правду сказать, точно также онъ никогда и не слыхалъ болѣе зычнаго окрика, который задала въ это время Татьяна солдату за эту оппозицію. Остальной корридорный народъ былъ до того безцвѣтенъ и сносливъ, что хозяйкѣ на него и покричать-то, какъ слѣдуетъ, не удавалось, потому что всѣ ея самыя татарскія желанія, безъ малѣйшаго даже помысла о противорѣчіи, въ ту же минуту исполнялись этимъ народомъ.

— Смолчи ужь лучше, совѣтовали другъ другу корридорные, когда кто-нибудь изъ нихъ осмѣливался возражать лютующей бабѣ. — Разозлится, на морозъ выкинетъ, тебѣ же тогда хуже будетъ.

Немножко не таковы были жильцы комнатные.

VIII.

ЖИЛЬЦЫ КОМНАТНЫЕ, ИЛИ ГОСПОДА.

Описанный корридоръ раздѣлялъ комнаты *снебилью* на двѣ половины, въ каждой по четыре каморки, величаемыхъ Татьяною громкимъ именемъ номеровъ. Одна половина своими окнами была обращена на улицу, другая па дворъ. Въ одной изъ лучшихъ комнатъ, смотрѣвшей на улицу, въ качествѣ человѣка, происходившаго отъ старинныхъ польскихъ магнатовъ, жилъ прапорщикъ Бжебжицкій.

— Да! я таки привыкъ къ нѣкоторому комфорту, говаривалъ сей обрусѣвшій сарматъ, заклацывая зимой пальто для того, примѣрно, чтобы купить ничтожный коврикъ, по двугривенному за аршинъ, къ изодранному дивану, на которомъ онъ спалъ.

— Въ чемъ же вы теперь ходить будете? спроситъ кто-нибудь у прапорщика въ то время, когда онъ производитъ свою спекуляцію.

— Есть мнѣ время разсчитывать, какъ и въ чемъ ходить я буду, обыкновенно отвѣчалъ онъ. — Подите спросите у Александрушки, въ чемъ она будетъ ходить. Въ томъ же самомъ и я ходить буду. Рекомендую ее вамъ, какъ самый лучшій образецъ для всевозможныхъ подражаній, прибавлялъ Бжебжицкій, когда у него заходилъ съ кѣмъ-нибудь изъ сожителей споръ о какомъ-нибудь трудномъ вопросѣ жизни.

— А все это меня Москва къ такимъ роскошамъ пріучила, откровенничалъ Бжебжицкій съ жидомъ, принимавшимъ у него пальто, въ надеждѣ расположить своимъ добрымъ обхожденіемъ израильтянина къ тому, чтобъ онъ взялъ съ него въ мѣсяцъ пять процентовъ, а не десять, какъ обыкновенно взимаютъ израильтяне.— То-есть ты не повѣришь, Барадка, убаюкивалъ воинъ наишельмѣйшаго жида,—такими она меня суммами заваливала, теперь даже и подумать о нихъ грѣшно. А сама какая была! Ежели я тебѣ ея портретъ покажу, такъ ты въ полное неистовство придешь.... Но жидъ своими черными, безстрастными глазами въ одно и то же время осматривалъ и прапорщичье пальто, и самого прапорщика до того насмѣшливо и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительно, что даже самая окриленная надежда заставить его что-нибудь вскрикнуть при взглядѣ на портретъ московской купчихи, становилась втупикъ; однакоже Бжебжицкій, какъ нельзя больше знакомый съ этимъ взглядомъ, все-таки продолжалъ:

— Ишаакомъ, Іаковомъ и Ижраилемъ клянусь, что ты, Барадка, непремѣнно вскрикнешь: «Пане мой великій! пане мой, ухъ какой ясновельмозный! Дайте мнѣ эту купчиху миррой и виномъ напоить». Такъ-то, скверная ты тварь, жидъ ты, христопродавецъ, анаѳема! Вотъ я изъ-за чего мое пальто закладываю: изъ-за купчихи собственно, потому что нынѣшній день предстоитъ мнѣ случай возобновить съ ней прерванное знакомство. Такъ ты обстоятельство это и чувствуй всѣмъ своимъ носомъ жидовскимъ.

Затѣмъ шла уже Барадкина рѣчь.

— Ахъ, пане мой! говоритъ Барадка. — Какъ зе вы хоросо такъ по-пасему науцились. Долго, долзно-быть, въ Полсѣ вы зыли; много, долзно-быть, вы насему брату своихъ барскихъ весцей прозакладывали... И все-таки вмѣсто того, чтобы дать прапорщику подъ его пальто шесть рублей, жидъ давалъ ему почему-то десять, а процентовъ бралъ только восемь.

Такимъ образомъ велъ прапорщикъ свои дѣлишки.

Всѣ они у него состояли изъ закладовъ и перезакладовъ и постоянныхъ стремленій ухватить гдѣ-нибудь въ магазинѣ, или лавкѣ, распродающейся, вслѣдствіе нѣкоторыхъ коммерческихъ обстоятельствъ, по неимовѣрно-дешевымъ цѣнамъ,—ухватить, говорю, товару какого-нибудь, подъ заемное письмо, сотняги эдакъ, канальство, на двѣ, на три и потомъ бакнуть этотъ товарецъ, по крайности, за бумажку съ столбиками. Въ послѣднее время стремленія эти осуществлялись какъ-то съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже.

— Чѣмъ ближе къ гробу, говаривалъ Бжебжицкій, — тѣмъ какъ-то несмысленнѣе дѣлаешься. Нынѣ нѣтъ уже той прозорливости, которая постоянно отличала столь эффектно бунтовавшую юность мою. Или ужь народъ, то-есть, что называется массой-то, измошенничался, испрогрессировался, т. е. ходишь-ходишь около него съ цѣлями добыть отъ него свои благородныя средства—и ничѣмъ-то ты его не объѣдешь. Сама эта масса въ нынѣшнія голодныя времена каждую минуту дикимъ звѣремъ рычитъ, потому что запросъ на хлѣбъ изо всякаго рта здоровый идетъ и тишины этой без-

мятежной, которою добрая старина отличалась даже и въ провинціи не найдешь. Д-да-съ!

Никогда, даже и въ тѣ моменты, когда Бжебжицкій находился на взводѣ, и слѣдовательно, судя по общечеловѣчески, въ большемъ или меньшемъ расположеніи къ откровенности, нельзя было добиться отъ него, кто онъ, откуда появился въ столицѣ и чѣмъ именно занимается въ ней. Рекомендую же я его за прапорщика на томъ единственно основаніи, что это было последнее его показаніе, которому почти никто не вѣрилъ, потому что за нѣсколько лѣтъ назадъ Бжебжицкаго нерѣдко видали въ Москвѣ и подъ голубымъ околышемъ, и въ эксельбантахъ ученаго офицера, въ костюмѣ штатскаго фешіонебля, съ заливающей всю улицу своимъ ароматомъ сигарой во рту, и въ жалкихъ отрепьяхъ столичнаго пролетарія—не съ папироской даже, а просто-напросто съ бумажнымъ крючкомъ, набитымъ тютюномъ, гдѣ-нибудь на Цвѣтномъ бульварѣ, или у будки, дружелюбно вспоминающимъ съ часовымъ про красоту родимой саратовской степи, гдѣ въ одной деревушкѣ у часоваго, какъ слышно было изъ разговоровъ, проживала старая мать, а у Бжебжицкаго въ другой, сосѣдней деревушкѣ находилось, будто бы, имѣніе, отнятое во время его сиротства нѣкоторымъ старымъ дядей, отъявленнымъ мерзавцемъ и шельмой.

Видали, повторяю, люди, какъ прапорщикъ заговаривалъ, какъ говорится, зубы бутырямъ съ цѣлью, воскресивши въ ихъ памяти родныя и весело-зеленыя поля и родныя же, но черныя и печальныя избы, получить нѣкоторымъ образомъ приглашеніе войти въ теп-

лую будку, обогрѣться и покалякать; а дальше Бжебжицкій умѣлъ уже, какъ онъ самъ про себя говорилъ, держать фортуну за хвостъ, —дальше въ будку приходила какая-нибудь Матрена изъ сосѣдняго дома, вынимала эта Матрена изъ своихъ кармановъ полфунтика сахарку, полтора золотника чаю и становила самоваръ. Подъ его пріятное шипѣнье, Бжебжицкій заводилъ нескончаемый разсказъ про свою сиротскую, бѣдственную жизнь, за что конечно получалъ, хотя и косвенное, награжденіе въ видѣ этого угостительнаго горячаго чая и мягкаго полубѣлаго хлѣба, которые такъ пріятно ложатся на начинающій уже мертвѣть желудокъ. А ночь между тѣмъ,—эта темная, съ холоднымъ, постоянно моросящимъ дождемъ, осенняя ночь,—все идетъ да идетъ вмѣстѣ съ этимъ печальнымъ разсказомъ про непрестанный голодъ и холодъ, про необходимость не унывать въ такія времена, про разныя веселыя шутки, которыми, въ свою очередь, молодцеватый бѣднякъ отражалъ нашествіе на него грозной нищеты; а простой народъ съ каждою минутой все внимательнѣе и внимательнѣе слушаетъ этотъ разсказъ и все любовнѣе и любовнѣе подчуетъ занимательнаго гостя.

— Вы вотъ что, ваше благородіе, говоритъ наконецъ будочникъ, окончательно завоеванный барскимъ разсказомъ, — вы подождите на минуту говорить. Я вотъ по сосѣдству въ кабачокъ сбѣгаю, полштофика да селедочки захвачу. За одно ужъ. Кстати взгляну, дежурный нейдетъ ли.

— Ахъ, баринъ, баринъ! задумчиво и печально произноситъ Матрена, смотря на гостя. — То-то, по-

гляжу я на тебя, горя-то на своемъ вѣку много ты нахлебался!

— Вволю хлебнулъ всего: и горя, и радости, мать ты моя! Вѣдь вотъ теперь, признаться сказать, не по моей бы губѣ вашъ чай, не привыкъ я пить такого; однакоже пью, и съ-роду, кажется, сласти такой не видалъ. Вотъ до чего голоденъ!

— О, о-хо-хо! простонала Матрена.—А мы, грѣшные, все-то завидуемъ господамъ, все-то мы думаемъ, что у нихъ горя-то и въ поминѣ нѣтъ.

— Какъ же! Больше вашего еще. Ты не гляди, что они сладко ѣдятъ да одѣваются чисто. Ты вотъ, напримѣръ, сошла съ мѣста, нѣтъ у тебя квартиры, нѣтъ денегъ, такъ ты въ любомъ мѣстѣ у своего брата ночевать за Христа ради выпросишься, а барину-то стыдно христарадничать. Вотъ я которую ночь на улицѣ сплю...

— Баринъ хорошій, да ты нонѣ-то хошь у моего въ будкѣ переночуй; все же теплѣе. Отдохнешь по крайности...

Умѣлъ Бжебжицкій толковать со всякаго рода бѣдностью, и она его, и онъ ее до слова понимали.

— Я теперь ничего не боюсь, говаривалъ прапорщикъ, — ко всему привыкъ и у самаго даже бѣднаго человѣка, что̀ бы только ни захотѣлъ, все могу выпросить. Опять же и устроился я чудесно: всякое мѣсто для меня хорошо и скверныхъ случайностей не существуетъ.

Говоритъ это прапорщикъ, а самъ (беззаботный такой!) сидитъ на своемъ изорванномъ диванѣ и болтаетъ

ногами. Его апартаментъ смотрѣлъ тогда тоже какъ-то особенно беззаботно, словно бы это былъ не человѣческій апартаментъ, а птичье гнѣздо, оставленное своими первоначальными хозяевами и служащее теперь мѣстомъ отдыха и ночлега для разныхъ перелетныхъ птицъ. Его пустота не страшила собой даже непривычныхъ, постороннихъ глазъ. Три легкіе соломенные стула, ломберный столъ, за отсутствіемъ надлежащаго количества ногъ, прислоненный къ стѣнѣ, этажерка съ пылью и гравированное изображеніе какой-то красноватой и пухлой женщины съ надписью: «L'innocence», Богъ вѣсть кѣмъ и когда повѣшенное на стѣну, оклеенную разводистыми обоями,—все это вмѣстѣ съ прапорщикомъ какъ будто сейчасъ же готово было вскочить на никогда не устающія ноги и бѣжать за благородными жизненными средствами въ первую лавку, гдѣ, по слухамъ, удобно было прихватить кое-что по-мелочи á bon crédit. Готово все это было, сказываю, безъ устали бѣгать по лавкамъ, по жидкамъ и по русскимъ ростовщикамъ и ростовщицамъ—остепенившимся бабешкамъ, съ цѣлью отысканія у этого люда кредита,—прыгать и весело хохотать, ежели находился таковой кредитъ, и, не задумываясь, не печалясь, равнодушно разстановиться по прежнимъ мѣстамъ, ежели борода, такъ сказать, выметала изъ лавки прапорщика, а жидки и остепенившіяся бабешки просили у него какого-нибудь цѣннаго залога.

Говоря вообще, изъ всего того, что обставляло темную жизнь Бжебжицкаго, только одинъ черный кобель его былъ невозмутимо солиденъ и серьезенъ, каковое

впрочемъ кобелиное качество нисколько не дѣлало прапорщика заботливѣе, а напротивъ подавало ему нескончаемые поводы къ разнымъ штукамъ, которыя обыкновенно смѣшили большею частью нахмуренныхъ жильцовъ комнатъ снебилью.

— Господа! часто крикивалъ Бжебжицкій черезъ стѣну своимъ сосѣдямъ.—Идите ко мнѣ, кто, какъ говорятъ хохлы, хочетъ позакусить трохи. Цампа будетъ за насъ философствовать, а мы, какъ говорятъ русскіе мужики, клюнемъ бездѣлицу.

Штука эта, когда униженные и оскорбленные сосѣди Бжебжицкаго, внявъ его предложенію клюнуть, предоставивши философію исключительно на долю Цампы,—по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, исполнена глубочайшаго интереса. О томъ, съ какимъ бѣшенымъ остервенѣніемъ предается выпивкѣ физически и нравственно изстрадавшаяся бѣдность, можно судить по слѣдующему, совершенно справедливому, анекдоту. У меня былъ одинъ пріятель, тоже изъ міра комнатъ снебилью, теперь старикъ уже,—башка, бывшая нѣкогда при самомъ Денисѣ штабъ-ротмистромъ, угорѣлый пафосъ которой простерся въ былые годы до того, что раззадоренная однажды лихою пѣсней безсмертнаго въ лѣтописяхъ московскихъ кутилъ цыгана Илюшки, она бросила ему семьдесятъ тысячъ, по тогдашнему счету—на ассигнаціи, а сама осталась въ одномъ раззолоченномъ мундирѣ, при *свѣтлой сабли* полосѣ и съ поларшинными усами...

— Старичина! спросилъ я однажды у этой башки, когда мы были съ ней въ гостяхъ у двухъ братьевъ,

степныхъ помѣщиковъ, пріѣхавшихъ въ Москву просадить четыре тысячки рублишекъ, по нынѣшнимъ уже счетамъ—на серебро.—Старичина! сказалъ я,—какіе бѣсы помогаютъ тебѣ вырѣзывать такіе страшные стаканищи?

— А это, отвѣтилъ старичище, улыбаясь и покручивая свою сивую растительность, — это, говоритъ, братецъ ты мой, мнѣ не бѣсы помогаютъ, а сугубое представленіе, что завтрашній день на моемъ столѣ не только этой благодати не будетъ, а даже и рюмочки простой кокоревщины...

Вотъ что мнѣ сказалъ проерыжничившійся старичина, и, слѣдовательно, Богъ съ ней, съ этою бѣдностью, когда она обжирается за чужимъ столомъ, и даже Богъ съ ней и тогда, когда она опивается на чужія деньги, ибо и бѣдность, по моимъ теоріямъ, есть не что иное, какъ живой человѣкъ, который, по пословицѣ, хочетъ калачика, какъ и всякая живая душа.

Готовѣе всѣхъ и, слѣдовательно, прежде всѣхъ являлся на закуску къ прапорщику нѣкто Сафонъ Ѳомичъ Милушкинъ—личность, принадлежавшая въ дни своего младенчества къ какому-то мудреному старообрядческому согласію. Это былъ маленькій, съ красноватымъ лицомъ, человѣкъ, вѣчно думающій о чемъ-то, робкій и какъ будто однажды навсегда испуганный какою-то страстью. Въ комнатахъ снебилью онъ прославился своею, такъ-сказать, пламенной любовью къ выпивкѣ, отличнымъ умѣньемъ пѣть въ подпитіи разные старинные псалмы и по-истинѣ поэтическими разсказами о своей прошлой жизни, о пугающей средѣ, въ которой

она началась, и о тѣхъ совершенно-невѣроятныхъ причинахъ, вслѣдствіе которыхъ Сафонъ Ѳомичъ разорвалъ всякую связь съ этою средой.

Когда Милушкинъ находился въ трезвомъ видѣ, самый искусный дипломатъ не могъ бы добиться отъ него ни одного слова. Бывало, какой-нибудь франтъ, наскучивши свистать и маршировать по своей трехъаршинной кельѣ, придетъ къ Сафону Ѳомичу, сядетъ около него и начнетъ:

— Ну что, Сафонъ, какъ дѣла? Что ты намѣренъ теперь дѣлать?

Сафонъ молчаливо переходилъ отъ франта на другой стулъ и принимался молчать, если можно такъ выразиться, еще усиленнѣе и какъ бы озлобленнѣе.

— Что же ты ничего не говоришь? Я пришелъ къ тебѣ, братецъ, по душѣ потолковать. Слышалъ я вчера, что лекціи по винокуренію будутъ читать. Вотъ бы тебѣ чудесно послушать курсъ и на мѣсто устроиться въ акцизъ—а? Откупа-то теперь по-боку скоро. Слышалъ, небойсь?

— Н-ну, д-да! сквозь зубы процѣживалъ Милушкинъ.

— Право, попробовалъ бы, продолжалъ пріятель.— Взялъ бы ты, братецъ ты мой, билетъ на эти лекціи...

Сафонъ Ѳомичъ, въ сильномъ негодованіи, обыкновенно трясъ въ это время своими длинными волосами, какъ бы сбрасывая съ своей головы ненавистный билетъ на винокуренныя лекціи.

— Да что ты головой-то трясешь, шутъ ты этакой?

Тебѣ же добра желаю: мѣста, говорятъ, отличныя, оклады большіе.

— Да отвяжись ты отъ меня, Христа-ради! какъ-то болѣзненно и вмѣстѣ съ тѣмъ азартно вскрикивалъ Милушкинъ, и ежели пріятель не унимался и послѣ этого крика, онъ уходилъ со двора и пропадалъ нерѣдко на цѣлые сутки.

Но выпивалъ Сафонъ Ѳомичъ—и совершенно мѣнялся. При одномъ только взглядѣ на полуштофъ лицо его принимало какое-то плачущее выраженіе; какая-то мука ложилась на него, вслѣдствіе которой Милушкинъ принимался тяжело вздыхать и крутить головою, и наконецъ уже выпивалъ, послѣ чего неукоснительно-громко стучалъ по столу и скорбно морщился. И достовѣрно извѣстно, что въ Сафонѣ Ѳомичѣ эти пріемы были вовсе не заранѣе придуманнымъ маneромъ съ цѣлью посмѣшить и амфитріона, и компанію, а просто какою-то необходимой мистеріей, безъ которой выпивка не имѣла бы для него никакой цѣны.

— Для чего ты морщишься, Сафонъ? спрашивали у него собесѣдники, зная, что Сафонъ на-взводѣ и что, слѣдовательно, какъ всѣ шутили на его счетъ, находится въ полнѣйшей возможности разъяснить причину всѣхъ причинъ.

— Сгу-у-била она меня, чор-ртъ ее побери! отвѣчалъ Сафонъ, указывая на водку.—Гибель она моя! вотъ отъ чего я морщусь, потому мука... Хочу совладать съ ней и не могу; я отъ немощи этой страдаю...

Предстоявшіе разражались громкимъ хохотомъ, а Сафонъ съ скрежетомъ зубовъ наливалъ еще рюмку, съ

злостью выпивалъ и приговаривалъ: «о, чтобъ тебя чортъ взялъ, проклятое зелье! Не было бы тебя, такъ и горя у меня не было бы никакого!...»

Послѣ двухъ рюмокъ Сафонъ Ѳомичъ обыкновенно начиналъ, по выраженью Татьяны, комедь про свою злосчастную жизнь. И хозяйка комнатъ, и кухарка даже лѣзли тогда къ Милушкину съ своими шутками, упрашивая его разсказать имъ что-нибудь поинтереснѣе,— и Милушкинъ безпрекословно разговаривалъ съ ними, примѣрно, въ такомъ родѣ:

— И вамъ разсказать что-нибудь? спрашивалъ онъ ихъ, по своему обыкновенію вихляясь и какъ-то отчаянно покручивая побѣдною головой.—Извольте, Татьяна Алексѣевна! извольте, Лукерья Онисимовна! Удовлетворю и васъ. Примѣрно, какая теперь разница, спрошу я васъ, между мною и вами? Вы обѣ—дубовые отрубки, и я по-настоящему долженъ бы быть дубовымъ же отрубкомъ. Идолъ! гремѣлъ старовѣръ на Татьяну,—ты такъ и осталась дубомъ на всю жизнь, а я, на мое всегдашнее горе, въ животное превратился,—въ живое животное, которое во всѣ мѣста каждая рука бьетъ и оно это чувствуетъ; а ты, ежели тебя даже и въ рожу съѣздить, ты этого не почувствуешь, потому корой ты обросла столѣтней.

— Чортъ знаетъ что! Какъ же это не почувствую, когда меня бить будутъ? отшучивались Татьяна, видимо однако робѣя начинавшаго уже восторгаться Сафона Ѳомича.

— Да ужъ я тебѣ врать не стану. Ты слушай меня, дурь безмѣрная! Понимаешь ли ты, что соврать, какъ

ты напримѣръ ежесекундно врешь,—я не могу, какъ не могу не умереть когда-нибудь. И потому я тебѣ говорю: ты—дубовый отрубокъ, которому легко жить, а мнѣ тяжело.

— Ну, говорилъ кто-нибудь изъ жильцовъ,—наслушается теперь Татьяна старовѣрческихъ отвлеченностей!—Между тѣмъ сама Татьяна, слушая эти отвлеченности, пугливо хихикала надъ ними, какъ говорится, въ сторону.

— Такъ-то, Татьяна Алексѣевна! Ты вотъ какъ думаешь, что я здѣсь дѣлаю, живучи у тебя? Ты вѣдь, знаю я, полагаешь, что я ничего не дѣлаю, а такъ вотъ себѣ, баклуши бью!

— Какъ можно, Сафонъ Ѳомичъ, ничего не дѣлать? говорила Татьяна съ стыдливой и старающеюся быть почтительной улыбкой,—все что-нибудь по своимъ дѣламъ орудуете, а только, признаться сказать, не знаю что.

— Вотъ я тебѣ сейчасъ скажу, чѣмъ именно я у тебя орудую здѣсь, вызывался Милушкинъ. — Я, милая ты моя, наблюдаю, есть ли въ Москвѣ человѣкъ, которому бы жить на этомъ свѣтѣ хуже меня было. Вотъ что я дѣлаю! Наблюдаю—и не нахожу, и скорблю душой отъ зависти, что всѣ люди—какъ люди, а я—ни Богу свѣча, ни чорту кочерга. Ты и то лучше меня. Изобью я тебя сейчасъ за это, бабница дурацкая! Всякому злу ты причина, всякому доброму начинанію гибель.

— Эй, Сафонъ! опомнись, любезный! уговаривали его сосѣди, выбѣжавшіе на крикъ Татьяны, которую несчастный начиналъ уже поталкивать.—Поди лучше выпей, мы за водкой послали.

— Любезное дѣло! соглашался Сафонъ.—Дуракъ я, вздумалъ съ бабой раздабарывать. Плевать нужно на бабъ всегда, а не раздабарывать. Пьемъ?

«К-кому повѣмъ печ-ча-аль мою?
К-ко-о-го призову къ рыданію?»

обыкновенно запѣвалъ Сафонъ Ѳомичъ, когда начиналъ, какъ говорится, заговариваться. Всякій, кто только не лѣнился, могъ сдѣлать изъ него въ это время своего шута.

— Ну, Сафонъ, приставали къ нему тогда со всѣхъ сторонъ,—разскажи, пожалуйста, какъ ты попалъ сюда, зачѣмъ и почему?

— Можно! кричалъ Сафонъ.—Знаю, что вы смѣетесь надо мной, бестіи, а я разскажу, — въ поученье ваше общее разскажу. Слушайте: «Родился я тамъ, гдѣ-то, у чорта на куличкахъ; верстамъ отсюда до тѣхъ мѣстъ счету нѣтъ, только всѣ эти версты я собственными моими ногами измѣрилъ, и всѣ онѣ—эти, т. е., ноги мои— и теперь еще отъ той мѣры долгой кровью сочатся..... Ноютъ и визжатъ онѣ у меня въ тысячу больнѣе, чѣмъ вы ноете и визжите, когда вамъ Татьяна жрать не даетъ по недѣлѣ... Такъ-то!... Что же я еще хотѣлъ сказать вамъ, ребятки? Да! Дѣдушка у меня былъ... Только лучше я про дѣдушку моего ни слова вамъ не скажу, потому что вы такихъ людей и во снѣ ни разу не видывали. Вѣкъ вашъ не такой и племя—иное. И про отца тоже ничего не скажу, потому что и меня одного станетъ про вашу потѣху дурацкую. Всего лучше будетъ, продолжалъ Милушкинъ, сердито наморщивая брови и

какъ бы опамятовавшись,—ежели я про весь домъ нашъ не буду говорить съ вами; испугаетесь вы пожалуй до того этого дома, что и смѣяться надо мной перестанете.

«Не по носу вамъ этотъ домъ, ребята! словоохотливо добавлялъ Сафонъ Ѳомичъ, расцвѣчая насильственной улыбкой свое лицо, всегда помрачаемое воспоминаніемъ о родимомъ домѣ;—букетъ его, братцы, сразу перехватитъ вамъ носовые хрящи, даромъ что вы ребята обстрѣленные, ко всякимъ, слѣдственно, ароматамъ привыкли.

«У насъ, бывало, въ дому по цѣлымъ ночамъ мать, какъ Рахиль въ Рамѣ, стонала и убивалась, а сѣдой дѣдъ, съ морщинистымъ такимъ лицомъ, неподвижнымъ и сильнымъ, какъ гора каменная, тоже по цѣлымъ ночамъ за толстою книгой въ кожаномъ переплетѣ сидѣлъ и дочь, отъ слезъ обезумѣвшую, ни однимъ взглядомъ, бывало, не пробовалъ утѣшить. Сидитъ, говорю, бывало, въ переднемъ углу, какъ темная туча, и бубнитъ свою книжку; а въ окна большой избы, освѣщенной тонкимъ сальнымъ огаркомъ, такой-то крикливый вѣтеръ просился,—тоска!...

«Но и матери плакать, и дѣду благочестивымъ книжнымъ чтеніемъ заниматься ничуть не мѣшали ужасы страшной лѣсной, сѣверной ночи, потому что горе нашего дома было въ тысячу разъ страшнѣе этой ночи... Почему страшнѣе? Потому что про это разговаривать не велѣно было!... Ха-ха-ха-ха! истерически хохоталъ Сафонъ Ѳомичъ.—Не пикни! кричали,—а то, говорятъ, другихъ испугаешь... Ха-ха-ха-ха!

«Только я вамъ и объ этомъ горѣ не буду больше

толковать; лучше я вамъ разскажу про отцовы и про дѣдовы книжки, по которымъ я читать выучился. Это были толстыя, почернѣвшія книги, которыя угрюмо высматривали изъ темнаго передняго угла, гдѣ онѣ обыкновенно лежали,—словно бы говорили ребятишкамъ эти книги, что вотъ-де, мальчуганы, какія мы сердитыя! Много объ васъ хворосту изстегаютъ, много волосенокъ повыдергаютъ, когда будутъ васъ учить вникать въ насъ! Только, бывало, картинками, нарисованными въ нихъ, и можно было подманить ребятенокъ къ этимъ книгамъ. Подойдешь, начнешь перелистывать, а отъ листовъ пахнетъ воскомъ и ладаномъ, божьимъ деревцомъ и кипарисомъ, и всѣ они переложены узорчатымъ кружевомъ, разноцвѣтными лентами и широкими прорѣзными древесными листьями. Не наглядишься, бывало, на книги, когда, осиливши первый страхъ, станешь разсматривать ихъ. Особенно, я помню, занимали меня двѣ картинки. Одна изъ нихъ была въ псалтырѣ и изображала пророка и царя Давида, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ, поднятой къ небу, гдѣ видны были зеленые верхи райскихъ деревьевъ, съ стволами густо-позолоченными; царь былъ въ свѣтлыхъ, широкихъ одеждахъ и съ гуслями въ рукахъ. До того, бывало, досмотришься, глядя на эту картинку, что на-яву шевелились предъ тобой листья небесныхъ садовъ, порхали въ нихъ и пѣли какія-то невиданныя птицы, и царскія гусли тоже пѣли вмѣстѣ съ ними до того сладко, что все сердце въ тебѣ изноетъ, слушая эти пѣсни. Опомнишься, возьмешь другую книгу, съ другой, особенно памятною мнѣ, картинкой: тамъ, съ молніями въ карательно-распростертыхъ рукахъ, былъ

изображенъ Господь Саваоѳъ, въ видѣ старца, парившаго надъ землей на многокрылыхъ ангелахъ...

«При взглядѣ на лицо разгнѣваннаго Бога, на эти змѣистыя, слегка подернутыя золотомъ, молніи, летающія изъ его могучей руки, непремѣнно, бывало, перекрестишься и зашепчешь: «святъ, святъ, святъ!» — потому что кажется тебѣ, какъ разсказывалъ дѣдъ про страшный судъ, что вотъ-вотъ сейчасъ колыхнется земля на своихъ основаніяхъ и запылаетъ всеобщимъ пожаромъ и что волны того пожара достигнутъ до самаго неба...»

Тутъ старовѣръ приходилъ въ окончательный экстазъ. Его маленькое, опушенное впрочемъ рыжею бородой, лицо гнѣвно морщилось и свѣтлѣло, на лбу ложились совершенно-старческія, глубокія морщины, придававшія этому лицу выраженіе несокрушимой силы, и, злобно стуча кулакомъ по столу, Милушкинъ продолжалъ свой разсказъ съ такимъ горячимъ одушевленіемъ, какъ бы нашелъ онъ сейчасъ противника, который на-смерть оспариваетъ правду его разсказа:

«Воспитали меня эти книги для славы Бога моего, которую я неустанно хочу проповѣдывать. Что вы думаете, шуты вы, гробы повапленные? Можетъ-быть проповѣдь моя загремѣла бы въ уши ваши, какъ громъ Саваоѳа, который въ старой книгѣ на картинкѣ душа моя видѣла и слышала, можетъ она образумила бы васъ, перекрестились бы вы отъ нея, можетъ-быть. Али нѣтъ, не перекрестились бы?.. То-то и я самъ думаю, врядъ ли, потому что душъ у васъ нѣтъ и сердецъ у васъ нѣтъ, а есть только однѣ утробы...»

— Ну, будетъ, ребята! Пошалили—и баста! Ну-ка, кто мнѣ нальетъ водочки? Ибо руки мои уже не двигаются, заканчивалъ Милушкинъ, грустно поникнувъ головой на залитый водкою столъ.

А между тѣмъ всѣ, что называется, храбрые выпивохи уже стеклись къ Бжебжицкому на его закуску, которая, съ каждою минутой свирѣпѣя все больше и больше, превратилась наконецъ въ бурно-шумящую оргію. Сначала выпивку разжигали воспоминанія старовѣра, а потомъ уже настоящій ходъ и значеніе придали ей два неразлучные друга: одинъ—отставной учитель гимназіи, кривой и обезображенный оспой, по прозванію Степанъ Гробъ, главная жизненная сладость котораго заключалась въ постановкѣ, какъ онъ говорилъ, разныхъ глубокихъ вопросовъ, а другой — нѣкто уволенный студентъ Бенедиктовъ, прозванный за свою касту Никитою Пустосвятомъ, а за гигантскій ростъ Високоснымъ-Годомъ, или отставнымъ драбантомъ его шведскаго королевскаго величества. Этотъ мужъ считался звѣздою первой величины на горизонтѣ комнатъ *снебилью* за свое необыкновенно-оригинальное умѣнье играть на гитарѣ.

Високосный-Годъ уже разошелся до такой степени, что его варьяціи начинали временами обращать на себя вниманіе самыхъ пьяныхъ; Бжебжицкій подъ эти звуки сладострастно разлегся на своемъ диванѣ, задумчиво раскачивая въ рукѣ черешневый чубукъ; Амаліи Густавовны и Адельфины Петровны, обманутыя нѣкоторыми мотивами, пробовали подпѣвать подъ гитару, но драбантъ не любилъ, чтобы кто-нибудь, а тѣмъ болѣе

какая-нибудь Адельфина или Степанида вмѣшивалась въ его фантазіи, и потому онъ время отъ времени во все свое громовое горло безъ церемоніи кричалъ: цыцъ, бабы! не то гитарой головы разобью!»

— Гдѣ, гдѣ молодое поколѣніе? кричалъ Степанъ Гробъ, напирая на нѣкотораго молодца, прозваннаго одними—мистеромъ Скимполемъ изъ Холоднаго Дома, другими же—Пляшущимъ Маколеемъ.—Гдѣ оно, это новое поколѣніе? азартно переспрашивалъ Гробъ, яростно вращая единственнымъ глазомъ.—Ужь не это ли? доискивался онъ, тыкая пальцемъ въ одного шестиклассника-гимназиста, тоже жильца комнатъ.—Это вовсе не молодое поколѣніе, а это просто-напросто молодой пьяница!

—Браво! заоралъ такимъ образомъ рекомендованный гимназистъ, конфузливо присѣдая отъ неестественнаго хохота.—Браво, Степанъ! (прибавить слово «Гробъ» къ имени своего бывшаго учителя гимназистикъ все еще по старой памяти опасался). Я съ тобой совершенно одинакихъ убѣжденій насчетъ молодого поколѣнія.

—Поди къ свиньямъ, губошлепъ! оттолкнулъ единомышленника грубый Гробъ.—Коего чорта ты смыслишь въ этихъ дѣлахъ?! Ступай-ка лучше паси овцы отца твоего.

Гимназистикъ вломился-было въ амбицію, но староверъ не допустилъ разгорѣться порывамъ мальчика.

— Полно тебѣ связываться съ этой заразой, юноша! сказалъ Милушкинъ гимназисту.—Ты развѣ не видишь, что это пьяный циникъ? А пьянаго циника, милый мой, отъ свиньи отличить невозможно. Хуже и

гаже этого народа ни одной гадости во всей подсолнечной нѣтъ, ей-Богу. Вѣрь ты моему слову. У тебя отецъ-то кто былъ? Помѣщикъ? Ты, значитъ, за текущій мѣсяцъ за мою квартиру сполна заплати: мнѣ, знаешь, дружочекъ, взять негдѣ, ей-Богу! Стой, я тебя поцѣлую. Такъ-то, милый ты мой, береги свою юность, не пей,—скверно. Я лучше тебѣ про себя разскажу, потому ты сосунокъ еще, да и всѣ вы, рабочіе-то даже какіе, какъ погляжу я на васъ, сплошь сосуны. Ни кипучихъ кровей въ вашихъ сердцахъ нѣтъ, ни размашистой силы въ тѣлѣ. Вѣрно, — цѣлуй! У меня теперь дома братишка такой же молоденькій. Эхма!.. Такъ вотъ, дружокъ, и выучилъ меня отецъ грамотѣ, и принялся я тѣ толстыя книги читать. Читаешь, читаешь, бывало, и уснешь, а во снѣ представится тебѣ, какъ на ладони, Кіевъ святой съ пещерами, храмами, монастырями и широкимъ Днѣпромъ. Ходилъ я, братецъ ты мой, въ Кіевъ взрослый уже,—недавно ходилъ; только, божусь тебѣ, точь-въ точь и во снѣ такой же Кіевъ видѣлъ, какой онъ въ самомъ дѣлѣ есть... Не вѣришь? Такъ я тебѣ вотъ что скажу: я видѣлъ во снѣ Римъ, и его форумъ, и его императоровъ, мучившихъ нѣкогда христіанъ, Голгофу съ тремя крестами, и поля окрестныя Іерусалиму, по которымъ ходилъ Христосъ; видѣлъ, какъ процессія попа-Никиты на споръ по Москвѣ шла; а теперь, когда я уже не отцовы, а другія книги читаю,—другое уже совсѣмъ вижу... И вотъ, милый мой мальчикъ, скоро, скоро развяжусь я съ вами—съ Татьянами: брошу скверну мою и пойду и пойду... Да! ты

вѣрь мнѣ... Боли мои, какъ отцы мои дѣлали, растопчу я ногами своими въ пути томъ...

А передъ Степаномъ Гробомъ, вмѣсто сраженнаго имъ Пляшущаго Маколея, стоялъ уже другой юноша, высокій и стройный, блѣдный такой и серьезный. Не горячась и не рисуясь, тихо говорилъ онъ своему мрачному оппоненту:

— Опытъ,—кто говоритъ противъ этого,—очень хорошая вещь, но жаль, что дальше своего носа онъ ничего не видитъ...

— Браво, Ваня! хохоталъ Милушкинъ, вслушавшись въ послѣднія слова молодаго человѣка.—Катай ихъ съ этой точки зрѣнія. Спроси у нихъ, куда они дѣнутъ жизнь сердца, куда они дѣнутъ мои вѣщіе сны? Ха-ха-ха-ха! Куда они дѣнутъ ихъ?

—Валяй, бабы! Ихъ не переслушаешь! могуче крикнулъ отставной драбантъ его королевскаго шведскаго величества.—Теперь ваша очередь... И онъ ударилъ на гитарѣ что-то такое, въ одно и то же время и ноющее и веселое, отъ чего никакая русская бабья душа не можетъ усидѣть на мѣстѣ. Одна изъ Адельфинъ сразу угадала, какую именно сельскую пѣсню поетъ гитара артиста, голодающаго нѣсколько лѣтъ въ городѣ, съ цѣлью подробнѣе изучить характеръ своего пѣвучаго друга.

«Ахъ, гдѣ ты была,
Моя нечужая?
Ай въ степи ты брала ленъ,
Ай ты съ кѣмъ гуляла?»

вскрикнула Адельфина вмѣстѣ съ звучно-трепетавшими

струнами, въ одно мгновеніе переставши быть Адельфиной и дѣлаясь, какъ встарину, послушною дочерью только-что отколоченнаго дяди Петра, чернобровой утѣхой и работницей родимаго дома. Родимая пѣсня расправила ея станъ, сгорбленный развратомъ города; отъ зеленыхъ полей, на которыхъ растетъ пахучій ленъ, засвѣтились потухшіе глаза и закраснѣлись прежде времени поблёкшія щеки...

— Охма! гремѣлъ Високосный-Годъ, заливая волнами, какъ стаи легкихъ полевыхъ пташекъ, щебетавшихъ трелей комнату Бжебжицкаго:

«Ходи изба, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь!»

Оралъ онъ въ поощреніе дѣвушки, и живо пальцы его уничтожали въ гитарѣ тотъ разгулъ, съ которымъ она спрашивала у *нечужой, гдѣ она была*, потому что нечужая на повторенный вопросъ:

«Охъ! гдѣ же ты была,
Завалилася?»

отвѣчала:

«На дырявомъ я мосту
Провалилася!»

И такъ-то скорбно и вмѣстѣ съ тѣмъ порывисто послѣ этого заплакали струны, словно бы больная истерикой женщина, а Адельфина такъ-то плясала подъ этотъ плачъ, такъ-то она отчаянно отбивала дробь двухвершковымъ каблукомъ своего городскаго башмака, что всѣ жильцы темнаго корридора, всѣ эти Татьяны и Лукерьи наперерывъ лѣзли къ дверямъ и оттуда смот-

рѣли на нее, подставивъ почему-то подъ бороды свои руки, что обыкновенно дѣлаютъ Татьяны и Лукерьи тогда, когда ихъ обурѣваетъ какое-нибудь сильное горе...

— Дѣйствуй! закричалъ вдругъ Сафонъ Ѳомичъ, бросившись въ плясъ съ быстротой совершенно трезваго человѣка.

И пошло!...

Я лично, тоже жилецъ самой крайней комнаты снебилью, обращенной однимъ окномъ на дворъ, а другимъ упиравшейся въ какую-то высокую кирпичную стѣну, пришелъ въ это время къ Бжебжицкому, лишь только заслышалъ топотъ знакомаго трепака.

— Знатокъ я, братъ, своего дѣла! обратился ко мнѣ Сафонъ, выдѣлывая неимовѣрную присядку.—Что давно не пришелъ? Я, любезный, такую тутъ безъ тебя фигуру отмочилъ, совсѣмъ новую! Жаль, что ты не видалъ. Ну, благо теперь пришелъ. Выпьемъ съ тобой — и качнемъ *старинную*. Готовься, ребята!

Всѣ откашлялись, а я зажмурилъ свои глаза, потому что не могъ пѣть *старинной*, не зажмурившись...

Выпилъ Сафонъ Ѳомичъ, крякнулъ и, нюхнувши маленькій кусочекъ хлѣбца, съѣлъ его, а потомъ уже началъ:

«О-о-охъ! Ты взойди, ты взойди солнце ясное!
О-о-охъ! надъ горою да надъ высокою,
Надъ дубравой да надъ темною!
Обогрѣй насъ добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ, сиротъ бѣдныихъ,
Сиротъ бѣдныихъ, безпаспортныихъ!»

Я, пронзающею фистулой, могущей дѣлать неописанныя варіаціи, и громовый басъ Високоснаго-Года, вмѣстѣ съ его десятиструнною гитарой, дружно принявшіе отъ запѣвалы вторую строчку пѣсни, сдѣлали то, что съ перваго же нашего оха все, что въ потѣ лицъ трудилось въ печальныхъ подвалахъ дома комнатъ *снебилью*,—все это разлилось передъ нашими окнами и слушало старинную пѣсню, отъ которой тяжкій стонъ шелъ по цѣлому дому.

— Важно поютъ! толковала публика.

— Играютъ безподобно! И все это «скуденты» отличаются.

— Скудентамъ однимъ такъ не сыграть: безпремѣнно есть и господа.

«О-о-охъ! Сиро-отъ бѣдныихъ, безпаспортныихъ!»

тянули колокольчиками дишканты Адельфинъ, Татьянъ и Лукерій, по-временамъ заливаемые волнистой октавой драбанта и, такъ сказать, горюющимъ теноромъ Сафона Ѳомича, который впрочемъ, по правдѣ-то ежели сказать, никогда не выстаивалъ въ самыхъ верхнихъ нотахъ противъ моей фистулы.

— Вонъ она, сиротская-то наша-матушка раскатывается! восхищался народъ, все больше и больше наводнявшій нашъ дворъ. — Вишь господа-то ее какъ вздымаютъ: поди чай, подъ самымъ небушкомъ слышно.

— Тебѣ же говорятъ, что это не господа! поучительно замѣтилъ восторгавшемуся парню какой-то, по всѣмъ примѣтамъ, мастеръ.—Не господа, а такъ, скуденты простые,—народъ больше, не хуже нашего брата, бѣднякъ.

— Пшоль, негодный человѣкъ, негодная твоя тварь! загонялъ свои рабочихъ въ покинутыя ими мастерскія нѣмецъ-красильщикъ. —Какой теперь шасъ? гнѣвно шумѣлъ онъ.—Гдѣ ты долженъ быть?—въ мастерской, а онъ тутъ на всякое глюпство уши раздвинулъ. Никогда этого не пойметъ, шортова голова, что въ мастерской надобно быть въ одинъ шасъ, а въ другой глюпствомъ заниматься... Пшоль! Пшоль!

Веселая насъ, господа, компанія собралась въ комнатахъ *снебилью!* До того веселая и хорошая, что шестиклассникъ-гимназистъ всю слѣдующую за выпивкой недѣлю старался, по примѣру Степана Гроба, становить а зные глубокіе вопросы и такъ же, какъ онъ, кавалерски, или, какъ говорили въ комнатахъ, съ криваго глаза, рѣшать ихъ; надувался онъ, бѣдный, изо всѣхъ силъ быть такимъ же народнымъ, какъ Сафонъ Ѳомичъ; у Високоснаго-Года учился на гитарѣ, а ко мнѣ (о, горе мнѣ, развратившему своимъ примѣромъ единаго отъ малыхъ сихъ!)—ко мнѣ, говорю, всю недѣлю приставалъ поисправить немножечко какой-то разсказъ и похлопотать въ какой-нибудь знакомой редакціи о скорѣйшей выдачѣ ему за этотъ разсказъ гонорарія, который, я увѣренъ, этотъ парень, въ качествѣ сына своего вѣка, употребилъ бы на выпивку, шикарнѣйшую выпивки прапорщика Бжебжицкаго...

КРЫМЪ *).

I.

Угрюмый, осенній вечеръ мрачно смотрѣлъ въ одинокое окно моей мрачной берлоги. Я не зажигалъ мою рублевую экономическую лампу, потому что въ темнотѣ гораздо удобнѣе проклинать свою темную жизнь или безсильно мириться съ ея роковыми, убивающими благами... И безъ тусклаго свѣта этой лампы я слишкомъ ясно видѣлъ, что что́ умерло, то не воскреснетъ. Всѣ эти пошлыя и, когда находишься въ рѣдкомъ припадкѣ здравомыслія, комическія жизненныя комбинаціи, омертвившія меня, какъ бы при самомъ свѣтломъ сіяніи солнца, въ-очью проходили передо мной въ тотъ вечеръ и несказанно бѣсили меня.

Но пусть не смущаются лица ваши! Вы, можетъ-быть, предположите, что я сейчасъ пущусь въ подробныя росказни о грустныхъ думахъ моихъ, или же вамъ покажется, что я хочу несчастья мои, такъ сказать,

---

*) Одинъ изъ московскихъ трактировъ.

перелить въ ваши чувствительныя души и тѣмъ, хоть нѣсколько, облегчить ихъ сокрушающую тяжесть. Ничего не бывало! При всемъ томъ, что я только *Jean de Sizoy*, у меня всегда найдется настолько такта, чтобы не становить васъ въ положеніе человѣка, которому насильно навязываютъ многотомную повѣсть о сокрушившемъ разсказчика горѣ. Такое положеніе, при всей его видимой приложимости къ нашему заѣденному обществу, до крайности исполнено комизма. Я постараюсь нарисовать вамъ его, насколько перо мое окажется способнымъ къ этой рисовкѣ.

Передъ вами вашъ бѣдный, несчастный другъ. Сначала вы даже обрадовались ему; только, бесѣдуя съ вами, вашъ другъ все больше и больше начинаетъ впадать въ меланхолическій тонъ, такъ что въ вашемъ мозгѣ пробѣгаетъ, наконецъ, желаніе, чтобъ онъ поскорѣе окончилъ свою исповѣдь.

«Такъ-то вотъ въ жизни моей все располагало меня сдѣлаться такимъ, какимъ ты меня видишь теперь!» дрожащимъ отъ волненія голосомъ говоритъ вамъ страдалецъ.

Можетъ-быть онъ и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ основаніе говорить такимъ образомъ, но вы, не желая дать ему замѣтить, что такая исторія вамъ давно уже извѣстна и давно уже наскучила, дураковато таращите на него глаза, тщетно стараясь выказать въ нихъ ожидаемое сочувствіе, и думаете: «Боже мой! что это за сантиментальный шутъ на меня навязался!»

Жалобы и глухота къ этимъ жалобамъ, по моему мнѣнію,—постоянная и неизлѣчимая болѣзнь человѣче-

скаго рода. Отъ вѣка, вѣрую, никто изъ людей не находилъ такихъ фразъ, которыми бы онъ такъ удачно могъ передать своему другу про свое несчастье, чтобы тотъ понялъ его, какъ слѣдуетъ; точно также вѣрую и въ то, что и я не найду ихъ, да пожалуй еслибъ и нашелъ, еслибы вы даже поняли ихъ и заплакали надъ моей горемычною долей, о которой я думалъ, не зажигая своей лампы, мнѣ собственно невозможно было бы повѣрить искренности людскихъ слезъ, потому что въ моей жизни я очень много видѣлъ слезъ по чужимъ заботамъ и весьма мало дѣла, которое бы хоть нѣсколько облегчило эти заботы.

Вамъ, не спорю, можетъ-быть не стóитъ ни малѣйшаго труда разказнить во мнѣ такой не человѣческій скептицизмъ по отношенію къ обоюдному сочувствію существъ, созданныхъ быть братьями; но повѣрьте же и вы мнѣ, когда я скажу вамъ, что прозвище мое «Иванъ Сизой» я имѣю намѣреніе въ самомъ скоромъ времени замѣнить псевдонимомъ «Иванъ Сивый», потому что то постоянное, самое каменное равнодушіе, то самое звѣриное непониманіе, съ которыми люди, отъ какихъ я имѣлъ право ожидать совершенно обратнаго, встрѣчали и мои для нихъ жертвы, и мои на нихъ надежды,— сдѣлали изъ меня, по-настоящему еще бы здороваго, свѣжаго малаго, какого-то ни къ чему негоднаго, сиваго мерена, разбитаго на всѣ четыре ноги.

Для всѣхъ васъ вообще, конечно, нѣтъ большой бѣды, если какой-нибудь Иванъ Сизой, вслѣдствіе различныхъ соображеній, перемѣняетъ свою фамилію; но могу васъ увѣрить, что въ частности, лично для Ива-

на Сизого, нѣтъ больше бѣды, какъ тогда, когда онъ думаетъ о томъ, куда именно разлетѣлись его силы, весьма необходимыя ему въ настоящемъ случаѣ для того собственно, чтобы не дать себя обуть въ лапти тогда, когда на его ногахъ еще не совсѣмъ развалились кожанные сапоги. Не доказываю справедливости моей мысли на томъ основаніи, что для этого мнѣ неизбѣжно пришлось бы удариться въ лирическій тонъ, съ которымъ я далъ себѣ слово распроститься на вѣкъ, ибо лиризмъ—врагъ мой. Выходитъ всегда какъ-то такъ, что онъ уменьшаетъ цѣну печатнаго листа...

По этому случаю идиллія моя да начнется такимъ образомъ: отъ ненастнаго, осенняго вечера и отъ безобразныхъ мыслей, которыя тискались въ головѣ моей этимъ вечеромъ, я ощутилъ какую-то кислоту во рту и до смерти томившую сердце боль. А когда я нахожусь въ такомъ состояніи, мнѣ обыкновенно начинаетъ хотѣться чего-нибудь такого остраго, что́ бы обожгло горло и грудь и, отуманивши голову, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говорится, отшибло бы память. Аппетитъ на эти вещи, говоря въ скобкахъ, свойственъ болѣе плебеямъ, нежели аристократамъ, хотя и послѣдніе, по части удовлетворенія сказаннаго аппетита, «тоже тово»... Выражаясь опредѣленнѣе, я откровенно сознаюсь въ томъ, что когда представленія о выпавшей мнѣ «красной» долѣ уже слишкомъ загомозятся въ моей головѣ, я обыкновенно отправляюсь купать мое горе въ волнахъ того моря, которое погубило у насъ столько же печалей, сколько и радостей...

Миръ вамъ, погибшія жизни! *Да не въ судъ и не въ*

осужденіе вамъ, а въ знакъ моей искренней печали о вашихъ судьбахъ безталанныхъ, скажется слово мое о той широкой дорогѣ, которою по слѣдамъ вашимъ зашагалъ я ко цареву кабаку.

Всепоглощающею пропастью зіяли длинныя улицы, гдѣ шелъ я. Тускло освѣщенныя ночными фонарями, онѣ казались какими-то невѣдомыми областями, гдѣ безвозвратно должно затеряться и погибнуть всякое живое существо. Такъ были мрачны и угрюмы лица этихъ каменныхъ столичныхъ громадъ, съ такой пугающею силой выглядывали онѣ изъ ночного мрака, что все существо ваше проникалось какимъ-то безотчетнымъ томленіемъ при видѣ этой силы, тѣмъ болѣе, что еслибы вы глаза ваши, утомленные этой мучительною картиной, захотѣли развеселить блескомъ звѣздъ ночного неба, на васъ бы глянули оттуда сѣрыя, неопредѣленныя массы, которыя напугали бы васъ болѣе, нежели напугали бездушныя зданія. Волнуясь, какъ что-то живое, въ необозримомъ воздушномъ пространствѣ, массы эти, казалось, быстрою мыслью летятъ на васъ съ дальняго неба—и давятъ, и давятъ...

Мнѣ очень трудно теперь, больному, передать мои дальнѣйшія дорожныя ощущенія. Я совершенно забылъ тотъ моментъ, когда сознаніе покинуло меня. Вотъ, напримѣръ, эту фразу говорилъ уже не я, а какая-то дикая машина, ударявшая кулакомъ по столу, уставленному графинами и рюмками:

— Въ прощеніи? Я, вы говорите, нуждаюсь въ про-

щеніи моего общества, потому что безобразно, якобы, трачу свои заработанныя деньги?...

Передо мной сидѣлъ въ это время юный еще господинъ, весь впрочемъ заросшій бородой и бакенбардами. Мнѣ и въ голову не входило постараться опредѣлить себѣ, гдѣ и какъ я съ нимъ встрѣтился. Въ комнатѣ носился удушливый чадъ; въ чаду роились какія-то лица; гдѣ-то, весьма издалека, для моихъ ушей по крайней мѣрѣ, гремѣла музыка. Десятки тусклыхъ свѣчъ слѣпили глаза; общій шумъ разламывалъ голову.

— Чашу сію обойдти весьма можно! орала моя дикая машина въ поученіе господина, очутившагося со мной за однимъ столомъ.—Мнѣ не нужно прощенья отъ общества, которое вынашиваетъ въ своей средѣ людей, способныхъ такъ пошло, какъ вы и я напримѣръ, пьянствовать на заработанныя деньги.

— Но ежели вы не будете искать въ обществѣ снисхожденія къ вашимъ недостаткамъ, ежели вы намѣренно не будете воздерживать себя отъ оскорбленія общества вашимъ поведеніемъ, оно непремѣнно выгонитъ васъ! въ свою очередь поучалъ меня мой юный пріятель.

— А вы думаете, гремѣлъ я,—человѣкъ, понимающій, что онъ сосредоточилъ на себѣ справедливое презрѣніе своего общества, сдѣлается отъ этого изгнанія несчастнѣе того, чѣмъ онъ есть?—Не сдѣлается! Тѣмъ болѣе онъ не сдѣлается несчастнѣе, когда будетъ имѣть хоть какія-нибудь данныя заподозрить справедливость этого презрѣнія. А коль скоро вы имѣете хоть маленькое понятіе о томъ, какъ на нашихъ базарахъ дешевы

эти данныя, вы сейчасъ же неминуемо согласитесь съ тѣмъ, что вашу фразу объ изгнаніи изъ общества можно перевернуть такимъ образомъ: я самъ изгоню отъ себя общество, которое намѣревается изгнать меня, потому что никто другой, какъ только однѣ впечатлѣнія, навѣянныя на меня картинами этого общества, доставили мнѣ честь пьянствовать съ вами въ этомъ бездонномъ омутѣ. Я очень хорошо понимаю, что лично отъ себя говорить такія вещи—пошлость; но развѣ это дастъ вамъ возможность не согласиться со мной, что ни одна изъ разлучающихся сторонъ не прольетъ другъ по другѣ слезъ сожалѣнія?

— Ваше высокоблагородіе! соблаговолите до шкаличка доложить отставному служивому, вмѣшалась въ нашу бесѣду пьяная, оборванная личность.—Потому какъ, продолжала личность,—собственно для ради ненастной погоды старыя кости желательно разогрѣть.

— Скажи мнѣ, спросилъ я старика,—ты изгналъ отъ себя общество, или оно изгнало тебя?

— Точно что, ваше высокоблагородіе, «обчество» выгнало меня—отставнаго солдата—изъ села, аки бы за пьянство и кражу; но мы эфтому—глаза лопни!—причинны никогда не бывали.

— Почему же ты самъ не выгоняешь его отъ себя?

Служба отвѣтилъ на этотъ вопросъ тупымъ и безсмысленнымъ взглядомъ.

— Да! съ громкимъ хохотомъ переспросилъ его юный господинъ,—въ самомъ дѣлѣ, отчего ты самъ не выгонишь его отъ себя?

— Позвольте папиросочкой затянуться, съ поощря-

ющей къ дальнѣйшимъ шуткамъ улыбкой разрѣшилъ старичина нашу спорную тему.—Стаканчики прикажете вамъ налить, ваше высокоблагородіе? мгновенно впадая въ роль вѣрнаго слуги и добраго собесѣдника, освѣдомился затѣмъ старикъ.

— Однакоже отдѣлаться бы отъ него какъ-нибудь! заговорилъ по-французски мой юный другъ, коверкаясь и даже какъ будто изнемогая при видѣ стариковской фамильярности.

— А! вы, должно-быть, одни хотите изобразить собой презирающее и изгоняющее общество! Вамъ жаль водки этому солдату!.. Въ такомъ случаѣ я одинъ заплачу за него, чѣмъ вы и я фактически докажемъ другъ другу справедливость нашихъ убѣжденій.

— Помилуйте! сконфуженно произнесъ волосатый юноша.

Я посмотрѣлъ на него съ улыбкой побѣдителя.

II.

Теперь мнѣ надо доложить вамъ, какимъ образомъ я дошелъ до пошлости спорить съ первымъ встрѣчнымъ, Богъ знаетъ о чемъ, въ грязнѣйшемъ трактирѣ. Бытьможетъ, вамъ подумается, что такая матерія не займетъ васъ. Увѣряю, что займетъ, и даже очень.

Сказано уже: куда, по какому случаю и зачѣмъ именно пошелъ я. Такъ вотъ иду я, а на дворѣ осенняя ночь,—знаете, такая ночь, которая дѣлается въ песказан-

ное количество разъ пріятнѣе и усладительнѣе, когда ея частый и мелкій, какъ изъ сита сѣющійся, дождь падаетъ не на циммермановскую шляпу и не на боберъ рубликовъ эдакъ въ полтораста съ чѣмъ-нибудь, а просто на клеенчатую фуражку, оставшуюся, такъ-сказать, отъ лѣтняго сезона,—когда этотъ дождь хлещетъ васъ прямо по разгорѣвшемуся лицу, холодными струйками закатывается за воротникъ вигоневаго мѣшка, пріобрѣтеннаго за четыре рубля у парикмахера Борисова, который, какъ энергично свидѣтельствуютъ *Полицейскія Вѣдомости*, живетъ на Лубянкѣ, въ домѣ духовной консисторіи.

Не могу не сказать здѣсь въ скобкахъ, какъ пріятно имѣть дѣло съ симъ чародѣемъ, могущимъ снабжать смертныхъ пальто за четыре рубля, потому что купленная у него покрышка главнымъ образомъ и располагаетъ къ надлежащей оцѣнкѣ прелестей осеннихъ ночей. Покрышка эта имѣетъ почему-то способность дѣлаться еще болѣе жалкою въ такую пору. Она, говорю изъ собственнаго опыта, будитъ уснувшую злость, располагаетъ къ подлымъ и омерзительнымъ помысламъ о томъ, какъ бы купить сапоги не на толкучкѣ, а у мосье Пироне, пріобрѣсть пальто не изъ мастерской Борисова въ домѣ духовной консисторіи, а отъ Боргеза, или Айэ,—и главное: зазываетъ въ голову грызущую мысль о томъ, почему еще не сдѣлано тобою ничего такого, что бы стоило дороже того оборваннаго трепья, которое въ настоящее мгновеніе почти уже готово сползти съ невыносливыхъ плечъ...

И въ колеблющихся волнахъ ночного мрака, какъ

бы какія живыя картины, освѣщенныя бенгальскимъ огнемъ, возстаютъ по этому поводу въ задумавшейся головѣ мучительныя думы о невыносливыхъ плечахъ, о погибшихъ жизняхъ, объ обманутыхъ надеждахъ. Къ самой груди пригнетъ голову эта тяжесть, и идешь, не примѣчая, какъ рѣзкій вѣтеръ, забравшись къ тебѣ въ самую душу, дотерзываетъ тамъ источенное различными червями существованіе,—идешь, не чувствуя на лицѣ хлестанья крупныхъ дождевыхъ капель и не видя того тусклаго, унылаго свѣта, которымъ уличные фонари освѣщаютъ унылый путь.

Такимъ-то образомъ шелъ я и думалъ по поводу борисовскаго издѣлья, висѣвшаго на мнѣ, до тѣхъ поръ, пока обильно лившіеся изъ оконъ *Крыма* огни не освѣтили мнѣ широкой площади Цвѣтнаго бульвара.

Мои собственныя думы всегда нѣмѣютъ, лишь только я ступлю на эту площадь. И въ настоящій разъ онѣмѣли онѣ при видѣ несчастья, которое обыкновенно снуетъ по Цвѣтному бульвару, оглашая его и хриплыми воплями разврата, и пугающимъ хохотомъ человѣка, ставшаго въ уровень съ безсловесными животными....

Опьянѣвши отъ одного уже взгляда на *Крымъ*, я ерундисто начинаю разсуждать о тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя бы могли положить конецъ несчастью Цвѣтной площади, но обстоятельствъ этихъ ничуть не видѣлось мнѣ во мракѣ осенней ночи...

Кто имѣетъ право любить выпивку, тотъ вполнѣ пойметъ, съ какимъ неописаннымъ наслажденіемъ юркнулъ я, послѣ помянутаго похода, въ глубокое крымское подземелье, гдѣ непремѣнно должна закружиться

всякая голова, если она имѣетъ хоть немного желанія и причинъ закружиться.

Пятнадцать, или можетъ-быть десять ступеней, которыя ведутъ въ рекомендуемую мною могилу, не великая бѣда. Мы пройдемъ ихъ, если не безъ толчковъ, за которыми, по пословицѣ, не угоняешься, по крайней мѣрѣ безъ особенныхъ приключеній.

— Господъ ужь сталъ сюда чортъ носить! бурлитъ съ злостью какая-то толстая колонна съ большой черною бородой, выкатываясь снизу на встрѣчу къ намъ.

Избави васъ Богъ спрашивать у колонны, что ей за дѣло до вашего визита въ *Крымъ*: на дворѣ такая темная ночь...

— Извощикъ! кричитъ молодой парень, видимо мастеровой. — Что возьмешь на Дѣвичье поле? Тамъ ты меня подождешь, примѣромъ, пять минутъ, съ Дѣвичьяго поля на Покровку, тамъ тоже пять минутъ, съ Покровки къ Сухаревой и духомъ назадъ.

— Што взять-то? спрашиваетъ одинъ дядя изъ цѣлой толпы извощиковъ, облѣпившихъ *Крымъ* своими калиберами. — Давай цѣлковый.

— Облопаешься неравно! съ укоризной предполагаетъ молодой парень.

— Сколько же дашь-то?

— Сколько дамъ-то?...

— Да, сколько отъ тебя будетъ?

— Трынку! съ хохотомъ отвѣчаетъ парень, быстро сбѣгая въ подземелье.

— О-ой, батюшки! шлею съ лошади въ одну минуту сняли! кричитъ кто-то за трактирнымъ угломъ.

— Вотъ намъ и чай! продолжаетъ хохотать промелькнувшій сейчасъ парень, затворяя за собою визгливую трактирную дверь.

— А-а, чортовъ сынъ, попался! Мы тебѣ дадимъ таперича, какъ у своихъ извощиковъ шлеи воровать!

Вслѣдъ за этими словами слышатся глухіе удары обо что-то, будто кто въ пустую бочку для своего удовольствія колотилъ собственнымъ кулакомъ. Подумать впрочемъ, чтобъ это били человѣка—нельзя было, потому что человѣкъ тотъ, по всѣмъ соображеніямъ, непремѣнно долженъ бы былъ закричать отъ этихъ ударовъ.

— Што тутъ такое? вопрошаетъ басистый начальственный голосъ, очевидно принадлежащій городовому.

— А вотъ шлею укралъ.

— Кто-жь это?

— Хто? Извѣстно хто! Все Евланька Фуфлыга бѣдокуритъ.

— А! строго вскриваетъ басистый голосъ. — Такъ ты опять у своихъ воруешь?..

И замолкшіе-было удары раздались съ новою силой.

— Брось его, судырь! просятъ ундера уже сами извощики. — Отойди ужь ты лучше: мы его безъ тебя-то своимъ судомъ прокладнѣй отдѣлаемъ...

— Глядите вы у меня, чертоломы! Душу штобы не тово...

— Што-о на-амъ ду-у-ша? За-а-чѣмъ намъ ее? отвѣчалъ кто-то, судя по тону голоса, къ чему-то напряженно прикладывающій руки.

— Батюшки, отпустите! Голубчики, духъ у меня совсѣмъ займется!...

— Завопилъ, небось! Мы те, ворище, не такъ разбодримъ.

Ночью гораздо больнѣе, нежели днемъ дѣйствуютъ на душу такіе крики: такъ зло моргаютъ уличные фонари, слушая ихъ, и ктому же ночное небо такое сѣрое, такое безучастное повисло надъ ними!

Вы какъ будто испугались этой маленькой отечественной сценки и уже боязливо ступаете назадъ. Напрасно! Она въ моихъ глазахъ заключаетъ въ себѣ тотъ ароматъ національности, который всегда притягиваетъ меня къ *Крыму*, какъ пахучая гречиха притягиваетъ къ себѣ работницу-пчелу.

Повинуясь этому тяготѣнію, я отверзаю трактирную дверь. Крикливое визжанье рокового блока достойно приготовляетъ нервы къ безболѣзненному воспріятію сценъ, разыгрывающихся въ оригинальномъ подземельи.

Сначала ничего и не разберешь, потому что клубы густого и однообразно-пахучаго воздуха не вдругъ показываютъ посѣтителю частности русской оргіи. Они повисли надъ новымъ человѣкомъ плотною тучей, какъ бы пристально осматриваютъ его, желая прежде узнать, рожденъ ли онъ съ способностью участвовать въ укрываемой ими кашѣ, или нѣтъ.

Кто благополучно проминетъ этотъ осмотръ, тотъ пусть смѣло идетъ дальше: оргія уже не испугаетъ и не оглушитъ его своимъ дружнымъ и никогда не прерывающимся ревомъ. Надо впрочемъ сказать, что и такой счастливой головищѣ покажется на первый разъ, что этотъ тысячезѣвный шумъ происходитъ не отъ

множества людей, крутящихся въ подвалѣ, а что самый подвалъ этотъ, его толстыя сѣрыя стѣны, его маленькія грязныя оконца, его закопченные потолки и мебель, газовые рожки, торчащіе въ стѣнахъ, и длинноногіе столовые подсвѣчники—все это, какъ что-то живое, будто обрадовавшееся новому гостю, двинулось къ нему на встрѣчу и заорало этимъ могучимъ гуломъ.

Но, говоря объ этомъ вакхическомъ вихрѣ, я или долженъ лить воду для того, чтобы не услышать упрековъ въ излишнемъ лиризмѣ, или, разсказывая о томъ, какъ подъ мрачными сводами харчевни экстазически бѣсновалась пѣсня солдатскаго хора, какъ сіяли лица, пѣвшія и слушавшія ее, какими сердечными воплями радости и наслажденія отзывалась русская природа своимъ роднымъ мотивамъ,—я сгорю въ пламенномъ ливнѣ жгучихъ фразъ, который неизбѣжно польется съ губъ моихъ, когда я отдамся изображенію этихъ, исполненныхъ неудержимой страсти и невыразимаго своеобразія, сценъ.

Но что мнѣ за дѣло до людскихъ попрековъ, отъ которыхъ ушелъ я сюда! Развѣ они не помогутъ мнѣ забыть все на свѣтѣ—эти скорбномогучіе мотивы родной пѣсни?

Вотъ они всего заливаютъ меня. Ого! какъ здо̀рово выноситъ ихъ крѣпкая солдатская грудь! Бубенъ—такъ и тотъ ничуть не заглушаетъ ни однообразную басовую ноту, которая невообразимо-терпѣливо тянетъ:

«Сво-во празд-нич-ка дож-ду-ся,
Во гроз-на му-жа вцѣп-лю-ся!»

ни горячихъ переливовъ заносистаго тенора, съ злостью подхватывающаго:

«Во грозна му-жа вцѣп-лю-ся,
На смерть раздеруся!»

И фистула тутъ же—этотъ кудрявый, бѣлокурый, маленькій кантонистъ... Господи! какими грустными, какими раздирающими тонами покрываетъ весь хоръ его серебряный голосъ:

«О-о-о-охъ! На смерть раздеруся!»

А опять: этотъ черный кузнецъ-плясунъ, въ пестромъ халатѣ, въ сапожныхъ обрѣзкахъ на босую ногу, въ истасканной фуражкѣ на бѣдовой головѣ,—какъ это онъ бойко и выразительно блеснулъ въ толпу своими черными глазами, какъ незаученно-ловко стукнулъ о полъ толстою подошвой, когда хоръ дружно грянулъ изо всѣхъ грудей заключительную строфу:

«На смерть раздеруся!»

Оглушительный вскрикъ тенора, слившись съ трелями колокольчиковъ бубна, закончилъ пѣсню. Весь *Крымъ* бѣсновался до неистовства. Одинъ молодчина упалъ на четвереньки и ревѣлъ отъ наслажденія, какъ дикій звѣрь:

— А-а-атлична! кричалъ онъ. — Подать солдатамъ водки на пять цѣлковыхъ!..

III.

Только-что спѣтая пѣсня еще пуще разожгла оргію. Новыя толпы ввалились въ подземелье. Вскорѣ, между прибывшими гостями и гостями старыми, завязались драки изъ-за столовъ. Четвертаки за одну только очистку сидѣнья давались безспорно даже такими людьми, которые, судя по ихъ жалкимъ отрепьямъ, четвертака во снѣ никогда не видали. Какъ собаки по стаду, метались половые въ публикѣ, усмиряя ея порывы; городовые, строго покручивая рыжіе усы, тоже маршировали по заламъ, какъ бы высматривая что-то; но ничто не усмиряло публику. Она отдалась вліянію полночнаго кутежа и, нисколько не стѣсняясь рыжими усами, могуче бурлила.

— Што, дяденька, ходишь? Ай тятеньку съ маменькой высматриваешь? спрашиваетъ у ундера молодой мастеровой, съ красною, какъ огонь, физіономіей, съ игриво-горящими глазами. — Не бывали еще ваши, сударь, тятинька съ маменькой. Вотъ мы таперича безъ нихъ и погуливаемъ. Хорошо погуливаемъ—а?

Ундеръ бросаетъ на парня взглядъ, исполненный самаго магнетическаго сурьеза, и приказываетъ ему посократить бездѣлицу горло-то, на томъ основаніи, что онъ еще сосунокъ, котораго изъ трактира слѣдуетъ по затылку турить.

— Ты-то старъ ли? спрашиваетъ мастеровой ундера

— Я-то старъ! съ сознаніемъ собственнаго достоинства отвѣчаетъ полицейскій.

— Постарѣе тебя у насъ на селѣ кобели важивались, одначе же мы имъ хвосты знатно гладили.

— Это точно! подхватываютъ съ хохотомъ на другихъ столахъ.—Гляди, какъ бы и тебѣ не погладили хвоста-то, а то онъ у тебя сѣръ что-то, хвостъ-отъ.

Ундеръ въ немаломъ конфузѣ ретируется въ другую залу, стараясь однакоже такъ устроить свое отступленіе, чтобъ оно вслухъ говорило, что мы, дескать, грубостевъ такихъ не разслышали, а то бы бѣда была...

— Напрасно вы къ этому ундеру, господа, своихъ рукъ не приложите, говорятъ нѣкоторые кринолины:— мущина самый что-ни-есть необразованный и гордый.

—Что ушло, то не уплыло! отвѣчаютъ господа кринолинамъ.—Попадется въ руки, натерпится муки.

Между тѣмъ великосвѣтскія манеры моего случайнаго знакомаго неимовѣрно бѣсили меня, потому что чѣмъ дольше сидѣли мы съ нимъ въ зловонномъ трактирѣ, тѣмъ больше онъ пропитывалъ харчевенную атмосферу своими тончайшими духами, такъ что самые нахальные крымскіе глаза безъ какого-то смущенія и даже какъ будто бы страха не могли выносить блеска опала въ его золотой булавкѣ, и въ то время, когда, казалось, самыя стѣны подземелья хотѣли лопнуть отъ шумнаго скопища, тискавшагося въ немъ, около нашего стола непонятнымъ образомъ былъ нѣкоторый просторъ.

«Чортъ его побери совсѣмъ!» злобно думалъ я про моего элегантнаго друга: — угораздитъ же человѣка,

одѣтаго въ такую изящную жакетку, въ галстукѣ котораго блеститъ, наконецъ, такое сверкающее произведеніе Фульды, затесаться въ *Крымъ*! Кажется, мнѣ придется хорошенько раскровянить его».

И, клянусь вамъ, раскровянить этого молодца непремѣнно бы слѣдовало, потому что его барство до крайности напугало присѣвшаго къ нашему столу стараго солдата. По его задумавшемуся лицу я очень хорошо видѣлъ, что солдатъ, также какъ и я, съ большимъ удовольствіемъ съѣздилъ бы въ физіономію къ баричу. Несмотря на мои поздравленія съ *поднесеньевымъ днемъ*, которыми я хотѣлъ расположить воина къ усердной выпивкѣ, онъ весьма нерѣшительно и съ большимъ сумнѣніемъ опоражнивалъ рюмки, видимо стараясь улизнуть отъ насъ, и если что-нибудь удерживало его отъ исполненія этого желанія, такъ опять-таки опасеніе, чтобы франтовитый баричъ не учинилъ съ него за это бѣгство какого-нибудь строгаго взыска. Видя такое фальшивое положеніе, въ которое компаньонъ мой, хотя можетъ-быть и неумышленно, становилъ солдата, я съ каждою минутой все больше уподоблялся бульдогу: въ моей груди довольно громко послышалось, обыкновенное у меня въ подобныхъ случаяхъ, хриплое ворчанье, потому что на людей, имѣющихъ возможность устраивать другимъ положеніе въ родѣ такого, въ какомъ былъ отставной солдатъ, я не могу смотрѣть безъ бѣшеной злобы. Это мой недостатокъ, и говорить мнѣ про него рѣшительно не слѣдовало бы, но надобно же наконецъ карать общественные пороки. Я и караю ихъ въ моемъ собственномъ лицѣ.

Обвиняйте, сколько угодно, мой эгоизмъ, ежели вамъ это понравится; но вѣдь я зачѣмъ пришелъ въ *Крымъ?*— я пришелъ въ *Крымъ* съ тою цѣлью, чтобы смотрѣть цѣлую ночь многоразличные виды нашего русскаго горя, чтобы, смотря на эти виды, провесть всю ночь въ болѣзненномъ нытьѣ сердца, не могущаго не сочувствовать сценамъ людскаго паденія,—чтобы скоротать эту ночь, молчаливо бѣснуясь больною душой, которая видитъ, что и она такъ же гибнетъ, какъ гибнетъ здѣсь столько народа.

И вотъ, когда уже настолько всмотришься въ эти сцены, что по лицу каждаго актера, участвующаго въ нихъ, сразу будешь узнавать его жизнь, столь трагически-заканчивающуюся теперь въ кабакѣ, когда весь этотъ шумный рой лицъ будетъ казаться тебѣ чѣмъ-то цѣлымъ, самымъ тѣснымъ образомъ родственнымъ съ тобой, когда наконецъ въ этомъ непонятномъ, какъ шумъ волнъ морскихъ, гулѣ толпы я пріучился слышать стоны заблудшаго брата,—въ это время между этой бѣснующеюся толпой и мною вдругъ стала посторонняя, безучастная фигура, приличная сама по себѣ и вдобавокъ, какъ бы на зло, старающаяся казаться еще приличнѣе.

— Развѣ онъ не мѣшаетъ тебѣ? нашептывало мнѣ что-то, до-нельзя ощутительно засѣвшее въ моей груди подъ самою ложечкой.

«Я отойду отъ него: онъ мнѣ дѣйствительно мѣшаетъ», отвѣчаю я шепоту.

— Отойдешь? презрительно вскрикнуло что-то въ груди у меня.—Вотъ такъ воитель! Ха-ха-ха-ха! раска-

тывается оно звонкимъ хохотомъ, покрывшимъ собою всѣ крымскіе голоса.

Мнѣ казалось, что всѣ слышатъ этотъ хохотъ и смотрятъ на меня. Съ какою-то стыдливою боязнью я поникнулъ на столъ головою, чтобы не видѣть ожидаемаго взгляда.

— Вотъ такъ воитель! повторяло выскочившее изъ моей груди какое-то маленькое существо въ родѣ козлика, быстро прыгая по стаканамъ и рюмкамъ, наставленнымъ на столѣ.—Тутъ не отходить нужно, а сцѣпиться нужно съ нимъ на смерть. Либо тебѣ, либо ему! Вотъ какъ сцѣпиться, чтобы другіе къ вашей дракѣ и подступиться боялись!..

«Да за что же я драться съ нимъ буду?» спрашивалъ я козлика, какъ бы умоляя его, чтобъ онъ не наказывалъ меня, въ случаѣ, еслибъ я не сталъ драться.

— Какъ за что? азартно кричалъ на меня бѣсенокъ:— Не видишь развѣ, какъ этотъ франтъ издѣвается надъ крымскою грязью? А ты самъ развѣ не та же крымская грязь? Ну-ка, размахнись во всю руку, да царапни его хорошенько. Видишь, какъ онъ булавкой своею заслѣпилъ всѣхъ, какъ всѣ сторонятся отъ нашего стола? Ты, впрочемъ, можетъ, думаешь, что онъ лучше *Крыма?*»

«А ежели крымскую грязь отстраняетъ отъ этого господина не одинъ блескъ его булавки, возражаю я моему искусителю, все еще лежа на столѣ,—но и...»

Бѣсенокъ не далъ докончить мнѣ мою рѣчь.

— Ахъ ты, шутъ гороховый! заоралъ онъ на меня своимъ пронзительнымъ голоскомъ.—Ну, договаривай:

«но и нѣчто магнетическое, пожаромъ горящее въ черныхъ, бездонныхъ глазахъ величественнаго незнакомца, потрясло до самаго основанія дикую толпу невѣжественной черни...»—Пьяный паясъ! въ крайнемъ гнѣвѣ ругало меня маленькое существо,—когда перестанешь ты такъ пошло лиризировать?

Разозлившись въ свою очередь на чертенка, я бросился ловить его, но онъ, какъ молнія, леталъ по залитой виномъ салфеткѣ и съ насмѣшливыми гримасами оралъ мнѣ:

— Какой же ты Иванъ Сизой, когда не можешь дать трепки этому барину! Ты послѣ этого просто-на-просто негодная дрянь, а не Сизой.

— Ну, господа, звучалъ въ мои уши чей-то толстый басъ: — баринъ-то, надо полагать, до чортиковъ тюкнулъ. Вишь пальцами-то какъ перебираетъ. Представляются теперь ему черти-то: вотъ онъ ихъ и ловитъ.

Въ моей головѣ, чувствовалъ я, будто бы птица въ клѣткѣ, билось и трепетало что-то. Я старался увѣрить себя, что это пройдетъ, и продолжалъ гоняться за ругавшимъ меня чертенкомъ.

— Было насъ трое братьевъ у батюшки, слышался мнѣ чей-то голосъ, — а батюшка у насъ по старой вѣрѣ былъ, и всѣ мы тоже по старой вѣрѣ. Годовъ тридцать тому ужь прошло. Выучилъ насъ, братьевъ, читать одинъ старецъ. Ну, и пошли братья по своей торговлѣ, а я къ книжкамъ очень припалъ. Такая, то-есть, охота учиться у меня была,—ночи бывало не сплю, думаю, какъ бы это мнѣ книжку получше достать. Только познакомься я въ это время съ студен-

томъ однимъ,—все онъ у насъ въ лавкѣ чай и свѣчи покупалъ,—видитъ онъ такую мою охоту къ ученью и говоритъ: «Безпремѣнно вамъ надо въ университетъ поступить, потому способности имѣете чудесныя».— «Тятенька, говорю я отцу послѣ такихъ рѣчей,—наймите мнѣ учителя, потому я въ университетъ поступить имѣю желаніе». Какъ же со мной поступилъ тятенька?... Взялъ меня, обратилъ лицомъ къ двери и швыркомъ на крыльцо бросилъ. «Вонъ! говоритъ, чтобы нога твоя на мой порогъ не ступала!» Только все же я отъ швырка того горбы теперь и на спинѣ и на груди имѣю... Не сробѣлъ я однако. На своей волѣ, думаю, еще свободнѣе мнѣ будетъ свое удовольствіе сдѣлать. Торговать сталъ, и на пятый годъ въ двадцати тысячахъ былъ. Узналъ про это отецъ, напустилъ на меня людей, которые со мной тяжбу затѣяли и въ какой-нибудь годъ, таскаючи по судамъ, совсѣмъ меня раззорили. Пришло дѣло къ концу, я опять принялся и опять разбогатѣлъ. Только и тутъ отецъ мнѣ не далъ спокою, опять раззорилъ, потому капиталы у него и знакомство вездѣ,—не всякій съ нимъ сладитъ. Да такъ-то онъ меня, судари мои, три раза съ корнемъ вонъ вырывалъ! Въ четвертый я ужь и пробовать не сталъ. За одно, молъ, погибать-то!...

«Совсѣмъ позабылъ, кто написалъ эту пѣсню!» думаю я про себя, потому что во время этого разсказа разстроенная шарманка наяривала какіе-то мотивы, какихъ я отъ роду не слыхалъ.

«Я, донской казакъ,
Въ тяжкій плѣнъ попалъ»

*

уныло напѣвалъ кто-то, должно-быть, подлѣ самаго нашего стола.

«Да! такъ это донской казакъ написалъ эти стихи», припоминаю я и чувствую, что мнѣ очень хочется спать.

— Слышалъ? спрашиваетъ меня чертенокъ, балансируя на носикѣ чайника.

«Слышалъ», отвѣчаю я.

— Что же не бьешь?

«Не могу».

— Да выпейте стаканчикъ водицы пожалуйста! упрашивалъ меня отставной солдатъ. —Ей-Богу, сразу бы васъ отпустило!

— И воды не могу.

— Да вы поневольтесь.

«Не можешь? Такъ-таки и не ударишь?» настойчиво пристаетъ ко мнѣ миніатюрный козликъ.

«Не могу».

— Пьяный шутъ! кричитъ онъ мнѣ и, уклоняясь отъ моего порывистаго за нимъ движенія, быстро перелетаетъ съ носа чайника на газовую трубку надъ моею головой. Я бросаюсь за нимъ къ газовой трубкѣ, но онъ уже, видимо для меня, обратился въ синій летучій дымъ, который насмѣшливо колебался въ своемъ полетѣ къ мрачному трактирному потолку на высотѣ, недоступной для моего роста.

Бурный трепакъ бушевалъ между тѣмъ въ залѣ. Въ одно и то же время мнѣ страшно хотѣлось и смотрѣть на этотъ трепакъ, и поймать чертенка, но, почувство-

вавъ наконецъ, что ни одно изъ этихъ желаній исполнено быть не можетъ, я горько заплакалъ...

— Не мог-гу! въ разъ отвѣчаю я и солдату, усиленно подчивающему меня холодною водой, и самому себѣ, когда лихая дробь низалась мнѣ въ уши и сманивала вскочить со стула, крикнуть изо всѣхъ легкихъ: браво! и вырѣзать съ плясуномъ по злѣйшему стаканищу.

— Какъ же мы, какъ мы жить съ тобой будемъ? спрашивалъ тоскливый женскій голосъ.—Вѣдь онъ меня, баринъ-то, самъ сюда подвезъ. Вотъ, говоритъ, теперь твое мѣсто, а мнѣ ты не нужна больше.

— Это намъ единственно все равно, смѣло отвѣчалъ кто-то на этотъ голосъ.—Потому какъ съ самаго того дня, какъ тебя къ барину на сѣни взяли, а меня по оброку угнали, ни разу ты у меня изъ ума не выходила.

— Вѣдь дѣла-то дѣлать, продолжала женщина,—я ни одного не умѣю, кромѣ какъ чай по цѣлымъ днямъ пить, да платья дорогія носить. Я тебѣ, голубчикъ ты мой, большой тягостью буду, пока къ работѣ не привыкну ко всякой.

— Объ эфтомъ ты не крушись! Помаленьку привыкнешь.

Маленькій чертенокъ вытянулъ въ это время ногу свою такъ длинно, что съ потолка досталъ ею до моей головы. Поталкивая меня ногой и въ голову, и въ спину, онъ съ какою-то презрительною злостью спрашивалъ меня:

— Пьяное животное! И тутъ не ударишь?

«Не видишь развѣ, что не могу? Отстань!» мысленно только могъ отвѣчать я ему, потому что языкъ мой

не ворочался, отъ чего я зарыдалъ сильнѣе прежняго. Впрочемъ, не отъ одного только отсутствія надлежащей силы въ языкѣ моемъ рыдалъ я. Все, что только могъ я разслушать изо всего этого гула, издаваемаго крымскою ватагой, непремѣнно были только однѣ рвавшія душу жалобы на горькую участь.

Вотъ передъ нами маленькая безобразная старуха, давнымъ-давно обрусѣвшая Полька. Въ ней рѣшительно нѣтъ слѣдовъ человѣческаго образа: такъ передернули и изморщинили лицо ея звѣрскія нужды.

Будетъ, бабушка, показывать тебѣ виды Берлина и Лондона, Баденъ-Бадена и Ниццы,—ты лучше разскажи намъ, какъ ты сама очутилась у насъ.

Дрожитъ и трясется старуха, принимая угостительную рюмку. Обрадовалась она доброму случаю, дающему ей возможность хоть нѣсколько времени покипѣть старымъ, охладѣлымъ тѣломъ.

— Вотъ здѣсь родилась я, начинаетъ она свой разсказъ и подводитъ къ своей панорамѣ, гдѣ, освѣщенная тусклою сальною свѣчей, показывается гордая Варшава.—Пустите-ка, пустите-ка, я сама посмотрю: давно не видала,—и старуха впивается глазами въ родную картину.—Мати Божія! вскрикиваетъ она,—какъ хорошо здѣсь было! Я забыла, сколько времени прошло тому, прибавляетъ бѣдная въ тяжеломъ недоумѣніи, какъ будто до настоящаго мгновенія она вѣрно помнила длинный срокъ того времени, а теперь вдругъ забыла.—Наѣхали въ эти мѣста жолниржи ваши, а я тогда красавицей была: всѣхъ огнемъ палила. Маленькая такая, черная,—старуха становится въ бойкую позицію

и показываетъ, какая она была маленькая, черная и какъ она всѣхъ огнемъ палила.—Увезъ жолниржъ—и бросилъ!... грустно повторяетъ она такимъ тихимъ, молодымъ голосомъ, который всякому воображенію непремѣнно представилъ бы, какъ ее, граціозную и полную страсти, увозили тогда паны-жолниржи на свою потѣху и ея страданье.

Обыкновенная исторія; но не понимающіе эффектныхъ драмъ люди отвсюду говорятъ старухѣ:

— На-ка-сь тебѣ, бабушка, семитку.

— Поди, я тебѣ покажу нашу Варшаву, благодаритъ старуха.

— Рюмочку, старушка, поди пропусти.

— И тебѣ покажу. Погоди только немного. — Что, лучше, небось, Москвы-то?

— Москва, бабушка, прямо тебѣ сказать, не въ примѣръ лучше Аршавы.

— Папиросочки не хочешь ли? спрашиваетъ у Польки кринолинъ, внимательно слѣдившій за ея разсказомъ.

— Не курю я ихъ, милая. Тогда дѣвушки не курили, а у васъ не привыкла.

Кринолинъ конфузится.

— На вотъ, бабушка-голубчикъ, продай кому-нибудь, и при этомъ кринолинъ, въ сильномъ замѣшательствѣ, суетъ старухѣ потертый бумажникъ.--Я вотъ только папироски выну.

— Самоё, надо полагать, кто-нибудь также обманулъ, вотъ и разжалобилась, говоритъ закутившая чуйка.— Сейчасъ умереть, я теперь эту самую дѣвку всѣмъ

сердцемъ моимъ возлюбилъ!.. Эй, милая, сядь-ка къ намъ, воротись!

Кринолинъ послушно возвращается къ столу кутилы и садится.

— Можешь ли ты понимать честь? спрашиваетъ чуйка дѣвушку.

— Могу, отвѣчаетъ она безъ запинки.

— Такъ ты ее и понимай! Я съ нонѣшняго дня даю тебѣ содержанья десять рублевъ кажинный мѣсяцъ. Донскова!

— Чудесно! лютуютъ припѣвалы.—Андрей Ильичъ, уважь, милый человѣкъ, попляши!

— Умѣешь плясать? спрашиваетъ у дѣвушки раззадоренный Андрей Ильичъ.

Еще бы не умѣла плясать крымская старостиха, эта Волга-дѣвка, увѣнчанная стразовой діадемой!

— Ярославка, што ли? спрашиваетъ Андрей Ильичъ, ухорски драпируясь для предстоящей пляски своею синею чуйкой.

— Оттуда были! отвѣчаетъ старостиха, воодушевляясь лихими манерами Андрея Ильича.

— Ну, мы съ Дона!

Густая толпа окружаетъ ихъ.

— Валяй Спирю почаще! кричитъ Андрей Ильичъ музыкантамъ, и при первыхъ колѣнахъ его въ воздухѣ повисли и дружный хохотъ, и загвоздистая похвала.

— Дашка! не выдай московскихъ-то! умоляетъ старостиху оборванный кузнецъ, первый крымскій плясунъ, въ сапожныхъ обрѣзкахъ.—На свою сторону пріѣдетъ, хвастать будетъ: никто-то де его не переплясалъ у насъ,

поощрялъ онъ Дашу, дрожа и замирая въ лихорадочномъ волненіи.

Гикаетъ и гогочетъ, какъ казакъ въ бою, Андрей Ильичъ, и за нимъ всѣ гикаютъ и гогочутъ, потому что ровно огненный змѣй жжетъ и палитъ онъ всѣхъ своею жаркою пляской степною. Въ присядку сѣлъ онъ, такъ-то и кружитъ,—кружитъ и соловьемъ голосистымъ свиститъ. Полштофъ цѣлый по самымъ маленькимъ рюмкамъ одному можно было бы разобрать въ то время, какъ онъ козловыми каблуками крымскій полъ бороздилъ. А она, старостиха эта, все голубкой, голубицей такой ласковой вьется около него, словно съ крыльями.

— Гдѣ такая дѣвка родилась? кричатъ.

— Э-эхъ, кабы не бѣдность!

А она все вьется около Андрея Ильича. Вилась, вилась такъ-то она, да платьемъ своимъ голову казачью вдругъ всю и закрыла—й посмѣивается.

Тутъ и вспомнилъ *Крымъ*, что это за мужикъ такой Спиря, смѣшливый Спиря мужикъ: всякому онъ норовитъ ногою носъ утереть.

Близкимъ громомъ загремѣлъ *Крымъ*, когда вспомнилъ про Спирю.

— Вотъ онъ какой, Спиря-то! орутъ двадцать голосовъ.

— Тутъ, братъ, огнемъ не возьмешь!

— А возьмешь тутъ смѣшками.

— Вѣр-рно! Молодецъ Даша!

— Истинно лучше! шумно соглашается съ толпою казакъ.—Только же не можетъ женщина ничего лучше

нашего брата сдѣлать... Валяй степную, братцы! кричитъ онъ музыкантамъ. — На барыню переворачивай!

Замерли всѣ. Тишь какъ въ могилѣ стояла, когда первая скрипка на квинтѣ потянула свое протяжное вводное: и-и-я-ахъ!..

Молніей сверкнулъ на струнѣ первый слогъ огненной пѣсни. Дружно подхватили его другія скрипки, контрбасъ и звонкія флейты; но всѣхъ ихъ заглушилъ своимъ ахомъ запылавшій Андрей Ильичъ — и пошелъ...

Сыплется частая дробь, будто осенній дождикъ въ стекло, воетъ Андрей Ильичъ неудержнымъ вѣтромъ степнымъ и претъ въ толпу черными глазами, такъ что дыханіе у всѣхъ захватило, страхъ обуялъ.

— Ступнуть не дамъ, дѣвка! злобно и страстно кричитъ онъ уничтоженной Дашѣ.—Съ бѣлаго свѣта какъ былинку сдую!

— Братцы! умоляетъ кузнецъ-плясунъ, — кричите скорѣе: ура! Гдѣ-жь намъ—московской гольтяпѣ—поевойному...

— Ур-рра-а! берутъ въ разъ сто грудей.

— У-р-ра-а! подхватываютъ сидящіе за столами.

И летитъ это ура, какъ какая грозная буря, въ другую залу, увлекая за собою все дышащее въ трактирѣ, оттуда стремится на крыльцо, на вольный воздухъ и, здѣсь схваченное извощиками, пронизываетъ собою густой мракъ осенней ночи и наконецъ тихо улегается на липовыхъ вершинахъ сосѣднихъ бульваровъ, распугивая усѣвшихся на ней грачей и воронъ...

—Тише, господа, пожалуста, потише! уговариваетъ

публику сѣдой прикащикъ:—полиція пожалуй придетъ, что толку?

— Поди ты, старый чортъ! азартно отвѣчаютъ ему.

— Ласточка ты моя! нѣжно говорилъ старостихѣ Андрей Ильичъ. — Ужъ гдѣ тебѣ тягаться со мной! потому врядъ ли кто на семъ свѣтѣ и можетъ со мной потягаться...

Старостиха, слушая его, была тая смирная, такая ласковая.

IV.

Все дѣло, слѣдовательно, въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, остановилось на слѣдующемъ: *Крымъ* бѣсновался и неистовствовалъ, мой пріятель свысока смотрѣлъ на этотъ спектакль, а я, облокотясь на столъ, рыдалъ болѣзненно о всемъ *Крымѣ* и злился на пріятеля.

Но это громовое ура, сейчасъ только огласившее своды харчевни, разбудило меня, и я со стыдомъ примѣтилъ, что ни къ рыданью, ни къ злости повода у меня самаго даже коротенькаго не имѣлось, ибо все шло своимъ чередомъ, и ежели изъ всей этой сумасшедшей толпы, включая въ нее и моего пріятеля, былъ кто-нибудь ненормаленъ, такъ одинъ только я, ловившій своего чортика.

Мой случайный знакомый, на мой вопросъ: кто онъ, когда и гдѣ я съ нимъ встрѣтился, благодушно увѣрилъ меня, что онъ будто бы одинъ изъ шести москов-

скихъ корреспондентовъ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей*, а также имѣетъ основаніе думать, что будетъ вызванъ сотрудничать въ *Голосъ*, что наконецъ онъ пріѣхалъ въ *Крымъ* съ цѣлію запастись въ немъ мотивами для передовыхъ статей въ эти газеты.

— Вы, можетъ-быть, Ботиковъ? спрашиваю я его, желая короче познакомиться съ человѣкомъ такой блистательной дѣятельности.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ, мотая головой и видимо пьянѣя.

— Дивово, можетъ-быть?

— И не Дивово! отвергаетъ онъ, радостно всхлипывая. —Я—Восходящее Солнце! Вотъ мой псевдонимъ. Настоящее же мое имя не должно быть извѣстно никому, потому что я намѣренъ затрогивать такіе вопросы... о такихъ общественныхъ ранахъ я буду заявлять на столбцахъ нашихъ уважаемыхъ газетъ, о которыхъ до сихъ поръ не плакалъ ни Николай Филиппович Павловъ, ни нашъ тамбовскій гегеліянецъ— фонъ-Чичеренъ, съ азартомъ уже совершенно пьянаго человѣка оралъ онъ такъ громко, что я не могъ не сказать себѣ:

— Однакоже, этотъ шутъ любопытенъ! Посмотримъ-ка на него попристальнѣе, и если онъ составляетъ рану на нашемъ общественномъ тѣлѣ, постараемся заявить о немъ на столбцахъ нашихъ, хоть не уважаемыхъ, газетъ.

Увы! къ крайнему моему огорченію, франтъ оказался даже не раной, а просто прыщомъ. Навязавшись на знакомство съ ухорскимъ Андреемъ Ильичемъ, Восходя-

щее Солнце ломалось самымъ пошлымъ маноромъ, стараясь показать себя русскимъ человѣкомъ.

— Какая здоровая натура! въ пьяномъ экстазѣ говорило мнѣ Солнце про Андрея Ильича.—И старостиха— тоже здоровая натура. Ее надо поднять, непремѣнно нужно возвысить, такъ-сказать... Это наша прямая обязанность, и, воодушевившись, онъ подарилъ старостихѣ свою изящную золотую булавку.

— А ты мнѣ, какъ хочешь, Андрей Ильичъ, а на платье на хорошее подари, говорила старостиха Андрею Ильичу,—потому какъ только имѣй я шелковое платье,—коси малина! Минуты бы одной въ *Крымѣ* не пробыла...

— Пре-е-красно! мямлило Восходящее Солнце.— Возвратись, старостиха, непремѣнно возвратись къ прежнимъ мирнымъ занятіямъ, на путь добра и чести...

— Ахъ ты, кобылятникъ! ласково выругала совѣтника старостиха, предполагая, что онъ своими шутками хочетъ ее привести въ конфузъ.

— Какая, Ѳедичка, вчера исторія случилась, такъ ты издивиться долженъ! разсказывала совершенно изнемогшему мастеровому толстая женщина въ фантастической повязкѣ. — Часа въ два ночи спимъ мы такъ-то, — вдругъ въ окно забубенили. «Есть?» спрашиваютъ.—«Есть!» говоримъ.—«Поѣдемъ, да живѣе у меня собираться, а то, говоритъ, раму вонъ выколочу». Пріѣзжаемъ въ одну гостинницу, — пьяные всѣ, лыко не вяжутъ. Только какъ я теперича всю политику произошла, знаю ужь, что попросту, безъ затѣй обходиться съ ними лучше будетъ, и говорю имъ: «Што же молъ,

вы, подлецы эдакіе, привезть привезли, а водкой не подчуете?» Какъ тутъ бросится одинъ на меня съ столовымъ ножищемъ. «Я тебѣ, говоритъ, тварь ты эдакая, дамъ ругаться!» А другой, съ такой ли бородищей большою, на него заоралъ: «Не смѣй, шумитъ, трогать ее,—она женщина!» Кричали, кричали они такъ-то, кулаки-то другъ на друга насучивали, насучивали, только заступникъ-то нашъ схватилъ пистолетъ со стѣнки —да и бацнулъ въ пріятеля. Слава Богу, что не попалъ! «Моли Бога, говоритъ, что не попалъ я въ тебя, а мои убѣжденія честны». Долго я надъ ними смѣялась. Вотъ, думаю, дураки-то необузданные! Только вслухъ я этого не сказала имъ, потому очень ужь азартны.

— А хочешь, я тебя изобью? спрашивалъ разскащицу мастеровой, приходя почему-то въ бѣшенство.

— Ну, ужь это не хочешь ли вотъ чего? въ свою очередь спросила разскащица, показывая кукишъ.

— Уйди, баринъ! шумѣлъ на Восходящее Солнце Андрей Ильичъ.—Не твое здѣсь мѣсто.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной?

— Такъ! не мѣшай — вотъ и все тутъ.

— А какъ я тепеиця съ гусалемъ по нацалю зиля, раздавался картавый, охрипшій голосъ изъ другаго угла,—халясо тогда биля! Ми съ гусалемъ въ обцество ѣззивали, а въ обцествѣ, биваля цяй-то съ сейебьяними лезецками подавайся.

— Што же ты, братецъ ты мой, смотрѣлъ на него? толкуютъ между собою два подозрительныхъ персонажа.—Ты бы часы-то у него и чирикнулъ.

— Чего, чего не дѣлалъ. Ужь и пилъ-то я съ нимъ вмѣстѣ, и обнимался-то. Ничего не подѣлалъ, потому изъ нашихъ никого не было, — кому передашь?

— Эхъ ты! Кому передать — спрашиваетъ. Въ любой уголокъ положи,—не скоро найдутъ.

— Не сдогадался.

— А я, однава дихнуть! выкрикивалъ картавый голосъ,—сказю, биваля, гусаеву деньсику: съюзи мнѣ, Семенъ! Не посьюсяться онъ меня не смѣй тогда, потому отъ баина пъиказанье такое быя ему, стобы онъ меня все явно какъ баиню съюсяйся.

— Ахъ ты, шкура! кричитъ слушатель —Што-жь, Семенъ всегда тебя слушался?

— Всегда, Ей-Богу, всегда! Тойко тогда усь, какъ гусай уѣхай и какъ у него за фатею впеіодъ за два мѣсяца запъяцено быя, я на той фатеѣ и остаясь зить. Думаю: зачѣмъ даемъ деньгамъ пъяпадать? Тутъ Семенъ безъ баина-то и вздумай меня пьягонять. Ахъ ты, гаваю, халюй язнесцястній! Какъ ты смѣесь меня пъягонять? А онъ меня взяй да по сеѣ. Я и усья.

И картавый голосъ въ этомъ мѣстѣ своего разсказа перешелъ въ слезные тоны.

— Што же ты плачешь-то, глупая? Ты вотъ выпей лучше.

— Нѣтъ! Не хоцю я пить. Я тебѣ пъямо сказю: я безъ гусая зить не могу...

— Ахъ ты, чудище морское! нализалась и жить не могу, кричитъ...

— Не бей ее! Слышишь ты, Андрей Ильичъ, не тронь

ее! умоляло Восходящее Солнце заѣзжаго Донца, который колотилъ старостиху.

— Не твоего ума это дѣло! кричалъ разсвирѣпѣвшій Андрей Ильчичъ.—Я къ ней всей душой, а она съ моимъ товарищемъ, на моихъ глазахъ, заигрывать принялась.

— Это ничего! твердилъ оригинальный псевдонимъ.— Она исправится; ее только возвысить нужно.

— А вотъ я ее возвышу.

Восходящее Солнце попробовало-было помѣшать Андрею Ильичу, но получило такой толчокъ, отъ котораго завертѣлось кубаремъ.

— Я тебѣ говорю: пей! приставалъ къ картавому голосу какой-то мущина.

— Я не буду пить! Я безъ гусая зить не могу! слезно объяснялъ картавый голосъ грозному прикащику.

— Я съ тебя дурь-то эфту собью! съ злостью рычитъ мущина, и вслѣдъ за этими словами раздается звонкая пощечина.

— Бей! а не могу я зить безъ гусая... Тамъ, въ обцествѣ-то, сейебъянія лезецки подавались.

— За што ее бьешь? Што же, коли она въ самомъ дѣлѣ безъ своего полюбовника жить не согласна? вмѣшивается какой-то угрюмый сапожникъ въ засаленномъ фартукѣ.

— А тебѣ что за дѣло?

— А то, не дерись понапрасну.

— Ты што за учитель?

— Я учитель!

— Учитель?

— Учитель!

И заварилась каша.

— Черти! За что вы полощетесь? кричитъ сѣдовласый прикащикъ.

— А вотъ мы тебѣ покажемъ, какъ ругать насъ! отвѣчаютъ молодцы, сообща накидываясь на прикащика.

За прикащика налетаютъ половые, и вообще въ этотъ трагическій моментъ *Крымъ* сдѣлался какимъ-то, еще не записаннымъ въ исторіи, царствомъ, густо населеннымъ, вмѣсто обыкновенныхъ живыхъ существъ, неслыханною руготнею, многообразными потасовками и зуботычинами.

— Бѣжите за полиціей! командуетъ прикащикъ половымъ, очевидно проигрывающимъ битву.

— Убѣгемъ, братцы! полица сейчасъ налетитъ! кричитъ толпа, быстро направляясь къ двери.

Восходящее Солнце и я отправляемся по ея слѣдамъ.

Освѣжившій меня уличный воздухъ окончательно погасилъ Восходящее Солнце.

— Кто идетъ? спрашивалъ насъ сосѣдній будочникъ.

— Табакъ! почему-то отвѣчалъ будочнику сей многоуважаемый литераторъ, съ замѣтнымъ наслажденіемъ расквашивая себѣ носъ о тротуарную тумбу...

ГРАЧЕВКА.

Начало весны для человѣка, не одѣтаго въ драповое пальто на легкой ватной подкладкѣ, не обутаго въ крѣпкія калоши—вещь, по общему мнѣнію, далеко не ублажающая. Такимъ образомъ было однажды начало весны, а у меня не было драповаго пальто на легкой ватной подкладкѣ и калошъ не было, потому собственно, можетъ-быть, что были сапоги, которые, что называется, просили каши. Они, т. е. мои несчастные сапожонки, до того широко разинули свои рты, что какъ будто хотѣли вычерпать всю грязную воду, залившую грязныя улицы. Не знаю, какимъ образомъ не умеръ я въ описываемое время отъ холода первой весенней ночи, и какъ не отвалились у меня ноги, обваренныя рѣжущимъ кипяткомъ натаявшей изъ снѣга воды

Итакъ, было начало весны. На дворѣ стояла непроглядная ночь, именно та самая ночь, которой можно дать имя ночи любопытствующей, ночи, всячески старающейся опредѣлить, что крѣпче на семъ свѣтѣ есть: дерево ли фонарныхъ столбовъ, или лбы пѣшеходовъ,

несчастные, бѣдные лбы, осужденные во время любопытствующихъ ночей стукаться не только объ означенные столбы, но пожалуй даже, говоря возвышенною рѣчью, и объ холодный гранитъ тротуаровъ.

Можете себѣ представить, какъ я благословлялъ эту ночь, шлепая по ея лужамъ, утопая въ ея канавахъ и ежеминутно удовлетворяя ея любознательность насчетъ того такъ-сказать, насколько я мѣднолобенъ. Весеннимъ странницамъ Фета положительно докладываю, весьма было бы лестно украситься благословеніями, которыя я призывалъ на первую весеннюю ночь.

— Господинъ Сизой, сказалъ мнѣ, часа за три до наступленія описываемой ночи, хозяинъ жалчайшей лачужки, въ которой жилъ я,—вы очень бѣдны: у васъ нѣтъ работы. Безъ свойственнаго мнѣ уваженія къ несчастію ближняго я бы конечно могъ протурить васъ съ квартиры, какъ объ этомъ мило говорится, въ три жилы, потому что вы мнѣ не платите ни копѣйки. Я не сдѣлаю этого, потому что подъ тремя жилами, въ этомъ случаѣ, разумѣютъ шею, а у васъ она, сколько мнѣ извѣстно, одна. Но если вы сейчасъ же не изволите оставить эту комнату, предупредите меня, ибо въ такомъ случаѣ я намѣренъ съ вами поступить по законамъ, т. е. стащить васъ въ кварталъ.

Выказавъ такъ забавно свое остроуміе, мой хозяинъ, необыкновенно носастый и совершенно обрусѣвшій нѣмецъ (кстати сказать: онъ былъ такъ носастъ, что сквозь носъ его можно было высмотрѣть все, о чемъ онъ именно думалъ), заложилъ руки за спину, заломилъ назадъ голову и вопросительно выпучилъ на меня свои насмѣшли-

выя бѣльма. Положеніе его головы, какъ вы поймете, было именно такое, что я сразу увидѣлъ черезъ его вздернутый носъ, что онъ говоритъ дѣло, безъ малѣйшихъ притязаній на любезныя шутки, а увидѣвши, что онъ говоритъ дѣло, я засвидѣтельствовалъ ему мое всенижайшее, взялъ съ окна мой дневникъ, положилъ въ карманъ березовый мундштучокъ, нѣкоторый миніатюрный портретъ, когда-то украшенный золотомъ, давно уже пропавшимъ въ залогѣ у жида, и вотъ вы видите меня на улицѣ, преслѣдующаго проклятую цѣль—ночевать у кого-нибудь изъ моихъ многочисленныхъ грачовскихъ пріятелей. Насколько я правъ, назвавши мою цѣль проклятою, судите сами. Я родился и воспитывался въ той благовонной средѣ, гдѣ и теперь еще обѣими руками держатся за знаменитое изреченіе блаженнаго во отцѣхъ Игнатія Лойолы: «цѣль оправдываетъ средства». Теперь же, перенесенный благопріятствующею судьбой въ иной кругъ, я по чести говорю, что я еще не успѣлъ забыть ни то палочье, которымъ вбивали въ меня это правило, ни самое правило. Откровенности такой, ей-Богу, въ наше время днемъ со свѣчей не найдешь, но, клянусь вамъ, она составляетъ, можетъ быть, только милліонную долю моихъ достоинствъ. У меня много всего было! Говорю вамъ словами Ѳедора въ свадьбѣ Кречинскаго: «Было, батюшки мои, много всего было, да быльемъ поросло!» Отчего именно все быльемъ поросло — это другой вопросъ. Разрѣши я этотъ вопросъ, какъ могъ бы я разрѣшить его, моя бутада не была бы напечатана. При моемъ же міросозерцаніи бутада моя представляется мнѣ рукою-кормительницей.

— Иванъ, говоритъ мнѣ она,—помолчи благоразумно, а то вѣдь выпить не на что будетъ.

Я не хлопочу о хлѣбѣ, потому что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Я оправдываю цѣлью средства и молчу. Молчу, закусивши блѣдныя губы, и тогда, когда хочется мнѣ разрѣшить вопросъ, отчего все мое быльемъ поросло, и теперь молчу, когда человѣкъ, съ которымъ я дѣлилъ все, что доставалъ своей мозолистою работой, котораго я толкнулъ на дорогу, на мою просьбу о ночлегѣ, сказалъ мнѣ:

— Не могу.

— Отчего-жъ? спрашиваю я.

— Да вотъ, видишь ли, говоритъ онъ,—въ одной комнатѣ я самъ сплю, а другая, хочется мнѣ, чтобы всегда чистая была. Самъ согласись, говоритъ,—придетъ ежели завтра кто ко мнѣ поутру, а ты спать тутъ будешь,—неловко.

— Правда, отвѣчаю я ему.—Дѣйствительно, это неловко.

Въ моей головѣ промелькнуло въ это время представленіе о томъ звѣриномъ голодѣ, который обыкновенно мучилъ насъ обоихъ, когда я давалъ у себя пріютъ этому человѣку. Живя въ столичномъ городѣ, мы были съ нимъ безпомощны, какъ матросы въ морѣ, претерпѣвшіе кораблекрушеніе. По-истинѣ я не согрѣшилъ бы тогда, ежели бы убилъ его для того, чтобы не дать ему достающейся на его долю порціи чернаго хлѣба съ гнилымъ масломъ, спеціально впрочемъ добытой мною. Но я не убивалъ его, хотя мускулы у меня, какъ вообще у плебеевъ, могу сказать, таки тово.... Я ни-

чего не сказалъ ему объ этомъ представленіи изъ нашей прошлой жизни, и вышелъ.

Когда у меня послѣ такихъ случаевъ бываютъ деньги, я обыкновенно запиваю, потому что, помню я, отецъ мой, когда бывало придетъ домой съ половиной бороды, съ израненнымъ лицомъ, на которомъ засохла кровь, тоже запивалъ. Пусть кто меня осудитъ за это! «Родителямъ подражай!», измаралъ я сто тысячъ разъ аспидную доску, когда учился писать. А я что же дѣлаю, когда запиваю? Развѣ кто увѣритъ меня, что я въ этомъ случаѣ не подражаю родителю?

Я прихожу къ одному весьма юному студенту, занимающему двухъ-аршинную келью.

— Ночевать пустишь что-ль? спрашиваю его.—Меня носастый Нѣмецъ съ квартиры прогналъ.

— Располагайся, говоритъ,—какъ тебѣ свободнѣе, на этомъ полу, потому что на кровати со мной нынѣшнюю ночь спать тебѣ невозможно. Праздникъ завтра.

— А! догадался я, и ушелъ.

Къ нему наканунѣ каждаго праздника ходитъ одна швея, до безконечности милое и наивное созданіе, на которой мой бѣдный пріятель неизмѣнно рѣшилъ жениться, и которую онъ, вслѣдствіе того, что называется, возвышаетъ до себя. Я не буду мѣшать вамъ, счастливыя дѣти!

— Такъ тебя, говоришь, носастый Нѣмецъ съ квартиры прогналъ? сказали мнѣ въ другомъ мѣстѣ.—Этотъ пассажъ имѣетъ въ себѣ ту хорошую сторону, что ты принужденъ будешь найти себѣ другую нору: тогда я въ тебѣ привалю на новоселье съ компаніей, а теперь

ночевать у меня невозможно. Завтра праздникъ и сейчасъ

«Придетъ сюда она,
Это милое созданье
Чернобровая моя!

Самъ знаешь, у ихнихъ мадамовъ работы ни въ праздникъ, ни подъ праздникъ не бываетъ, а ночевать просишься! Эхъ ты, голова! Гряди и ожидай меня на новоселье съ компаніей.

— Поди ты къ чорту и съ компаніей!

— Впрочемъ стой, подожди на минуту ругаться. Чаю не хочешь ли? Я для своей дульцинеи припасъ-было крендельковъ, сухариковъ разныхъ ерундистыхъ, такъ ты пожри ихъ. Съ нея довольно будетъ любви огневой.

— Пожалуй, давай въ карманъ: я съ собой заберу, а чаю мнѣ твоего дожидаться некогда.

— Укладывай съ Богомъ—и маршъ подъ дождь! На дождѣ, говорятъ, больше ростется, съострилъ онъ окончательно, подавая мнѣ бумажный пакетъ съ ерундистыми крендельками и сухариками.

Въ другія комнаты снебилью, къ другимъ пріятелямъ прихожу я, упорно преслѣдуя мою цѣль—ночевать не подъ открытымъ небомъ. Въ передней, освѣщенная тусклымъ свѣтомъ вонючаго ночника, обыкновенно сидитъ мегера, родившаяся на сокрушеніе бездомовнаго народа въ какомъ-нибудь селѣ Ярославской губерніи. Какъ возовая лошадь, громко сопитъ она надъ двадцатою чашкой кронштадтскаго чая. Обыкновенно, не умѣя смотрѣть на этихъ, какъ онѣ называютъ, хозяекъ иначе, какъ со скрежетомъ зубовъ, я въ это время отступаю

отъ своихъ принциповъ и самымъ заигрывающимъ манеромъ желаю мадамѣ пріятнаго аппетиту-съ.

— Вотъ вѣшать-то некому! злобно ворчитъ мадамъ,—въ какую погоду шатаются. Полъ-то весь загрязнили вы мнѣ! возвышаетъ она свой крикливый голосъ, вѣчно просящій денегъ. — Снимайте поскорѣе пальто. Словно утопленникъ какой ввалился. Гдѣ только носило васъ?!

— Въ гостяхъ былъ у вашего благовѣрнаго. Поклонъ съ нами вамъ прислалъ. Поцѣловать васъ, какъ можно, наказывалъ.

И при этомъ я какъ будто изловчаюсь влѣпить ей комиссіонный, такъ-сказать, поцѣлуй, но звѣровидное существо находитъ въ себѣ, противъ моихъ ожиданій, настолько женственности, чтобы самымъ неуклюжимъ манеромъ гримасничать и увертываться отъ моихъ, жаждущихъ теплой постели, объятій.

— Какого ты чорта возишься тамъ? слышится изъ-за перегородки голосъ моего пріятеля, къ которому пришелъ я съ намѣреніемъ ночевать.—Говорилъ бы прямо, что на ночовку пришелъ, такъ я бы тебѣ тоже прямо сказалъ, что нельзя нынче у меня ночевать, потому что праздникъ завтра!..

«И тутъ праздникъ!» съ ужасомъ восклицаю я про себя.

Какимъ же образомъ у тебя-то праздникъ? кричу я ему въ стѣну,—вѣдь ты жидъ.

— Ну, это ужь не твое дѣло! отвѣчаетъ онъ мнѣ.— А за то, что ты жидомъ ругаешься, не пущу же тебя

ночевать, хотя одна добрая душа очень меня упрашиваетъ укрыть тебя отъ темной ночи.

Я видѣлъ, что мои дѣла поправляются, т. е. что ночевище мое почти уже готово, но я ушелъ и отсюда, потому что за стѣной заслышалъ нѣкоторый умоляющій шепотъ:

— Пусти его, Евзель, ночевать, пожалуста пусти. Ты не сердись на него, что онъ тебя жидомъ изругалъ. Онъ вѣдь, этотъ Сизой, почти всегда пьянъ. Можетъ это онъ спьяна тебя изругалъ.

У этой дѣвочки, которая навѣщала Езеля Гараха такіе большіе, такіе ничего не выражающіе глаза! Я всегда какъ-то не симпатизировалъ ей, а тутъ еще шепчетъ она, чтобы Езель Гарахъ, студентъ медицины, снабженный трехъаршинными бакенбардами и талейрановскою головой, не мстилъ пріятелю своему, Ивану Сизому, за то, что тотъ его жидомъ назвалъ.

— Ну, хорошо! Я прощаю тебѣ, Иванъ, что ты меня жидомъ обругалъ,—кричалъ мнѣ съ хохотомъ Езель.— Иди и ночуй. Обѣщаю тебѣ не пить твоей крови за обиду мнѣ нанесенную.

— Какъ это трогательно! злобно замѣтилъ я, сознавая необходимость уходить и отсюда, чтобы не видѣть большихъ круглыхъ глазъ феи, вышептывающей мнѣ великодушное прощеніе.

Но прежде, нежели уйти мнѣ отъ Езеля, я сцѣпился съ хозяйкой преимущественно въ видахъ, чтобы, разозливши ее, лишить тѣмъ самымъ надлежащаго аппетиту, съ которымъ она заливала нутро свое чаемъ. Я началъ съ того, что она коломенская жирная дура, а не хо-

зяйка, что ей бы только судомойкой въ солдатскихъ казармахъбы ть, а не хозяйничать. Звѣрообразная баба, къ великому моему наслажденію, была поражена въ самое сердце.

— Вотъ оно, вотъ оно, какъ накинулся! могла она только выговорить, глядя на меня съ замѣтнымъ недоумѣніемъ.

— Ну, какая ты хозяйка? продолжалъ я наддавать ей жару. — Мнѣ вонъ Гарахъ сказывалъ, какъ ты въ самоварную трубу воды налила, а углей наклала туда, куда добрые люди воду льютъ. Вотъ ты какая хозяйка! Небойсь, на правой рукѣ пальцевъ сколько, не знаешь.

Гарахъ хохоталъ во все горло за своей перегородкой. Онъ, очевидно, понималъ мою дипломатію, которая главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы, сразившись съ хозяйкой часа на два, сколько можно сократить мучительную ночь на тротуарахъ.

— Есть ли у тебя какое-нибудь міросозерцаніе, дура ты эдакая? спрашивалъ я у бабы. — Ты вотъ теперь воображаешь, что сняла три лачужки и пустила въ нихъ жильцовъ, такъ ты хозяйка не только надъ этими лачужками, но и надъ самими жильцами. Почтенія отъ нихъ требуешь. Хочешь, чтобъ они тебя мадамой звали. Какая же ты мадамъ, когда чаю по двадцати чашекъ за-разъ выпиваешь?

— Что-жь такое? Купчихи-то не пьютъ развѣ?

— И купчихи тоже дуры, какъ и ты. Чай грудь сушитъ.

— Крѣпкій сушитъ-то, а я какой пью? Чуть только желтѣется.

— Молчи лучше! А то сейчасъ офицера вызову изъ крайней комнаты. Онъ съ тобой не будетъ разговаривать, а по-вчерашнему возьметъ да отдуетъ.

— Какъ же! Каждый день будетъ дуть! Что-жь что онъ баринъ: я его хозяйка за то. Я и въ кварталъ дорогу найду.

— Про кварталъ ты тоже перестань разговаривать. Тамъ вашу сестру хорошо учатъ. Тамъ тебѣ сразу объяснятъ, что ты не имѣешь никакихъ филологическихъ соображеній. Тамъ тебѣ какой-нибудь ундеръ Хлобовъ или вѣстовой Шпыренко сразу растолкуетъ, что ты хозяйка только своего чрева, а вовсе не жильцовъ.

Забираясь иногда въ самый мозгъ къ такимъ франтихамъ, я, къ величайшему моему ужасу, находилъ, что слово «хозяйка» употребляется ими въ значеніи, такъ-сказать, деспотическомъ. Ежели, напримѣръ, жилецъ, разбѣшенный той опрятностью, которую обыкновенно соблюдаютъ эти созданія въ своихъ клѣткахъ, возвыситъ голосъ для приказанія вымыть полъ, вытереть мебель, хозяйка сначала струситъ этого голоса, а потомъ на дорогѣ въ кухню непремѣнно скажетъ: «Экій народъ какой безобразный! Вишь какъ на хозяйку кричитъ!» Вслѣдствіе столь наивнаго пониманія, происходили, напримѣръ, такія столкновенія.

Прошлою зимой на Грачовкѣ жило очень много французовъ, рабочихъ съ Нижегородской желѣзной дороги.

— Баба! говоритъ одинъ молодецъ своей хозяйкѣ, уходя фланировать по московскимъ улицамъ,—убери

комнатъ. Никогда ничего не сдѣлай, скверно тутъ, тутъ и тамъ!

При этомъ онъ указываетъ на заплѣсневѣлые, промороженные углы, на залитые водой подоконники, на запыленный графинъ, въ который наползли пауки. Послѣднее обстоятельство всего болѣе возмущаетъ француза.

— Утри, mille diables! Деньга не дамъ! Bar-r-barr-re!

— А вы, мусье, не ругайтесь. Я не варварка. Я ваша хозяйка.

— Ventrebleu! Козяйка! Что такой козяй? Ты мена нанималъ? Ты мена деньги платилъ? Я теба деньги платилъ, monstre!

— Что-жь что деньги платилъ? оретъ въ свою очередь хозяйка.—Я не позволю кричать на себя, заимствуется она фразой у своей племянницы, весьма образованной мамзели, никогда впрочемъ не ночующей дома.—Я хозяйка въ своей фатерѣ.

— Bah! восклицаетъ французъ.—Свой фатеръ? Мой фатеръ! Я платилъ деньга. Матушка, чортъ!

Баба направляется въ двери деликатною рукой иностранца.

— Матушка, чортъ! повторяетъ онъ, выпроваживая ее за дверь.

Но такое обхожденіе окончательно противорѣчитъ ея пониманію слова «хозяйка». Она начинаетъ орать и бранить француза всякими непристойностями. Французъ не выдерживаетъ и даетъ ей туза, на который баба отвѣчаетъ громкимъ «караулъ!» Ея фаворитъ, обыкно-

венно еще довольно молодой портной или сапожникъ, стремительно бросается къ ней на помощь изъ глубины кухни.

— За что ты дерешься? азартно спрашиваетъ онъ француза, потряхивая волосами.

—Fichtre! шипитъ французъ.

— Нѣтъ, ты скажи прежде, за что ты прибилъ ее? настаивалъ фаворитъ.

— Bah! вскрикиваетъ французъ на своемъ уже родномъ нарѣчіи, не зная, какъ это выразить по-русски.— Отчета отъ меня требуетъ эта свинья. Что ему за дѣло? Этотъ непонятный лепетъ мастеровой объясняетъ трусостью, которую онъ, по его соображеніямъ, навелъ на француза своимъ грознымъ видомъ. Поэтому онъ схватываетъ его за бортъ сюртука и говоритъ:—Иди-ка-сь, другъ сладкій, къ фартальному!

Французъ неистово взвизгиваетъ, когда прикоснулась къ нему посторонняя рука. Сильнымъ движеніемъ назадъ онъ освобождаетъ свой бортъ, сбрасываетъ съ себя коротенькую вигоневую жакетку и въ одну минуту поражаетъ мастероваго градомъ ударовъ.

— О-го-го! въ азартѣ визжитъ французъ, какъ угорѣлый, фехтуя около своего врага.—Отчетъ тебѣ нужно? Вотъ тебѣ отчетъ!

Мастеровой минутъ пять не можетъ оправиться отъ этого быстраго нападенія и, словно въ столбнякѣ, все это время стойко выдерживаетъ удары; наконецъ онъ успѣваетъ, что называется, подмять француза подъ себя. Тѣсная комната очень много помогаетъ ему изловить эту маленькую птицу съ острыми когтями.

— Такъ ты такой-то? задыхается въ свою очередь мастеровой.—Ты, я вижу, бойкій. Погоди же я таперича помну тебя. Теперь не скоро вырвешься!

Хозяйка достаетъ откуда-то длинную палку и ею принимается возить француза съ гораздо большимъ ожесточеніемъ сравнительно съ ожесточеніемъ своего друга.

— А! разбойники! дрожащимъ отъ злости голосомъ кричитъ французъ и старается выбиться изъ-подъ мастероваго.

Наконецъ побѣдитель и побѣжденный выкатываются на просторный дворъ, гдѣ побѣжденнаго снова разыгрываетъ мастеровой. Французская ловкость беретъ верхъ надъ русскою силой. Хозяйкина палка торжественно переломлена французомъ о спину хозяйки. Мастеровой, не видя возможности изловить врага и снова подмять его подъ себя, какъ ошалѣлый, пугливо прислоняется къ забору и нечувствительною стѣной выдерживаетъ быстрые налеты разозлившейся французской птицы.

— Messieurs, messieurs! кричитъ французъ, разсчитывая, что его услышатъ товарищи, живущіе въ сосѣднихъ домахъ или случайно проходящіе мимо.—Спасите: меня убиваютъ!

И не два раза случалось такъ, что на его сторону набѣгалъ десятокъ французовъ, на сторону хозяйки десятокъ мастеровыхъ, и Грачовка оглашалась военными криками двухъ націй, какъ бы на настоящей войнѣ, азартно сражавшихся до тѣхъ поръ, пока не приходила другая, сѣрая армія, которая и разгоняла воителей палочьемъ.

— Чудесно это, право, съ ненашинскими драться! говорили мастеровые, возвращаясь послѣ драки къ своимъ станкамъ и верстакамъ.—Задали имъ жару на порядкахъ!

— Небойсь такъ-то и въ Севастополѣ дѣвствовали! предполагаетъ другой.

— Извѣстно такъ же, увѣренно заканчиваетъ третій съ страшными желваками на окровавленномъ лицѣ. — Въ Севастополѣ только пострашнѣй, чай, было, потому тамъ штыками дрались, изъ ружей палили.

Мнѣ удалось выкинуть часа три изъ моей безночлежной ночи, которые я благополучно препровелъ съ съемщицей, объясняя ей настоящее значеніе слова «хозяйка». Потомъ, когда уже различные доказывающіе факты мои привели ее въ состояніе близкое къ бѣшенству, т. е. когда она начала задыхаться отъ злости и одуренно заметалась по кухнѣ съ цѣлью, вѣроятно, отыскать обломки той палки, которою она, или не она нѣкогда колотила француза, я распрощался съ ней, ибо у меня при всемъ томъ, что я ни болѣе ни менѣе какъ только Jean de Sizoy, какъ у всякаго другого человѣка, совѣсть-таки сохранилась еще.

«Довольно! думаю я, уходя.—Должно-быть теперь къ заутренѣ скоро заблаговѣстятъ. Пойду въ церковь замаливать невольный грѣхъ моей нищеты».

— Ежели и завтра не найдешь квартиры, кричитъ Гарахъ вслѣдъ за мной, — приходи ко мнѣ: я ждать буду.

Темный бульваръ, на который я вышелъ въ это время, показался мнѣ уже не такимъ темнымъ, какимъ

онъ былъ въ дѣйствительности, потому что его освѣщало мое представленіе лица моего пріятеля, отпустившаго меня ночевать подъ открытымъ небомъ не одного, а по крайней мѣрѣ съ надеждой провести у него завтрашнюю ночь.

Я сѣлъ на скамейку и задумался.

Богъ знаетъ, почему мнѣ спутанно вспомнились картины моего незатѣйливаго, но мирнаго прошлаго, какъ вдругъ, словно отпадшій духъ, загрязненный, усталый и безпріютный, какъ я, появился передо мною, точно изъ земли выросъ или бы съ неба упалъ, мой другъ экс-студентъ Дебоширинъ.

— Здорово! сказалъ онъ, пожимая мою руку.—Безъ ночлега?

— Какъ видишь, отвѣчалъ я;—а ты?

— Idem! У Пржембицкаго былъ?

— Былъ. Къ нему пришла Стеша.

— А у Скворцова?

— И у него тоже: Паша или Саша.

— У Гараха?

— Не говори. У него теперь эта дѣвочка съ овечьими глазками... Она теперь умаливаетъ его, чтобъ онъ простилъ меня, что я его жидомъ назвалъ.

— Я думаю, по ея просьбѣ, онъ тебя и проститъ, серьезно замѣтилъ Дебоширинъ.—А она, по моимъ соображеніямъ, ни за что бы тебя не простила, когда бы слышала, что ты ея глаза называешь овечьими. Впрочемъ завтра я не премину доложить ей объ этомъ для поддержанія между вами добраго согласія.

— Ты лучше поди доложи чорту, что ты дьяволъ!

озлился я на него за его шутку въ то время, когда грудь хотѣла лопнуть отъ кипѣвшихъ въ ней слезъ и проклятій.

— Кричи сильнѣй, совѣтовалъ онъ. —Это тебѣ полезно. Выкрикивайся и будь готовъ наслаждаться дивными красками ночной природы подъ открытымъ небомъ.

— Ужь лучше бы ты къ будочнику какъ-нибудь подобрался. У тебя, я знаю, связи тутъ есть, просилъ я Дебоширина, обезоруженный его хладнокровіемъ.

— Что намъ будочникъ? Будочникъ — табакъ! А я тебя въ клубъ сведу, милое дитя! Ты только не бранись. У меня кстати имѣются два пятачка.

— Что же мы сдѣлаемъ въ этомъ клубѣ на два пятачка, и какой это именно клубъ?

— А клубъ въ Нехорошемъ переулкѣ. Впрочемъ ты его едва ли знаешь, потому что я самъ очень недавно открылъ его въ одну изъ подобныхъ безсонныхъ ночей. Мы тамъ на гривенникъ хватимъ самой оглушающей водки и вдобавокъ просидимъ цѣлую ночь безданно, безпошлинно. Я былъ тамъ не болѣе пяти разъ, хотя, зная свою бездомовность, успѣлъ познакомиться съ хозяиномъ настолько, что онъ уже открылъ мнѣ нѣкоторый кредитъ. Обѣщаю тебѣ знакомство со многими изъ посѣтителей. Публика, я тебѣ скажу, первостатейная.

Я просто не буду ѣсть никакого меда, когда меня обѣщаютъ сводить въ какое-либо мѣсто въ родѣ нехорошевскаго клуба, гдѣ обыкновенно гнѣздятся по ночамъ тѣ ночныя птицы человѣческаго рода, рѣдкое появленіе которыхъ на улицѣ среди бѣлаго дня колетъ

какъ будто свѣтлые глаза Божьему солнцу. Я быстро шагаю за моимъ руководителемъ въ нехорошевскій клубъ, куда меня тянетъ магнетическая надежда на возможное тепло, а въ темной дали яркой путеводною звѣздой блещетъ стаканъ водки, заглушающей человѣческое горе, обѣщанный Дебоширинымъ.

Несмотря на позднюю пору, Нехорошій переулокъ кипѣлъ самою широкою, шумною жизнью. Изъ раскрытыхъ оконъ, неизбѣжно украшенныхъ красными драпри, громко неслись безобразные звуки разбитыхъ клавикордовъ; визгливыя скрипки заглушали пѣсни, которыя изъ каждаго дома вырывались на улицу. Какіе-то особенно хриплые голоса мущинъ, какіе-то, только въ Нехорошемъ переулкѣ возможные, надсаженные, такъ сказать, голоса женщинъ дикими ругательствами терзаютъ свѣжій воздухъ ночной. Говорю терзаютъ потому собственно, что болѣе громко, чѣмъ въ другое время, раздавались въ немъ эти ругательства, слѣдовательно могу думать, что свѣжія воздушныя струи очень страдали, когда ихъ разрѣзывали хулящіе природу человѣка выкрики ночного разврата.

Громкій стукъ пролетокъ извощиковъ-лихачей, которые, сломя голову, летаютъ вдоль переулка, окончательно завершаетъ эту шумную, оглушающую картину.

Въ этомъ-то переулкѣ, въ лавчонкѣ подъ вывѣской: *Продажа кітайскихъ чаевъ и разныхъ овочныхъ товаровъ*—и находился, такъ называемый, нехорошевскій клубъ.

Когда мы вошли въ вѣчно бодрствующее капище, тамъ было только двое посѣтителей. Одинъ, во фракѣ

и клѣтчатыхъ шароварахъ довольно молодой человѣкъ съ толстыми скулами и посоловѣвшими глазами, сидѣлъ на скамьѣ у самыхъ дверей, ближе, какъ онъ говорилъ, къ холодку, и безсмысленно смотрѣлъ въ грязный полъ клуба. Другой, въ очкахъ, съ бакенбардами, могущими возмутить самую ледяную душу, принадлежащій повидимому къ расѣ ученыхъ, развалился на стулѣ у прилавка, сосредоточивъ все свое вниманіе на огромномъ стаканѣ съ водкой, стоявшемъ передъ нимъ.

У задней стѣны лавки, съ заложенными за спину руками, стоялъ хозяинъ, блѣдный, апатичный толстякъ съ взъерошенною прической. Подлѣ него безотлучно пребывалъ молодой мурластый парень,— необыкновенно слонообразная мебель. Его назначеніе въ лавкѣ очевидно заключалось въ томъ, чтобъ однимъ вздохомъ низвергать на средину мостовой буйныхъ клубистовъ.

Дебоширинъ весьма коротко пожалъ руку хозяину и господину съ возмутительными бакенбардами, слегка ткнулъ въ ѣдало слонообразную мебель, отчего она радостно улыбнулась, и спросилъ водки. Спектакль начался слезливыми просьбами скуластаго юноши, съ которыми онъ обратился къ хозяину.

— Степанъ Андреичъ! умолялъ его несчастный клубистъ,—ради Бога, одну только рюмочку, голубчикъ. Больше я и просить не буду. Только-что выпью одну рюмочку, сейчасъ и уйду.

— Вы и такъ ужь очень много напили, безстрастно отвѣтилъ хозяинъ.

— Плевать! Ну, право, плевать. Завтра все отдамъ. Ну, пожалуста! Ради Христа, прикажите налить!

— Налей рюмку, Семенъ! обратился хозяинъ къ малому.—Только одну: больше, смотри, не давай.

Юноша жадно проглотилъ рюмку и судорожно скривилъ лицо. Бакенбардистъ во все горло захохоталъ сдѣланной пьяницею гримасѣ.

— Чему вы смѣетесь, милостивый государь? запальчиво спросилъ его юноша.

— Вы, вѣроятно, хотите сказать: надъ кѣмъ? Въ такомъ случаѣ я говорю, что надъ вами, отвѣчалъ протяжно бакенбардистъ.

— Такъ вы подлецъ послѣ этого!...

— Что такое? равнодушно освѣдомились бакенбарды.

— Ты подлецъ!

— Ну, любезный, будь осторожнѣе, а то какъ разъ скушаешь оплеуху.

— Что? Ты смѣешь мнѣ дать оплеуху? Мнѣ? Чиновнику?

— Для меня все равно, кому ни дать. Лучше замолчи.

— Да ты-то кто? Мѣщанинъ какой-нибудь? Сапожникъ?

— Мѣщанинъ и сапожникъ. Ты угадалъ.

— Такъ я тебя, скотина, въ часть отправлю.

— Эй, не горячись. Дамъ оплеуху,—пожалуй заплачешь...

— Ударь! ударь! закипѣлъ юноша.—Попробуй, ударь.

— Ты просишь?

— Прошу—ударь!

— Господа, обратился бакенбардистъ къ публикѣ,—прошу васъ быть свидѣтелями, что вотъ этотъ франтъ безотвязно проситъ ударить его.

— Ударь! ударь! оралъ чиновникъ, подставляя свою физіономію и сгибая ее нѣсколько на бокъ.

— Получай! сказалъ бакенбардистъ, и вслѣдъ за этимъ раздалась сильная оплеуха.

Юноша повалился на полъ.

— Ничего, не дурно; того стóитъ, внушительно замѣтилъ хозяинъ.

Тяжело вздыхая, юноша поднялся съ пола. На его губахъ показалась яркая кровь. Убѣдившись, что получить оплеуху вовсе не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда, онъ присмирѣлъ какъ ягненокъ. Не имѣя ни копѣйки въ карманѣ, ни кредита у хозяина, онъ все-таки продолжалъ сидѣть въ клубѣ, упорно вглядываясь въ оставшіеся на прилавкѣ графины съ водкой. Замѣтно было, что у него сохранились весьма сильныя надежды выпросить еще рюмочку Христа ради; но, съ другой стороны, пріятельскій кулакъ очень серьезно пошатнулъ эти надежды, такъ что во все остальное время юноша ни однимъ словомъ не выказалъ не только этихъ надеждъ, но даже и своего присутствія.

— Вы нынче на водку что-то и не смотрите, обратился хозяинъ къ Дебоширину.

— Денегъ нѣтъ.

— Такъ что же? Вы знаете, что я вамъ на сто рублей повѣрю Сдѣлайте одолженіе не церемоньтесь.

— Пожалуй. Только смотрите: двухъ графиновъ въ мгновеніе ока, можно сказать, вы не досчитаетесь.

— На доброе здоровье, любезно пожелалъ намъ хозяинъ, наливая стаканы.

— Пожалуйста закусить чего-нибудь спроси, шепнулъ я Дебоширину.

— Дождь-то какъ разыгрался, просто страсти! говорилъ, вошедшій въ эту минуту, весьма подозрительный верзила.—Мы ужь къ вамъ, Степанъ Андреичъ, какъ въ храмъ спасенія, забираемся на всю ночь.

— Откуда шли? спросилъ хозяинъ.

— Да такъ. Въ *Крымцѣ* поболтались немного, по окрестностямъ тоже. Нѣтъ на улицахъ хода.

— Значитъ, новаго ничего нѣтъ?

— Почитай ничего! Развѣ вотъ на это посмотришь? И верзила подалъ часы.—Простенькіе, добавилъ онъ.— И купить, пожалуй, охотника не найдется.

— Я, ежели сходно будетъ, возьму пожалуй за себя, хитрилъ хозяинъ.

— И толковать нечего, согласился верзила.—Получи! Мы вотъ тутъ выпьемъ у васъ чего-нибудь да закусимъ—и квитъ.

— Семенъ, подавай, что прикажутъ, завелъ хозяинъ слонообразную машину.

— Капусты мнѣ кислой на пятачокъ, да двѣ селедки отпустите, говорила лавочнику нѣкоторая бойкая дѣвица съ изумительно-быстрыми манерами.

— Кисленькаго захотѣлось? шутили бакенбарды.—Я и самъ, когда устаю, всегда селедку или капусту ѣмъ, продолжалъ онъ, задумчиво лелѣя свой сѣнокосъ.—На горячія сердца это хорошо дѣйствуетъ.

— Не очень-то съ вами разговаривать станутъ, обидчиво отвѣчала дѣвица.—Умылись бы прежде.

— Умытъ ужь. А вотъ на васъ полюбоваться поз-

вольте, заигрывалъ онъ съ дѣвицей.—Небойсь, такъ и разитъ кокосовымъ.

Бойкая дѣвица, въ справедливомъ негодованіи весьма энергически оттолкнула любезника и, какъ мимолетное видѣнье, скрылась изъ лавки съ пріобрѣтенными селедками и капустой.

— Много, должно-быть, разбираютъ у васъ селедокъ-то и капусты? спросилъ у хозяина бакенбардистъ.

— Берутъ-съ довольно, удовлетворилъ его хозяинъ.

— Очень ихъ по вечерамъ на соленое да на кислое тянетъ, съ знаменательной улыбкой прибавила отъ себя слонообразная мебель.

— Волосатый! самымъ заигрывающимъ тономъ вдругъ вскрикнула только-что вышедшая дѣвица, на мгновенье показавшись въ дверь лавки.

— Обидѣлась съ перваго раза, такъ проваливай. Я не очень люблю недотрогъ, отвѣтилъ волосатый.

— Тебя-то кто любитъ, презрительно спрашивала дѣвица за кулисами.—Ровно свинья изъ камышей высматриваешь.

— Ахъ ты дрянь! заревѣли сѣнокосныя луга.—Вотъ я тебя.

— Сволочь! вмѣстѣ съ звонкимъ хохотомъ прилетѣло къ намъ съ улицы въ клубъ звонкое слово, и затѣмъ раздался шорохъ быстро улепетывающихъ башмаковъ.

— Не метнуть ли? спросилъ подозрительный верзила у пришедшаго вмѣстѣ съ нимъ рыжаго франта, блиставшаго необыкновенно оригинальными брелоками на часовой цѣпочкѣ.

— Сколько закладываешь? спросилъ франтъ.

— Да мы, для провожденія времени, сыграемъ на зелененькую.

— Не хочу я, братецъ, зелененькой твоею руки марать.

— Валяй на десятку, когда такъ, съ увлеченіемъ предложилъ верзила, и вынутыми изъ кармана картами началъ метать штоссъ.

— Поцѣлуй ручки у десятки и разлучись съ ней на вѣки, пошутилъ рыжій франтъ, срывая банкъ милочкой дамой, которую онъ весьма страстно цѣловалъ прежде, нежели пустилъ ее въ экспедицію за пріятельской десяткой.

— Ничего, покорился подозрительный верзила тяжкой судьбѣ своей.—Вотъ тебѣ другая десятка.

— И другой мы найдемъ мѣсто въ карманѣ. Готово?

— Готово.

— А когда готово, поди, мой дружокъ, возьми у него и эту десятку. Я тебѣ платье сошью, благословлялъ рыжій свою даму на новый подвигъ.—Ва-банкъ!

Верзила съ проклятіемъ положилъ даму на-лѣво по второму абцугу и заложилъ двадцатипятирублевый банкъ.

— И это намъ пригодится на шляпку, флегматически предполагалъ рыжій франтъ, выбирая понтерку.

— Двѣ карты сіи по пяти рублей каждая, неожиданно произнесла доселѣ молчаливая личность, по всей вѣроятности принадлежавшая отставному монастырскому служкѣ. Его длинное полукафтанье и плисовая шапочка до очевидности доказывали справедливость этого предположенія.

— Можно-съ. Отчего-же-съ, благодарственно пробормоталъ подозрительный верзила.

— Какъ же это? въ недоумѣніи спрашивалъ служка, когда карты, поставленныя имъ, были обѣ убиты банкометомъ.—Ну, была не была! какъ-то отчаянно говорилъ онъ.—Еще на десять рублей прокиньте.

— И на десять можно, великодушно согласился верзила.

Вниманіе всѣхъ клубистовъ сосредоточилось по преимуществу на играющихъ. Шелестъ картъ одинъ только нарушалъ общее молчаніе.

— Степанъ Андреичъ, отпустите, пожалуйста,до завтра селедочекъ парочку да капустки фунтикъ, упрашивала хозяина хриплымъ, болѣзненнымъ голосомъ молодая еще женщина.

— И такъ много я тебѣ навѣрилъ, барыня, не могу больше. Мнѣ самому нужно за товаръ платить, отказывалъ лавочникъ.

— Ей-Богу, завтра отдамъ.

— Завтра и за капустой приходи.

— Двадцать пять цѣлковыхъ тузъ, шумѣлъ въ азартѣ служка.

— Битъ тузъ, мимоходомъ сказалъ верзила. — И твоя дама бита, замѣтилъ онъ рыжему франту.

— Экое счастье дураку повезло! отозвался рыжій франтъ.

— Степанъ Андреичъ! очень сердце жжетъ. Отпусти капустки. Мнѣ она все равно лѣкарство. Я тебѣ платокъ въ закладъ дамъ.

— Куды мнѣ тутъ съ вашими закладами!

— Пятьдесятъ цѣлковыхъ послѣдніе! крикнулъ служка. — Налейте сосудъ, обратился онъ къ хозяину:— хочу горе залить.

— На пальто играть будете? спросилъ Дебоширинъ подозрительнаго верзилу. — Въ десять рублей принимаете?

— Можно-съ, учтиво отвѣтилъ верзила, осмотрѣвъ пальто!

— Пять рублей! поставилъ Дебоширинъ. — Поразделнѣе мечите, а то руки обобью. Рѣжу!

И, срѣзавъ талію, онъ пристально началъ всматриваться въ бѣглые пальцы банкомета.

Счастье измѣнилось отъ этого пристальнаго вглядыванья. Служка выигралъ пятьдесятъ рублей, карта Дебоширина тоже была дана.

— Отыгрались? спросилъ Дебоширинъ у служки.

— Слава Богу! отвѣтилъ онъ.—Воротилъ.

— Что же? развѣ вы не будете больше играть?

— Не буду.

— А я такъ еще закачу! радовался служка.

— Не играйте и вы, серьезно сказалъ ему Дебоширинъ.

— Отчего же?

— Оттого, что проиграете. Вамъ не повезетъ.

Верзила смекнулъ, въ чемъ тутъ штука.

— Какое право имѣете вы, важно спрашивалъ онъ,— отсовѣтывать имъ играть? Не въ свое дѣло прошу не мѣшаться.

— Молчи, мошенникъ! крикнулъ на него Дебоширинъ.—Развѣ я не видалъ, какъ ты передергиваешь?

Рыжій франтъ и подозрительный верзила ожесточенно бросились на Дебоширина; мы дружно приняли ихъ на наши толстыя палки. Благодарный служка помогъ намъ.

Пользуясь происшедшею свалкой, охриплая женщина стащила-было нѣсколько селедокъ, но слонообразная мебель схватила ее на мѣстѣ преступленія.

— Вѣдь жгетъ мнѣ сердце-то! оправдывалась она.— Безъ соленаго али кислаго умерла бы пожалуй, а онъ въ долгъ не даетъ.

— Тащи въ кварталъ! приказывалъ хозяинъ.

— Заступитесь, голубчики,—охъ, не выдавайте меня! упрашивала она предстоящихъ.—Высѣкутъ меня тамъ.

— Отпустите ее, Степанъ Андреевичъ, вступился Дебоширинъ.—Я заплачу за нее.

— Учить ихъ слѣдуетъ, противился хозяинъ.—Ну, да ужь Богъ съ ней! Ради васъ только прощаю.

— Благодѣтель! кричалъ служка Дебоширину.—Выпьемте по сосуду. Все бы я имъ ерникамъ проигралъ, когда бы не вы. У тестя раздобылъ деньжонокъ, домишко покупаю, такъ въ задатокъ несъ, да и закутилъ.

— А вы домой скорѣй поѣзжайте. Будетъ ужь сосуды-то осушать. А то на другихъ жуликовъ налетите,—некому будетъ спасти.

— Я, благодѣтель, сейчасъ же домой и отправлюсь. Только выпьемъ еще по сосуду, уважь ты меня, ради Бога!

Къ крыльцу лавки съ грохотомъ подкатила пролетка и въ дверяхъ показался герой. Все въ немъ, отъ во-

лосъ торчавшихъ изъ подъ шляпы à la чортъ меня побери и молодецкихъ концовъ галстуха, глядѣвшихъ въ разныя стороны, до малѣйшихъ чертъ лица и необыкновенно рѣзкихъ тѣлодвиженій, изобличали героя à la russe, натуру въ высокой степени широкую и размашистую.

— Водки! живѣе! командовалъ онъ.—Поворачиваться у меня по-военному!

Почтенный хозяинъ клуба, оставивъ свою обычную флегму, съ трактирною ловкостью налилъ ему стаканъ.

— Стар-р-ранись, душа, оболью! стращалъ герой свою душу, и на лету, такъ сказать, проглотилъ водку.

— Закусить чего прикажете? предупредительно спрашивалъ хозяинъ.

— Квасу! Я закусываю квасомъ. Жив-ва! Кто хочетъ пить? спрашивалъ герой, торжественно осматривая нашу компанію.—Пейте въ мой счетъ, сколько влѣзетъ: за всѣхъ плачу.

Нѣкоторые клубисты съ благодарностью принимаютъ это предложеніе. Слонообразная мебель и толстый хозяинъ не успѣвали наливать стакановъ.

— Квасу! Водки! попеременно кричалъ герой, принимая отъ пьющихъ на его счетъ должную дань благодарности и уваженія.

— Накачивайте теперь его, указалъ онъ на стоявшаго у порога пьянаго извощика съ дураковатымъ лицомъ.—А ты, Ванька, пей, сколько душа затребуетъ. Безъ церемоніи валяй. Да дайте ему папиросъ крѣпкихъ. Бафра! Жив-ва!.. Люблю я тебя, каналья! Молодецъ ты господъ возить.

Счастье дураковатаго Ваньки было полное. Подпершись фертомъ, онъ до истомы затягивался папироской и улыбался самымъ глупѣйшимъ образомъ.

— Сколько слѣдуетъ? спросилъ герой.

— За восемьдесятъ стакановъ восемь рублей, за пять бутылокъ квасу двадцать пять копѣекъ, за пять пачекъ папиросъ рубль двадцать пять, отвѣчалъ хозяинъ.

Герой вынулъ туго-набитый бумажникъ, и клубный прилавокъ заблисталъ радугами сотенной кредитки.

— Нѣтъ ли помельче?

— Ну, ужь мельче у меня не бываетъ. Пошлите размѣнять. Да, впрочемъ, ей ты, Ванька! поѣзжай туда, гдѣ мы были сейчасъ. Тамъ тебѣ размѣняютъ. Да ужь сиди лучше здѣсь, нарѣзывайся: я самъ съѣзжу.

— Ладно, ваше благородіе, отвѣчалъ извощикъ,— только на счетъ поднесенія не оставьте.

— Пустъ пьетъ, лаконически приказалъ герой хозяину, взялъ съ прилавка ассигнацію, сѣлъ въ пролетку и поскакалъ по переулку.

— Кто это? спросилъ у извощика хозяинъ.

— Баринъ какой-то. Страсть какой богатый! Мы съ нимъ другіе сутки путаемся.

— Ты почаще такихъ-то вози, просилъ хозяинъ.

— Ужь это съ нашимъ почтеніемъ; а вы мнѣ вотъ поѣсть чего-нибудь дайте. Эдакъ бѣлорыбицы, или икорки, сладострастно претендовалъ неумытый Ванька.

Вошло двое пожилыхъ господъ съ весьма бюрократическими признаками и геморроидальнымъ цвѣтомъ лицъ.

— А, знакомая лавка! Тутъ съ меня прошлою зимой шубу сняли, проговорилъ одинъ.

— Ошибаетесь, счелъ долгомъ разувѣрить хозяинъ.— У меня подобныхъ происшествій не бываетъ-съ.

— Толкуйте! я очень хорошо помню, что и вы тутъ были.

— Спррррраведливо, подтвердилъ другой и пошатнулся.

— Никакъ-съ нѣтъ. Это, вѣроятно, случилось въ другой лавкѣ. Тутъ ихъ пять.

— Можетъ-быть, можетъ-быть. На васъ претендовать то же, что воду лить въ рѣшето. Давайте ка водки.

Бюрократы выпили и удалились. Ихъ смѣнили двое молодыхъ офицеровъ.

— Нѣтъ, какъ хочешь, а мы далеки еще отъ истинной дороги прогресса, говорилъ одинъ.

— Съ какой точки будешь имѣть взглядъ.

— Конечно, съ абсолютной.

— Абсолютнаго ничего нѣтъ. Дайте намъ водки.

— Абсолютнаго нѣтъ въ смыслѣ абсолютномъ, но возможно-абсолютное всегда существуетъ.

— Но какъ же ты опредѣлишь это возможное?

— Собственнымъ убѣжденіемъ опредѣлю.

— Это будетъ ерунда.

Значительно заложивши, офицеры вышли изъ клуба.

— Что-то нѣтъ твоего барина, сказалъ хозяинъ, обращаясь къ извощику.

У барышень, надо думать, засидѣлся. Извѣстно, разговоровъ-то у нихъ побольше нашего будетъ.

— Не улизнулъ ли?

— Эвона! Не изъ такихъ, проговорилъ извощикъ, безпечно пуская клубы дыма.

Прошло еще съ полчаса. Хозяинъ послалъ слонообразную мебель въ тотъ домъ, куда отправился герой.

— А барина-то твоего въ другой разъ у барышень вовсе и не было. Во всемъ переулкѣ ни одной пролетки нѣтъ, доложила слонообразная мебель.

— Батюшки! вскричалъ извощикъ, мгновенно вытрезвившись.—Сейчасъ зарѣжусь пойду!

— Отпустите-ка шеледочекъ пару, Штепанъ Андреичъ, да капуштки, суетливо говорила сильно запыхавшаяся мамзель.

— Поди ты къ чорту и съ селедками! не менѣе суетливо отвѣтилъ ей хозяинъ.—Запирай лавку, Семенъ! продолжалъ, онъ выталкивая на улицу извощика, который съ отчаяніемъ запустилъ руки въ волосы и кричалъ:

— Ой, родимые мои! Удушусь сейчасъ.

Публика поспѣшно улепетывала изъ клуба. Между тѣмъ уже совершенно разсвѣло.

— Слушай-ка, стой! сказалъ Дебоширинъ, подавая мнѣ выигранные имъ пять рублей, — ты постарайся нынче нанять себѣ квартиру.

— Да ты на эти деньги самъ можешь устроиться, отвѣтилъ я.

— Будетъ глупости городить! нетерпѣливо закончилъ Дебоширинъ.—Развѣ не знаешь, что я привыкъ ужъ?!

АРКАДСКОЕ СЕМЕЙСТВО,

или

НОВАЯ КАМЕЛІЯ ВЪ КЭПИ

(московская идиллія).

Что на свѣтѣ прежестоко?
Прежестока есть любовь!

Изъ народн. пѣсни.

Я предъ тобой на колѣняхъ! съ неподдѣльнымъ паѳосомъ сказалъ графъ Андрей, воздымая руки къ небу.

Изъ романовъ „Русскаго Вѣстника“.

I.

Мои повѣсти я всегда начинаю описаніемъ природы, побуждаемый къ этому слѣдующимъ обстоятельствомъ: Будучи, по натурѣ своей, человѣкомъ улицы, я, шатаясь изъ конца въ конецъ по нашей широкой отчизнѣ, видѣлъ по крайней мѣрѣ сто милліоновъ людскихъ глупостей и двѣсти билліоновъ людскихъ же подлостей. Вспоминая объ этой миріадѣ орнаментовъ земнаго шара, безъ которыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ и не удержался бы въ пустомъ пространствѣ, я

прихожу въ неизъяснимое бѣшенство. Созданный быть *ловцомъ душъ*, т. е. исправителемъ человѣчества, я до смертельной жажды томлюсь въ это время желаніемъ такой богатырской силы, которая бы всегда давала мнѣ полную возможность всякаго джентльмена, способствующаго своею подлостью или глупостью равновѣсію земнаго шара, схватить за волосы цѣлою горстью и тузить его — и тузить, дабы онъ былъ чистъ и нравственъ, дабы онъ наконецъ не препятствовалъ моему собственному *ндраву* быть добродѣтельнымъ и видѣть другихъ таковыми же...

Да! Не проходитъ ни одного дня безъ того, чтобъ я глубоко не скорбѣлъ объ отсутствіи въ моихъ мускулахъ надлежащей развитости. Когда мнѣ приходится выражать эту скорбь, я бываю страшенъ, какъ лютый звѣрь, и обыкновенно лечу къ Пуаре учиться гимнастикѣ. Свѣжій воздухъ постепенно охлаждаетъ мое горящее лицо, скорый бѣгъ утомляетъ на минуту возбужденное разлившеюся желчью тѣло, и я начинаю припоминать время и мѣсто, гдѣ совершилась извѣстная глупость, или подлость, возмутившая меня. Начинаю, говорю, припоминать время и мѣсто совершенія извѣстнаго нелѣпаго дѣла, и чѣмъ ярче освѣщало это дѣло хладнокровное, ничѣмъ не возмущающееся солнце, чѣмъ веселѣе смотрѣла въ моей памяти сцена людскаго несовершенства, тѣмъ я дѣлаюсь и тише и тише, тѣмъ рѣшительнѣе бросаю свое намѣреніе давать *практику* Пуаре и наконецъ окончательно, такъ сказать, опомнившись, я заломляю на бокъ мою порыжѣлую, бонвиванскую шляпу и иду, иду, иду ..

И оно—это безалаберное море безалаберныхъ дѣлъ людскихъ—шумно катится предъ глазами моими, одинаково безправно топящее и безправно выносящее на берегъ ловцовъ своихъ. Привыкли глаза мои не слѣпнуть отъ ослѣпляющаго блеска волнъ того моря, — уши мои не глохнутъ отъ грохота, и если что-нибудь иногда мѣшаетъ моему обыкновенному, постоянному занятію смотрѣть на это море и думать о немъ, такъ это только выраженное уже мною желаніе физической силы, чтобы съ одной стороны помочь какому-нибудь храброму и честному пловцу жизненнаго океана, который, спасши менѣе сильныхъ, самъ тонетъ теперь, теряя послѣднія силы; съ другой, чтобы стукнуть въ лобъ негодяя, который изъ труповъ, утопленныхъ имъ, сдѣлалъ себѣ широкій, покойный плотъ и съ улыбкой добродѣтели подъѣхалъ на немъ къ мирному брегу.... Скотство!

Но я удержусь моей тукманкой превращать эту улыбку въ гримасу смерти. И безъ меня невинное спокойствіе этой физіономіи самымъ гнуснымъ образомъ исковеркается и ужаснется при видѣ чорта, который неизбѣжно встрѣтитъ ее въ жаркой банѣ ада. Впрочемъ вѣра въ эту встрѣчу еще не такъ успѣшно успокоиваетъ мое бѣшенство, какъ успокоиваетъ меня или шумный день, безпощадно освѣщающій звѣрство людское, или тихая ночь, непроглядная темнота которой снисходительно укрываетъ его. Поэтому природа у меня всегда на первомъ планѣ. Она лучше всего, что только я узналъ во всю мою жизнь. Блистая нѣкогда неподдѣльной красотой въ мои дѣтскіе глаза, она заставила меня

искренно полюбить ее, — вслѣдствіе чего и настоящій очеркъ я начну съ того собственно, въ какомъ состояніи была природа въ то время, когда завязался узелъ подлой глупости, составляющій его тему.

Узелъ московской идилліи завязался въ одной изъ тѣхъ свойственныхъ только Москвѣ улицъ, которыя я называю дѣвственными, а другіе, когда говорятъ про нихъ, называютъ: «у чорта на куличкахъ, у сатаны на рогахъ». Рѣшайте сами, которое изъ двухъ названій справедливѣе.

Было восемь часовъ утра. Кто знаетъ нравы дѣвственныхъ улицъ, тому нечего говорить, что обитатели ихъ въ восемь часовъ утра всѣ давно на ногахъ; но кто не знаетъ этихъ нравовъ, тотъ непремѣнно подумалъ бы, что жители еще спали. Такъ было все тихо на улицѣ, что, кромѣ табачнаго дыма, который густыми клубами выпускала изъ окна маленькаго домишка нѣкоторая усастая ермолка, ничего не было видно на ней. Росла тутъ, правда, ярко-зеленая трава, увлаженная еще невысохшею росой, за заборами стояли развѣсистыя деревья, на нихъ чирикали садовыя птицы, будочникъ стоялъ на крыльцѣ своей будки съ стаканомъ чая въ рукахъ, показывая видъ, что онъ пьетъ за здоровье солнца, только-что взошедшаго надъ громадами настоящей Москвы; слѣдовательно я какъ бы совралъ немножко, когда сказалъ, что ничего не было на дѣвственной улицѣ, кромѣ табачнаго дыма усастой ермолки. Я, изволите видѣть, потому дозволяю себѣ маленькую вольность въ частностяхъ моего очерка, что главная основа его цѣлаго до безконечности спра-

ведлива. Примите это въ соображенiе и слушайте, что будетъ дальше.

Надъ двойнымъ рядомъ покосившихся хижинъ дѣвственной улицы, надъ ея травой и деревьями было такое мирное сiянiе весенняго дня, какое, думаю, должно освѣщать только свѣтлые сады рая и божественные лики, населяющiе эти сады.

Никакъ нельзя было подумать, чтобы какая-нибудь людская голова, освѣщенная этимъ солнцемъ, дышавшая этимъ ароматнымъ днемъ, рѣшилась бы пойдти въ дисгармонiю съ окружавшею его повсемѣстной красотою и обезобразить его своей пошлостью и подлостью. А между тѣмъ этимъ именно свѣтлымъ утромъ, такъ живительно пробуждавшимъ жизнь послѣ теплой ночи, на этомъ именно тихомъ мѣстѣ, при видѣ котораго въ васъ непремѣнно пробуждалось желанiе выстроить на немъ свою кущу, чтобы въ ея безмятежной тиши терпѣливо ждать конца, когда истаетъ въ васъ вѣчно ноющее сердце,—на встрѣчу вамъ, безобразнымъ червемъ, выпалзывала людская мерзость, разгоняя ваши добрыя мысли и ожесточенно вооружая васъ противъ блага жизни.

Въ первый разъ этимъ утромъ людская дичь засвѣтилась предо мною сквось зеленые листья гелiотроповъ, гвоздикъ и тому подобной дряни, которою Анна Петровна Маслова, по нарѣчiю дѣвственныхъ улицъ, Маслиха, думала украсить три окна своего, какъ она выражалась, флигаря.

Будучи титулярной совѣтницей, слѣдовательно, одной изъ тѣхъ барынь, которыхъ по справедливости

называютъ чортовымъ помеломъ, потому что ничто не можетъ быть нелѣпѣе ихъ понятій и засаленнѣе ихъ костюмовъ, Маслиха въ тотъ самый день, когда я взглянулъ на ея гвоздики, стояла передъ зеркаломъ въ своемъ вѣнчальномъ, гродетуровомъ платьѣ, съ узенькими рукавчиками, съ таліей подъ мышками, и надѣвала чистый кружевной воротничокъ.

Ну, думаю себѣ: у Маслихи должно-быть именинница нынѣ какая-нибудь есть—и при этомъ мнѣ очень захотѣлось самому побывать на этихъ именинахъ для того собственно, чтобы посмотрѣть, съ какимъ азартомъ чиновница нападетъ на даровой именинный пирогъ, какъ будетъ жаловаться богатымъ гостямъ на своего покойника, оставившаго ее, будто бы, безъ куска хлѣба съ дѣтьми малъ-мала-меньше, и какъ вообще, пропустивъ, аки бы, отъ боли подъ ложечкой, значительную дозу возбуждающаго, она будетъ цѣловать ручки благодѣтелямъ и проливать предъ ними свои вдовьи, горькія слезы. Не скажу, чтобъ я ужь отъ роду моего не видывалъ такихъ картинъ, но, по чрезвычайной ихъ занимательности, я чѣмъ болѣе смотрю на нихъ, тѣмъ болѣе онѣ подвигаютъ меня услаждаться ими.

Рѣдко ошибаясь въ своихъ предположеніяхъ, здѣсь однакоже я ошибся.

— На именины куда-ни-будь собрались, Анна Петровна? спросилъ я Маслиху, запуская глаза въ самое нутро ея комнаты.

— Ахъ, испужалъ ты меня до смерти, Иванъ Иванычъ! Какія тамъ именины? Дочь изъ пенціона взяла, такъ вотъ сряжаюсь теперь: поповъ жду, молебенъ бу-

дутъ служить, гости вечеромъ обѣщались. Приходи, барышни будутъ,— попрыгаете.

— Очень благодаренъ, Анна Петровна, что не забыли. Непремѣнно вечеромъ буду.

— И не говорите лучше, не стойте понапрасну, отнеслась Анна Петровна къ нѣсколькимъ личностямъ, стоявшимъ въ ея передней съ узлами подъ мышками.— Разбудите дочь,—ей-Богу, велю собаку на васъ спустить.

— Анна Петровна! послышались мнѣ поющіе голоса.— Али долго? Али мы плательщиками вамъ завсегда не были? Вы, примѣромъ, однимъ глазкомъ только ежели взглянете, такъ съ экимъ добромъ ни въ жисть не разстанетесь.

— И глядѣть не хочу,—отойдите лучше. Мало я на штаны-то ваши плисовые насмотрѣлась, да на рубахи-то ситцевыя?... Стыдились бы.

Фабричные упорно стояли около притолки, выражая каждую секунду готовность сейчасъ же развязать свои узлы и представить ихъ на ревизію Аннѣ Петровнѣ.

«Радость у сосѣдки, думалъ я про себя, глядя сквозь частую сѣть цвѣтовъ на опечаленныя лица мастеровыхъ,—дочь къ ней изъ пансіона пріѣхала; а между тѣмъ другихъ людей эта радость можетъ сдѣлать голодными...» Философскія размышленія, особенно лѣтнимъ утромъ, я очень люблю.

— Вотъ, Иванъ Иванычъ, для этакого-то дня, обратилась Анна Петровна,—хотятъ меня въ грѣхъ ввести. Просто отбою нѣтъ отъ закладовъ, а выгоды никакой. Нанесутъ тебѣ юбокъ старыхъ, поддевокъ изношен-

ныхъ, да такъ и бросаютъ, не выкупимши. Весь домъ завалила тряпками, а старьевщики не берутъ. Никуда, говорятъ, не годится.

— Аннѣ Петровнѣ здравія и благоденствія! пробасилъ въ это время дьячокъ, нечаянно вошедшій въ переднюю съ церковными книгами и одеждами.

— А батюшка скоро? торопливо спрашивала Анна Петровна.

— Изволятъ жаловать. Вотъ они на дворѣ ужь.

Калитка щелкнула, на дворѣ раздались тяжелые шаги, дьячокъ стремглавъ бросился отворять дверь передней и Анна Петровна всецѣло отдалась принятію благословенія вошедшаго священника.

Изъ маленькихъ оконъ «флигаря» по всей длинѣ и ширинѣ дѣвственной улицы разнеслось трехголосное пѣніе, сизыми струйками полетѣлъ изъ нихъ пахучій дымъ кадильный, который сдѣлался еще ароматнѣе отъ аромата гвоздикъ и геліотроповъ, съ которымъ смѣшался онъ, когда пролеталъ по ихъ зеленымъ листьямъ.

Я пошелъ дальше. Мастеровые, выходя изъ калитки, на чемъ свѣтъ стоитъ пушили неудавшійся заемъ и въ то же время крестились, потому что, нужно думать, что и до ихъ озабоченныхъ ушей донеслось знакомое пѣніе.

Теперь я попрошу у васъ позволенія объясниться съ вами насчетъ личности, видѣнной нами сейчасъ, закладчицы. Надѣюсь, что я не сказалъ лишняго слова, того, что обыкновенно называютъ ни къ селу, ни къ городу, когда просилъ этого позволенія, потому

что рѣчь пойдетъ объ одной изъ тѣхъ дикорастущихъ на терпѣливой русской почвѣ женщинъ, которыя съ нелѣпымъ оттопыриваніемъ нижней губы, съ какою-то, лишь только имъ свойственною, возмутительнѣйшею томностью на всемъ лицѣ, гнусливо величаютъ себя бл-л-а-а-рродной женщиной. Не знаю, какъ на кого, а на меня эта рекомендація производитъ самое одуряющее дѣйствіе. Я въ это время не столько хохочу коверкающемуся предо мной тупоумію, сколько бѣшусь и страдаю, потому собственно, что дозволено же наконецъ людямъ обезображивать свои лица гримасами безобразнѣйшей мартышки

По-истинѣ скажу, что предметъ, къ которому толкаетъ меня теперь дума моя, именно таковъ, къ которому подходить и отъ котораго отходить нужно не иначе, какъ вымывши руки самымъ лучшимъ французскимъ мыломъ. Но подходя къ Аннѣ Петровнѣ съ вымытыми руками, я вмѣстѣ съ тѣмъ вооружаюсь всею терпимостью, къ какой только я способенъ, и за одно уже смываю съ себя чувство ненависти и къ Аннѣ Петровнѣ, и къ лицамъ въ родѣ ея, долгое обращеніе съ которыми отразилось на мнѣ такъ несчастливо, что мнѣ нужно вооружиться всею твердостью мысли для того, чтобы разумно отречься отъ злости на нихъ, ибо отъ вѣка не знали они, что творили, и, увы, до самаго гроба не будутъ знать, что будутъ творить... Не на ваши головы падутъ грустные результаты нашей безмѣрной, національной дури!..

Моя желчь, Анна Петровна, утихла теперь. Болѣе она не оскорбитъ вашего блао-родства своими вспыш-

ками. Справедливо и тихо разскажу я вашу жизнь отъ начала до настоящаго дня, и если я, правды ради, обнажу, напримѣръ, ваше далеко не титулярное происхожденіе, то вѣрьте мнѣ, что о вашихъ молодыхъ партикулярныхъ дняхъ я буду говорить съ тѣмъ именно глубокимъ сочувствіемъ къ нимъ, съ которымъ я обыкновенно скорблю о томъ вызывающемъ всякое участіе мірѣ, гдѣ непримѣтно протекло наше общество, такъ безпомощно страдавше, дѣтство...

Анна Петровна родилась, тому назадъ лѣтъ пятьдесятъ, на широкомъ дворѣ богатаго степнаго барина. Посторонніе вытягивали ее за волоса и за уши, мать поливала обильными слезами, и вотъ, подогнанная однажды нетерпѣливою рукой отца, она кубаремъ выкатилась изъ душной людской на дворъ, поросшій густою травой и старыми деревьями. Степная природа, бросившаяся въ глаза ребенка прекрасною жизнью своей, вырвала изъ души его, само собой сложившуюся, пѣсню. Согласнымъ хоромъ заливаются степныя птицы, порхая по старымъ деревьямъ и по высокой травѣ, и Анютка, слушая ихъ, оглашаетъ своимъ дѣтскимъ голоскомъ барскій дворъ.

— Чья это дѣвочка на дворѣ кричитъ? спросилъ усастый баринъ у лакея, не вынимая изо рта благовонной трубки.

— Наша-съ, отвѣчалъ Петръ.

— Годовъ сколько?

— Шестой пошелъ. Больная она у насъ, сударь, какая-то, и на дворъ-то, почитай, въ первый разъ выбѣжала.

— Голосенко у твоей дочери, Петръ, славный, пожаловалъ баринъ своего вѣрнаго слугу.—Вишь, словно синица чирикаетъ. Отведи-ка ты ее къ регенту и скажи ему, чтобы къ хору онъ ее пріучалъ.

— Не маловата ли будетъ? Измывы кабы не было надъ ней отъ регента. Бьетъ онъ ихъ очень, осмѣлюсь доложить.

— Не бить, такъ какой изъ васъ выйдетъ прокъ? почти сердито спросилъ баринъ Петра, и Анютка поступила въ муштръ къ регенту.

— Альтъ, ваше превосходительство, у дѣвочки неслыханный, словно бы у птички какой, рекомендовалъ своему принципалу новую ученицу регентъ, весьма конфузливый молодой семинаристъ.

— Ну, хорошо, братецъ, хорошо! Старайся,—я тебя награжу, поощрилъ его баринъ.

Между тѣмъ, высокая не по лѣтамъ, бѣлокурая и голубоглазая Анютка выростала не по днямъ, а по часамъ, и дѣйствительно, въ церкви ли, или гости, бывало, въ домѣ у барина соберутся, она, словно птичка, вьющаяся надъ высокимъ и густымъ лѣсомъ, вылетала своимъ голоскомъ изъ цѣлаго хора, сосредоточивая на одной себѣ вниманіе старинныхъ степнымъ жантильомовъ.

— Двѣ тысячи на ассигнаціи, честью клянусь, безъ всякаго сожалѣнія бросилъ бы за эту канашку! говорили отставные корнеты и поручики — барскіе гости, покручивая гибельные усы.

— Пожалуй бы и еще прикинулъ сотню, другую? насмѣшливо спрашивалъ раззодоренныхъ усачей счастливый владѣтель канашки.

— Еще бы не прикинуть, чортъ меня побери! отвѣчалъ какой-нибудь Бова-Королевичъ въ лютомъ азартѣ.—Хочешь три тысячи?

— Прибавь что-нибудь, торговался любостяжательный хозяинъ.

— Разрывайся сердце! Идетъ къ нимъ пѣгенькій сосунокъ отъ Догоняй—не догонишь.

—Ха-ха-ха-ха! разражался хозяинъ.—Ты вѣдь отъ Догоняя ничего не хотѣлъ изъ дому пускать. Вотъ и промахнулся. Только я тебѣ, милый другъ, вотъ что скажу: себѣ берегу на старость эту синицу. Безъ нея, самъ ты видишь, весь хоръ никуда не годится.

Но я сейчасъ только примѣтилъ, что, такъ много распространившись о барской хористкѣ, отступилъ отъ плана моего очерка. Если я долженъ много о чемъ-нибудь писать, то никакъ не объ Анюткѣ, потому что такое подробное развитіе дѣвичей жизни противорѣчитъ моему заглавію и, самъ я очень хорошо понимаю, не идетъ къ дѣлу. По этому случаю я прибѣгаю къ нѣкоторымъ сокращеніямъ.

Прекращаю я на нѣкоторое время мой полночный трудъ для того собственно, чтобы, не смущая никого несимметричностью моего разсказа, въ тишинѣ моей бѣдной комнаты неслышно погрустить о томъ печальномъ концѣ, къ которому непремѣнно приходили стройныя, бѣлокурыя и голубоглазыя пѣвицы барскихъ хоровъ.

Длинный рядъ воспоминаній о моей собственной пошлой жизни возникъ въ головѣ моей по поводу моихъ представленій о молодыхъ дняхъ Анны Петровны. Съ болѣзненнымъ трепетомъ, который произвели въ моемъ

сердцѣ эти воспоминанія, я повторяю про себя обыкновенную, *нѣкогда* Анюткину, исторію въ нашихъ степныхъ, барскихъ усадьбахъ.

Въ длинномъ флигелѣ, скупо освѣщенномъ сальными свѣчами, идетъ вечерняя спѣвка. Дворня до того привыкла къ стройнымъ концертамъ хора, что окончательно уже перестала шататься подъ окнами флигеля съ своими вѣчными досугами. Конфузливый регентъ, управляя тридцатью человѣками, выражалъ собою полнѣйшее счастье. Скрипка подъ его пальцами, какъ живое существо, до осязательности ясно пѣла про это счастье. На молодого человѣка были устремлены голубые глаза, блиставшіе и любовью къ нему, и какимъ-то благоговѣніемъ. Полновластный распорядитель хора, регентъ нарочно становилъ Анютку впереди всѣхъ противъ себя. Смотрятъ они другъ на друга, обвороженные другъ другомъ,—и скрипка поетъ въ рукахъ регента, и Анютка поетъ, а хоръ, невольно поддаваясь могуществу любви, могуче вторитъ имъ,—и внѣ флигеля тихая, сельская ночь кажется еще тише, потому что казалась она вамъ глубоко заслушавшеюся пѣсни любви.

— Анютку баринъ зоветъ! выкрикиваетъ вдругъ повелительнымъ голосомъ лакей, на минуту появляясь въ дверяхъ пѣвческаго флигеля.

Какъ внезапно порванная струна умолкъ хоръ и скрипка умолкла, закончивъ свое пѣніе вздохомъ, похожимъ на тотъ, которымъ вздыхаютъ въ послѣдній разъ въ этой жизни.

— Баста! угрюмо скомандовалъ регентъ.

— Што скоро бросилъ спѣвку-то? Ай не по сердцу,

что къ барину Анютку позвали? толковали между собой пѣвчіе, расходясь по своимъ каморкамъ.

Въ двухгодовой промежутокъ, который послѣдовалъ послѣ описанной мною спѣвки, замѣчательнаго ничего не случилось, исключая того впрочемъ обстоятельства, что барскій хоръ почти-что разстроился, потому что регентъ втянулся въ запой, а Анютка съ каждымъ днемъ теряла свой птичій голосъ и видимо сохла...

Въ моей памяти возникаетъ другая сцена. Первозимье засыпало широкій барскій дворъ своимъ бѣлымъ, ослѣпляющимъ снѣгомъ. Весь дворъ изслѣженъ разнохарактерной обувью дворни, которая толпилась около флигелей, помѣщавшихъ прислугу. Передъ крыльцами этихъ флигелей стоятъ одноконныя крестьянскія подводы, на которыхъ молодое дворовое поколѣніе отправляется въ Москву, по предварительному барскому опредѣленію, въ выучку разнымъ добрымъ и полезнымъ мастерствамъ. Семнадцатилѣтняя Анютка тоже ѣдетъ съ этимъ обозомъ въ столицу, чтобы въ совершенствѣ изучить тамъ въ честности—добрую нравственность, а въ главномъ — пріятныя манеры, необходимыя для такой ловкой горничной, которая требовалась для выростающей барышни. Баринъ, назначая Анютку для этой высокой цѣли, руководствовался здѣсь главнымъ образомъ тѣмъ, что Анютка и послѣ своего курса въ столицѣ сохранитъ еще свѣжесть своего личика и что, по его наивнымъ соображеніямъ, не отъ чего было осѣчься въ богатой Москвѣ ея бѣлокурымъ кудрямъ...

Прощаясь съ дѣтьми, дворовые также горько плакали, какъ горько плачутъ и не дворовые, когда разста-

ются съ своими дѣтьми. Слѣдовательно особенно-занимательнаго въ этихъ громкихъ материнскихъ выкрикахъ, въ этихъ молчаливыхъ отцовскихъ слезахъ—ничего не было.

Наконецъ обозъ, провожаемый цѣлою гурьбой, тронулся въ свой далекій путь. На облучкѣ тѣхъ саней, гдѣ сидѣла закутанная въ бараній отцовскій тулупъ Анютка, прилѣпился и пьяный регентъ съ тщательно закутанной въ разныя отрепья скрипкой.

— Вы не бойтесь, не горюйте! утѣшалъ онъ Анюткиныхъ отца и мать.—Со мной она тамъ не пропадетъ. Будьте покойны: какъ только пріѣдемъ въ Москву, сейчасъ же я по докторамъ пущусь. Такъ и такъ, молъ, голосъ самый ангельскій имѣла. Воскрешайте, скажу. Пѣвица, скажу, выйдетъ несравненная. Ну, они воскресятъ!

Но до конца отморозилъ глупый кутейникъ безсапожныя ноги свои, когда шатался по Москвѣ, розыскивая воскресителя-доктора. До смерти, такъ сказать, исходился онъ по широкимъ столичнымъ улицамъ, и вся польза, которую онъ могъ принесть своей талантливой ученицѣ, состояла въ томъ, что послѣ него Анютка снесла на толкучку его самодѣлковую скрипку и на деньги, вырученныя за нее, купила новые башмаки, два золотника чаю и полфунта сахару.

— Сердце у меня оченно ломитъ! говорила Анютка,— когда я взгляну на эту скрипку...

Прошла тутъ Анна Петровна всѣ тѣ фазы столичной жизни, которыя неминуемо предстоитъ пройдти существу, изучающему горничное мастерство и добрую нрав-

ственность,—до того, что окончательно забыла, билось ли когда-нибудь ея сердце въ то время, когда конфузливый регентъ восторженно посвящалъ ее въ тайны партитуръ, и, говоря высокимъ слогомъ, она до того погрузилась въ прозу городской жизни, что успѣла своими трудами, какъ она говорила, выкупиться на волю, заплативъ барину такой кушъ, который, какъ я разсчитывалъ, она могла имѣть тогда только, когда прожила бы въ горничныхъ двѣсти тридцать семь лѣтъ и восемь мѣсяцевъ.

Поступила она тутъ, какъ бы экономкой, къ нѣкоторому приказному, одному ихъ тѣхъ добродѣтельныхъ смертныхъ, которые, по смыслу присяги, даже до послѣдняго издыханія мажутъ казенными чернилами по казенной бумагѣ. Когда сей сѣдовласый столоначальникъ, худой и безстрастный, съ серебряными очками на помутившихся глазахъ, доживъ до пятидесятилѣтняго возраста, увидалъ, что отъ жизни, кромѣ могилы, ждать ему нечего, онъ сочетался съ Анной Петровной законнымъ бракомъ въ тѣхъ видахъ, что для чего де и не осчастливить дѣвицы?...

Вслѣдствіе такихъ, далеко впрочемъ не потрясшихъ земнаго шара, событій, мы и видимъ Анну Петровну титулярною совѣтницей, дающею теперь маленькій баликъ, по случаю окончательнаго выбытія изъ пансіона ея дочери, наслѣдницы всѣхъ благъ, пріобрѣтенныхъ и безпорочною службой безстрастнаго приказнаго, и дѣятельностью самой Анны Петровны.

Обильно обкушавшись великолѣпныхъ романовъ Дюмаса, молодая пансіонерка всѣ балы вообще, даже и тѣ, которые даются русскими титулярными совѣтницами,

представляла въ своемъ воображенiи не иначе, какъ такими, которые давали многоразличные Людовики и ихъ изящно-храбрая аристократiя. Поэтому столъ, накрытый въ залѣ, назначавшейся также и для танцевъ, весьма раздражительно подѣйствовалъ на нервы героини бала.

— Что это, маменька, какую гадость вы тутъ наставили? въ справедливомъ негодованiи спрашивала она мать, небрежно тыкая вилкой въ разные грибки и огурчики, поставленные на столъ вмѣстѣ съ водкой для услажденiя имѣвшихъ быть на балѣ кавалеровъ и дамъ.

— Что такое? торопливо освѣдомлялась Анна Петровна.—Ай тараканъ во что попалъ? Много ихъ у меня въ кухнѣ проклятыхъ. Ничѣмъ не могу выжить.

— Фи! прогримасничала барышня, рѣшаясь не умирать до тѣхъ поръ, пока лично не убѣдится въ томъ, что ея maman не иное что называетъ баломъ, какъ подчиванье водкой и свѣжепросольными огурчиками.

Всѣ эти уродливыя жизненныя представленiя, почерпнутыя нашею барышней изъ графини Монсоро, какъ стая маленькихъ птичекъ, спугнутая кѣмъ-либо, въ ужасѣ взвивается надъ уединеннымъ полемъ, въ страшной суматохѣ, заметались въ головѣ ея, когда пансiонерка въ первый разъ вступила подъ убогую кровлю родительскихъ ларъ. Стройный рядъ соломенныхъ стульевъ, вытянутый въ маленькомъ зальцѣ, аляповатый диванъ, обитый ситцемъ, круглый столъ передъ нимъ, созданный, какъ будто, медвѣдемъ для медвѣдя, модныя картинки временъ покоренья Очакова, висѣвшiя на

стѣнахъ въ уродливыхъ бумажныхъ рамкахъ, безстрастный портретъ отца, написанный масляными красками, и даже сами геліотропы и гвоздики на окнахъ— все это вмѣстѣ необыкновенно покоробило молодое лицо дѣвушки, потому что вся эта роскошь съ перваго шага ясно и отчетливо доложила ей, что жизненная обстановка, въ которой должна вращаться героиня дѣвственной улицы, далеко не та же самая, какою обстановилъ нѣкогда графиню Дю-Барри ея царственный другъ.

— Такъ эдакъ-то? протяжно подумала про себя барышня.

— Да-съ! эдакъ-то!.... отвѣтили ей съ двусмысленной улыбкой соломенные стулья, дешевые обои, геліотропы и гвоздики, тараканы, ползавшіе по стѣнамъ, и мыши, шуршавшія за обоями.

— Да! такъ-то! басисто скрипнулъ ей въ свою очередь медвѣжій диванъ.

— Мы здѣсь всѣ такъ!... Мы всю свою жизнь такъ!.. монотонно подтвердилъ ей блѣдный портретъ отца. Въ ужасѣ барышня порхнула въ свою двухъаршинную спальню и принялась плакать...

Наконецъ и плакать надоѣло барышнѣ. Посмотрѣла она на дворъ, поросшій зеленою травой; тамъ такъ уныло тѐкали еще не оперившіеся цыплята, такими голодными глазами посмотрѣла на нее всклоченная собачонка, а по густой травѣ къ стаѣ безпечныхъ воробьевъ прокрадывалась такая алчная, такая хитрая кошка, что наша барышня не могла съ этой домашней картины не перенесть своихъ наблюденій на дѣвственную улицу. Двое фабричныхъ разодрались на ней, что назы-

вается, въ кровь; нѣсколько мальчишекъ нестерпимо визжатъ, перенимая у взрослаго русскую манеру колошматить своего недруга; будочникъ издали освѣщаетъ эту отечественную сцену своею покровительственною улыбкой; черный угольщикъ съ высоты своего воза кричитъ: угольевъ, угольевъ! передернувъ для могучести выкриковъ свой ротъ до самаго пугающаго безобразія. Все!..

Гдѣ же, гдѣ же они, эти храбрые шевалье д'Артаньяны, благородные Атосы, меланхолическіе Арамисы и т. д.? Барышня! не плачьте больше, совѣтую я вамъ отъ всей души моей. Трава дѣвственныхъ улицъ недостойна быть измятой сапогами рыцарей изъ глянцовитой испанской кожи; колючія головки репейниковъ, украшающихъ виды изъ вашего зàмка, собьются тросточками неуклюжихъ приказныхъ, которые,—канальство!—въ непродолжительномъ времени пріударятъ за вами, но никакъ не попадутся онѣ подъ благородныя острія рыцарскихъ шпагъ, которыми бы молодые люди стали оспаривать другъ у друга высокую честь поклониться вашей красотѣ. Есть у насъ бѣдные женихи и богатые, развратные волокиты, но рыцарей нѣтъ!.. Помните это, молодой, но извращенный другъ мой, и перестаньте плакать!..

Но вы не слушаете меня. Вы все продолжаете надѣяться, что на балѣ, который нынѣ даетъ ваша мать, загремятъ наконецъ серебряныя шпоры, зашумятъ шелки и бархаты, обшитые point d'Alençon, и какой-нибудь удивительный гвардеецъ, въ родѣ графа де-Бюсси, одинъ разъ навсегда, покорно станетъ за вашимъ сту-

ломъ, гордо въ то же время осматривая молодежь, которая, по вашимъ соображеніямъ, станетъ передъ вами живою стѣной.

Смотрите же теперь сами, что за балъ у васъ будетъ и какіе comt'ы comtess'ы удостоятъ его своимъ посѣщеніемъ. Первый пришелъ нѣкто Андрей Петровъ, по ремеслу башмачникъ, а по плоти и естеству братъ Анны Петровны, по словамъ его пріятелей, могшій учуять всякую выпивку на пятьсотъ верстъ и даже далѣе. Еще не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, раскланяться сей великій по своимъ дѣламъ ходокъ, какъ за нимъ ввалила толпа молодыхъ приказныхъ, тоже, по слухамъ, совсѣмъ не дураковъ по питейной части.

— Мои пріятели — славные ребята! рекомендовалъ ихъ заразъ Аннѣ Петровнѣ молодой приказный, троюродный племянникъ ея покойнаго мужа, ходившій къ ней обѣдать по праздникамъ.

— Очень пріятно! засвидѣтельствовала Анна Петровна, указывая табуну на соломенные стулья.

Приказные молча кланялись и сердито скрипѣли наваксенными, надо полагать, до тошноты сапогами.

— Такъ это племянница-то? провозгласилъ дядя Андрей, схватывая со стола двѣ сальныя свѣчи и поднося ихъ къ самому лицу героини.—Вотъ я тебѣ гостинецъ принесъ, и при этомъ онъ вытащилъ изъ задняго кармана пару козловыхъ башмаковъ своего рукодѣлья.—Понашивай на здоровье, да дядю вспоминай. Мы тоже, хоша и не въ синемъ ходимъ, а про свое дѣло въ тонкости разсудить можемъ...

Приказные саркастически улыбались.

*

— Будетъ тебѣ съ ней, братъ! говорила Анна Петровна.—Она съ господами вѣдь все жила съ большими,—къ намъ, чернымъ людямъ, привыкнуть некогда было.

— Пусть привыкаетъ! поучалъ дядя, наливая себѣ водки.—Только я тебѣ, сестра, одно скажу: смотри въ оба за дѣвкой!.. Востра она, должно, оченно... Опять и года у нея такіе... Кабы, примѣромъ, полюбовника себѣ она какого не изобрѣла. Вотъ что!

Саркастическія улыбки приказныхъ перешли въ довольно громкое, хотя тщательно скрываемое, ржаніе.

— Чего ржете-то, стрекулисты? съ сердцемъ обратился къ нимъ дядя Андрей.— До письма-то вы не очень бойки, а до дѣвокъ-то, знаю я васъ, чортовыхъ дѣтей!

— Ты однакоже не ругайся, скотина!.. Не къ тебѣ пришли!.. азартно заговорилъ-было нѣкто изъ ржавшей среды, весьма нечахоточный баринъ съ физіономіей утеса, поросшаго дремучимъ лѣсомъ и закрытаго черными тучами.

Анна Петровна принуждена была въ этотъ моментъ взять на себя роль тѣхъ сабинокъ, которыя нѣкогда успѣли примирить своихъ соотечественниковъ съ похитителями-римлянами. Надобно сказать къ чести Анны Петровны, что роль эта пришлась ей какъ нельзя болѣе по средствамъ. Но барышня наша вмѣсто того, чтобы по справедливости восхититься этой русскою драмой, угрюмо наморщила черныя брови и, посматривая на закусывающаго дядю, гнѣвно прошептала: quelle cochonnerie!

Но я не буду описывать всѣхъ подробностей бала, потому что опиши я ихъ съ той фотографической вѣрностью, какая, говорю это, покручивая усы, всегда отличаетъ меня, моя героиня имѣла бы полное право до самаго гроба оплакивать свою жизнь. По этому случаю на самый разгаръ бала я набрасываю этотъ знаменитый мракъ неизвѣстности, подъ которымъ скрыты дѣла и люди въ милліонъ разъ важнѣе нашего бала и людей, украшавшихъ его своимъ присутствіемъ. Довольно будетъ, если я для необходимой характеристики его скажу, что дядя Андрей, тѣснѣйшимъ образомъ подружившись съ утесообразнымъ приказнымъ и еще какимъ-то подслѣпымъ и безбровнымъ губернскимъ секретаремъ, спеціально засѣлъ съ ними около стола, гдѣ помѣщалась водка, и постоянно приставалъ къ Аннѣ Петровнѣ съ просьбами, чтобъ она имъ еще немножко подлила. Не довольствуясь взаимнымъ созерцаніемъ, которое, видимо было, доставляло имъ неимовѣрное наслажденіе, они однакоже нерѣдко вмѣшивались и въ увеселенія общества.

— Ур-ра-а! восклицали новые друзья, бросаясь въ средину танцующихъ. Музыкантъ! дай-ка мнѣ скрипку-то, говорилъ губернскій секретарь,—я имъ сыграю, и шутовски подмаргивая рыженькими рѣсницами, онъ заливался тоненькимъ голоскомъ:

«А-а-а-хъ! ба-а-рыня, ба-а-рыня,
«Сударыня барыня»

— Замолчите, Трофимъ Ильичъ! умоляла его Анна Петровна.—Видите, дѣвицы здѣсь есть.

— Дѣвицы? гдѣ дѣвицы? спрашивалъ Трофимъ Ильичъ, обводя общество своими оловянными глазенками.— А, вотъ онѣ! радостно взвизгивалъ онъ, бросаясь въ оробѣвшую стаю барышень.

— Ай! нервно вскрикивали разноцвѣтныя уточки, разбѣгаясь отъ него по разнымъ угламъ.

— Держи, держи ихъ! орали дядя Андрей и утесообразный приказный, растопыривая пьяныя руки.

— Ур-р-аа! азартно провозглашало все тріо, когда какая-нибудь несчастная барышня, попавшись къ нимъ въ лапы, билась и стонала въ нихъ, какъ внезапно подстрѣленный заяцъ.

— Будетъ вамъ озорничать-то! шутливо укоряла тріо Анна Петровна.—Руки-то, смотрите, у бѣдняжки не вывихните. Я васъ тогда...

— Не будемъ, не будемъ, Анна Петровна, урезонивалъ подслѣпый приказный.—Вы намъ только, матушка, водочки подлейте еще.

— Сказано, не будетъ — и баста! Ты только не разговаривай съ нами, сестра, бурлилъ дядя Андрей,—мы теперь на серьезѣ разговоръ промежъ себя ведемъ. Хоша и чиновница ты, все же эфтихъ разговоровъ понять ты не можешь, а водки ты намъ подлей. Мы еще по махонькой пройдемся.

— Водка-то вся, голубчики, а посылать поздно теперь. Кабаки всѣ давно заперты.

Утесообразному приказному приснилось въ это время, что онъ въ трактирѣ, а потому онъ заоралъ во все горло:

— Какъ нѣтъ водки, чортова дочь? Подавай—я за всѣхъ заплачу.

— Однакожь, Анна Петровна, довольно это невѣжливо съ вашей стороны, что вы вмѣстѣ съ такой сволочью и насъ къ себѣ пригласили, сказала одна бойкая барыня.—У меня дочери на возрастахъ.

Но не многосложны тѣ глупости, которыя откалываетъ человѣчество на дѣвственныхъ улицахъ. Этою претензіей бойкой барыни балъ кончился, и только дядя Андрей долго еще куражился надъ вдовою сестрой.

— Для брата у тебя водки нѣтъ! негодовалъ онъ.—А братъ твоей дочери въ подарокъ ботинки принесъ, али нѣтъ? — сказывай!

— Богъ съ тобой и съ твоими ботинками, братецъ! Возьми ты ихъ назадъ и ступай поскорѣе домой, унимала его Анна Петровна.

— А ты думаешь, не возьму? Извѣстно, возьму. Я по крайности на сонъ грядущій выпью на нихъ. Д-да!..

— О черти! долго еще слышалось, какъ бурлилъ дядя Андрей уже на дѣвственной улицѣ.—Куды это, братцы мои, кабаки попрятались только? Гдѣ ты тутъ, каба-а-акъ? звонко оглашалъ онъ ночную тишину.

— Ну-ну, молчи ты у меня, пока цѣлъ! отвѣтилъ ему будочникъ сонною октавой, — а то я тебя въ сибирку сейчасъ заберу.

— Ка-а-бакъ, гдѣ-ѣ ты тутъ? растягивалъ дядя Андрей, не слушая будочника.

Барышня между тѣмъ разливалась рѣкой въ своей крошечной спальнѣ.

II.

Вамъ, можетъ-быть, покажется необходимымъ, чтобы я назвалъ по имени мою героиню. Извольте: ее звали *Сафи*. Васъ, вѣроятно, удивитъ такое имя, и если вы, не вѣря мнѣ на слово, будете отыскивать его въ святцахъ, то недовѣріе это обличитъ только окончательное незнаніе ваше нравовъ дѣвственныхъ улицъ, а никакъ не мою ложь. Всѣ дѣвочки, когда-либо игравшія на мягкой травѣ этихъ улицъ до поступленія ихъ въ пансіонъ, зовутся Сонями, Сонечками, Сонюшками и т. д., а потомъ, когда онѣ выходятъ изъ пансіона, ихъ обыкновенныя русскія имена замѣняются курьезнымъ словомъ—Сафи. Весьма могло случиться, что вы ни разу не слыхивали такого имени; но мнѣ, какъ нравоописателю, нельзя же не знать того милаго нарѣчія, которое такъ характерно названо «смѣсью французскаго съ нижегородскимъ».

Осенніе дожди смыли веселую зелень съ дѣвственной улицы. Тихая и печальная, по естеству своему, она сдѣлалась еще тише и печальнѣе, когда глубокая осень развела по ней черную, непроходимую грязь. Наша барышня лишилась всякой возможности выйдти куда-нибудь къ знакомымъ, съ цѣлью попросить у нихъ почитать романчиковъ. Первый пушистый снѣгъ завалилъ наконецъ уличную грязь, лихой морозъ узорчато расписалъ оконныя стекла, слѣдовательно послѣднее на-

слажденіе—по цѣлымъ часамъ упорно осматривать улицу—прекращено, потому что сквозь морозные узоры ни одного клочка рѣшительно не видать. Злость и тоска!.. Во все лѣто, въ цѣлую осень ничего сообразнаго съ своими мудреными мечтами не могла высмотрѣть бѣдная Сафи на дѣвственной улицѣ. Безконечная зима, кромѣ неисходной тоски, которую принесла она, варьировалась вдобавокъ частыми выходками Анны Петровны, обращавшей высокое вниманіе нашей маркизы на прилежное занятіе домашнимъ хозяйствомъ. Ни одного платья не прибавилось въ гардеробѣ Сафи и, увы, всю зиму она должна была накрываться ковровымъ платкомъ, потому что Анна Петровна, при всѣхъ стараніяхъ пріобрѣсть для дочери, по случаю, зимнюю шляпу, оказалась на этотъ разъ рѣшительно слабою женщиной и горемычною вдовой.

Но вотъ снова сошла весна на окоченѣвшую землю, снова веселая жизнь зацвѣла на дѣвственной улицѣ; но мыслей и лица Сафи нисколько не развеселила эта все обновившая жизнь. На оттеплѣвшей почвѣ быстро выростала яркая зелень; но въ то же время на ней не показывалось даже малѣйшаго признака тѣхъ идеаловъ, которые такъ крѣпко засѣли въ сердцѣ моей барышни. Но она не утратила еще своихъ надеждъ. Цѣлые дни бѣдная Сафи просиживаетъ у раствореннаго окна съ книжкой въ рукахъ и ждетъ чего-то. Ждетъ, говорю, а тамъ какой-нибудь жуиръ-приказный, въ твердой увѣренности, что барышня въ урочные три часа сидитъ у окна съ тою цѣлью, чтобъ усладить себя зрѣніемъ его, Пет

ра Воробьятникова, любовно дѣлаетъ ей ручкой, обтянутой въ красноватую пеньковую перчатку.

Петръ Воробьятниковъ, Донъ-Жуанъ ты эдакой изъ нижняго земскаго суда! скажи мнѣ, что ты такое въ сравненіи съ какимъ-нибудь шевалье де-Мезонъ-Ружъ, и не срамись болѣе, потому что рано или поздно Сафи пожалуется маменькѣ на твою наглость, и Анна Петровна въ тотъ моментъ, когда ты, нѣжно-задумчивый, потому что страстно влюбленный, будешь проходить подъ окнами ея флигеля, не преминетъ окатить твой франтовской сюртучокъ грязными помоями. Твоя дерзость, конечно, въ этомъ случаѣ получитъ справедливое возмездіе; но зачѣмъ же пострадаетъ твой сюртукъ и зачѣмъ самъ ты будешь страдать по барышнѣ, которая всегда, отъ полноты сердца, готова презирать всякаго молодаго франта, полагающаго свое наслажденіе въ томъ, чтобы носить на своемъ жилетѣ толстую бронзовую цѣпочку съ злостнымъ намѣреніемъ ввести въ заблужденіе довѣрчиваго ближняго и заставить его подумать, что цѣпочка та золотая и что она придерживаетъ таковые же карманные часы.

« Господи! думала про себя Анна Петровна, глядя на постоянно-нахмуренную, вѣчно ничего не дѣлающую и даже какъ будто разобиженную чѣмъ-то дочь.—Въ кого только лѣнивая такая да злая родилась она у меня? Ума не приложу: отецъ былъ смирный, занятливый...» И когда представленіе о негодности и непутности дочери черезчуръ тѣсно наполняло ея голову, она, что называется, съ великимъ азартомъ принималась допекать свою Сафи. Долго, бывало, слушаетъ она брань

матери, безсмысленно упершись въ нее своими воспаленными отъ постоянныхъ слезъ глазами и, какъ будто, ничего не понимаетъ. Такъ противорѣчила ея дѣйствительная жизнь мечтамъ о той жизни, которую ея воображенію помогли сочинить тѣ безобразные романы, которые, обыкновенно, читаютъ въ нашихъ пансіонахъ дѣвицы украдкой отъ своихъ сторожихъ.

— Что ты глаза-то на меня выпучила, словно дура какая? гнѣвно спрашивала Анна Петровна дочь, еще пуще разбѣшенная ея молчаливымъ равнодушіемъ.

Сафи наконецъ вздрагивала отъ этого крика и пробуждалась. Начиналась общая перепалка. Звонкимъ голосамъ хозяекъ уныло вторили своимъ дребезжаньемъ стекла флигеля, словно огорченныя этою ссорой, и вообще дѣла принимали такой печальный оборотъ, что ни мать, ни дочь не могли смотрѣть другъ на друга безъ крайней злости. Щебетухи-свахи, которыхъ отовсюду тащила къ себѣ Анна Петровна съ цѣлію, при ихъ посредничествѣ, какъ можно поскорѣе отдѣлаться отъ дочери, наполнили своимъ трескучимъ говоромъ прежде уединенный флигель. На медвѣжьемъ столѣ происходили нескончаемыя чаепитія, сопровождаемыя горькими жалобами Анны Петровны на непослушную дочь, которыя передергивали все существо Сафи.

— Чего ты на нее глядишь, на старую? говорила ей другая Сафи, подруга нашей барышни по пансіону, поступившая теперь въ гувернантки куда-то.—Я, ma chère, какъ увидала, что дома кушать часто нечего, сейчасъ же къ дѣтямъ одного вдоваго старика нанялась. Житье-то какое, еслибы ты знала!..

— Да я никуда не хожу и къ намъ никто не ходитъ. Гдѣ же я найду мѣсто?

— А «Полицейскій Листокъ» на что? Пошли кухарку въ мелочную лавку, тамъ получаютъ. Я сама брала изъ лавочки.

«Полицейскій Листокъ» оказался благодѣтельнѣе чаелюбивыхъ свахъ. На его столбцахъ, къ великой своей радости, Сафи прочитала однажды слѣдующее: «Нужна молодая особа для первоначальнаго обученія благородныхъ дѣтей. Адресоваться можно каждый день на Сивую улицу, къ отставному отъ гусаръ полковнику Кочетищеву». Публикація эта тѣмъ болѣе обрадовала Сафи, что благородное семейство, кромѣ приличнаго вознагражденія, обѣщало молодой особѣ лѣтомъ житье въ подмосковной, а по зимамъ — постоянное столкновеніе съ избраннымъ обществомъ.

«Приличное вознагражденіе, житье въ подмосковной, большой свѣтъ!...» восторженно твердила про себя будущая гувернантка, когда въ безграмотномъ письмѣ къ полковнику отъ гусаръ Кочетищеву предлагала ему свои услуги по части первоначальнаго обученія его благородныхъ дѣтей.

И вотъ, какъ и въ началѣ повѣсти, мы опять видимъ Анну Петровну передъ зеркаломъ, облаченную въ свое парадное, гродетуровое платье, въ воротничкѣ и рукавчикахъ, паче снѣга бѣлѣйшихъ. Она достойно хочетъ выполнить порученіе, которое даетъ ей Сафи къ полковнику. Какъ бла-о-родная женщина, она, конечно, могла бы, не роняя себя лицомъ въ грязь, лично трактовать не только что съ полковникомъ, а даже и съ

генераломъ, что не разъ и выполняла съ большимъ успѣхомъ, наканунѣ большихъ праздниковъ выхлопатывая себѣ какое-нибудь вспоможеніе; однакоже вдова не забываетъ прихватить съ собою и дочернее письмо, которое Сафи, съ цѣлью рекомендовать свою эрудицію, изобразила на французскомъ діалектѣ и притомъ тѣмъ разсыпчатымъ, мелкимъ почеркомъ, называемымъ, обыкновенно, пшенцомъ.

Въ этомъ-то мѣстѣ моей идилліи и начинается именно то, что нѣкогда назвалъ Гоголь нитью завязки романа.

Предъ нами становится теперь во весь свой бравый ростъ отставной отъ гусаръ полковникъ Владиміръ Александровичъ Кочетищевъ. Ежели бы я, выводя на сцену новыхъ героевъ, за отсутствіемъ фактовъ, рисующихъ ихъ характеры, описывалъ ихъ наружность, я бы сказалъ про полковника, что, по манерамъ своимъ, онъ былъ неотличимъ отъ маршала Симонъ въ извѣстномъ «Вѣчномъ Жидѣ». Тѣ же волосы, остриженные подъ гребенку, тотъ же громкій, командирскій голосъ, то же царственное загибаніе головы къ небу, характеризовавшія храбраго маршала, неминуемо бросились бы вамъ въ глаза, когда вамъ въ первый разъ приходилось остановить ихъ на Кочетищевѣ. Но имѣя столько сходства съ однимъ изъ благороднѣйшихъ сподвижниковъ великаго императора, мой полковникъ въ психическомъ отношеніи представлялъ съ этимъ дѣятелемъ великой арміи радикальную противоположность. Дозволяю себѣ это замѣчаніе потому только, что, по моему убѣжденію, лицо не всегда можетъ быть зеркаломъ души. Насколько я правъ въ моемъ сомнѣніи, судите сами по тѣмъ

фактамъ, которые я имѣю изложить сейчасъ предъ вами.

Я очень хорошо знаю полковника Кочетищева. Издерживая ежегодно на публикаціи, что его дѣти весьма, будто бы, нуждаются въ гувернанткѣ, по крайней мѣрѣ по триста рублей, въ сущности для него въ цѣломъ мірѣ не было вещи безполезнѣе хорошей, солидной гувернантки, потому что въ формулярномъ спискѣ его очень явственно было изображено, что онъ холостъ. Не трудно послѣ этого догадаться, что и дѣтей у него совсѣмъ не было. Я думаю, что странность и кажущаяся безполезность такого расхода достаточно разъяснится слѣдующимъ:

— Comment ca va, mon colonel? спрашиваете вы при встрѣчѣ съ Кочетищевымъ, разумѣется, ежели имѣете честь быть съ нимъ знакомымъ.

— Ничего! нынѣшнимъ утромъ тово... четыре канашки недурненькія таки приходили... отвѣчаетъ онъ, раскатываясь своимъ басистымъ хохотомъ.

— Что-жь? любопытствуете вы дальше.

— Что нынѣ за времена такія! въ свою очередь освѣдомляется у васъ бравый полковникъ.—Не даромъ жалуются на повсемѣстную дороговизну... Къ однѣмъ, мой отецъ, приступу нѣтъ никакого, а другія ругаются на чемъ свѣтъ стоитъ. Придетъ тамъ какая-нибудь мѣщанка, milles diables! и начинаетъ тебя костить, позабывъ всякое уваженіе къ заслуженному солдату... А за что? Sacr-r-risti! за то, что ты ей, такъ сказать, карьеру хочешь пробить... Вотъ вѣкъ, сто ему тысячъ чертей.

— Это ужасно! непремѣнно должны вы воскликнуть

въ это время, потому что въ противномъ случаѣ полковникъ согнетъ васъ въ бараній рогъ.

Окончательно долѣпливая стараго гусара, я не могу не сказать, что вся жизнь его была непрерывнымъ рядомъ побѣдъ надъ прекраснымъ поломъ. Все широкое достояніе благородныхъ предковъ полковника было употреблено имъ на составленіе себѣ репутаціи такого звѣря, на котораго ни одна женщина не могла взглянуть или безъ явнаго ужаса, или безъ тайнаго восторга.

Но когда разлетѣлись тѣ игривыя, граціозныя птички, за которыми такъ удачно охотился Кочетищевъ, когда увидѣлъ онъ, что вмѣстѣ съ ними улетѣли и родительскія души и десятины, тогда онъ несказанно взалкалъ... Изъ веселаго, постоянно выпивавшаго малаго, онъ на тридцать второмъ году своей доблестной жизни превратился въ злостнаго бульдога, съ пѣной у рта облаивающаго тѣ, по его словамъ, подлыя времена, которыя заслуженному гусару и столбовому дворянину представляютъ самые удобные случаи издохнуть смертью голодной собаки, ежели этотъ гусаръ и дворянинъ промотаетъ родовое имѣніе. Всѣ добрые друзья, нѣкогда обожавшіе Кочетищева, откачнулись отъ него въ этотъ періодъ его бѣшенства, потому что горе было тѣмъ, кто имѣлъ дерзость не раздѣлять его пессимистскихъ взглядовъ на подлость нынѣшнихъ временъ. Полковникъ гнулъ и ломалъ своихъ оппонентовъ точно такъ же, какъ гнулъ и ломалъ онъ желѣзныя кочерги для назиданія публики и для собственнаго своего удовольствія.

Но чѣмъ больше злился нашъ полковникъ, тѣмъ желудокъ его становился пустѣе и требовательнѣе, по-

тому что текло время и съ нимъ вмѣстѣ вытекалъ изъ гусара старый жиръ, накопленный имъ въ счастливые дни.

«Чѣмъ заболѣлъ, Кочетищевъ, тѣмъ и лѣчись», подумалъ про себя гусаръ, когда увидѣлъ, что лаемъ ничего не подѣлаешь. Но вамъ очень хорошо извѣстно, что въ наши времена трудно, или даже совсѣмъ невозможно было ему вылѣчиться тѣмъ же, чѣмъ онъ заболѣлъ, потому что какими, такъ сказать, медикаментами могли наполнить утробу полковника тѣ миленькія физіономіи, которыя одною рукой обирали его, а другою сорили обобранное по пространному лицу земному? Слѣдовательно изъ этой области Кочетищевъ ничего положительно не могъ вытянуть для удовлетворенія своихъ жантильныхъ потребностей. Оставались ему въ дессертѣ купчихи и разныя искательницы сильныхъ ощущеній; но про искательницъ сильныхъ ощущеній нынѣ что-то не слышно, а купчихи, какъ мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, весьма апатично слушаютъ брянцанье стальныхъ ноженъ, такъ вальяжно исчерчивающихъ песокъ бульварныхъ аллей. Живой примѣръ этому представляетъ герой мой. Самыя развалистыя позы, которыя принималъ онъ въ извощичьихъ колясках, взятыхъ, по старому знакомству, à bon credit, самое шикарное прицѣпливанье звонкаго палаша и даже наигибельнѣйшая манера крутить усы, не принесли того благодатнаго результата, котораго такъ алкалъ полковникъ.

«Ну, вр-р-ремена! процѣживалъ гусаръ сквозь зубы, отдыхая въ квартирѣ отъ своихъ кавалерски-искатель-

ныхъ туровъ по стогнамъ широкой Москвы.—Это не женщины, а какіе-то камни!.. Надобно изыскать другія средства».

А въ квартирѣ между тѣмъ было пусто и холодно, а одинокое, басистое ворчанье полковника дѣлало ее еще пустѣе и холоднѣе... И вотъ въ такомъ-то печальномъ уединеніи изъ нашего полковника начинаетъ вырабатываться самый отъявленный позитивистъ.

Не пріученный играть, что называется, ни въ дудочку, ни въ сопѣлочку, сей знаменитый мужъ, по прошествіи впрочемъ знатнаго количества времени, разродился такого рода мышленіемъ: «Я хочу жить въ обширномъ значеніи этого слова, т. е. нанимать эдакую приличную квартирку, въ умѣренномъ бельэтажикѣ, тысячки въ двѣ съ половинкой, имѣть возможность на столишко тратить — ну, хоть по полтысячкѣ въ мѣсяцъ, да на платьишко, да на разные непредвидимые расходы... поблагодарю Бога искренно, если Онъ пошлетъ мнѣ на эти расходы хоть десять тысячъ... Но я теперь все прожилъ, служить же тамъ за какіе-нибудь триста рублей въ годъ—кланяюсь и цѣлую ручки; по этому случаю мы, для нашего обновленія, выкинемъ нѣчто такое, что болѣе согласно было бы съ средствами могучей природы нашей».

Вслѣдствіе такихъ высокихъ соображеній, въ одно прекрасное утро, на той широкой аренѣ, на которой московская богатая молодежь практически изучаетъ жизнь, явился нѣкоторый новый дѣятель, произведшій своими загребистыми лапами неимовѣрный фуроръ. Этотъ новый дѣятель былъ полковникъ Кочетищевъ. Онъ обра

тилъ въ наличный капиталъ остатки прежней роскоши, обрыскалъ и занялъ у всѣхъ кредиторовъ, которые ему еще вѣрили, и торжественно явился на эту арену съ сосредоточеннымъ взглядомъ, съ крѣпко-сжатыми кулаками.

Лица, дѣйствовавшія въ это время на сценѣ, всѣ, до одного человѣка, поклонились энергической граціи новаго актера, и новый актеръ не обманулъ въ свою очередь впечатлѣній, которыя онъ произвелъ на нихъ. Со страстью и талантомъ истиннаго артиста, въ немного лѣтъ полковникъ прочиталъ зрителямъ свое: быть или не быть, и молодежь получила полное право во всякое время дня и ночи идти къ доброму старичищу— Володькѣ Кочетищеву, который разводилъ на бобахъ всякую бѣду, а добрый старичище, въ замѣнъ проливаемыхъ имъ милостей, добился въ другой разъ возможности рыться по локоть въ деньгахъ.

Учинивши такую мѣну, полковникъ, натурально, сдѣлался опять, по выраженію Расплюева, великъ и славенъ.

Очень можетъ быть, что я недостаточно говорилъ о Кочетищевѣ, и мнѣ никакъ нельзя будетъ не согласиться съ тѣмъ, кто мнѣ замѣтитъ, что поучающая жизнь такихъ людей требуетъ большихъ разъясненій. Всегда первый осуждая въ себѣ мои недостатки и промахи, я повторяю, что непремѣнно глубоко восчувствую справедливость такого упрека, но въ то же время я долженъ буду сказать въ свое посильное оправданіе слѣдующее: чѣмъ крупнѣе жизненный дока, попавшій подъ мое перо, тѣмъ менѣе я пишу о немъ, потому что не могу выносить той страшной муки, которую испытываетъ мое сердце въ то время, когда я обрисовываю этого доку...

Вотъ Анна Петровна совсѣмъ другое дѣло. Если я одинъ разъ нѣсколько и увлекся, говоря о ней какъ о чиновницѣ и бла-о-родной женщинѣ, за то благодушію моему не будетъ предѣловъ, когда я буду говорить о ней просто какъ объ Аннѣ Петровнѣ. Объ ея походѣ къ полковнику Кочетищеву нельзя даже иначе говорить, какъ съ нѣкоторымъ лиризмомъ.

Идетъ Анна Петровна по московскимъ съ ногъ сшибательнымъ улицамъ, по вонючимъ бульварамъ идетъ, черезъ перекрестки уличные звѣремъ лѣснымъ порыскиваетъ, отъ нахальныхъ Ванекъ легкою пташкой упархиваетъ, а самоё ее всю думушка ласковая совсѣмъ въ полонъ забрала.

«Вотъ, думаетъ Маслиха,—была я крестьянкой, всю свою молодость прожила простою мужичкой, а теперича барыней стала, дочь-барышню вспоила, вскормила и къ мѣсту къ большимъ господамъ опредѣлять иду. Эхъ! кабы Господь послалъ ей добрыхъ господъ, чтобъ ея лѣниваго норову не замѣтили, за грубыя слова не наказывали. Хоша бы чѣмъ-нибудь она мнѣ на старости помогала...»

Жжетъ и палитъ жаркое городское солнце голову Анны Петровны. Всю ее залѣпило бѣлою пылью, по лицу течетъ потъ ручьями, уши хотятъ треснуть отъ грохота экипажей, а Анна Петровна, гдѣ въ припрыжку, а гдѣ тихой, отдыхающею поступью, спѣшитъ къ полковнику Кочетищеву,—боится, какъ бы другія у ея дочери мѣсто не перебили.

Наконецъ вотъ и квартира полковника Кочетищева.

— Баринъ дома? робко освѣдомляется Анна Петровна у усастаго Лепорелло.

— Генералъ дома, важно и, такъ сказать, безъ малѣйшаго сумлѣнія, отвѣчаетъ ей Лепорелло.—Вы отъ кого?

— Я отъ себя, батюшка. Доложи, голубчикъ, вдова-чиновница пришла. На чаекъ дамъ.

— А насчетъ чего вы? Мы, ежели то-есть не насчетъ нужныхъ дѣловъ, не про всякаго докладываемъ, потому намъ такъ приказано.

— Я насчетъ дочери.

— Насчетъ ежели дочери, доложу сейчасъ, потому эфто намъ завсегда нужно.

Много на своемъ вѣку видала Анна Петровна всякихъ большихъ господъ, со многими изъ нихъ она говаривала со всякою смѣлостью; но при взглядѣ на полковника, а по словамъ его лакеевъ—генерала Кочетищева, она какъ будто обробѣла маленько. Сама она въ этомъ признавалась.

— Нельзя мнѣ было никакъ не заробѣть передъ нимъ, разсказывала она,—потому на всякомъ мѣстѣ у него богатства всякія разбросаны. Золото да серебро, ковры да картины вездѣ такія, какихъ я отъ роду нигдѣ не видала; а самъ сидитъ бравый такой, въ шитой шапочкѣ, въ халатѣ какомъ-то мудреномъ, длинную трубку, да такую-то ли духовитую, куритъ, а другою рукой все это усы свои длинные гладитъ.

— Ну-съ, madame, что вы скажете намъ? спросилъ полковникъ Анну Петровну, когда она стала предъ нимъ какъ листъ передъ травой.

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, сиротъ горькихъ не оставьте, заставьте за себя вѣчно Бога молить...

заголосила Анна Петровна съ низкими поклонами.— Какъ вы таперича въ газетахъ публикацію такую пустили насчетъ губирнантки, такъ ежели милости вашей угодно, дочь у меня есть и она эту должность справитъ какъ слѣдуетъ.

— Гмъ!... откашлянулся полковникъ.—А какъ она того... лѣтъ т. е. примѣрно какихъ?

— Девятнадцатый пошелъ съ Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софьи.

— Д-да! Н-ну, это ничего. А портретика ея вы съ собой не захватили?

— Нѣтъ, отецъ мой, партрета-то у меня. Не снимала я съ ней. Отцовъ ежели, можно принесть.

— Нѣтъ, отцова-то мнѣ не нужно. У меня отцовъ-то портретъ свой есть.

— Какъ не быть у васъ родительскому партрету!

— Извѣстно есть. Да впрочемъ не въ этомъ дѣло. А вы вотъ что, матушка, присядьте-ка покуда. Кофе, небойсь, любите?

— Да я мало пью-то его, отецъ; а то ничего, я его, въ гостяхъ когда, помногу пивала.

Принесли кофе. Собесѣдники видимо хотѣли сообщить другъ другу нѣчто весьма интересное, но какъ будто затруднялись чѣмъ то.

— Н-ну-съ, такъ какъ же? заговорилъ наконецъ полковникъ

— То-то. то-то, благодѣтель, какъ же намъ съ этимъ самымъ дѣломъ быть?

— Какъ быть? извѣстно какъ: посмотрѣть прежде надо, да ее спросить, согласна ли будетъ.

— Согласна будетъ! съ увѣренностью доложила Анна Петровна.—Кабы она была не согласна, она бы меня не послала. А посмотрѣть ежели нужно, такъ мы завтра сами придемъ.

Вслѣдствіе такого разговора, между вдовой титулярною совѣтницей и отставнымъ полковникомъ завязалось нѣчто въ родѣ нѣжной дружбы. Раза по три они уже навѣстили другъ друга; но рѣшительныхъ переговоровъ о пріемѣ Софи въ гувернантки еще не было.

— Мозжитъ, думала Анна Петровна.—Жалованье, должно-быть, хочетъ маленькое положить, глядючи на нашу бѣдность.

— Прикидывается, старая, будто не понимаетъ, о чемъ я хлопочу, въ свою очередь размышлялъ Кочетищевъ.—Наровитъ, должно-быть, деньгу хорошую съ меня зашибить...

Такъ всю жизнь свою, замѣчу я лично отъ себя, весь родъ людской волнуется и гибнетъ въ мутномъ морѣ недоразумѣній, которыя онъ сочиняетъ самъ для собственнаго одуренія.

И долго, говорю, тянулись бы эти переговоры между полковникомъ и наивною вдовицей, что, дескать, такъ какъ же-съ? спроситъ, бывало, Кочетищевъ,—да такъ-то, генералъ, отвѣтитъ ему Анна Петровна,—и опять продолжительная пауза.

Узнайте же теперь, какимъ глубокимъ превосходствомъ обладаетъ нынѣшняя отечественная женщина предъ отечественною женщиной добраго стараго времени. Софи сразу смѣкнула дипломатію полковника и повела дѣло такимъ манеромъ:

— Полковникъ! сказала она однажды Кочетищеву,— нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ хорошаго жениха? Я была бы вамъ очень благодарна, только чтобы непремѣнно онъ не бѣдный былъ.

— Какъ же, какъ же, mademoiselle! Есть у меня женихи даже и очень не бѣдные.

Великую истину кто-то сказалъ, когда сказалъ, что отъ малыхъ дѣлъ происходятъ иногда великіе разультаты. Кажется, чего бы проще въ нашъ эмансипированный вѣкъ, что молодая дѣвушка спрашиваетъ своего знакомаго старика, нѣтъ ли у него на примѣтѣ богатаго женишка? Имѣю много достовѣрнѣйшихъ данныхъ, которыя, къ сожалѣнію, не пойдутъ къ дѣлу, чтобы сказать, что въ наше время такой вопросъ даже и изъ устъ молодой дѣвушки совершенно нормаленъ. Только же далеко не такъ ничтоженъ этотъ вопросъ, какъ вамъ покажется съ перваго взгляда. Между моими героями онъ установилъ совершенно новыя, далеко поведшія ихъ, какъ вы сами увидите, отношенія. Полковникъ, до сего времени обдѣлывавшій дѣло пріема въ гувернантки съ Анной Петровной, теперь повелъ его преимущественно съ самою Софи. Только за то ли, что ее такимъ образомъ отдалили на задній планъ, или за что-нибудь другое,—Анна Петровна неимовѣрно разозлилась на дочь. Вдовій флигарь еще ни разу не видалъ въ своихъ убогихъ стѣнахъ такихъ горячихъ сценъ гнѣва, угрозъ и даже проклятій, которыя дѣлала Анна Петровна своей Софи, когда полковникъ уѣзжалъ отъ нихъ.

— Вспомни, срамница, кто у тебя былъ отецъ! говорила Анна Петровна.—Заслуженный человѣкъ былъ твой

отецъ. И теперь его братъ на губерніи предсѣдателемъ казенной палаты служитъ, а сестра за старшимъ секретаремъ губернскимъ выдана. Вона мѣста какія благородныя занимаютъ; а ты на эдакія дѣла пускаешься...

— Вы еще свою родню крѣпостную причли бы сюда, а то мнѣ одной съ вами скучно съ голоду умирать! давала ей отвѣтъ Софи.

Но мы не будемъ микроскопично-описательны въ этихъ случаяхъ. Довольно будетъ, если, для уясненія воцарившейся во вдовьемъ флигарѣ суматохи, я скажу, что въ результатѣ всѣхъ этихъ выкриковъ, которыми такъ интересовались обитатели дѣвственной улицы, Анна Петровна снимала со стѣны родительское благословеніе и, подъ опасеніемъ его гнѣва, усовѣщивала дочь отстать отъ какихъ-то дѣловъ, которыя, будто бы, по ея словамъ, весьма срамили благородное родство ея покойнаго мужа.

Такимъ образомъ, для поверхностнаго наблюдателя представлялась возможность, изъ этихъ словъ Маслихи, заключить, что Софи имѣетъ какъ бы дѣла съ полковникомъ; но, съ другой стороны, поведеніе самой Софи въ отношеніи къ полковнику было именно такого свойства, что окончательно разногласило съ такимъ умозаключеніемъ, ибо, когда Кочетищевъ начиналъ ее приглашать переходить къ нему въ домъ, Софи обыкновенно отвѣчала ему такимъ образомъ:

— Я очень рада переѣхать къ вамъ, полковникъ! Только я не могу этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока вы не найдете мнѣ хорошаго жениха.

— Да, да, отецъ! подтверждала рѣшеніе дочери Анна

Петровна, уже достаточно освоившаяся съ своимъ великосвѣтскимъ гостемъ.—Ты ужь найди сироту-то, прiищи женишка; а то вѣдь у насъ родство какое: покойниковъ братъ—предсѣдателемъ, а сестра—за старшимъ секретаремъ. Хорошо развѣ мнѣ будетъ, какъ они меня начнутъ совѣстить за такiя дѣла?

И вотъ въ одно прекрасное утро вдовiй флигель принялъ въ свои стѣны полковника, который прiѣхалъ съ какимъ-то отмѣнно-красивымъ юношей, въ сюртукѣ изящнаго фасона и съ манерами самаго фешiонебэльнаго лорда.

Юноша бросилъ свой мягкiй, женственный взглядъ на Софи, и Софи запылала къ нему той пожирающею все человѣческое существо страстью, къ которой приготовили ее историческiе романы Дюма.

Тутъ ужь почти и конецъ. Мнѣ остается только сказать къ чести полковника Кочетищева, что онъ ради того только, чтобы соединить двѣ полюбившiя другъ друга съ перваго взгляда души, пожертвовалъ молодому на обзаведенiе пять тысячъ рублей, а главное—доставилъ ему у одной вдовой купчихи мѣсто ни болѣе ни менѣе какъ въ три тысячи рублей, и вы не подумайте, что въ годъ, а въ мѣсяцъ. .

Хорошо быть такимъ могущественнымъ, какъ нашъ отставной отъ гусаръ полковникъ, ибо мужъ Софи безъ его могучей помощи, хотя и принадлежитъ къ древней, но, къ несчастiю, проерыжничавшейся фамилiи, пропалъ бы окончательно. Равномѣрно и Софи: истаяла бы она, бѣдная, и засохла, не успѣвши разцвѣсть, отыскивая въ дѣвственной улицѣ героевъ Лувра, а теперь, благо-

дареніе небу, она жена очень обезпеченнаго человѣка. Это само по себѣ, а главное то, что она тоже, опять-таки благодаря великодушію полковника, имѣетъ средства заработывать свой кусокъ хлѣба своими трудами, находясь гувернанткой при воспитанницѣ Кочетищева, взятой имъ для услажденія дряхлой старости.

Не такъ ли, други, всегда наказывается порокъ и вознаграждается добродѣтель?..

III.

КАКЪ БЫ ЭПИЛОГЪ.

Послѣ довольно продолжительнаго отсутствія, я опять увидалъ Москву. Была Святая недѣля. Шатаясь по Подмосковному, я случайно встрѣтилъ одного пріятеля, который въ былые годы имѣлъ возможность тереться въ большомъ свѣтѣ. Изгнанный изъ рая въ настоящее время, онъ все еще продолжаетъ думать, что онъ весьма великосвѣтскій баринъ, и на этомъ основаніи все еще раскланивается съ своими великолѣпными друзьями.

— Слава Богу, подумалъ я при встрѣчѣ съ нимъ,—теперь ежели какая-нибудь свѣтлая звѣзда блеснетъ въ мои слѣпые глаза, у меня есть подъ рукой человѣкъ, который скажетъ мнѣ ея имя.

И дѣйствительно, пріятель очень щедро разсыпалъ предо мною познанія о beau mond'ѣ.

— Князь Зарубай-Незарубьевъ! благоговѣйно шепчетъ онъ мнѣ и въ то же время, улыбаясь самымъ игривымъ образомъ, привѣтствуетъ князя своимъ бонжуромъ.

Князь недоумѣвающимъ взглядомъ окидываетъ бѣдняка, величественно надуваетъ губы, морщитъ лицо и наконецъ обращается къ миловиднѣйшему существу, сидѣвшему вмѣстѣ съ нимъ въ блестящей колясcкѣ.

— Графиня Пепермéнтъ, маркиза Кло-де-Вужо! рекомендуетъ мнѣ мой благородный другъ весьма развалившееся существо, тупо смотрѣвшее изъ каретнаго окна на народныя волны.

— Bon jour, madame la comtesse! кричитъ онъ старухѣ, рискливо подбѣгая къ ея коляскѣ. Маркиза награждаетъ его истинно-рыцарскую храбрость ласковымъ кивкомъ головы, изъ чего я, какъ послѣ оказалось, весьма справедливо заключилъ, что она совсѣмъ спятила.

Такимъ образомъ много знатныхъ особъ было представлено моему благосклонному вниманію. Въ благодарной къ ихъ отечественнымъ заслугамъ душѣ моей я благословилъ доблестныхъ патриціевъ моего племени и хотѣлъ было отправляться домой, какъ вдругъ съ нами поровнялся невообразимо-патентованный экипажъ, влекомый благороднѣйшею вороною четверней. На козлахъ этой невиданной еще подъ солнцемъ колесницы достойно возсѣдало нѣкоторое строго-серьезное существо, широкоплечее и поросшее густою бородой цвѣта остывшей смолы. Къ великому моему удивленію, въ этомъ экипажѣ, видимо строенномъ для царей, помѣщался полковникъ Кочетищевъ. Подлѣ него на задней скамейкѣ сидѣла какая-то бархатная, самой высокой отдѣлки, дама, въ чертахъ лица которой я нашелъ какъ бы нѣчто знакомое.

— Вѣдь это полковникъ Кочетищевъ? спрашиваю я

моего пріятеля, пораженный тою блистательной обстановкой стараго гусара, въ какой еще ни разу мнѣ не приходилось видѣть его.

— Да, это онъ! удовлетворилъ меня мой знакомецъ.

— Что же онъ женился, что-ли? Бархатная дама жена его, что-ли?

— Нѣтъ, бархатная дама жена пріятнаго господина, который сидитъ напротивъ. Она у полковника въ гувернанткахъ, а мужъ ея—главнымъ управляющимъ у своей сосѣдки. Это—извѣстная богачка, купчиха Полетникова.

—Чей же этотъ экипажъ? спросилъ я.

—Да какъ вамъ сказать? недоумѣвалъ мой пріятель.— Онъ у нихъ общій, хотя и купленъ на деньги Полетниковой. У нихъ все общее, потому что это образцовые друзья. Всѣ, кто только знаетъ ихъ, иначе и не называютъ, какъ аркадскимъ семействомъ. Впрочемъ, полковника и пріятнаго господина называютъ еще камеліями въ кэпи; ну, да вѣдь на чужой ротокъ не накинешь платокъ. А счастію ихъ, по чести вамъ говорю, завидуютъ самые равнодушные глаза.

И точно: въ толпѣ народа, глазѣвшей на торжественное шествіе нашихъ друзей, раздавались завистливыя восклицанія, одобренія лошадямъ, экипажу. Тутъ же, впившись слезящимися, старческими глазками въ парадную дочь, стояла Анна Петровна Маслиха, въ черномъ, новенькомъ салопчикѣ съ бѣличьимъ воротникомъ, и когда патентованная коляска поровнялась съ нею, она набожно перекрестилась и по лицу ея пробѣжала улыбка полнѣйшаго счастія...

Воздадимъ же и мы, въ свою очередь, хвалы небу за то, что наши времена рождаютъ еще людей, способныхъ восхищать и умягчать сердца наши тѣми душевными прелестями, которыя я рекомендовалъ вамъ въ моихъ герояхъ.

ПОГИБШЕЕ, НО МИЛОЕ СОЗДАНІЕ.

I.

Америка имѣетъ дѣвственныя лѣса, дѣвственную почву, а Москва имѣетъ дѣвственныя улицы. Говорю о такихъ лѣсахъ и такихъ улицахъ, гдѣ ни разу не бывала нога человѣка. Я, по настоящему, долженъ былъ бы показать, каковы именно эти лѣса, для того собственно, чтобы читатель зналъ, какъ именно думать ему о дѣвственности московскихъ улицъ; но въ первомъ случаѣ я рекомендую ему романы Купера, а во второмъ — мой собственный разсказъ, и результатъ этой рекомендаціи будетъ таковъ, что изъ романовъ Купера онъ почерпнетъ настоящее понятіе о дѣвственности американскихъ лѣсовъ, а изъ моего разсказа — о дѣвственности московскихъ улицъ.

Во время моего перваго знакомства съ Москвой, меня всего болѣе поразило слѣдующее обстоятельство. Идешь, бывало, по широкой, людной улицѣ и видишь, что на каждомъ пунктѣ ея кипитъ та дѣятельная, столичная

жизнь, которая, какъ извѣстно всякому мало-мальски порядочному фланёру-наблюдателю, заставляетъ любопытныхъ провинціаловъ останавливаться чуть ли не на каждомъ шагу и смотрѣть на ея суету съ неприличнымъ даже раскрытіемъ рта. Такъ вотъ, говорю, идешь по такой улицѣ и постоянно тебѣ мечутся въ большіе глаза эти чудаки, до глупости заинтересованные разыгрывающеюся на ней ярмаркой столичнаго тщеславія, до болѣзни глушитъ тебѣ уши грохотъ экипажей, и такъ это всего тебя распалитъ и разозлитъ эта «людская молвь и конскій топотъ», что, натурально, озлобляешься противъ этого ничѣмъ не смущаемаго зѣваки.

«Эдакой балбесъ!... Чего онъ тутъ зѣваетъ? съ какою-то злобой думаешь про любопытнаго.—Такъ спокойно загородилъ тротуаръ, какъ будто онъ устроилъ его исключительно для своего удовольствія».

Но не въ этомъ дѣло. Главная сила вотъ въ чемъ: оглушенные страшнымъ шумомъ одной изъ главныхъ улицъ столицы, вы вдругъ совершенно неожиданно, какъ бы по волѣ могучаго чародѣя, переноситесь изъ этого мѣста будто за тридевять земель. Такъ велика бываетъ разница въ жизни московскихъ мѣстностей, находящихся въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, что, перешагнувши иной разъ изъ одной улицы въ другую, вы только возможностью волшебства объясняете себѣ эту странную перемѣну домовъ, людей и даже самого климата.

Разозленные грохотомъ экипажей, навязчивостью разнощиковъ, неотразимыми претензіями на вашу щедрую милостыню тьмы темныхъ личностей, извощиками,

которые, какъ будто съ намѣреніемъ, злятъ ваше плебейство титуломъ сіятельства, наконецъ полнымъ счастьемъ восторгающагося всѣми этими прелестями провинціяла, вы кисло морщитесь, поворачиваете направо или налѣво—и декорація въ мгновеніе ока окончательно измѣняется.

Передъ вами уже не тѣ изумительно-грандіозные четырехъ-этажные дома въ половину квартала, невольно заставляющіе васъ при взглядѣ на нихъ раздуматься, обыкновенными ли человѣческими силами строили ихъ владѣльцы, или они прибѣгали въ этомъ случаѣ къ какимъ-нибудь волхвованіямъ?... Такихъ палатъ, говорю, нѣтъ и въ поминѣ.

Передъ вами робко вытянулся рядъ скромныхъ домиковъ, съ этими милыми кисейными, или ситцевыми оконными занавѣсками, дающими вамъ неотъемлемое право предполагать, что за ними скрывается бѣдное, но благородное семейство,—съ заборами, утыканными гвоздями и увѣнчанными наслѣдственными деревьями, съ туго-припертыми воротами, съ голодной и слѣпою собакой, равнодушной ко всему окружающему и глубокомысленно-молчаливой. Рядъ этихъ патріархальныхъ пріютовъ обыкновенно начинается мелочною лавкой, а оканчивается будкой. У лавки стоитъ краснощекій хозяинъ въ засаленномъ, какъ чумацкая рубаха, фартукѣ, всегда безъ картуза, съ руками знаменательно заложенными за спину. На губахъ его сіяетъ улыбка. Изъ окна, противоположнаго лавкѣ, его высокоблагородіе Романъ Ефимычъ, отставной майоръ и кавалеръ изъ палочной академіи, «вѣжливенько», какъ бы и своего

брата майора или титуляра, приглашаетъ лавочника на чашку чаю. На крыльцѣ будки сидитъ неразгаданный будочникъ: я потому употребляю этотъ эпитетъ, что, обыкновенно, рѣшительно невозможно отгадать, дремлетъ ли будочникъ, утомленный долгимъ бодрствованіемъ, или онъ такъ же безцѣльно, какъ безцѣльно бодрствуетъ, смотритъ на широкое картинное всполье, раскидывающееся за такою будкой.

Въ подобныхъ улицахъ только и есть эти два пункта, откуда еще проглядываетъ жизнь. Остальныя точки ихъ рѣшительно необитаемы и безжизненны, слѣдовательно дѣвственны. Дальше слышно и видно только, какъ наслѣдственныя деревья, осѣняющія гвоздистые заборы, дремотно качаютъ верхушками и тихо шуршатъ листьями. Мертвая, ничѣмъ не прерываемая тишина и молчаніе самое усыпляющее завершаютъ картину...

Почва этихъ, рѣдкому смертному извѣстныхъ, странъ должна быть очень плодородна, потому что вся весьма тщательно удобрена всѣми принадлежностями негодными въ хозяйствѣ: старыми, дотла изношенными подошвами, золой и разнаго рода, весьма легко поддающимися гніенію, остатками отъ нѣкогда, по всѣмъ вѣроятіямъ, пышныхъ одеждъ. Распаханная неизвѣстно когда и неизвѣстно зачѣмъ проѣхавшими тутъ колесами, почва представляетъ всѣ возможности прозябать на ней разной травкѣ, достаточно высокой для того даже, чтобы въ ней рѣзвились и прятались разношерстные котята.

Пріѣхавши въ столицу изъ глубины степей, болѣе или менѣе откормленнымъ парнемъ, я нѣкоторое время былъ объятъ глубокою тоской по родинѣ. Эта тоска

усиливалась до тяжкой болѣзни, когда, бывало, городской шумъ прерывалъ золотую цѣпь моихъ представленій о тишинѣ степей нашихъ, о ихъ могущественной красотѣ, о ихъ, наконецъ, своеобразной, непримѣтной для посторонняго глаза жизни, которая въ неисчислимое количество разъ казалась мнѣ тогда и дѣятельнѣе и разумнѣе жизни, такъ возмущавшей своимъ громомъ мою степную натуру противъ столичной дѣятельности.

И вотъ, когда я въ первый разъ, случайно, попалъ въ одну изъ дѣвственныхъ улицъ, когда я увидѣлъ за заборомъ одного домика развѣсистую яблоню, а на улицѣ не выполотую траву, въ которой играли котята и чирикали молодые воробьи, когда я почуялъ въ воздухѣ нѣчто напоминавшее ароматъ степи, я почувствовалъ къ этимъ улицамъ необыкновенную слабость. Въ ихъ успокоивающей тиши очень скоро проходила хандра отъ отношеній и обязанностей, которыя неумолимо принуждаетъ меня выполнять городская жизнь; поэтому вотъ уже нѣсколько лѣтъ брожу я по этимъ улицамъ, ищу ихъ близь заставъ, въ Замоскворѣчьи, ищу въ сердцѣ Москвы, и я даже открылъ такую мѣстность, которую сами обыватели не могли назвать мнѣ. Недавно только, когда я изучалъ прилегающія къ ней улицы, со мной встрѣтился необыкновенно дряхлый старецъ, который сказалъ мнѣ, что мѣсто это называется «Марьиной Слободкой», что это очень хорошее мѣсто, потому что живутъ они себѣ здѣсь тихо да смирно, ровно у Христа за пазухой.

Теперь я очень хорошо познакомился съ этимъ старикомъ. Мой новый знакомый, когда я проникнулъ къ

нему въ гости, представилъ меня другу своему зашивальщику, тоже старику, живущему съ нимъ на одной кровати, и потомъ уже на именинахъ у старика-зашивальщика я самымъ тѣснымъ образомъ сблизился съ однимъ удивительно-искалѣченныхъ ветераномъ и съ сосѣдомъ будочникомъ. Будочникъ, въ свою очередь, обязательно пригласилъ меня къ себѣ на именины.

— Смотрите же, не забудьте, сударь, третьяго числа, говорилъ онъ, прощаясь со мною.—Пророчица Анна и Симеонъ Благопріимецъ: это и есть мой ангелъ.

Такимъ образомъ третьимъ февраля и начинается мой разсказъ, характеризующій дѣвственность московскихъ улицъ.

II.

Только моя необыкновенная страсть смотрѣть, какъ поживаютъ на бѣломъ свѣтѣ разные добрые люди, заставила меня ѣхать «къ чорту на кулички»—на именины къ будочнику. Морозъ былъ необыкновенный; трескъ промерзнувшихъ крышъ и заборовъ нарушалъ въ этотъ разъ мертвое молчаніе, обыкновенное въ дѣвственныхъ улицахъ.

По примѣтамъ, сообщеннымъ мнѣ новымъ знакомымъ, я узналъ домъ, въ которомъ квартировало его семейство. Маленькая, отощавшая собачка звонко отвѣтила на скрипъ калитки, произведенный мною; ей откуда-то изъ угла отозвались куры соннымъ, продолжительнымъ воркотаньемъ. Какой-то человѣкъ въ мерлушечьемъ ха-

латѣ, съ кокардой на фуражкѣ, вѣроятно хозяинъ дома, пользуясь ночною темнотой, нисколько не компрометируя значка, рекомендовавшаго его благородную породу, мелъ дворъ.

— Кого тебѣ? сердито допросилъ онъ меня.

— Знакомаго одного: будочникомъ въ здѣшнемъ кварталѣ служитъ.

— Служитъ?!. Развѣ будочники служатъ?.. Служатъ только чиновники... Вонъ ступай наверхъ.

Собачонка, тая отъ злости, подкатывалась мнѣ подъ ноги. Мерлушечій халатъ ожесточенно прикрылъ ее своей страшною метлой.

Я отворилъ тяжелую дверь, сколоченную самымъ медвѣжьимъ образомъ изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ. За дверью царила непроглядная тьма; гдѣ-то вверху раздавались громкіе голоса; плачъ охрипшаго ребенка смѣшивался съ гармоникой и съ разухабистою пѣсней.

Наконецъ я отыскалъ ступень лѣстницы и, съ твердою вѣрой въ благость Провидѣнія, полѣзъ куда-то. По мѣрѣ моего приближенія къ небесамъ, гармоника становилась слышнѣе, и я уже явственно слышалъ слова пѣсни. Это былъ лихой хорей, сложенный, вѣроятно, поэтомъ-закройщикомъ и производившій въ гостяхъ гомерическій хохотъ. Мнѣ даже слышно было, какъ пѣвецъ, окончивъ куплетъ, извинялся передъ кѣмъ-то:

— Извините-съ! доносилось до меня. — Изъ пѣсни слова не выкинешь. Ха-ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха-ха! раздавалось во тьмѣ, охватывавшей меня.—Не выкинешь: это точно. Того складу не будетъ, ежели выкинуть. Валяй всю!

— Ничего, ничего. Пойте, отвѣчалъ на извиненія пѣвца женскій голосъ.

Гармоника снова сдѣлала нѣсколько аккордовъ, какъ будто умиралъ какой-то самый безшабашный удалецъ и при послѣднемъ концѣ своемъ захотѣлъ потѣшить отлетающую душу самою любимой, самою удалой пѣсней. Вотъ изъ ослабѣвшей груди вылетѣли двѣ-три ухорскія ноты, шутившія надъ смертью, и замерли вмѣстѣ съ веселою жизнью. Въ тотъ самый мигъ, когда слѣдовало окончиться послѣднему аккорду, пѣвецъ вдругъ подхватилъ его своей оригинальной, хореическою поэмой, и снова темноту, въ которой блуждалъ я, прорѣзалъ музыкальный потокъ словъ, возбудившій новый хохотъ со стороны публики и вызвавшій новое извиненіе со стороны пѣвца.

Зная очень много всякихъ народныхъ хореевъ и ямбовъ, я тѣмъ не менѣе съ большимъ наслажденіемъ слушалъ эту пѣсенку. Она представляла для меня всю прелесть новизны какъ по своимъ мотивамъ, такъ и по содержанію. Первые, будучи необыкновенно однообразны (они состояли изъ одного вздоха, безустанно продолжавшагося во всѣ четыре строфы каждаго куплета,—такого вздоха, который, прерываясь каждую секунду и, слѣдовательно, ослабѣвая въ концѣ каждую же секунду, съ новою силой вылеталъ изъ здоровой груди),—удивительно варьировались гармоникой. Послѣднее же, повѣствуя о похожденьяхъ нѣкоторой вдовы, деревенской барыни, отличалось той крупною русской солью, которою такъ забористо просолены наши доморощенныя поэмы.

Облокотившись на какую-то стѣну, я выслушивалъ неимовѣрно-забавныя приключенія вдовой барыни, и передо мною уже понемногу начинали рисоваться и одинокая глухая деревня, и ея безотвѣтная улица, наивно названная мужиками *красною*, — весь этотъ мирный бытъ далекаго захолустья съ каждою минутой яснѣе и яснѣе вставалъ въ моей головѣ, и издали чуялъ уже я, какъ въ концѣ улицы показалась эта барыня-домосѣдка. Бойко несетъ она свою благородную голову, храбро задравши ее къ свѣтлому небу, и крикъ ея, разносясь по всей красной улицѣ, до самаго основанія возмущаетъ всегдашнюю тишину послѣдней. Я начиналъ уже видѣть барыню дѣйствующею въ тѣхъ комическихъ событіяхъ, которыя разсказывались и пѣсней и гармоникой, какъ вдругъ стѣна, о которую я опирался, не выдержавъ моего напора, со скрипомъ валится на бокъ: я лечу вмѣстѣ съ ней и отчаяваюсь въ моей драгоцѣнной жизни, но, благодаря богамъ-хранителямъ, оказалось, что это была не стѣна, а просто дверь, отворявшаяся внутрь.

Я ввалился въ комнату или, лучше сказать, въ какую-то пещеру. Огромная русская печь и кроват занимали пять частей пещеры. На лавкѣ, противуположной кровати, подлѣ крошечнаго стола сидѣли двѣ женщины. Человѣкъ шесть мущинъ необъяснимымъ образомъ лѣпились около кровати, на которой не то сидѣлъ, не то лежалъ пѣвецъ съ гармоникой—молодой солдатикъ. При всемъ стараніи публики потѣсниться и дать мнѣ пройти, я съ трудомъ освободился отъ кулька, въ которомъ, зная родные обычаи, привезъ имениннику

штофъ Руже и приличную закуску, чѣмъ (объясняю это символическое обыкновеніе) я какъ бы желалъ и даже давалъ ему нѣкоторое право на пользованіе благами еще смачнѣйшими.

— Напрасно безпокоились, говорилъ именинникъ, принимая отъ меня кулекъ, который въ моментъ снискалъ мнѣ расположеніе всѣхъ гостей.

— Съ ангеломъ! привѣтствовалъ я.—Примите — не побрезгайте.

Съ меня насильно стащили шубу, которую было хотѣлъ я снять самъ, и посадили къ дамамъ. Ко мнѣ подвели маленькую дѣвочку и строго, съ подзатыльниками, приказывали ей поцѣловать у дяденьки ручку. Охрипшею, простуженною грудью, ровно трескъ маленькихъ стѣнныхъ часовъ, дѣвочка прохрипѣла: «Дяденька! пожалуйте ручку».

Я поцѣловалъ бѣдное дитя, осужденное родиться въ пещерѣ съ промерзшими стѣнами, среди атмосферы, неминуемо влекущей молодую жизнь къ раннему гробу, и въ колыбели уже обреченное страданіямъ. Въ глубинѣ души моей я благословилъ это дитя всевозможныхъ нуждъ на добрый трудъ въ бѣдной жизни, на силу бороться съ соблазномъ, который щедро разсыпается въ подобныхъ пріютахъ праздностью и безсердечіемъ молодыхъ и старыхъ богачей.

Я осмотрѣлся. Совершенно обледенѣлое окно пещеры, разогрѣтое самоваромъ, какъ-то особенно грустно слезилось. Отъ него и промерзнувшихъ стѣнъ, тоже согрѣтыхъ и именинными истопомъ печи, и дыханіемъ гостей, шли волнистые сѣдые пары, наполнявшіе всю

комнату. Единственную сальную свѣчу, горѣвшую на столикѣ, особенно-густыми клубами накрыли эти пары, отчего она разливала по пещерѣ слѣпой, ненастный свѣтъ, сообщавшій всѣмъ предметамъ какой-то сѣдовато-убогій цвѣтъ.

Прежніе пріятели мои: зашивальщикъ и искалѣченный ветеранъ грустно уединились въ самую темноту къ печкѣ, широкое отверстіе которой, сіяя во мракѣ, дѣлало изъ нихъ какъ бы волшебныхъ стражей заколдованнаго входа въ подземное царство. Нисколько не вмѣшиваясь въ общій разговоръ, они серьезно и терпѣливо ожидали, когда наконецъ дойдетъ до нихъ очередь принять изъ рукъ хозяина рюмку и, пользуясь этимъ случаемъ, пожелать ему отъ Бога всякихъ благъ—душевныхъ и тѣлесныхъ. Они очевидно были въ загонѣ, т. е. вниманіе на нихъ почти не было обращаемо, потому что очередная рюмка доходила до нихъ послѣ всѣхъ. Высокій старикъ, отставной фельдфебель съ бобровыми усами и подковообразными бакенбардами, убѣдительнѣйше приставалъ къ каждому гостю, чтобъ онъ одолжилъ ему заимообразно до завтра гривенникъ, который онъ хотѣлъ подарить хозяйскому ребенку. Молодецки повертываясь на каблукахъ отъ одного гостя къ другому, онъ увѣрялъ всякаго съ какою-то, такъ-сказать, воинскою энергіей, что такой милой и умной дѣвочки онъ сроду еще не видалъ.

— Христосъ свидѣтель! басисто и размашисто говорилъ онъ,—не доводилось никогда видѣть, а въ какихъ-какихъ губерніяхъ не побывалъ. Дайте до завтра

гривенникъ, сейчасъ подарю, потому люблю ребятъ и опять же я простъ.

Отсутствіе въ его карманѣ собственнаго гривенника, который бы на дѣлѣ могъ доказать его любовь и простоту въ отношеніи ребятъ, вызывало у гостей недовѣрчивыя улыбки. Хозяинъ просилъ фельдфебеля не безпокоиться, однакоже очередную рюмку подносилъ ему только третьему отъ конца, несмотря на его относительно-высокій рангъ. Бравый фельдфебель нисколько впрочемъ не претендовалъ на такое пренебреженіе къ военнымъ доблестямъ. Онъ пилъ, когда ему подносили, и любо было смотрѣть на него, какъ онъ, принявъ отъ именинника рюмку, говорилъ ему покровительственнымъ басомъ начальника:

— А это можно, можно выпить: вино въ пользу солдату, а паче фельдфебелю.

При этомъ онъ быстро опрокидывалъ рюмку въ ротъ, настойчиво отвергая всякую закуску.

— Кавардакъ выйдетъ, ежели всякую рюмку закусывать будешь, наставительно поучалъ онъ.—По-моему выпилъ одну, хватилъ другую, такъ много ужъ. Ну, послѣ этого и насядь на закуску. Поѣшь вплоть и пей сколько хочешь; а какъ таперича неблагополучно себя почувствуешь, курни трубочки—и шабашъ.

— А по-моему, какъ я завсегда разсуждаю, безъ закуски пить—чревобѣсіе выйдетъ одно; а чтобъ оно тоись въ пользу человѣку пошло—пустяки, возразилъ молодой солдатикъ.

Бравый фельдфебель завелъ съ нимъ продолжительный дебатъ весьма горячаго свойства.

Я началъ присматриваться къ другимъ личностямъ. Самымъ почетнымъ гостемъ былъ, очевидно, молодой полицейскій унтеръ-офицеръ, урѣзавшій, какъ говорится, до ризъ-положенія. На всякую внимательность, на всякое подчиванье хозяина онъ отвѣчалъ однимъ безсмысленнымъ, икающимъ смѣхомъ

— Не р-разберу, кричалъ онъ, мотая головой.—Обстоятельнѣй говори: я—твой начальникъ!

— Кушайте, кушайте рюмку-то. Очередь за вами, отвѣчалъ хозяинъ, видимо робѣя.

— Ну, выпилъ. Што ты еще можешь мнѣ говорить?

— Кромѣ какъ угощенія, могу ли съ начальникомъ о чемъ говорить?

— Вѣр-рно! На чистку снѣга не ходи завтра. Сиди дома: я тебѣ позвол-ляю.

— Благодарствую, сударь. Позвольте ручку поцѣловать.

— Цѣлуй! Я тебя за твое почтенье оченно люблю. На вотъ твоей дѣвчонкѣ двугривенный.

И ундеръ, не знаю почему, залился своимъ икающимъ смѣхомъ.

Выпивка съ каждою минутой принимала болѣе и болѣе широкіе размѣры. Бравый фельдфебель пустился въ плясъ съ самыми неистовыми выкрутасами. У него сыпались необыкновенно смѣлыя поговорки, поминутно вынуждавшія его извиняться передъ дамами.

— Простите, Христа ради, старику, умолялъ онъ скороговоркой, постепенно дѣлаясь бравѣе и бравѣе.— Ради именинника простите. Мнѣ по-настоящему ужь пора бы и перестать чорта-то потѣшать, да куда ни шло!

Можетъ, за мою службу Богу и великому государю, мои грѣхи на томъ свѣтѣ и простятся.

Фельдфебельскій плясъ увлекъ всѣхъ. Разговоры сдѣлались живѣе, движенія порывистѣе. Молодой солдатикъ, заливаясь самымъ лихимъ маneромъ на гармоникѣ, дружелюбно подмаргивалъ мнѣ и сидѣвшей подлѣ меня женщинѣ въ шелковомъ платьѣ, на пляшущаго старика. До этого времени вся публика слишкомъ замѣтно сторонилась насъ обоихъ, называя мою сосѣдку не иначе, какъ барышней, а ко мнѣ ежели кто относился, такъ съ почетнымъ титуломъ вашего благородія

— Да это что? говорилъ фельдфебель, останавливаясь наконецъ предо мною.—То ли встарину было!... Укатали бурку крутыя горки. Имѣемъ, сударь, окромя Егорія и всякихъ медалей, шестьдесятъ годовъ на плечахъ, а по-божьему-то сказать, на баранью морду всѣхъ этихъ штукъ не накупишь. Выходитъ, я ихъ заслужилъ. Заслужилъ?—Истинно заслужилъ, пóтомъ да кровью во владѣніе свое пріобрѣлъ. Оттого теперь и кости болятъ. За то, чтобъ обидѣть меня кто могъ—подожди!.. На офицерской линіи состою,—въ сусалы-то ко мнѣ не больно доберешься... Вотъ что!.. Хозяинъ! поднеси намъ по рюмочкѣ съ бариномъ, храбрости ради.

Хозяинъ поднесъ намъ. Фельдфебель чокнулся со мной и хватилъ; я тоже.

— Офицеромъ быть бы вамъ, сказалъ онъ,—знатно вы пьете, потому и умъ, надо полагать, не малый имѣете. Не люблю я, какъ баричъ какой рюмку поднесетъ ко рту и рожу скорчитъ, да отплевывается, ровно его въ лобъ ошарашили. У меня сразу: маршъ! оралъ онъ,

въ мгновеніе ока уничтожая другую рюмку, которую, не дожидаясь подчиванья хозяина, налилъ уже самъ.— По дружбѣ говорю: пивалъ прежде, продолжалъ онъ,— тоись столько этого добра употреблять могъ, что офицеры, бывало, въ полку нарочно складываются: четверть купятъ—какъ это я пьяный буду? Часика съ два посидишь за ней,—и аминь; только голосъ покрѣпче сдѣлается. А ныньче вотъ, кромѣ какъ сила не та ужь стала, жена завелась. По дружбѣ сказываю: бьетъ, коли что насчетъ водки пронюхаетъ... А насчетъ жены вотъ что скажу я тебѣ, другъ ты мой сладкій: чортъ да баба хоть кого окалпачатъ. Вотъ со мной какой случай былъ. Года три тому будетъ, приходитъ ко мнѣ пріятель одинъ, тоже унтеръ-офицеръ. Дѣло на масляницѣ было. «Пойдемъ, говоритъ, выпьемъ для праздника. Есть, говоритъ, у меня знакомая женщина такая, такъ мы къ ней въ гости пойдемъ. Не подумай, говоритъ, какая-нибудь: въ корпусѣ прачкой числится, вдова, говоритъ, солдатская, съ матерью и съ дѣтьми въ казенной квартирѣ живетъ».—«Что-жь, говорю, пойдемъ». Захватили мы, знаешь, кой-чего по мелочамъ: водчонки да закусчонки, сколько смогли, и приходимъ. Приходимъ и видимъ: такъ это чисто каморка у той вдовы прибрана, сама въ бѣломъ чепцѣ сидитъ, на пяльцахъ шьетъ; лицомъ, признаться, не такъ чтобы, даже прямо сказать: страсть страстью! На дѣвчонкѣ на ея платьице новенькое надѣто, ситцевое, на двухъ ребятишкахъ рубашонки такія новенькія; канарейка у окна въ клѣткѣ виситъ и цвѣты стоятъ. Фу, ты, молъ, Господи! Вотъ у насъ солдатки-то какъ поживаютъ!

— Очень, говоритъ, рада вамъ, господа! Милости просимъ садиться.

— Сѣли. Посидѣмши, выпили; выпимши, разговоръ завели, а тамъ опять выпили. Ничего. Дѣтишки это такія ласковыя: не боятся, какъ въ другихъ мѣстахъ, а такъ прямо на колѣни и лѣзутъ. Мы имъ съ ундеромъ на гостинцы сейчасъ, а мать это къ намъ: напрасно безпокоитесь, говоритъ. Тутъ мы еще выпили, матери поднесли,—древняя эдакая старуха,—та благодарна осталась. Хорошо-съ!..—Намъ, сударь, не наказать ли еще хозяина-то по рюмочкѣ? вдругъ предложилъ мнѣ фельдфебель, задумчиво покручивая усы.

— Не часто ли будетъ? пожелалъ я узнать.

— Не часто, отвѣтилъ онъ.

— Ну, такъ накажемъ, согласился я.

Хозяинъ весьма обязательно подвергъ себя этому наказанію.

— Вотъ я, пріятель-ты мой дорогой, и разогрѣлся у этой самой вдовы. Такъ это мнѣ послѣ выпивки хорошо у ней показалось!.. Стыдно сказать, а всплакнулъ я горько у ней за полштофомъ. Думаю себѣ: Господи, Господи! дожилъ я до сѣдыхъ волосъ, чинъ, по своему солдатскому званію, не малый заслужилъ, опять же жалованье, по тогдашней службѣ по моей въ швейцарахъ, двѣнадцать съ полтиной ежемѣсячно получалъ,—и нѣтъ у меня ни роду, ни племени, ни друзьёвъ, ни пріятелей. Думаю я такъ-то себѣ, а самъ плачу, словно рѣка разливаюсь, и показалась она мнѣ тогда, эта вдова, Богъ знаетъ какою красавицею.

— А что, говорю, вдова Божья, давай-ка, братецъ ты мой, мы съ тобой перевѣнчаемся...

— Бухнулъ я это ей, а она ничего, что пьяный человѣкъ присватался за нее, съ лапками ко мнѣ.

— Давай, говоритъ.

— Мать за попомъ сейчасъ побѣжала, честь честью образомъ благословили насъ, и стали мы женихъ и невѣста. Не мало я радовался въ пьяномъ-то видѣ... Проснулся поутру, трещитъ голова. Куда это, думаю, попалъ я. Ужь и забылъ про все. Ребятишки ко мнѣ сейчасъ: тятей почали звать,—она ихъ ужь навострила. Невѣсту тоже увидалъ, пришла откуда-то. Увидалъ ее, ужаснулся, да все и вспомнилъ. Куда, думаю, дѣну я эту ораву? Чѣмъ я ее прокормлю? Трое дѣтей, мать-старуха еще, самъ на прибавокъ, всего шесть человѣкъ выходитъ: по два рубля на душу приходится. Сумлѣнье меня тутъ проняло: не маловато ли жалованья будетъ? Опять за виномъ я послалъ и говорю невѣстѣ:

— А что, молъ, невѣстушка моя милая, не простишь ли ты мнѣ шали моей пьяной вчерашней? Я бы, говорю, отходу тебѣ, что касается тоись насчетъ денегъ, не пожалѣлъ дать.

— Ты, говоритъ, пустого не болтай. Я давно такого случая выжидала; а ежели ты, можетъ, спятиться хочешь, такъ въ судъ пойдемъ. Я, говоритъ, тебя осрамлю, а жениться на мнѣ все-таки присудятъ тебя безпремѣнно.

— Смолкъ я тутъ, потому увидалъ, что не миновать мнѣ женитьбы. О томъ только безпокоиться сталъ, какъ это съ такой чучелой на свѣтъ показаться. Женился. Баба ничего, хорошая вышла, только что муштруетъ она меня очень. Выпить мнѣ чтобы когда по-

старому, и не на свои, а въ гостяхъ,—ни-ни, ни подъ какимъ видомъ нельзя. Слаба баба и могъ бы я ее, разумѣется, пальцемъ однимъ придавить,—ну, никакъ я супротивъ ея лютости выстоять не могу, когда она меня пьянаго по всѣмъ суставамъ, по всѣмъ-то суставамъ, словно собаку, чѣмъ ни попало, колотить почнетъ... Въ другихъ разахъ ничего—хозяйка, какъ надо быть, и дѣтишками тоже очень утѣшенъ, хоть признаться, по добротѣ по своей, частенько-таки приходится мнѣ хлѣбъ одинъ черствый съ водой ѣсть, чтобъ они безъ говядины не сидѣли,—любятъ тоже ребятишки говядину-то. Потому мое дѣло солдатское, привычное: они меня за это и любятъ... Значитъ, ничего! Жить можно, потому другіе мужья и не съ такими звѣрями живутъ. Главное, не думалъ жениться, не люблю я этихъ бабъ, а тутъ шутъ прорвалъ: въ первый разъ увидалъ—и обабился. Не подбей меня пріятель на выпивку, и о сю пору холостой бы ходилъ, самъ бы себѣ бариномъ былъ; а теперь—на-ка!.. Не знаю, какъ сейчасъ и домой показаться, потому, самъ ты видишь, проштрафился я здòрово, жаловался мнѣ фельдфебель, грустно качая головой и отплевываясь. — Не велико, правду сказать, несчастье, когда пьянаго мужа жена бьетъ, продолжалъ онъ,—только до гроба до самаго, должно-быть, горевать мнѣ, потому за расторопность свою отъ всего полковаго начальства всегда однѣ милости получалъ, а тутъ, напослѣдокъ, сглупилъ, на старости лѣтъ къ бабѣ подъ палку добровольно пошелъ... Мнѣ это горько—отъ бабы терпѣть, а втрое мнѣ горести,

что самъ я въ эту петлю, такъ сказать не подумавши, въ пьяномъ образѣ влѣзъ.

Послѣднія слова своей рацеи фельдфебель произносилъ уже сквозь слезы. И, конечно, это были слезы пьянаго человѣка, но тѣмъ не менѣе мнѣ было очень жаль его, потому что я видѣлъ ясно, какъ человѣкъ умный по-своему, только-что освободившись изъ служебнаго тридцатилѣтняго ярма, закончилъ свою жизненную дорогу, такъ трудно и такъ хорошо пройденную, какою-то роковой, непроизвольною глупостью, надѣвшей на него другое ярмо, которое онъ долженъ нести уже до самой могилы...

III.

— О чемъ ты задумался, Сизой? неожиданно отнеслась ко мнѣ въ дребезги разодѣтая женская особа, доселѣ ничего не говорившая.

Я выпучилъ на нее глаза. «Почему это она знаетъ меня?» думаю себѣ.

— Напрасно ты притащился сюда, продолжала она:— нечѣмъ тебѣ тутъ поживиться. Въ этомъ царствѣ мрака, какъ тамъ это у васъ литературно называется, едва ли что увидать твоимъ слѣпымъ глазамъ. Ты вѣдь слѣпъ: я давно знаю.

Я остолбенѣлъ.

— Однако, Сизой, ты чортъ знаетъ какъ постарѣлъ, и лицо у тебя, не взыщи за правду, какъ-то скверно

вытянулось, поглупѣло, позеленѣло, измялось. Не очень давно еще ты былъ такой здоровый мальчишка Помнишь?

Тутъ я вспомнилъ ее. Вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ пріѣхалъ я въ столицу съ разными дѣтскими восторгами и, увидѣвши, что грозное слово и тяжелая рука тятеньки за пятьсотъ верстъ отъ меня, весь отдался вліянію нѣкоторыхъ угорѣлыхъ ребятъ, и какъ эти угорѣлые ребята, воспользовавшись своимъ вліяніемъ надо мною, осквернили мою шестнадцатилѣтнюю молодость.

Въ числѣ принадлежностей этого времени была и эта разодѣтая особа, извѣстная тогда подъ именемъ разбойницы-Саши.

Это была высокая, стройная брюнетка съ размашистыми пріемами, громкой и всегда даже надъ самыми любимыми предметами злобно насмѣхающеюся рѣчью.

— Ребята! говаривала она тогда, пародируя наши же фразы: — пьяницы вы, негодяи и глупцы здоровенные, это правда, но вы всегда найдете во мнѣ добрую мамзель, готовую вамъ дать самые полезные совѣты, потому что я всѣхъ васъ умнѣе, и доброты у меня у одной тоже больше, нежели у всѣхъ у васъ вмѣстѣ. Цѣлуйте у меня ручки за это — и выпьемъ.

Мы цѣловали у ней ручки и выпивали. Въ настоящую же минуту я почти ничего не помнилъ объ этомъ, но, при видѣ разбойницы, старинные, давно прошедшіе дни молодыхъ увлеченій живо воскресли въ моей памяти, обширная программа разнообразныхъ глупостей, наполнявшихъ эти дни, повторилась въ головѣ противъ

воли и окрасила румянцемъ стыда лицо, давно уже отъ румянца отвыкшее.

— Это ты, Саша? промолвилъ я.

— А то кто же? отвѣтила она, улыбаясь. — Глупо такъ долго меня не узнавать. Я не то, что ты: я ничуть не измѣнилась. Я, кажется, никогда такъ не подурнѣю, какъ ты. Скажу тебѣ по секрету, одного боюсь: какъ бы еще больше не поумнѣть, тогда я еще злѣй буду...

— Скажи пожалуйста, только, ради Бога, безъ остротъ, какъ ты попала сюда? Знакома что ли?

— Напрасная просьба, Сизой; ты знаешь, я безъ остроты слова не могу сказать. А попала я сюда потому, что сей макарка (ты знаешь, что макарками будочниковъ зовутъ)—мой единоутробный братецъ.

— Ты, помнится, говорила, что ты дочь полковника какого-то, потерявшаяся отъ гибельныхъ обстоятельствъ.

— Все ты перевираешь, забывчивый! Дочь майора, я тебѣ говорила, получившая прекрасное воспитаніе и погибшая вслѣдствіе пьянства родителя и собственной невинности. Но ты не долженъ былъ вѣрить этому, литераторъ близорукій, потому что всѣ мы—когда будешь писать обо мнѣ повѣсть, скажи, чтобы «всѣ мы» кривыми буквами напечатали—всѣ мы такъ говоримъ. Поглупѣй какія, скажутъ пожалуй, что тятенька былъ капитанъ, а маменька майорша; оно, можетъ, это и правда, только отчасти, всегда же это вздоръ. Я просто подмосковная крестьянка, Дунька Мизгирева. Могла бы я и княгиней быть, ежели бы была прежде такъ же

умна, какъ теперь, и немного злѣе того, какъ теперь. Вѣрь ты этому, заступникъ простыхъ русскихъ людей, говорю тебѣ, и радуйся: я достойно бы украсилась сіятельнымъ титуломъ.

Въ былыя времена я дѣйствительно угоралъ отъ такого рода фразъ. Въ устахъ разбойницы онѣ способны были тогда томить мое сердце великой тоскою о томъ, что такая натура погибаетъ безвозвратно: онѣ волновали ребячью кровь мою до страстнаго желанія посвятить молодыя силы на то, чтобы поднять съ болѣзненнаго одра прекрасную жизнь, изуродованную нравственными болѣзнями, и исцѣлить ее; но въ настоящую минуту мнѣ противно было слушать эти циническія выходки и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось услышать ихъ до конца.

— Что ты нынче подѣлываешь? разспрашивала она меня. — По-прежнему ли съ своими просвѣщенными пріятелями несешь чепуху?

— Какіе пріятели, Саша, отвѣчалъ я? — Тѣхъ ужь нѣтъ: я давно съ ними разошелся.

— Какой ты благонравный! Въ этомъ ты ничего не перемѣнился. И тогда ты былъ такой же благонравный. Другіе хоть пили и скандальничали, какъ повелѣвалъ долгъ службы, а ты ни въ дудочку, ни въ сопѣлочку; руки только всѣмъ связывалъ, — двѣ рюмки тебя сваливали. Теперь-то хоть, по крайней мѣрѣ, исправился ли?

— Кажется, исправился.

— О, добрый мальчикъ! Ишплявилься!... Не видала я, ты думаешь, какъ съ фельдфебелемъ вы сейчасъ нака-

зывали моего брата рюмочками? Впрочемъ, можетъ, ты поступалъ такъ вслѣдствіе высшихъ литературныхъ соображеній,—такъ это по-вашему говорится? Показала бы я тебѣ соображенія,—ну, да ужь Богъ съ тобой: не хочу я больше быть Сашкой-разбойницей. Хочу опять быть Дунькой Мизгиревой и жить по завѣту отцовъ.

— Значитъ, ты тоже исправилась?

— Какъ тебѣ сказать? Право не знаю. Вы тогда толковали: исправиться—значитъ впередъ двинуться. А мнѣ бы назадъ отодвинуться, къ дѣтству. Много то время лучше было.

— Конечно, то время гораздо лучше, только легко ли тебѣ будетъ возвратиться къ нему?

— Я не говорю, что легко. Да шатанья-то мои мнѣ опротивѣли до тошноты, а главное—старости страшно!.. Видишь ты этого солдатика? Вотъ все икаетъ-то который? Это, милый ты мой, важная птица, завидный для дѣвицы нашего сорта женихъ. Единоутробный мой и хлопочетъ теперь объ этомъ изъ всѣхъ силъ. И не почувствуетъ, сердечный, какъ я стану унтеръ-офицершей и честною женой. Вѣнецъ, братъ, вѣдь все, не въ одномъ нашемъ омутѣ, покрываетъ. Можетъ, лѣтъ эдакъ черезъ тридцать, прапорщицей буду, въ большой свѣтъ попаду....

— Да, это хорошо! сказалъ я въ разсѣянности.

— Да ты, я вижу, забавникъ! отвѣтила она съ громкимъ хохотомъ.—Поддакиваешь. Исполненіе желаній и безъ твоихъ словъ полное... Давай исправляться, Сизой!

— Давай, согласился я.

И мы выпили.

— Скверная у меня привычка есть, Jean: выпью одну рюмку, хочется другую. Выпьемъ по другой!

Мы выпили по другой.

— И другая у меня привычка есть еще глупѣе: когда выпью другую, ужь не могу никакъ,—надо третью.

— Это ты шутишь?

— Ни-ни, говорила она, наливая третью рюмку: — привычка; оттого я могу ишплявитьшя, какъ ты, а исправиться совершенно нѣтъ силы, потому что за третьей рюмкой у меня непремѣнно слѣдуетъ кутежъ, на-квитъ: черезъ рѣки прыгаю, моря перехожу... Я, Сизой, больше всего люблю такія пріятныя занятія и уважаю на свѣтѣ одного тебя да выпивку, а выпивку больше тебя,—имѣй это въ соображеніи.

Между тѣмъ оргія, разгараясь, становилась часъ отъ часу безобразнѣе. Фельдфебель доказывалъ солдатику-музыканту, что онъ молокососъ, и что ежели онъ не будетъ оказывать старшему почтенія, старшій ему можетъ въ морду накласть, какъ и законъ будто бы повелѣваетъ.

— Ну, это увидимъ! отвѣчалъ солдатикъ задумчиво, и уже не такъ смѣло, какъ прежде, перебирая на гармоникѣ.

— И не увидишь, какъ я тебѣ поднесу! горячился фельдфебель.

— Увидимъ, отстаивалъ солдатикъ.

— Ну, что, Сизой, пьянъ ты? спросила меня Саша, раскидываясь на лавкѣ и закуривая папироску.

— Пьянъ.

— Скажи же мнѣ, ученый ты человѣкъ, когда люди лучше бываютъ: пьяные или трезвые?

— Пьяные.

— Вот! Я съ тобой согласна. Значитъ, мы теперь съ тобой ребята славные?

— Славные! коротко отвѣчалъ я, потому что думы, одна другой печальнѣе, зароились въ головѣ моей и отнимали всякое желаніе говорить.

— Такъ будь же ты совсѣмъ славный, говорила она, очевидно пьянѣя. — Мнѣ что-то ужасно весело. Веселись и ты! Отъ скуки я покажу тебѣ нѣсколько картинъ изъ моей жизненной панорамы, такъ какъ я очень часто хохотала надъ твоею всегдашнею страстью собирать матеріалы для изображенія народныхъ нравовъ... Вотъ эти картины! Смотри и слушай: вышла я замужъ за икотника-ундера. Вотъ продала я и заложила благопріобрѣтенные шелки да бархаты, купила что̀ нужно дѣтямъ, мужу, матери его и пою:

Подвязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь,
Будетъ бить тебя мужъ привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть».

— Хорошо? Намъ не выпить ли, Jean?

— Пожалуй, я налью тебѣ

— Я тебѣ, пожалуй, сама налью. Только ты не будь бабой, пей со мной. Вѣдь я можетъ въ послѣдній разъ кучу съ бариномъ. Ты баринъ, что ли?

— Столько же, сколько ты барышня.

— Я нарочно тебя спросила: думала, что врать начнешь. Тогда объ тебѣ врали какую-то чепуху. Одно-

дворцемъ тебя называли, поповичемъ и чортъ знаетъ чѣмъ. Я всегда тебя за это любила, Сизой! Потому ты не плоше меня утиралъ носы разнымъ ослятамъ. Я очень любила въ свое время колотить и издѣваться, въ шутку будто бы, надъ разными тузами, и чѣмъ тузъ былъ толще и вельможнѣе, тѣмъ мнѣ было слаще. Вспомнишь только—въ восторгъ придешь... Сизой, братъ мой, слѣпленный изъ одной глины со мной! предлагаю тебѣ тостъ за процвѣтаніе доброты въ той грязи, откуда мы съ тобой выползли...

— Молодецъ ты, Саша, ей-Богу! Ура!

— Ура! отвѣтила она громко.

Я рѣшительно опьянѣлъ.

— Веселѣй держись! говорила она. — Ты старайся не пьянѣть; мы съ тобой побольше выпьемъ и больше поболтаемъ. Братъ, дай сюда холодной воды и лимоновъ: мы будемъ пить и освѣжаться.

Намъ подали воды.

— Хорошо въ мѣру выпить, Сизой, а лучше того не въ мѣру, когда ничто не заставляетъ тебя не говорить того вздора, который лѣзетъ въ пьяную голову. Я очень это люблю. Запрусь и пью... Ну, такъ вотъ, Jean, смотри же мои картины; онѣ тебѣ будутъ полезны. Чортъ ихъ возьми совсѣмъ, онѣ, по-вашему сказать, рисуютъ общество.

— Говори, сдѣлай милость, я слушаю.

— «Помню я, начала она,—какъ ты разсказывалъ про жизнь тѣхъ людей, которые родили тебя, воспитали, но ты говорилъ, что тебя такъ и тянуло отъ нихъ. Мнѣ очень нравился тогдашній твой разсказъ: пьяна ли я бы-

ла, ты ли пьяный хорошо говорилъ, или, просто, твое дѣтство напомнило мнѣ мое дѣтство. Помню я себя вотъ съ какого случая. Ребятишки и дѣвчонки катаются на салазкахъ съ горы черезъ всю рѣку. И я тутъ. Дорога наша лежитъ на аршинъ отъ проруби. На этомъ катаньи былъ ли кто моложе меня? Только я сѣла въ салазки, и мигнуть не успѣла, какъ очутилась вмѣстѣ съ ними подо льдомъ, да столкнула туда-жь сосѣдку одну: бѣлье она мыла. Меня сосѣдка вытащила,—мѣсто было не глубокое, а салазки тамъ и остались. Мнѣ никогда не было такъ больно, какъ когда я, мокрая вся, бѣжала съ катанья по улицѣ. Рѣзвая я очень была, бѣжала скоро, а шубенка овчинная съ рубашонкой замерзнуть успѣли. И выдрали же меня, что я чуть не утонула! Сначала высѣкла мать, потомъ жена старшаго брата потихоньку отъ матери рвала меня за волосы, а тутъ отецъ еще высѣкъ. Не диво, что мать высѣкла, но я не могла понять, за что меня высѣкъ отецъ. Мы его только и видали о праздникахъ, когда онъ, бывало, придетъ изъ Москвы и пропьетъ все: пьетъ въ кабакѣ, пьетъ дома и всѣхъ колотитъ. Никогда я не видала, чтобъ онъ съ кѣмъ-нибудь не дрался, или бы не бранился самымъ подлымъ образомъ. Никогда не видала я отъ него ни одной ласки, а говорили всѣ, что онъ былъ умный старикъ и заработывалъ много; одна бѣда—пилъ!...

«Долго я сидѣла на печи, обсушивалась, а сама, помню, все думала: за что этотъ мужикъ меня высѣкъ? Я всегда называла отца: чужой мужикъ. А онъ, знаешь, московская штука, сидитъ себѣ на лавкѣ и кричитъ мнѣ на печь: «Иди, Дунька, сюда, у тятеньки прощенья

проси, ручку цалуй...» А у меня грудь надрывается отъ злости; задыхалась я тогда отъ желанья быть большимъ мужикомъ и прибить его до смерти... Сижу на печи, плачу и шепчу: «за что дерется чужой мужикъ? Что онъ силенъ-то?... Эка! Сладилъ!...» Теперь самъ посуди, какимъ я звѣремъ родилась. Увидала я наконецъ, что можетъ чужой мужикъ бить меня, сколько его душѣ угодно, а я сдѣлать ему ничего не могу, и надумалась. Слѣзла съ печи, подошла къ нему, говорю:

— Прости, тятенька! Дай ручку поцаловать.

— Давно бы такъ, говоритъ.—На, цалуй! и подалъ руку. Взяла я руку у него, смотрю на нее, а не цалую, потому что, помню, передернуло меня всю отъ радости въ это время.

— Что же ты, спрашиваетъ,—не цалуешь?

«Какъ вопьюсь я ему зубами въ большой палецъ, какъ стисну его, такъ онъ застоналъ даже. Чувствую я, полонъ ротъ крови у меня, и жалко ужь мнѣ стало чужого мужика, а выпустить все не могу: замерла... Насилу онъ вырвалъ отъ меня палецъ,—все тѣло было съ него сорвано... Какъ увидала я кровь, плакать было принялась и въ самомъ дѣлѣ хотѣла прощенья просить. Только суждено мнѣ, должно-быть, никогда никому не показывать хорошаго чувства, потому что сызнова принялись они меня всѣ сообща сѣчь, и опять пуще разозлилась я на нихъ, не за то, что они меня мучили, а за то, что они сильнѣе меня, и что нѣтъ у меня у самой силы истиранить ихъ...

«Такъ жила я до десяти лѣтъ. Передъ Рождествомъ пріѣхалъ изъ Москвы отецъ, какъ водится, пьяный.

Пилъ онъ послѣ своего пріѣзда и колотилъ насъ дня три, то того, что мать одна оставалась съ нимъ, а мы всѣ разбѣжались по сосѣдямъ. Только разъ пошелъ онъ въ гости въ ближнюю деревню, а оттуда принесли его ужь мертвымъ: замерзъ на дорогѣ. Остался нашъ домъ безъ головы. Дѣтей родные къ себѣ разобрали, мать въ Москву въ кухарки ушла и меня съ собой взяла. Тутъ и начинается моя настоящая исторія.

«Года два я шаталась съ матерью по чужимъ домамъ, и у кого она живала, всѣ на меня любовались, бездѣтные купцы вмѣсто дочери просили меня, — не дала, Богъ знаетъ отчего. Не было ни одной хозяйки у матери, чтобы съ кухни не взяла меня къ себѣ въ комнаты и платьевъ не нашила. Умерла мать,—осталась я по двѣнадцатому году одна на свѣтѣ. Ужь не знаю, какой добрый человѣкъ пристроилъ меня въ ученье къ модисткѣ. Тутъ я, должно-быть, и пріобрѣла свою силу мужскую, когда ведра тяжелыя таскала, когда въ морозы, кое-какъ прикрытая, по цѣлымъ днямъ бѣлье мыла на рѣкѣ.

«Впрочемъ я эту модистку не проклинаю за ея обращеніе и на мастерицъ не сержусь; бывало, онѣ по ночамъ при насъ, при маленькихъ, впускаютъ любовниковъ въ окна,—такое ужь у нихъ заведеніе было. Терпѣнью я тутъ выучилась, что лошадь; пожалуй, теперь могу два дня не ѣсть и не пить, и одеревенѣло, я тебѣ скажу, тѣло мое вотъ какъ: кажется, выдержу, не крикнувъ, какую хочешь пытку. За то не обидѣлъ же меня послѣ даромъ никто: оскорбилъ меня ежели мущина, такъ я тоже непремѣнно своими руками расправлялась съ нимъ...

«Дотянула я эдакимъ манеромъ до пятнадцати лѣтъ, и молодежи, бывало, не отгонишь отъ нашего магазина. Тутъ найдись у меня родня — вдова старшаго брата. Стала она меня брать къ себѣ по праздникамъ въ гости. Мастерства никакого, а живетъ, погляжу я, въ достаткѣ. Квартира хоть куда, комнатъ много... Сижу я у ней разъ, вижу: подкатила къ крыльцу коляска,—офицеръ въ ней изъ улановъ. Это князь одинъ былъ, дуракъ и мерзавецъ такой, что я другого и не видывала... За тысячу цѣлковыхъ она ему меня и спустила. Квартиру мнѣ нанялъ князь, одѣлъ какъ куклу, вещей надарилъ, и пріятели его тоже. Съ годъ я такъ жила, и хоть бы разъ пришло въ голову, что вѣдь надо же этому, рано ли поздно ли, кончиться. Платья, золота, серебра накопилось у меня въ то время, такъ я думаю, тысячъ на пять. Только пріѣзжаетъ вдругъ князь ночью ко мнѣ, съ какимъ-то съ другимъ. Поговорили они что-то, пересмотрѣли вещи, мебель и уѣхали. На утро опять пріѣзжаетъ и говоритъ: «У меня, душа моя, обстоятельства очень плохи. Ты мнѣ позволь на время заложить твои вещи вотъ этому самому. Я, говоритъ, скоро выкуплю». Вывезли все изъ моей квартиры. Осталась я въ одномъ салопѣ и жду, когда это онъ вернется. А онъ день за днемъ рѣже да рѣже ко мнѣ сталъ ѣздить и денегъ почти-что давать пересталъ: сидѣла я тутъ и безъ чаю и безъ обѣда частенько-таки. Хозяинъ приходитъ, деньги за квартиру сталъ требовать. Я пошла къ князю въ домъ.

— Ты что же, молъ, денегъ за квартиру не платишь? Отчего у меня не бываешь?

— Я, говоритъ, нынче на службѣ состою и бывать у тебя не могу больше; прощай, говоритъ. На вотъ тебѣ денегъ. Только ты изъ нихъ не плати хозяину; пусть онъ мебелью остальной пользуется.

А мебели оставалось на три гроша всего...

— Изрѣдка, говоритъ, пиши ко мнѣ: я къ тебѣ пріѣзжать буду.

— А что же, говорю, когда ты на мнѣ женишься?

— Съ ума ты сошла видно?

«Такая я тогда дура была: вѣрила вѣдь, что можетъ онъ жениться на мнѣ. Стою я передъ нимъ, красная вся, а въ головѣ у меня точно колесо вертится: «Какой же ты подлый! Какой же ты мерзкій обманщикъ!»

«Смотрѣла, смотрѣла я такъ-то въ лицо ему и все думала, что это онъ шутитъ, потому часто бывало нарочно принимался дразнить меня,—да пачкой этой съ деньгами, что далъ онъ мнѣ, прямо въ рожу ему угодила...

«Ну, вѣришь ты, что это за человѣкъ подлый былъ? Саблища у него эта въ углу стояла, такъ онъ съ ней на меня и ножнами меня по спинѣ. Можетъ, онъ и больше бы прибилъ меня, только вырвала я у него саблю и всю ее объ него обломала... И била же я его, негодяя, до тѣхъ поръ, пока не бросила. Всю руку онъ мнѣ, которой я его руки держала, искусалъ, собака скверная, когда вырывался, а людей не позвалъ. Стыдился показать-то, какъ его дѣвка бьетъ».

— Я тебѣ вотъ что скажу, Сизой: все бы я на свѣтѣ сейчасъ отдала, только бы его въ другой разъ еще такъ же поколотить... Выпьемъ же мы съ тобой за ко-

нецъ моей первой любви. Съ княземъ у насъ тутъ дѣла и кончились.

— Выпьемъ.

« Прибѣжала я въ ту же ночь къ старушкѣ одной знакомой. Квартиры она со столомъ держала. Разсказала я ей все, — она меня къ себѣ приняла. «Живи, говоритъ, пока я тебѣ работу найду». И не могу я даже понять, за какимъ чортомъ, когда жила у этой старухи, каждый я вечеръ шаталась къ квартирѣ князевой и въ окна къ нему смотрѣла? Ругаю себя, бывало, а иду, и все хочу его встрѣтить, взглянуть на него... Потому удивляюсь, что ежели бы онъ пріѣхалъ тогда ко мнѣ и сказалъ бы, что прямо подъ вѣнецъ меня повезетъ, я бы его все-таки избила: такъ онъ мнѣ противенъ былъ! Морозъ по всему тѣлу пробѣгаетъ, какъ только вспомню, бывало, какъ онъ меня обнималъ...

«Живу я у этой старушки. Работу она мнѣ изрѣдка доставляла. Нанималъ у ней же комнату одинъ гимназистикъ, хорошенькій такой, только курсъ кончилъ и на мѣсто куда-то въ дальнюю губернію сбирался. Прозналъ онъ мою исторію, познакомился, читать и писать училъ, помогалъ, чѣмъ могъ. Такой былъ скромный и добрый, никогда ни одного слова, знаешь, эдакаго не сказалъ мнѣ.

— Переходите ко мнѣ въ комнату, говоритъ разъ:— у меня веселѣй. Вы, говоритъ, не подумайте чего-нибудь.... Я такъ.... Мнѣ одному скучно. А самъ краснѣетъ.

«Я и перешла. Мѣсяца два жила я съ нимъ, хорошо жила. Время это я никогда не забуду. Училъ онъ ме-

ня, книги читалъ, стихи. Многому я отъ него научилась и въ головѣ свѣжѣй стало; князя совсѣмъ позабыла. Только вижу я: полюбилъ меня мальчишка, дѣломъ перестался заниматься, тоскуетъ. Какіе же глупые дѣти мы были тогда! Желается сказать о своей любви, и видимъ мы это другъ въ другѣ, а не говоримъ. Долго такъ тянулось. Читаетъ онъ, бывало, мнѣ что-нибудь, долго читаетъ, забудется и примется смотрѣть на меня,—я тоже смотрю на него,—и сидимъ такъ, пока не опомнимся, а опомнимся, стыдно, стыдно намъ станетъ!... Въ жизни у меня только это одно счастіе и было. Больше бы хотѣлось, Сизой, да взять негдѣ. Давай утѣшимся! Идетъ?

— Идетъ! отвѣчалъ я, догадавшись, въ чемъ дѣло, и мы еще выпили.—Какъ же ты покончила съ гимназистомъ?

— Какъ покончила? Просто: новыми слезами покончила, новыми страданіями. Вечеромъ сидимъ мы съ нимъ и такъ-то горячо, съ такою-то лаской читаетъ онъ мнѣ:

«И въ домъ мой смѣло и свободно
«Хозяйкой полною войди...»

«Прочиталъ онъ мнѣ это и сталъ говорить о снисхожденіи и о прощеніи тѣмъ, кто палъ, и что какая великая заслуга поставить блуднаго на путь истинный, а самъ все ближе ко мнѣ. Я тоже не сторонюсь, потому что какъ въ раю была я отъ этихъ стиховъ:

«И въ домъ мой смѣло и свободно
«Хозяйкой полною войди..»

«И думаю я себѣ, что вотъ онъ-то и позоветъ меня въ свой домъ, и млѣю, и уже не отвертываюсь отъ него...

«Ну, и позвалъ онъ меня. Обняла я его, прижалась къ нему и говорю:

— Вѣдь вы знаете, какая я?

— Что-жь такое? говоритъ.—За это я еще больше люблю тебя!

— Выпьемъ еще, Сизой, потому что порѣшили мы тутъ съ гимназистикомъ пожениться. . За то, какъ узналъ объ этомъ рѣшенiи его отецъ, нарочно притащился изъ глуши изъ своей въ Москву и отнялъ его отъ меня; говоритъ старый плутъ: «я вамъ, говоритъ вмѣсто свадьбы-то такiя-то поронцы устрою жаркiя!, Тебя собственными руками, а къ ней въ кварталѣ солдаты руки приложатъ...» Было мнѣ муки тутъ, другъ мой!... Одинъ разъ въ жизни на человѣка, надобно думать, такая скорбь посылается... Я и теперь еще его не забыла: какъ о чемъ задумаюсь, сама не чувствуя, шепчу:

«И въ домъ мой смѣло и свободно
«Хозяйкой полною войди...»

«Познакомилась я послѣ того съ различными добрыми душами — и запила... Встрѣтилась я съ однимъ человѣкомъ. Онъ далъ мнѣ квартиру. Видѣла, что онъ ужасно ко мнѣ привязался. У него-то я и лизнула этого вашего развитiя да образованiя, — будь оно проклято!.

«Очень онъ пристально со мной занимался, читать,

по-французски училъ. Только чѣмъ же все кончилось? Привязалась и я къ нему, и поняла, въ чемъ дѣло. Это былъ герой нашего времени: все бы ему дѣлать добро, да силы нѣтъ. Раскусила я это, и стало жалко мнѣ его, слабаго, и оттого я больше привязалась къ нему. Живу я съ нимъ годъ, другой живу, вдругъ онъ, здорово живешь, пить начинаетъ, какъ сапожникъ какой. Убѣжала я отъ него. Пойми ты: навострилъ онъ меня настолько, что поняла я, отчего онъ сталъ пить. Сталъ скучать со мной, навела я на него хандру, да и обстоятельства его такія были, что я ему карьеру портила. Я и убѣжала отъ него... Хуже, думаю, какъ не трезвый, такъ пьяный къ чорту пошлетъ меня самъ. Чего-жь дожидаться-то? Лучше его избавить отъ пошлости отъ такой. Въ благодарность за нравственное добро, которое онъ сдѣлалъ мнѣ, я избавила его отъ тяжелой необходимости... Кажется, мы съ нимъ квиты. Но странно, знаешь, что ни одного изъ *этихъ* никогда я не встрѣчала. Выпьемъ, Jean, за упокой, коли они всѣ умерли,—за здоровье, коли живы!

— Выпьемъ, Саша! Я главнымъ образомъ люблю тебя за то, что ты умѣешь находить резоны, подвигающіе на выпивку. Безъ того бы совѣстно было такъ много пить.

— Очень рада, что угодила. Теперь мы будемъ съ тобой больше пить: устала я говорить, да и говорить не объ чемъ... Кого я потомъ ни встрѣчала и съ кѣмъ ни сходилась, съ тѣмъ, ты такъ и знай, я ужь непремѣнно подралась. Оттого и хочу исправиться, закончила она, наливая рюмку.

Вдругъ неизвѣстная женщина, молодая еще, съ крикомъ вламывается въ комнату и бросается на икающаго ундера. Вмѣстѣ со стуломъ повергаетъ она его на полъ и безъ церемоніи начинаетъ тоскать за волосы.

Хозяинъ и гости пытаются отбить у ней ундера.

— За что ты его? спрашиваетъ хозяинъ. — Что ты это? Что ты дѣлаешь?

— А ты что дѣлаешь? азартно освѣдомляется женщина. — Затянулъ въ свою берлогу молокососа, да на своей подлой сестрѣ женить его хочешь? Пока жива буду, вотъ вамъ что!..

И къ самому носу будочника подноситъ она кулакъ свой.

Саша равнодушно смотрѣла на эту сцену и улыбалась.

— Чему смѣешься-то, паскудница? заорала на нее незваная гостья.—Ахъ ты, подлянка! Чужихъ любовниковъ отбивать вздумала. Не по носу табакъ: хрящъ переѣстъ.

— Что-жь ты не пьешь, Сизой? сказала мнѣ Саша.— Пей, пожалуйста. Чортъ знаетъ, какъ скучно!

— Ты не ругайся, матушка! посовѣтовалъ бабѣ бравый фельдфебель.—Видишь: здѣсь баринъ сидитъ.

И онъ указалъ на меня.

— Чортъ съ вами, съ подлыми, и съ бариномъ совсѣмъ! еще громче кричала бабенка.—Я сама барыня. Иди, иди домой, пьяница! тащила она ундера.—Я тебѣ задамъ жару. Будешь ты у меня свататься шляться!

— Говор-рри пош-шительнѣй! бурчалъ ундеръ. — Я твой вач-ччальникъ.

— Ухъ ты, рожа дурацкая! безчестила его попечительница.—Вишь начальникъ какой нашелся!

И она заѣхала его по физіономіи.

— Вишь какая проворная! толковала публика про неизвѣстную бабу послѣ ея ухода.

— Напрасно я тюти ей вотъ этой не поднесъ, печалился фельдфебель, показывая кулакъ. — Ей бы ничего: на здоровье пошло бы...

— Истинно, что напрасно, согласился хозяинъ.

— Ну, что, Саша? спрашивалъ я. — Улетѣло твое счастье, что ты сейчасъ мнѣ рисовала. Нужно тебѣ другого ундера искать, а то ты, пожалуй, такъ никогда и не исправишься.

— Чортъ съ нимъ, съ этимъ счастьемъ! съ досадой и отрывисто отвѣтила она.—Неужели ты не понялъ, что братнины хлопоты о моей, какъ онъ называетъ, пристройкѣ забавляютъ меня? Мое счастье во мнѣ, Jean! Мнѣ бы только крошечку поумнѣть, да злиться перестать понапрасну, да на мѣсяцъ лаять перестать: вотъ я тогда и счастлива буду... Пока придетъ это время, мы съ тобой выпьемъ: веселѣй ждать...

— И я съ вами! ловко подскочилъ къ намъ на каблукахъ фельдфебель.

— Милости просимъ! отвѣтила ему Саша.

— Милости прошу ко мнѣ въ гости, заискивающимъ тономъ приглашалъ насъ фельдфебель.—А ежели, можетъ, насчетъ жены сомнѣваетесь — вздоръ!... Когда она грубость какую скажетъ, я ей, Христосъ свидѣтель, ротъ передерну... Шумѣть я съ ней не буду тогда, добавилъ онъ съ громкимъ смѣхомъ.—У меня еже-

ли ты супруга, такъ ты меня спокой, потому на меня не налетай... Мы и безъ супругъ на своемъ вѣку довольно много всякой коки съ сокомъ накушались! Ха-ха-ха!... А то супр-руг-га!..

Очень поздно я вышелъ отъ именинника.

Дѣвственная улица была совершенно пуста и молчаніе самое невозмутимое угрюмо въ ней царствовало. Вся заваленная страшными снѣжными сугробами, она представляла до того бездушную картину, что яркій свѣтъ молодого мѣсяца нисколько не оживлялъ ее. Не было ни извощиковъ, какъ въ другихъ улицахъ, ни просто людей. Ворота вездѣ заперты тяжелыми замками, оконныя ставни закрыты наглухо и опоясаны толстыми желѣзными болтами.

Я очень хорошо зналъ, что тишина эта только кажущаяся, что не въ одномъ только домѣ, откуда я вышелъ сейчасъ, кипитъ въ настоящую минуту жизнь, разыгрываются веселыя или печальныя сцены. Оттого мнѣ и казалось весьма страннымъ, что ни разу не удалось мнѣ подмѣтить ни одного проявленія этой жизни ни на улицѣ, ни въ нескромныхъ окошкахъ. Думаю я: вѣдь непремѣнно же въ одномъ изъ этихъ домовъ, сейчасъ же можетъ-быть, попечительница икающаго ундера бьетъ и ругаетъ его: отчего же я не слышу этого крика? Отчего не слышу ни одного звука на улицѣ, ни одной живой души въ ней не вижу? Мнѣ даже стало досадно отъ того, что я не могъ разрѣшить себѣ этихъ вопросовъ.

«Кто не имѣетъ тѣни, тотъ не долженъ выходить на солнце», случайно попалось мнѣ на языкъ.

Иду я и безсознательно пережевываю эту фразу. Передо мной заходили фантастическія приключенія Петра Шлемиля, о которомъ сказалъ ее Шамиссо, какъ вдругъ примѣтилъ я, что отъ низенькихъ домовъ дѣвственной улицы падаютъ на снѣжную дорогу громадныя тѣни. Я остановился и осмотрѣлся. Моя тѣнь показалась мнѣ въ пять разъ больше обыкновенной тѣни, отъ меня отражающейся. «Вотъ странность! подумалъ я про себя.— Отчего это у меня такая длинная тѣнь?» Показалось мнѣ въ это время, что уличный фонарь, прикрѣпленный къ столбу, какъ-то иронически посматриваетъ на меня. Подошелъ я къ нему близко, осмотрѣлъ я его со всѣхъ сторонъ, и дѣйствительно, невинный висѣльникъ смотрѣлъ на меня необыкновенно насмѣшливо. Подперся онъ въ бокъ желѣзнымъ локоткомъ и, каждую секунду подмаргивая мнѣ своимъ огненнымъ глазомъ, такъ и покатывается со смѣха.

— Чему ты смѣешься? строго спросилъ я его.—Можешь ли ты смѣяться въ такое позднее время?

— Могу, могу, отвѣчаетъ онъ.

— Нѣтъ не можешь! Ты свѣтить долженъ, а не смѣяться.

— Я смѣюсь и свѣчу. Ты посмотри, какая у тебя длинная тѣнь.

— Вижу. Ну, что же?

— А моя, посмотри, длинна вѣдь?

Я взглянулъ и на его тѣнь. Боже! она невиданнымъ змѣемъ какимъ-то растянулась вкось улицы, пробѣжала

черезъ сосѣднюю широкую площадь и скрылась изъ глазъ моихъ во мракѣ ужь другой части города.

Изумленіе мое возрасло въ высшей степени, тѣмъ болѣе, что тѣнь фонаря не лежала какъ бы слѣдовало, позади столба, а съ непостижимымъ нахальствомъ выпячивалась впередъ. Фонарь больше и больше издѣвался надо мной.

— Отчего это? допытывался я у фонаря.

— Такъ! отвѣчалъ онъ, продолжая хохотать.

— Не можетъ быть, чтобы такъ. Ты навѣрно знаешь, только не хочешь сказать. Ежели бы ты не зналъ, усовѣщевалъ я его,—ты бы не смѣялся.

— Клянусь, не знаю. Меня сюда недавно поставили. Въ Газетномъ переулкѣ, гдѣ я прежде стоялъ, тѣни у всѣхъ были обыкновенныя, а здѣсь видишь какія? Кто только проходитъ по этимъ мѣстамъ, особенно ночью, всѣ меня спрашиваютъ, отчего это? Я этому и смѣюсь.

— Будто ужь всѣ? спросилъ я.

Обиженный отошелъ я отъ него, справедливо воображая, что онъ знаетъ гораздо больше того, нежели сказалъ мнѣ.

— Не можетъ быть, думаю я про себя,—чтобъ обитатели дѣвственной улицы всѣ имѣли такія длинныя и болѣе обыкновеннаго черныя тѣни, какъ у меня и фонаря.

— У всѣхъ до одного такія! крикнулъ мнѣ издали фонарь тонкою фистулой.

— Врешь! ору я ему басомъ.

— У всѣхъ, у всѣхъ! снова донеслась ко мнѣ фистула.

— Врр-решь! изо всѣхъ легкихъ трублю я въ отвѣтъ, и самъ остаюсь необыкновенно доволенъ, что басъ мой звонко раскатился по сонной улицѣ.

Согласнымъ хоромъ отвѣтили мнѣ обывательскія собаки, пробужденныя моимъ крикомъ.

— Сейчасъ издохнуть, ежели вру! до-нельзя убѣдительно прозвенѣлъ фонарь тонкимъ голоскомъ.

— А ежели ты не врешь, такъ я знаю теперь, отчего всѣ вы сидите за дверьми дубовыми, за замками желѣзными,—именно оттого, что у всѣхъ васъ здѣсь тѣни очень длинны, бормочу я.—А кто имѣетъ длинную тѣнь, тому нужно дома сидѣть, пародирую я Шамиссо.

— Обстоятельнѣй докладывай! прохрипѣлъ чей-то знакомый голосъ.

Я останавливаюсь, нагибаю голову и стараюсь догадаться, кому принадлежитъ этотъ голосъ.

— Говор-ри деликатнѣй: я—твой начальникъ!

Тутъ я догадался, что это икающій ундеръ. Сильный морозный вѣтеръ подулъ мнѣ въ лицо и къ первой догадкѣ моей присоединилась другая, что я необыкновенно пьянъ. Только-что пришелъ я къ этому выводу, какъ, къ крайнему моему удивленію, тѣнь моя значительно уменьшилась...

Снова донесся до меня тонкій, насмѣшливый хохотъ фонаря; но голова моя была ужъ настолько свѣжа, что я теперь не обидѣлся на этотъ хохотъ.

— Вздоръ! разсуждалъ я.—Это только такъ чудится мнѣ.

Я перешелъ широкую площадь и повернулъ въ дру-

гую, людную улицу. Повстрѣчался со мной какой-то баринъ въ истерзанномъ пальто. Онъ спотыкался на каждомъ шагу, очевидно направляясь въ дѣвственную улицу.

— Ежели они опять спрашивать станутъ, бурлилъ онъ, —отчего я пью, не буду разговаривать съ ними: прямо въ зубы заѣду...

Длинная тѣнь бѣжала за истерзаннымъ пальто...

«Вотъ это дѣйствительность!» подумалъ я.

Надъ самымъ моимъ ухомъ сторожъ затрещалъ въ трещотку; по серединѣ улицы быстро мчалась карета, сверкая фонарями; гдѣ-то гудѣли часы.

«И это дѣйствительность», продолжалъ я пробовать свѣжесть моей головы.

— Ваше сіятельство! Что же на рысачкѣ-то обѣщались прокатиться! говорилъ совершенно незнакомый извощикъ.—Полтинничекъ бы прокатали, ваше сіятельство. Ахъ! хорошо бы мнѣ ночнымъ-то дѣломъ на полтинничекъ съѣздить! Пра-а-ва!

Я совсѣмъ отрезвѣлъ, потому что мнѣ предстояла длинная дорога до квартиры пѣшкомъ, ибо полтинника, который бы могъ, по мнимому обѣщанію, прокатать на рысачкѣ, ни въ карманѣ, ни дома у меня не оказывалось.

— И это дѣйствительность! сказалъ я вслухъ и бодро принялся гранить замерзшую мостовую.

Извощикъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, загнулъ мнѣ въ слѣдъ неласковое слово. Мнѣ почему-то стало веселѣе отъ этого слова.

МОСКОВСКАЯ ТАЙНА.

I.

На Спасскихъ воротахъ бьетъ двѣнадцать часовъ московскаго, слѣдовательно, ранняго лѣтняго утра. Бой часовъ, впрочемъ, поглощается громомъ экипажей, криками кучеровъ и вообще шумнымъ смятеніемъ той столичной дѣятельности, отъ которой невыносимо страдаетъ голова, сама не привыкшая ежедневно толочься въ этой безустанной толчеѣ такого множества разносортныхъ, разнокалиберныхъ физіономій съ крайне интересными оттѣнками многоразличной суеты, манящей ихъ, какъ сказано Островскимъ, куда-то и зачѣмъ-то, подъ предлогомъ обдѣлыванія самыхъ безотлагательныхъ дѣлъ.

Острая, ѣдкая пыль облаками летаетъ въ раскаленномъ воздухѣ, бѣлыми тучами спускается на тощія деревья московскихъ бульваровъ, воровски прокрадывается въ окна домовъ, плотно, повидимому, закрытыя непроницаемыми сторами, и, толстыми слоями улегшись на каменныхъ тротуарахъ, служитъ для пѣшеходовъ ка-

кимъ-то громаднымъ полотномъ, по которому, самымъ понятнымъ для наблюдательнаго глаза образомъ, выводится безчисленное множество узорчатыхъ гіероглифовъ о людской суетѣ, и звенящими саблями военныхъ, и глухо-стукающими по тротуарнымъ столбамъ палками мирныхъ гражданъ, и хотя до невѣроятія широчайшіе кринолины дамъ болѣе или менѣе сметаютъ гіероглифы, но все-таки ихъ еще остается настолько, чтобы можно было безъ особеннаго затрудненія прочитать главную тему, изображаемую ими, что дескать: vanitas vanitatum et omnia vanitas!..

Въ это время всеобщихъ попыховъ, въ это время неизбѣжной надобности, представляющейся каждому пѣшеходу, раскрыть ротъ и бѣжать, сломя голову, расталкивая направо и налѣво ближнихъ, взманенныхъ своей собственною суетой, бѣжать и смачивать влагою, въ маломъ количествѣ сохранившеюся еще па языкѣ, изсушенныя палящимъ солнцемъ губы, —въ это, говорю, время серьёзно и неторопливо, какъ и всякому бравому служивому надлежитъ, шелъ себѣ по одной изъ самыхъ шумныхъ московскихъ улицъ, заложивъ руки за спину, отставной надворный совѣтникъ и ордена св. Станислава третьей степени кавалеръ, Петръ Ѳеофилактовичъ Зуйченко, вчера только пріѣхавшій изъ тѣхъ благословенныхъ странъ, которыя нѣкій мой пріятель называетъ однимъ именемъ: *изъ-пидъ Пилтавы.*

Я не буду рисовать вамъ характера моего героя, потому что настоящій очеркъ пишется собственно съ цѣлью подражанія *Парижскимъ Тайнамъ*, гдѣ, какъ всякому, кромѣ впрочемъ нашихъ уѣздныхъ барышенъ, извѣстно,

разсказывается только, какъ принцъ Рудольфъ Герольштейнъ разыскивалъ по Парижу красивыхъ, но опаленныхъ безжалостнымъ солнцемъ камелій и возвращалъ ихъ къ прежней цвѣтущей жизни, посредствомъ безалабернаго осыпанія нѣмецкимъ золотомъ. Извѣстно всякому, какъ осыпаніе золотомъ подѣйствовало, напримѣръ, на мосье Шуринера и его злоехидную Сову, какъ извѣстно и то, что, кромѣ этихъ росказней о подвигахъ принца, особенной вѣрной рисовки характеровъ въ *Парижскихъ Тайнахъ* не имѣется, хотя уѣздныя барышни въ этомъ случаѣ и разногласятъ со мной. Онѣ, сказать въ скобкахъ, и прочитавъ сію многознаменитую сказку, непремѣнно начинаютъ думать, что вотъ-вотъ въ какой-нибудь Глуповъ затѣшется знаменитый иностранецъ съ своими неистощимыми богатствами для того собственно, чтобы бѣдныя, но благородныя приказницы безотлагательно могли выполнить влеченія своихъ нѣжныхъ сердецъ, стремящихся къ законному вступленію въ бракъ съ гарнизонными офицерами, которые въ свою очередь—чор-рртъ меня с-совсѣмъ побер-ри!—постоянно шатаясь и тяжело вздыхая подъ окнами оныхъ приказницъ, отъ законнаго брака однако весьма пугливо ретируются, ибо де имъ—канал-льство!—кар-рьеръ нужно сдѣлать: съ купчихи какой-нибудь, для обезпеченія, военному человѣку необходимаго, тысячъ десять или даже двадцать не мѣшало бы сколотить!

Но какого чорта будетъ дѣлать въ Глуповѣ принцъ фонъ-Герольштейнъ! Еслибы даже онъ и сдѣлалъ Глупову честь своимъ посѣщеніемъ,—даю честное слово, онъ скоро бы уѣхалъ оттуда въ какое-нибудь другое

мѣсто, потому что глуповцы, какъ мнѣ извѣстно, ничѣмъ теперь не занимаются, какъ только взаимнымъ оплевываніемъ по рецепту господина Щедрина. Слѣдовательно мое мнѣніе относительно того, что въ *Парижскихъ Тайнахъ* есть разсказъ про подвиги какихъ-то куколъ, въ которыя съ такимъ удовольствіемъ играютъ наши уѣздныя Маріи, и нѣтъ разсказа про людей дѣйствительныхъ,—вѣрно. Теперь не натурально ли съ моей стороны будетъ, ежели я, для вящшаго и успѣшнѣйшаго подражанія Еженю Сю, не стану рисовать надворнаго совѣтника Зуйченко какъ дѣйствительнаго человѣка *изъ-пидъ Пилтавы*, а просто разскажу объ его необыкновенныхъ московскихъ подвигахъ, до того необыкновенныхъ, что въ нихъ, какъ и въ подвиги Рудольштейна, пожалуй, никто не увѣруетъ, кромѣ уѣздныхъ барышень.

Итакъ, изъ того благодатнаго края, гдѣ въ ожиряющемъ изобиліи растутъ пузатые кавуны и цвѣтутъ дули, груши и сливы, т. е. изъ Хохландіи, Петръ Ѳеофилактовичъ въ первый разъ пріѣхалъ въ первопрестольную столицу. Всѣ тѣ уличные предметы, мимо которыхъ мы съ вами, читатель, какъ истинно-цивилизованные столичные джентльмены, прошли бы, такъ сказать, не пошевеливъ даже особенно сдвинутыми бровями, въ высшей степени привлекаютъ любознательное вниманіе господина надворнаго совѣтника Зуйченко.

Съ завидною способностью степнаго орла, который прямо и долго смотрится въ ясное солнце, Петръ Ѳеофилактовичъ впивается своими любопытными глазами въ громадный куполъ храма Спасителя, который льетъ

отъ себя цѣлое море ослѣпляющихъ золотыхъ лучей. Смотрится въ это свѣтлое море Петръ Ѳеофилактовичъ до того задумчиво и сосредоточенно, что тѣ пронзительные крики, которыми молодые шалуны-разнощики, для ради шутки, думали развлечь зазѣвавшагося барина, тѣ въ состояніи потрясть гору въ ея основаніяхъ озлобленные тычки, которыми дѣловые, съ быстротою молніи стремящіеся куда-то, люди обыкновенно сталкиваютъ съ своей дороги праздныхъ зѣвакъ, едва-едва могли вывесть его изъ задумчиваго до столбняка созерцанія московской святыни.

Идетъ Петръ Ѳеофилактовичъ, а широкія картины широкой столицы переливающимися волнами хлещутъ ему въ глаза, привыкшіе видѣть однообразный зеленый фонъ степной растительности; непрерывное гудѣнье бѣгущей, кричащей, скачущей жизни бьетъ ему въ уши. На лицѣ его ясно написано ошеломляющее впечатлѣніе, которымъ непремѣнно поражаетъ всякаго пріѣзжаго степняка громадное столичное цѣлое. Очевидно было, что это цѣлое охватило все его существованіе до такой степени, что отдѣльныя частности его, какъ бы маленькія придорожныя птички, неуловимо-быстро мелькали предъ его глазами такимъ же сбивающимъ съ толку полетомъ, какимъ въ полѣ роятся оживленныя черныя точки предразсвѣтнаго мрака; роились онѣ предъ Петромъ Ѳеофилактовичемъ и не давали ему возможности сообразить, какіе именно звуки изъ этого громко хаотическаго жужжанья всего болѣе терзаютъ его уши, какія именно лица изъ всей толпы, неутомимо снующей передъ нимъ и за нимъ, особенно поражаютъ его.

— Какъ пройти къ Иверской Божіей Матери? освѣдомляется наконецъ Петръ Ѳеофилактовичъ у сѣраго воина, важно стоящаго на углу улицы.

— Направо отсюда, потомъ налѣво по Тверской, съ Тверской направо и прямо, отвѣчаетъ сѣрый воинъ.

— А я-то на что, ваше превосходительство? суетливо спрашиваетъ Петра Ѳеофилактовича близь-стоящій извощикъ.—Разбодрилъ бы я для вашего сіятельства своего жеребца: живо бы къ мѣсту доставилъ! обѣщаетъ онъ, проворно загораживая Петру Ѳеофилактовичу дорогу своимъ калиберомъ.

Но его сіятельство обходитъ калиберъ и направляется направо, по рецепту сѣраго воина.

— Экой чортъ толстый! Двугривеннаго пожалѣлъ, скупердяй эдакой! Небось вспаришься, когда дороги-то самъ не знаешь.

Петръ Ѳеофилактовичъ, неизмѣнно привыкшій видѣть въ Хохландіи удовлетворяющее самыя пылкія ожиданія почтеніе къ своей солидной фигурѣ съ эмалевою кокардой на лбу, строго наморщивается и храбро идетъ на извощика съ цѣлью проучить грубіяна; но грубіянъ хлещетъ вожжами по костистымъ бокамъ своей клячи и, мгновенно скрываясь въ ближній переулокъ, оретъ во все горло:

— Пробѣжись-ка за мной, медвѣдь! Промни бока-то!

Извощики, стоящіе на углѣ, поощряютъ рацею своего благопріятеля до безобразія веселымъ хохотомъ.

— Скоты! шепчетъ покраснѣвшій какъ ракъ Петръ Ѳеофилактовичъ и скорымъ маршемъ идетъ отыскивать часовню Иверской Божіей Матери.

Неотступно преслѣдуя Петра Ѳеофилактовича, я имѣлъ случай видѣть, какъ благоговѣйно простирался онъ ницъ на каменномъ помостѣ часовни, какъ становилъ мѣстнымъ иконамъ толстыя свѣчи, какъ обдѣлялъ заранѣе приготовленными копѣйками цѣлую армію нищихъ, стремительно окружившую его при выходѣ изъ часовни. Однимъ словомъ, по порядку и безъ поразительныхъ скачковъ, Петръ Ѳеофилактовичъ проходилъ всѣ тѣ фазы столичной жизни, которыя неминуемо долженъ пройдти всякій провинціалъ, посѣщающій столицу въ первый разъ. Я видѣлъ, какъ онъ искренно прослезился и далъ серебряный гривенникъ «обыкновенному» человѣку Иверскихъ воротъ, когда обыкновенный человѣкъ подкатилъ къ нему своей франтовитой военною побѣжкой и, изгибаясь змѣемъ, понесъ ему свою обыкновенную, тысячу разъ каждый день повторяемую, исповѣдь:

— Бѣдный офицеръ! жертва злобной судьбы! Голодное семейство, больная жена, умирающія дѣти! М-с-вый г-с-дарь! страждущее человѣчество взываетъ о помощи! Богъ за все заплатитъ сторицей. Мерси боку!

Видѣлъ я, какъ долго не сходила слеза съ лица Петра Ѳеофилактовича, когда онъ пристально смотрѣлъ вслѣдъ обыкновенному человѣку, который полнымъ галопомъ потащилъ добытый гривенникъ въ полпивную, гдѣ сосредоточивались всѣ жизненныя надежды его, т. е. больная жена и умирающія дѣти.

Наконецъ Петръ Ѳеофилактовичъ вытаскиваетъ серебряную луковицу—наслѣдіе предковъ, смотритъ на нее и отправляется въ ближайшій трактиръ, не столько съ цѣлью заморенія червячка, сколько для приблизительнаго

сравненія чужеземныхъ ресторановъ съ *Горот*'ами *Парижс*'ами и *Аршавами*, благополучно процвѣтающими на его благословенной родинѣ. И вотъ три рюмки выпиты Петромъ Ѳеофилактовичемъ съ обычнымъ прикрехтомъ, вылетѣвшимъ, такъ сказать, изъ всего живота, бифстекъ съѣденъ до-тла, тарелка аккуратно вычищена оставшимся хлѣбомъ, и я имѣю удовольствіе видѣть, какъ до сихъ поръ озабоченное лицо моего героя расцвѣчивается пріятной улыбкой, ибо *Вѣдомости Московской Городской Полиціи* почтительно докладываютъ ему слѣдующее: «Пріѣхавшій изъ Риги дѣйствительный статскій совѣтникъ Штруль, изъ Хохландіи надворный совѣтникъ Зуйченко» et caetera, не такъ уже занимательные.

Красивый молодой человѣкъ въ самомъ злобномъ пиджакѣ, завитой и раздушенный, въ лазурныхъ, какъ небо, перчаткахъ, султаномъ развалившись на сосѣдней кушеткѣ, одною рукой граціозно шалитъ своей изящной часовою цѣпочкой, конечно, золотой. Не нарушая нисколько пріятнаго впечатлѣнія, которое непремѣнно должны производить на всякаго его пріятныя эволюціи, онъ въ то же время наблюдательно посматриваетъ на Петра Ѳеофилактовича и даже, какъ будто, соображаетъ, что именно знаменуетъ его пріятная улыбка. Наконецъ онъ беретъ съ своего стола нумеръ какой-то газеты и элегантнымъ шагомъ человѣка,налощившаго въ своей жизни не одинъ паркетъ, подходитъ къ углубившемуся въ чтеніе о пріѣзжающихъ Петру Ѳеофилактовичу.

— Прошу извинить! говоритъ ему молодой нобль самымъ симпатическимъ голосомъ, дѣлая въ высшей степени фешіонэбельный поклонъ.—Сколько я вижу, вы из-

волили до конца прочитать вашу газету,—не угодно ли вамъ помѣняться на мою?

Петръ Ѳеофилактовичъ вскакиваетъ со стула и своимъ поклономъ и шарканьемъ старается изобразить нѣчто подобное поклону и шарканью деликатнаго незнакомца.

— Покорно благодарю! лепечетъ онъ ни къ селу, ни къ городу.—Сочту за честь! Извольте.

И при этомъ, когда онъ подавалъ франту *Вѣдомости*, я видѣлъ, какъ лицо его дѣвственно краснѣло, а руки пугливо дрожали.

— Очень вамъ благодаренъ! отвѣчаетъ прекрасный незнакомецъ.—Прошу о продолженіи вашего интереснаго знакомства. Баронъ Гюббель къ вашимъ услугамъ! рекомендуется онъ, присаживаясь къ столу Петра Ѳеофилактовича.

— Государя моего надворный совѣтникъ и ордена св. Станислава третьей степени кавалеръ, Петръ Ѳеофилактовичъ, сынъ Зуйченко! важно и торжественно называетъ въ свою очередь себя Петръ Ѳеофилактовичъ.

— Ахъ, Боже мой! радостно восклицаетъ баронъ,—такъ вы отецъ ротмистра Зуйченко, моего лучшаго друга?... Я съ нимъ въ одномъ полку служилъ. Позвольте обнять васъ.

— Не имѣю, государь мой, дѣтей мужскаго пола ни единаго даже. Было двѣ дочери у меня: Митродора и Степанида, но и тѣхъ, по благой Промысла волѣ, въ цвѣтущихъ лѣтахъ схоронилъ.

— Ахъ, Боже мой! снова молится лучшій другъ ротмистра Зуйченко,—скажите, какое несчастье!

— Истинно несчастье, государь мой, ибо на старости лѣтъ не имѣю существа, руку помощи мнѣ подать могущаго.

— Ахъ, какое несчастье! Какое несчастье! самымъ скорбящимъ тономъ растягиваетъ чувствительный баронъ фонъ-Гюббель.

— Богъ даде, Богъ и отъя! сказано въ книгѣ Іова многострадательнаго. Его святая воля надъ нами! Никогда мы ея не прейдемъ, слабыми и ограниченными существами въ своемъ естествѣ будучи.

Баронъ жалостно оперся локтемъ одной руки о столъ, а другою драматически взъерошивалъ свои завитые волосы.

— Истинную правду вы изрекли, Петръ Ѳеофилактовичъ, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Слабы и смертны мы всѣ.

Настала продолжительная пауза. Баронъ закрылъ лицо своими лазурными перчатками и, судя по его послѣдней фразѣ, раздумывалъ должно-быть о слабости и смертности человѣческой, а Петръ Ѳеофилактовичъ, болѣзненно моргая своими слезящимися глазами, и на него и на все окружавшее смотрѣлъ такъ внимательно, какъ будто отыскивалъ въ трактирной толпѣ человѣка, который бы послѣ ранней смерти дочерей его Митродоры и Степаниды могъ достойнымъ образомъ подать ему на старости лѣтъ руку помощи.

— Да! какъ бы съ просонья вдругъ воскликнулъ баронъ, азартно пожимая руку своего новаго друга,—вы истинный философъ! Я уважаю и должнымъ образомъ цѣню ваши благородныя правила. Богъ даде, Богъ и

отя!—вотъ наше единственное утѣшенье и подпора во всѣхъ ударахъ судьбы. Прошу васъ, достойный Петръ Ѳеофилактовичъ, сдѣлать мнѣ честь откушать со мной.

Петръ Ѳеофилактовичъ выросталъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Первый шагъ, который онъ сдѣлалъ въ столицѣ, привелъ его къ знакомству съ человѣкомъ, фамилія котораго магически подѣйствовала на него, обывателя *изъ-пидъ Пилтавы.* Въ его головѣ зароились разныя счастливыя предположенія, которыя основывались на аристократическомъ знакомствѣ съ высокороднымъ барономъ. «Кто знаетъ, думаетъ про себя Петръ Ѳеофилактовичъ,—можетъ-быть баронъ, по великому знакомству своему съ разными высокими сановниками, мѣстечко мнѣ схлопочетъ какое-нибудь?»

— Государь мой! отвѣчалъ онъ барону, парадно поднимаясь съ своихъ креселъ,—въ особенную честь и таковое же удовольствіе раздѣлить съ вами трапезу вмѣняю себѣ.

Высокородный фонъ-Гюббель въ отвѣтъ на эту рацею отлилъ и свою пулю не менѣе круглаго и удовлетворительнаго свойства.

— Моей неопытной юности пріятно воспользоваться мудрыми правилами такого благоразумнаго и искусившагося въ жизни мужа, какъ вы, говорилъ баронъ, совершенно по-дѣтски выпучивъ свои глаза на мудреца *изъ-пидъ Пилтавы.*

Такимъ образомъ, послѣ всѣхъ этихъ фразъ, доказывающихъ отличное знакомство обоихъ собесѣдниковъ съ любезною книжицей «*О прикладахъ, како пишутся ку-*

плименты разные», баронъ заказалъ обѣдъ съ такими неестественными блюдами, къ которымъ Петръ Ѳеофилактовичъ не зналъ какъ и приступить. При каждомъ появленіи новыхъ тарелокъ онъ мучительно ломалъ голову, придумывая, что бы такое спросить у своего юнаго друга съ формально-дипломатическою цѣлью отдалить жгучую минуту прикосновенія къ блюду до тѣхъ поръ, пока благородный собесѣдникъ его собственнымъ примѣромъ не покажетъ ему, при помощи какого столоваго орудія нужно прикасаться къ этому блюду.

Баронъ не скупился на уроки. Онъ ясно видѣлъ плебейскую хитрость Петра Ѳеофилактовича и граціозно дѣйствовалъ въ его назиданіе ложкой, ножомъ и вилкой: Петръ Ѳеофилактовичъ безъ шутокъ засматривался на тѣ по-истинѣ восхитительные пріемы, съ которыми баронъ обращался съ замысловатымъ обѣдомъ, такъ что, по моему крайнему разумѣнію, пріемы эти въ тысячу разъ были восхитительнѣе пріемовъ, отличавшихъ нѣкогда усопшихъ предковъ барона въ то время, когда они, конные и пѣшіе, ручнымъ и дальнимъ боемъ защищали честь и имущество знаменитѣйшей, по ихъ мнѣнію, фамиліи бароновъ фонъ-Гюббель, непобѣдимыхъ рыцарей безукоризненнаго герба кабаньей головы въ грязной лужѣ съ золотою подписью по-латыни: Asinus asinum fricat.

Но всякому времени свое. Извѣстно, что наше поколѣніе противъ прежняго обмелѣло, поэтому и не удивительно, что встарину граціозно пили и граціозно давали въ зубы; не удивительно и то, что нынѣ граціозно пьютъ и не имѣютъ силенки, хоть бы и безъ особен-

ной граціи заѣхать въ физику; слѣдовательно, еслибы дѣло шло о правильномъ опредѣленіи, когда было лучше на свѣтѣ, теперь или встарину, я бы безъ затрудненія отвѣтилъ, что и встарину и теперь. Но вѣдь всякій, кто только прочитаетъ эти строки, безъ сомнѣнія, на столько грамотенъ, что непремѣнно увидитъ, что я такъ-сказать зарапортовался, и что только та необыкновенная гибкость, съ какою я владѣю словомъ, помогла мнѣ отъ старыхъ временъ, отъ гербовъ, перейти къ обѣду, которымъ угощалъ Петра Ѳеофилактовича обязательный баронъ фонъ-Гюббель.

Итакъ, я очень радъ, что раздѣлался съ старинными временами и продолжаю:

Портвейнъ и лафитъ, ошеломившіе своей дикою цѣнностью Петра Ѳеофилактовича, развязали ему языкъ наконецъ, по крайней мѣрѣ настолько, что онъ пересталъ въ разговорѣ съ барономъ цитировать лучшія мѣста изъ книги «*О прикладахъ, како пишутся куплименты разные*», и заговорилъ простою рѣчью.

— Очень, очень радъ я, баронъ (позвольте узнать ваше имя и отчество), что имѣлъ честь познакомиться съ вами. Я пріѣхалъ сюда по весьма для меня важному дѣлу.

— Право? спрашиваетъ баронъ.

— Да, я теперь на васъ какъ на каменную гору надѣюсь. Вы мнѣ, батюшка, Христа ради, помогите! Ужъ, пожалуйста, будьте отцомъ, заставьте за себя вѣчно Бога молить.

— Не просите вы меня, умоляетъ въ свою очередь баронъ:—все, что могу, я радъ для васъ сдѣлать безъ всякихъ просьбъ.

— Будь благодѣтель! фамильярничаетъ съ юношей Петръ Ѳеофилактовичъ.—Эхъ! пуншику бы выпилъ теперь.

— Пуншу! командуетъ баронъ. — Какое же у васъ дѣло въ Москвѣ?

— Да что, батюшка, мѣсто пріѣхалъ искать. Знакомыхъ, можете себѣ представить, во всей Москвѣ ни комара, ни мухи. И подъѣхать, то-есть, чтобы попросить тамъ, кого слѣдуетъ, совсѣмъ не къ кому.

— Ну, еще это бѣда не бѣда, говоритъ баронъ;—съ этимъ-то мы какъ-нибудь сладимъ. Какое же мѣсто вамъ нужно?

— Да хоть бы какое-нибудь дали, все бы въ сласть было! остритъ Петръ Ѳеофилактовичъ, смакуя другой стаканъ пунша.—Не до горячаго намъ, братецъ ты мой, лишь бы только ротокъ попарить.

Баронъ снисходительно слушалъ разные дружелюбные эпитеты, которыми удостоивалъ его разгулявшійся Петръ Ѳеофилактовичъ, думающій въ это время о томъ, какой необыкновенно-милый человѣкъ его новый знакомый.

«Что же такое? думаетъ онъ чуть не въ слухъ.—Это ничего, что онъ аристократъ. Я самъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Опять же я старикъ и надворный совѣтникъ, а у него небось и перваго чина еще нѣтъ. Усенки-то у него еще не выросли».

И ему начинаетъ казаться, что баронъ непремѣнно обидится на него, если онъ не станетъ обходиться съ нимъ по-родительски.

— Напрасно ты, другъ мой любезный, виномъ меня такимъ дорогимъ угощалъ. Я тебя давеча еще хотѣлъ

побранить за это. Ты, милый, береги денежку про черный день!... самымъ поучающимъ тономъ приказывалъ барону Петръ Ѳеофилактовичъ.

— Что дѣлать, Петръ Ѳеофилактовичъ! Привычка. Впрочемъ очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ баронъ съ пріятною покорностью милаго ребенка-ученика.

— Нужно бросать дурныя привычки, дружокъ! Прикажи-ка, братецъ, мнѣ еще стаканчикъ пуншику-то. А ежели ты меня для перваго знакомства угостить хотѣлъ, я тебѣ впередъ сказываю: не люблю я этихъ винъ. Я матушку россійскую люблю. Я за нее за матушку страдаю, а люблю. За нее меня изъ службы новый губернаторъ вонъ вытурилъ. Какъ узналъ, что я запиваю (я, братецъ ты мой, по году, по два не пью, да ужь когда закучу, такъ чертямъ тошно! Ты не смотри, что я старикъ. Это ничего! Мнѣ въ это время удержу нѣтъ)— такъ какъ только онъ узналъ, что я запиваю, и говоритъ: «Подавайте въ отставку: вы пьяница». Я и вышелъ. Сначала я было не хотѣлъ выходить, а онъ и говоритъ мнѣ: «Ну, такъ я самъ васъ выгоню». Они, новые-то, всѣ такіе!... Чортъ съ ними! Я пью, я и дѣло знаю. Опять же я рѣдко пью...

— Это ничего, Петръ Ѳеофилактовичъ! утѣшаетъ баронъ. — У меня дядя есть князь. Онъ хоть и не служитъ теперь, но ему только слово стóитъ сказать, такъ вамъ какое угодно мѣсто дадутъ. Я къ вамъ завтра пріѣду и повезу васъ къ нему.

— Вотъ и отлично! Вотъ и молодецъ! въ необыкновенномъ восторгѣ кричитъ Петръ Ѳеофилактовичъ. — Дай я тебя поцѣлую за то, что ты насъ — стариковъ

уважаешь. Че-ла-э-къ! графинъ водки сюда. Выпьемъ съ тобою, другъ!

— Извините, Петръ Ѳеофилактовичъ, не могу: послѣ обѣда не пью.

— Выпей, выпей пожалуйста! Я тебя поцѣлую за это. Всю, всю, всю пей. Молодецъ! Эй ты, машинистъ! обращается Петръ Ѳеофилактовичъ къ трактирному лакею.— Будетъ тебѣ чертовщину-то играть. Поставь русскую!..

Трактирная зала оглашается разухабистою: *Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ.* Петръ Ѳеофилактовичъ пускается въ азартный плясъ, а баронъ поставляетъ ему деликатно на видъ, что это нехорошо.

— Молчи, молокососъ! Развѣ не видишь, что я запилъ? Ты заѣзжай за мной завтра, а теперь мнѣ удержу нѣтъ...

II.

На другое утро Петръ Ѳеофилактовичъ проснулся съ больною головой. Голова рѣшительно хотѣла у него лопнуть, потому что, не говоря уже про изящнаго барона фонъ-Гюббеля и паровъ выпитаго вчера вина, въ ней роились густыя топлы какихъ-то странныхъ призраковъ, которыхъ Петръ Ѳеофилактовичъ видѣлъ какъ будто гдѣ-то и когда-то, но когда и гдѣ именно, онъ припомнить рѣшительно не былъ въ состоянiи. Отдаленнымъ, но тѣмъ не менѣе потрясающимъ громомъ въ больной головѣ моего героя раздавался музыкальный гулъ трактирной машины, играющей *Вдоль да по рѣчкѣ*; неясно припоми-

нались какія-то новыя знакомства съ какими-то новыми людьми, обниманія и цѣлованія съ ними, увѣренія этихъ людей во всегдашней и неизмѣнной дружбѣ, которую будто бы почувствовали они къ Петру Ѳеофилактовичу при первомъ взглядѣ на него. Припомнилась ему потомъ темная, темная ночь, суровыя груды зданій, мрачно-накрытыя ею, лихая ѣзда по какимъ-то улицамъ, кривымъ и длиннымъ, услужливые извощики, ярко освѣщенные подъѣзды какихъ-то домовъ, громъ оркестровъ, какія-то воздушныя, влекущія феи, какіе-то люди разнаго званія, поющіе подъ эти оркестры, любезничающіе съ этими феями, а наконецъ, во главѣ всей этой длинной шеренги воспоминаній, припоминался Петру Ѳеофилактовичу самъ Петръ Ѳеофилактовичъ, буйный и кутящій до отрицанія всякаго, по его же словамъ, удержу.

— Господи! наконецъ воскликнулъ онъ,—что же это я дѣлаю? Старый я шутъ!... Пріѣхалъ за дѣломъ, да на первый же день и запьянствовалъ. А съ хорошимъ было человѣкомъ познакомился: и мѣсто бы, можетъ-быть, онъ мнѣ схлопоталъ. Теперь баронъ смотрѣть-то не станетъ на меня, на пьянаго дурака.

Но слава и честь барону! Это былъ вѣрный другъ, добрый товарищъ. По пословицѣ, легокъ на поминѣ, онъ, едва только Петръ Ѳеофилактовичъ окончилъ свою противъ себя филиппику, весело влетѣлъ къ нему въ трехъаршинный нумеръ, завѣдываемый нѣкоторой ярославскою солдаткой Марѳой, стремившеюся главнымъ образомъ къ той цѣли, чтобы жильцы ея клѣтокъ величали ее не иначе, какъ мадамой, или по крайней мѣрѣ Марѳой Ивановной.

— Поздненько изволите вставать, Петръ Ѳеофилактовичъ! Васъ уже тамъ невѣсты заждались... шутитъ баронъ.

— О-охъ, батюшка! Простите вы меня, Христа ради! Что я тамъ набѣдокурилъ, хоть убейте меня сейчасъ, стараго дурака, ничего не припомню, умирающимъ голосомъ отзывается Петръ Ѳеофилактовичъ.

— Что это вы, Петръ Ѳеофилактовичъ? Какъ вамъ не стыдно извиняться передо мной! Велика бѣда покутить, когда хочется. Я вотъ молодой человѣкъ, да такъ иногда накуралесишь, что самому стыдно въ зеркало на себя посмотрѣть. Быль молодцу не укоръ, Петръ Ѳеофилактовичъ! А вы вотъ лучше всего поправляйтесь поскорѣе. Вечеромъ нынче мы съ вами къ дядюшкѣ отправимся. Я ужь ему толковалъ объ васъ.

— О-о, Господи! протягиваетъ Петръ Ѳеофилактовичъ.—Чѣмъ мнѣ только благодарить васъ?

— Да вотъ когда-нибудь мы съ вами въ трактиръ отправимся, хохочетъ баронъ,—такъ вы мнѣ еще гопака вашего протанцуете. Вотъ вамъ и благодарность вся. А вы это чудесно дѣлаете:

Черевикамъ, що купыла,
Лыхо трепку задамъ.

И каблуками хлопъ, хлопъ... Чудо, что такое! Истинно по-казацки.

— Не вспоминайте ужь лучше! стыдливо проситъ Петръ Ѳеофилактовичъ, и въ то же время, ободренный дружескимъ тономъ барона, моментально распоряжается вызовомъ изъ темныхъ предѣловъ меблированныхъ

комнатѣ нѣкоторой кривой бабы для того собственно, чтобъ она мгновенно летѣла въ погребъ за полштофомъ желудочной.

Совершая возложенную на нее экспедицію, кривая баба подала барону великолѣпный поводъ сравнить ее съ несчастнымъ сэромъ Джономъ Франклиномъ, и хотя острота эта весьма мало подходитъ къ моему разсказу, тѣмъ не менѣе я никакъ не могу умолчать про нее, потому что всѣ кривыя бабы, прозябающія въ меблированныхъ комнатахъ, ни болѣе ни менѣе какъ въ нѣкоторомъ родѣ Франклины. Смѣлость такого сравненія васъ можетъ-быть очень удивитъ, но я желаю вамъ лучше удивляться смѣлости, съ которою я сдѣлалъ это сравненіе, нежели собственнымъ опытомъ испытать тѣ горестные факты, которые у меня, жителя меблированныхъ комнатъ, вынудили его. Мое отступленіе отъ разсказа, надѣюсь, будетъ прощено мнѣ, когда я скажу, чѣмъ именно я руковожусь въ этомъ случаѣ. Меня побуждаетъ къ отступленію высокогуманная цѣль: съ одной стороны прошумѣть на всю Москву, что въ нашихъ комнатахъ *снебилью* процвѣтаетъ такое гнусное варварство, которое рано или поздно непремѣнно умерщвляетъ всякаго жильца, что кривыя бабы, составляющія ихъ прислугу, пропадаютъ, какъ пропалъ сэръ Джонъ Франклинъ, по цѣлымъ днямъ, ежели вы будете имѣть наивность послать ихъ куда-нибудь на четверть часа. Покусывая ихъ моимъ обличеніемъ, я, слѣдовательно, съ другой стороны подвигаю кривыхъ бабъ къ болѣе скорому и толковому исполненію ихъ обязанностей, чему я, какъ плебсъ, обязанный жить

въ комнатахъ *снебилью*, главнымъ образомъ, служу съ дѣтства и буду служить до самой могилы...

— Гдѣ тебя черти носили? азартно спрашиваетъ Петръ Ѳеофилактовичъ кривую бабу, когда она ставитъ на столъ желудочную.

— Гдѣ носили, тамъ теперь меня нѣтъ! гнѣвно отвѣчаетъ баба.

— Ты у меня впередъ скорѣе ходи, а то я тебѣ, вмѣсто полтинника, какой ты съ меня вчера содрала, шлыкъ на сторону сворочу

— Посклизнешься неравно на моемъ шлыку-то, носъ разобьешь! бормочетъ баба, благоразумно впрочемъ направляясь къ дверямъ.

— Ахъ ты, каналья эдакая! Да я тебя сейчасъ!... Ты грубіянить еще тутъ вздумала! кричитъ Петръ Ѳеофилактовичъ, бросаясь вслѣдъ за ней, такъ-сказать, съ жаждой крови.

— Потише кричи: халатъ лопнетъ, заканчиваетъ баба, скрываясь въ непроницаемомъ мракѣ длиннаго пахучаго корридора, непремѣнной принадлежности всѣхъ вообще комнатъ *снебилью*.

Петръ Ѳеофилактовичъ, послѣ трехъ рюмокъ настойки, едва-едва могъ забыть оскорбленіе, нанесенное ему кривою бабой; баронъ хохоталъ во все горло, увѣряя, что на эту дрянь не стóитъ обращать вниманія, и убѣдительно предлагалъ ему исключительно заняться поправленіемъ къ вечеру своего здоровья, чтобы можно было достойнымъ образомъ, не роняя себя лицомъ въ грязь, представиться дядюшкѣ-князю.

— А ну, какъ запахъ отъ этой штуки къ вечеру-

то не пройдетъ? боязливо спрашиваетъ Петръ Ѳеофилактовичъ?

— Ничего! успокоиваетъ баронъ.—Онъ вѣдь старикашка, и не услышитъ ничего. Только вотъ, что я вамъ скажу, Петръ Ѳеофилактовичъ. Любитъ дядя очень въ карты играть, такъ вы, ежели онъ пригласитъ васъ, отъ игры не отказывайтесь. А въ случаѣ, ежели проиграете, вотъ вамъ деньги, заплатите. Онъ это очень любитъ.

Петръ Ѳеофилактовичъ въ восторгѣ отъ своего юнаго друга.

— Да къ чему это вы, баронъ, мнѣ деньги даете? Мнѣ, право, совѣстно. Я, ежели проиграю, могу свои заплатить.

— До этого-то я васъ не допущу — свои-то проигрывать. Не за тѣмъ я васъ везу къ князю. Другое дѣло, ежели вы у него что-нибудь выиграете, тогда такъ.

Послѣдовала благородная борьба великодушныхъ сердецъ, результатомъ которой было, что баронъ всучилъ-таки Петру Ѳеофилактовичу довольно толстую пачку депозитокъ для игры съ старикашкой-княземъ.

— Ну, такъ смотрите же, будьте готовы! говоритъ баронъ.—Вечеромъ я за вами заѣду.

Дѣйствительно этимъ же вечеромъ Петръ Ѳеофилактовичъ, предводимый милымъ барономъ, съ болѣзненно-замирающимъ сердцемъ шагалъ по широкой освѣщенной лѣстницѣ его сіятельства князя Рангоутъ-Брызгачова.

— Дядюшка! рекомендуетъ боронъ сѣдому, величественной наружности, старику Петра Ѳеофилактовича,—

мой лучшій другъ Петръ Ѳеофилактовичъ Зуйченко! Поручаю его, дядюшка, вашему доброму вниманію.

— Очень радъ! говоритъ князь тономъ Юпитера-милостивца.

Затѣмъ Петру Ѳеофилактовичу предстоитъ высокая честь усѣсться въ креслахъ напротивъ высокаго сановника, которому, по словамъ барона, стòитъ сказать одно только слово—и Петра Ѳеофилактовича пошлютъ кормиться на какое угодно мѣсто.

Исполнивши процессъ возсѣданія съ тою ловкостью, которая такъ привлекательна въ медвѣдяхъ и такъ смѣшна въ людяхъ, Петръ Ѳеофилактовичъ находится вынужденнымъ приставить свой носовой платокъ ко рту и нѣсколько покашлять самымъ впрочемъ мягкимъ, вызывающимъ на пріятную бесѣду, кашлемъ.

Князь заводитъ съ нимъ дружескій разговоръ, изъ котораго Петръ Ѳеофилактовичъ узнаетъ, что предупредительный другъ его баронъ насказалъ о немъ своему могучему дядюшкѣ весьма много пріятныхъ вещей, успѣвшихъ заранѣе пріобрѣсть ему все расположеніе благороднаго вельможи.

— Вы мнѣ поскорѣе напишите подробную записку какъ, гдѣ и чего вы желаете, говоритъ князь.—Я скажу объ васъ моему кузену, князю Петру; онъ все сдѣлаетъ для васъ.

Петръ Ѳеофилактовичъ благоговѣйно кланяется сидящему передъ нимъ идолу, а идолъ, молчаливо принимая отъ него эти поклоненія, все въ большій и большій священный трепетъ повергаетъ душу поклонника своей торжественной, гордою осанкой.

— Вотъ это, Петръ Ѳеофилактовичъ, говоритъ баронъ, оттащивши его отъ князя,—важная особа, хоть и не аристократъ. Съ Дибичемъ покойникомъ большіе друзья были. Онъ у главнокомандующаго всѣми частными дѣлами, какъ хотѣлъ, управлялъ. Теперь онъ преимущественно литературой занимается. Умъ у него, скажу я вамъ, какъ у Вельзевула какого. Такъ и жжетъ. Весь аристократическій свѣтъ его ужасно боится.

— Какъ же его фамилія? спросилъ Петръ Ѳеофилактовичъ, не безъ страха посматривая на старое, сгорбленное существо, которое въ буквальномъ смыслѣ разсыпалось передъ княземъ, заставляя его неистово хохотать.

— Ѣдемъ мы, князь, говоритъ старичишка, ужасающій аристократическій свѣтъ,—по Каттегату. Только вдругъ откуда ни возьмись крокодилъ, ширины, докладываю вамъ, по крайней мѣрѣ, какъ наша Ходынка, и при этомъ такой длинный, что напримѣръ, стоя у его хвоста, вы никакъ бы не могли видѣть его голову. Вдругъ этотъ гигантъ беретъ нашъ пароходъ на спину и плыветъ вмѣстѣ съ нами. Можете себѣ представить, что мы были ни живы, ни мертвы на спинѣ этого шалуна. Наконецъ къ вечеру мы освоились съ нашимъ положеніемъ настолько, что общество, по моему предложенію, сходило съ парохода гулять по крокодилу. Какъ островъ какой-нибудь, весь онъ лѣсомъ и камышами поросъ. Французъ одинъ ѣхалъ съ нами, такъ тотъ нѣсколько строфокамиловъ застрѣлилъ на немъ. Ахъ, князь! еслибъ вы только слышали, какія тутъ смѣлыя предположенія выводилъ я, откуда бы могъ

взяться на Категатѣ крокодилъ съ строфокамилами на спинѣ.

— Вы вотъ небось думаете, старикъ дичь поретъ, говоритъ баронъ Петру Ѳеофилактовичу. — Ничего не бывало! Это, изволите видѣть, онъ на дняхъ воротился изъ-за границы и теперь этою аллегоріей непремѣнно хочетъ выразить какое-нибудь политическое намѣреніе какого-нибудь государства.

— Неужели? спрашиваетъ порабощенный Петръ Ѳеофилактовичъ.

— Вѣрно, отвѣчалъ баронъ.

Вечеръ для Петра Ѳеофилактовича кончился интереснымъ знакомствомъ съ Вельзевуломъ и проигрышемъ князю довольно круглой суммы, которую онъ съ важностью богатаго собственника сейчасъ же и выложилъ на столъ изъ пачки, данной ему предусмотрѣвшимъ этотъ пассажъ барономъ.

Попалъ такимъ манеромъ нашъ Петръ Ѳеофилактовичъ въ знать и возблаженствовалъ, потому что ежели онъ проигрывалъ князю, за него платилъ баронъ, говоря, что онъ на чужой сторонѣ, что ему нужно деньги беречь, какъ заѣзжему человѣку; а ежели слѣпая фортуна подвозила Петру Ѳеофилактовичу, онъ клалъ денежки въ свой собственный карманъ, ибо рыцарь-баронъ никакъ не соглашался не только брать ихъ всѣ, но даже и отъ половинной части постоянно отказывался.

— Ваше счастье, Петръ Ѳеофилактовичъ, говорилъ баронъ.— Старикашкѣ-князю этого добра дѣвать некуда, а вамъ пригодится.

Петръ Өеофилактовичъ благоразумно соглашался и добрымъ друзьямъ своимъ *изъ-пидъ Пилтавы*, спрашивавшимъ у него, каково идутъ его дѣла, по почтѣ отписывалъ, что дѣлишки его, слава Богу, очень, очень хороши, и что полученіе мѣста почитай-что совсѣмъ на-чеку.

Но всему бываетъ конецъ.

Однимъ прекраснымъ утромъ, когда, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вся природа радовалась и ликовала, баронъ фонъ-Гюббель въ необыкновенной тревогѣ врывается къ Петру Өеофилактовичу, сладко мечтавшему въ это время о мѣстѣ старшаго чиновника особыхъ порученій въ одной изъ хлѣбнѣйшихъ губерній.

— Батюшка, Петръ Өеофилактовичъ, спасите! говоритъ баронъ, не то шутя, не то серьезно. — Старичишко-то мой безпутный что надѣлалъ вчера? Одному пріѣхавшему помѣщику десять тысячъ на честное слово до нынѣшняго дня пробухалъ. Четыре-то я досталъ кое-какъ (съ самаго утра какъ угорѣлый мечусь по знакомымъ и какъ на грѣхъ ни одного шута дома не застанешь), а шести ближе недѣли нигдѣ не добыть. Нѣтъ ли у васъ свободныхъ, Петръ Өеофилактовичъ? Мы бы съ старика проценты, какіе угодно вамъ, счистили.

У Петра Өеофилактовича было ровно шесть тысячъ, нажитыхъ имъ на различныхъ должностяхъ, отлично-ревностное исполненіе которыхъ сдѣлало его надворнымъ совѣтникомъ и ордена св. Станислава третьей степени кавалеромъ.

— Помилуйте, баронъ! Какіе тутъ проценты, гово-

ритъ Петръ Ѳеофилактовичъ.—За честь почту. Только зажился я очень у васъ въ Москвѣ, скучно безъ дѣла мнѣ старику. Вы ужь, пожалуйста, баронъ, попросите князя-то. Конечно, я это не къ тому рѣчь веду, чтобы то-есть того... вы извините... Я всегда съ удовольствіемъ... лепеталъ Петръ Ѳеофилактовичъ, направляясь къ желтой пузатой шкатулкѣ, которую онъ, по своей необразованности, всегда называлъ щекатункой.

— Я ему старому отдыха теперь насчетъ вашего мѣста не дамъ. Я ему теперь всѣ уши прожужжу, а то вѣдь онъ сопѣть любитъ! горячился баронъ.

Желтая шкатулка раскрыла свои вмѣстительныя нѣдра. Петръ Ѳеофилактовичъ, счастливый сознаніемъ, что и онъ наконецъ дѣлается полезенъ своему доброму другу, вынимаетъ улежавшіяся пачки кредитокъ и вручаетъ ихъ барону. Баронъ увѣряетъ его, что онъ черезъ недѣлю привезетъ ему деньги не иначе, какъ съ процентами, и послѣ крѣпкаго лобзанія послѣднимъ цѣлованіемъ оставляетъ Петра Ѳеофилактовича на жертву ярославской солдатки — съемщицы меблированныхъ комнатъ, претендующей на званіе мадамы, и ея угрюмой сподручницы—кривой бабы.

Сейчасъ сказалъ я «послѣднимъ цѣлованіемъ» на томъ основаніи, что шеститысячнымъ займомъ кончилось знакомство Петра Ѳеофилактовича съ интереснымъ барономъ фонъ-Гюббелемъ. Послѣ этой исторіи мы видимъ ихъ совершенно на разныхъ дорогахъ. Петръ Ѳеофилактовичъ, очень долгое время озабоченною походкой человѣка, отыскивающаго потерянное, каждый день подходитъ къ великолѣпному подъѣзду князя Ран-

гоутъ-Брызгачова, гдѣ на его смиренный звонокъ обыкновенно выскакиваетъ серьезный швейцаръ съ неизбѣжною фразой: «его сіятельство изволили выѣхать», или: «его сіятельство не изволятъ принимать».

— А баронъ дома? нерѣшительно спрашиваетъ Петръ Ѳеофилактовичъ.

— Я вамъ въ прошлый разъ докладывалъ, что баронъ изволили уѣхать за границу! строго извѣщаетъ швейцаръ и громко хлопаетъ рѣзною дверью подъѣзда.

Долго смотрѣлъ на эту исторію сосѣдній дворникъ, и вотъ однажды, отпустивши Петра Ѳеофилактовича на нѣкоторое разстояніе отъ княжескаго дома, онъ подбѣгаетъ къ нему и ведетъ такую рѣчь:

—Напрасно, ваше благородіе, вы ходите сюда. Здѣсь, судырь, страшные надувалы живутъ. Они себя князьями и графами величаютъ, только все это они, мошенники, врутъ. Старикъ-отъ самъ, который что княземъ себя называетъ, точно что дворянинъ, а около-то него такіе, самые что ни есть сквозные, мошенники. Къ нимъ такъ-то иной день человѣкъ сто приходятъ звонить. Не вы одни...

Петръ Ѳеофилактовичъ скоро покорился своей участи.

— Богъ даде, Богъ и отъя! сказалъ онъ и смирно сталъ у Иверскихъ воротъ въ ряды обыкновенныхъ людей этихъ воротъ, и порой вы можете видѣть и слышать, какъ важно подходитъ онъ къ какому-нибудь проходящему и съ сознаніемъ своего достоинства начинаетъ говорить:

— Государь мой! помощью своей милостивою мошенническаго и безстыднаго обмана жертву осчастливить соблаговолите.

А въ другое время, ежели вамъ это нравится, полюбуйтесь на него въ сосѣдней полпивной, гдѣ онъ, блистая своими мѣдными пуговицами на изношенномъ вицъ-мундирѣ, кутитъ на собранные гроши, такъ что ни содержатель полпивной, ни его прислуга, ни даже самъ полицейскій ундеръ не могутъ безнаказанно подступиться къ надворному совѣтнику и ордена св. Станислава третьей степени кавалеру Петру Ѳеофилактовичу Зуйченко.

Баронъ фонъ-Гюббель, раззнакомившись съ Петромъ Ѳеофилактовичемъ, не раззнакомился однакоже съ нами. Мы и теперь не упускаемъ его изъ виду. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ большого свѣта—арены его подвиговъ, слышно, что князь Рангоутъ-Брызгачовъ, утомившись своей многотрудною дѣятельностью, ухитрился выйти въ болѣе свѣтлое море другихъ спекуляцій, на первый взглядъ весьма честныхъ и полезныхъ, мѣсто же свое—атамана мошеннической шайки—передалъ своему юному другу, барону фонъ-Гюббелю, который впрочемъ на самомъ дѣлѣ есть не кто другой, какъ безпаспортный рижскій мѣщанинъ Карлъ Гильзъ.

Есть надежда, что сей Карлъ, или Карлушка, достойнымъ образомъ замѣститъ князя Рангоутъ-Брызгачова, ибо на оффиціальномъ вечерѣ, который князь давалъ всей своей шайкѣ по случаю передачи имъ Карлушѣ своихъ атаманскихъ регалій, послѣдній сказалъ слѣдующій назидательный спичъ:

«Господа! По-настоящему я долженъ былъ бы начать мою рѣчь торжественною клятвой, что мой методъ веденія нашихъ общихъ дѣлъ будетъ такого, такъ ска-

зать, безпромашнаго свойства, что никогда не затемнитъ блеска этихъ регалій, которыя сдѣлалъ мнѣ честь передать мой уважаемый предшественникъ, князь Рангоутъ-Брызгачовъ. Но я не начну моей рѣчи такою клятвой, потому что, смѣю думать, и безъ моей клятвы всѣ вы единодушно увѣрены, что промаховъ съ моей стороны быть никогда не должно. Поэтому я вамъ скажу только то, что скажу. Вамъ всѣмъ извѣстно, что я очень и очень малограмотенъ, но во всякомъ случаѣ не настолько, чтобъ отказаться отъ какой-нибудь сдѣлки даже и по книжной торговлѣ. На дняхъ я такъ и поступилъ, то-есть не отказался отъ сдѣлки, предложенной мнѣ однимъ здѣшнимъ книгопродавцемъ. Поясняя, въ чемъ именно состояла эта сдѣлка, я долженъ сказать вамъ, что я просто-на-просто, по счастливому теченію судебъ, заграбасталъ у него книгъ рублей на тысячу. Но сила не въ этомъ. Въ числѣ книгъ, подброшенныхъ мнѣ благопріятствующею судьбой, было сотни три экземпляровъ сочиненій какого-то господина Павлова. Нѣсколько такихъ экземпляровъ, какіе побольше поизмялись, я оставилъ себѣ собственно для ради домашняго обихода. Мучимый однажды безсонницей, я схватилъ первое, до чего съ кровати могла достать рука моя, и досталъ повѣсть означеннаго Павлова, озаглавленную *Милліонъ*. Тамъ случайно дочитался я до такой великолѣпной мысли: «Я отдамъ на растерзаніе мое тѣло, я оскверню мою душу какимъ хотите порокомъ, я спою съ кругу весь міръ, я пожалуй пойду въ герои добродѣтели, ежели это вамъ нравится, только заплатите мнѣ». Отнынѣ, господа, это

мой девизъ. Господа! заканчивая мою рѣчь, я спрашиваю васъ, справедливы ли послѣ того всѣ надежды, которыя вамъ угодно было возложить на меня?»

Общество въ полномъ энтузіазмѣ. Общество поощряетъ громкими ура слова своего юнаго патрона; князь же, какъ истинно-великій человѣкъ, подошедши къ Карлушѣ, возлагаетъ свою руку на его голову и произноситъ:

— Другъ мой! Будь всегда такимъ. Смолоду я самъ былъ такой же. А теперь усталъ, теперь хочу отдохнуть...

НРАВЫ

московскихъ дѣвственныхъ улицъ.

ПИСАНО, ПАМЯТУЯ О ПОГИБАЮЩЕМЪ ДРУГѢ.

I.

Иванъ Сизой матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной, по долгомъ странствованіи внѣ ея, здравія желаетъ, всѣмъ ея широкимъ четыремъ сторонамъ низкій поклонъ отдаетъ.

Годъ слишкомъ шатался я по разнымъ мѣстамъ, а все нигдѣ не видалъ того, что я такъ люблю въ Москвѣ,—это ея глухихъ, отдаленныхъ отъ центра города, улицъ, которыя давно какъ-то назвалъ *дѣвственными*, съ ихъ, такъ влекущей къ себѣ сердце мое, поразительной и своеобразною бѣдностью.

Конечно, этого добра, т. е. бѣдности, намъ не занимать стать, и, какъ я сказалъ уже, больше года шатаясь по деревнямъ и селамъ, по городамъ и краснымъ пригородамъ, я имѣлъ-таки не мало случаевъ видѣть голодъ и холодъ въ мѣщанскихъ хороминахъ, молчаливое и безустанно работающее уныніе въ мужицкихъ избахъ; но это что же за бѣдность? Лица не

московскія, пораженныя этою болѣзнью, не живыя лица, а какъ бы каменныя статуи, изображающія собою безпредѣльное горе, и я только плачу втихомолку, когда такая статуя окинетъ меня своими впалыми, безъ малѣйшаго признака слезъ, глазами. Плачу, говорю, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко страдаю отъ той нравственной боли, которою всегда уязвляютъ мою душу эти глаза, ибо въ нихъ мои собственные глаза имѣютъ способность читать такого рода краснорѣчивую вещь:

— Ты, братъ, тово, не гляди лучше на меня,—мнѣ и безъ тебя тошно. Мало ты мнѣ, другъ, утѣхи своимъ глядѣньемъ даешь. Ты бы тамъ иначе какъ-нибудь для меня порадѣлъ....

Всякій своею похотью влекомъ и прельщаемъ, слѣдовательно и я, какъ всякій, имѣю свою похоть, т. е. болѣю при видѣ бѣдности московской; ибо она молчалива и убита, ибо трудно ей спророчить, когда она разбогатѣетъ и, хоть сколько-нибудь, оживетъ. Напротивъ, бѣдность московскихъ дѣвственныхъ улицъ меня радуетъ даже, потому что она рычитъ и щетинится, когда ей покажется не очень просторно и не очень сытно въ ея темныхъ и тѣсныхъ берлогахъ, — въ каковыхъ движеніяхъ жизни я замѣчаю несомнѣнные признаки того, что бѣдность эта скоро поправится и разбогатѣетъ, хотя можетъ-быть и не вдругъ, хотя богатства ея будутъ далеко не тѣ, про которыя говорятъ, что они неисчерпаемы. Ну, да ничего! Намъ и это на руку, потому что голодному рту не до горячаго,—ему бы только мало-мальски чѣмъ-нибудь тепленькимъ пораспарить свое изсохшее нёбо...

II.

Въ Москвѣ у меня бездна литературныхъ и университетскихъ друзей, которые меня весьма терпятъ и у которыхъ, слѣдовательно, я удобно могъ бы сложить свой страннический посохъ, но, пославъ ихъ въ душѣ моей къ Богу въ рай, я, по прибытіи въ Москву, направился прямо въ дѣвственную улицу, гдѣ жилъ мой старинный другъ, старый отставной унтеръ-офицеръ, который былъ кумъ, т. е. у котораго, благодареніе Создателю, мнѣ довелось привести «въ крещеную вѣру» троихъ дѣтей.

Въ дѣвственной улицѣ я не замѣтилъ никакой перемѣны. Въ сравненіи съ другими столичными улицами, она была тиха до мертвенности. Огни, свѣтлѣвшіеся изъ оконъ ея маленькихъ, деревянныхъ домишекъ, были похожи на деревянные гнилушки, которыя такъ уныло свѣтятся ночью изъ-подъ печки деревенской избы. Единственные признаки жизни показывала только единственная харчевня дѣвственной улицы. Изъ ея тусклыхъ окошекъ, освѣщенныхъ какимъ-то красноватымъ свѣтомъ, порой вырывались какіе-то неясные звуки, по которымъ рѣшительно нельзя было опредѣлить, поютъ ли тамъ пѣсни, или плачутъ,—такіе это были смѣшанные звуки. И временемъ, когда какимъ-нибудь гостемъ широко распахивалась харчевенная

дверь, сердито и шумно взвизгивая на своихъ заржавѣвшихъ петляхъ, звуки дѣлались слышнѣе и тогда человѣкъ неопытный, случайно проходящій по дѣвственной улицѣ, непремѣнно бы остановился противъ заведенія и пугливо прислушался къ этимъ звукамъ, потому что неопытному пѣшеходу въ нихъ бы заслышалось слово: караулъ, — слово, отчаянно-крикливо вырвавшееся изъ чьего-то горла, но остановленное на половинѣ своего излета и снова, какъ бы, впихнутое въ это горло чьимъ-то лютымъ кулачищемъ.

Но я не счелъ этого звука за такой караулъ, ради котораго слѣдовало бы остановиться около харчевни, потому что мнѣ коротко извѣстны обычаи дѣвственной улицы. Это былъ просто крупный разговоръ, который велъ закутившій мастеровой съ своею благовѣрной, пришедшей съ цѣлью вытащить благовѣрнаго изъ заведенія и отвести «на спокой на фатеру».

— Пош-шолъ вонъ! кричитъ на жену повелительнымъ, горловымъ баритономъ урѣзавшій здоровую муху кутила.—Пош-шолъ вонъ! повторяетъ онъ еще повелительнѣе, забывши въ подпитіи, что, ежели хочешь прогнать откуда-нибудь свою жену, чтобъ она не мѣшала молодецкому разверту, такъ нужно сказать ей вовсе не «пошелъ вонъ», а «пошла вонъ».

Затѣмъ начинались плаксивые тоны жены:

— Иванъ Прокофьичъ! Что же мы завтра ѣсть станемъ?

— Объ этомъ ты не горюй! Что объ этомъ горевать—объ ѣдѣ-то? Эхъ, ты безстыдница! о чемъ нашла горевать—а? Гаврикъ! обращается кутила къ фа-

мильярно улыбавшемуся половому,—о чемъ она, дурища, горюетъ-то? Объ ѣдѣ, ха-ха-ха-ха! Пош-шолъ вонъ! и затѣмъ мужъ, какъ глава надъ своею женой, употребляетъ даже нѣкоторую силу и пытается пропихнуть ее въ скрипучую дверь на тихую морозную улицу.

Итакъ, вы видите теперь, что серьезнаго караула въ харчевнѣ дѣвственной улицы быть не можетъ, потому что, въ концѣ концовъ, ежели караулъ слышится иногда изъ оконъ, веселящихъ улицу своимъ краснымъ и, примѣчено мною, какъ-то злобно и насмѣшливо моргающимъ свѣтомъ, такъ вовсе нечего прислушиваться къ нему, потому что все это ни болѣе ни менѣе какъ «своя отъ своихъ»...

Исторію эту, съ цѣлью получить въ концѣ ея незловредный караулъ, можно продолжать такимъ образомъ:

— Остались ли деньги-то у тебя? Ай ужь всѣ пропилъ? спрашиваетъ жена, усѣвшись наконецъ съ супругомъ за одинъ столъ около грязнаго, загаженнаго мухами, графинчика изъ толстаго стекла съ мутною водкой.

— Какія, чортъ, деньги? Пропивать-то мнѣ нечего.:. Это ужь я на сертукъ валю. Вотъ добрая душа, Гаврикъ, въ двухъ серебра принялъ, а домой я и въ твоемъ платкѣ какъ-нибудь дотащусь.

Мастеровой слезливо начинаетъ обыкновенный разсказъ про то, какъ часто понесешь работу къ барину и, какъ идучи къ барину, разсуждаешь, что вотъ - де сейчасъ получу деньги, прямо на рынокъ, искуплю тамъ говядины, сапожки, можетъ, али штанишки ка-

кіе-нибудь старенькіе не попадутся ли, а тамъ накуплю товару—и валяй опять за работу. Чудесно! знай денежки огребай. Разсуждаешь такимъ-то манеромъ, а потомъ и не увидишь, какъ очутишься въ кабакѣ.

— Онъ, говоритъ, баринъ-то: Иванъ Прокофьичъ! ты съ меня деньги-то недѣльки двѣ пообожди. Знаешь, говоритъ, за мною не пропадетъ. Я ему говорю: знаю, что не пропадутъ, только ваше б-діе мнѣ деньги очень нужно. Сами изволите знать: жена, дѣтей четверо...

— У меня, говоритъ баринъ и смѣется, — у меня можетъ дѣтей-то этихъ штукъ съ сорокъ найдется, да вѣдь я ни къ кому не пристаю. Приходи ужь черезъ недѣлю, что съ тобой дѣлать, а теперь мнѣ некогда, прощай. Съ тѣмъ отъ него и ушелъ, добавляетъ мастеровой, возвышая голосъ,—а отъ него, съ великой злости, прямо въ кабакъ, а изъ кабака сюда, потому, что же я завтра безъ денегъ стану дѣлать?

Послѣ этого крикливаго вопроса и начинается, что называется, самая катавасія, потому что кромѣ сюртука, принятаго добродушнымъ Гаврилой въ двухъ рубляхъ, чета начинаетъ валить еще на три рубля, которые съ большимъ удобствомъ олицетворяетъ истасканный шерстяной салопъ супруги.

— Видишь теперь, какая у меня супруга? спрашивалъ мастеровой у половаго, выставляя ему на видъ собственно то обстоятельство, что супруга, съ видимою охотой, куликнула двѣ рюмки залпомъ, какъ бы стараясь сразу сравняться съ своею главой.—Сласть у меня супруга, сговорчивая. Она мнѣ ни въ чемъ никогда не перечитъ. Что я скажу, то и баста.

Супруга между тѣмъ не безъ граціи закусила двѣ рюмки солониной съ солеными огурчиками, а супругъ продолжаетъ:

— Мы съ ней двѣнадцать годовъ душа въ душу живемъ! Гаврилъ! слушай, я тебѣ разскажу, какъ я женился на ней. Она въ это время молодая была и изъ лица, не въ примѣръ, теперешняго красивѣе; а князь, у кого она въ то время на содержаніи была, призываетъ меня и говоритъ: «вотъ тебѣ, Иванъ Прокофьевъ, невѣста! Ты, говоритъ, съ ней не пропадешь, потому приданаго за ней даю сто рублевъ, акромя, говоритъ, постели и разныхъ вещей...» Я ему и говорю: покорнѣйше благодаримъ, ваше сіятельство! Сказалъ такъ-то и женился; а она, шельма этакая, цѣлый годъ послѣ законнаго брака шаталась къ нему, къ князишку-то своему. Вотъ она, Гаврилъ, какая извергъ у меня! Ты, Гаврилъ, не гляди на нее, что она такою смиренной глядитъ. Шельма она у меня преестественная, Гаврилъ! Ты думаешь, милый человѣкъ, черезъ кого я теперича погибаю—черезъ нее, черезъ анаѳему! Вотъ черезъ кого! У! будь ты проклята! Возьму, вотъ, да какъ начну по мордѣ-то охаживать, такъ, не бойсь, забудешь про княжество-то про свое!

Половой, слушая эти изліянія, мялся на одномъ мѣстѣ и насмѣшливо улыбался съ видомъ человѣка, который, ежели бы не стѣснялся своимъ лакейскимъ положеніемъ, непремѣнно сказалъ бы:

— Комиссіи, право, эти женитьбы нашинскія!.. Что криво да косо, то Кузьмѣ-Демьяну... Всегда ужь нашему брату-мастеровому, бѣдному человѣку—такую-то

сволочь подсунутъ, что цѣлый вѣкъ казнишься да страдаешь, глядя, какъ она кровныя мужнины деньги, на офицеровъ прохожихъ любуючись, на чаяхъ да на кофіяхъ проживаетъ!.. Идолы бабенки, а паче тотъ идолъ, кто ихъ, тонкостямъ этимъ научимши, нашему брату на шею наваливаетъ...

— Ты вотъ что, отнеслась достаточно уже выпившая супруга къ мужу,—ты поменьше болтай, а то вѣдь за болтанье-то вашего брата по щекамъ лупятъ...

— Ну, ужь ты съ этимъ дѣломъ, надо полагать, подождешь немного, по щекамъ-то. Право подождешь! сатирически предполагаетъ мужъ, выпивая приличный чину и званію столичнаго башмачника стакашекъ.

— Нѣтъ, не подожду, настаиваетъ супруга, выпивая тоже приличный стаканъ.—Долго я тебя, пьянаго дурака, не учила.

— Врядъ ли выучишь. Я тебя, пожалуй, поскорѣе поучу.

— Ну, ужь это не хочешь ли вотъ чего? освѣдомляется супруга, повертывая передъ очами возлюбленнаго послюнявленный кукишъ.

— А ты не хочешь ли вотъ чего? въ свою очередь любопытствуетъ супругъ, ухвативъ супругу за жидкія космы.

Случайно отворенная въ это время дверь заведенія заскрипѣла на своихъ петляхъ и изнутри кабака вылетѣло женски-визгливое «караулъ» и басовитыя отрывистыя слова: «вотъ тебѣ, шельма, вотъ тебѣ!» Слышно было сдержанное хихиканье половаго Гаврилы, сопровождаемое протяжнымъ возгласомъ: «охъ! И комедіанты

же эти сапожникъ съ сапожницей! Право, комедіанты! Этакъ-то они у насъ цѣпляются другъ съ дружкой каждый Божій вечеръ!..»

Но дѣвственная улица ничуть не была удивлена этими выкриками. До того, должно-быть, она прислушалась къ нимъ, что даже тѣни вниманія не пробудили они на ея безжизненно-молчаливомъ лицѣ.

И кромѣ этой, другія, болѣе крикливыя, сцены разыгрывались на улицѣ, но и онѣ не дѣлали ея веселѣе, потому что, противъ русскаго обыкновенія, онѣ не собирали около себя толпы проходящихъ зѣвакъ, дружный и шумливый говоръ которыхъ увѣрилъ бы человѣка, въ первый разъ занесеннаго въ этотъ край, въ томъ, что край этотъ вовсе не какое-нибудь заколдованное царство, осужденное могучимъ чародѣемъ на вѣчный и безпробудный сонъ.

— Кар-р-раулъ! Кар-р-раулъ! оретъ какой-то молодой голосъ въ непроницаемой темнотѣ уличнаго конца.

— Ты что же это? спрашиваетъ крикуна хрипучій басъ будочника.—Ты опять свои шутки шутишь? Мало я тебѣ онамедни шею за нихъ намылилъ? Ежели мало, такъ скажи, я тебѣ еще прибавлю.

— Дядюшка! да вѣдь скучно!... День-то деньской сидючи за работой, чего не придумаешь?... Выбѣжишь когда на улицу-то украдкой, улица-то, сейчасъ умереть, свѣтлымъ раемъ тебѣ покажется,—ну, тогда ты не вытерпишь и въ радости заорешь...

— То-то въ радости! Гляди, ты у меня инымъ голосомъ, пожалуй, вскрикнешь, какъ вотъ ножнами начну тебя по мягкимъ-то оторачивать... Уймись, парень! Ей-Богу, уймись!

— Не буду, дядюшка, однава дыхнуть, не буду, съ хохотомъ увѣряетъ прежній голосъ,—только теперича въ послѣдній разъ позволь...

— Ну, парень, придется мнѣ, должно-быть, съ моего мѣста встать... Разозлилъ ты меня, паренекъ! И за тѣмъ уличную тишину нарушаетъ какое-то шуршанье, словно бы какой одышливый и лѣнивый человѣкъ собирался въ дальнюю путь-дорогу.

— Кар-р-раулъ! снова изъ всѣхъ легкихъ трубитъ паренекъ, захлебываясь отъ хохота. Послѣ этого слышится легкое захлопыванье калитки и шлепанье босыхъ ногъ по оттеплѣвшему снѣгу.

— Экой парень-разбойникъ! Удралъ ужь... говоритъ будочникъ, съ прежнимъ сопѣньемъ и пыхтѣньемъ усаживаясь на покинутое было пригрѣтое мѣсто.—Кажинный день такъ-то онъ меня безпокоитъ...

Поровнялись со мной какія-то двѣ, еще не очень пожилыя, женщины, съ вѣниками подъ мышками, съ узелками въ рукахъ, съ лицами, прорѣзывавшими даже ночной, ничѣмъ не освѣщаемый мракъ дѣвственной улицы алымъ румянцемъ, которымъ, какъ пожаромъ, освѣщались ихъ пухлыя щеки.

— Что же, хороша нонича фатера-то у тебя? спрашивала одна подруга другую.

— Эдакая ли фатера чудесная — страсть! отвѣчала подруга.—Мы ее онамедни чудесно обновили. Пришелъ эфта въ прошлое воскресенье *мой* (у меня нынѣ столяръ), солдатика-пріятеля привелъ. Пришодчи, какъ слѣдуетъ, поздравили съ новосельемъ, водки полуштофъ солдатикъ-то изъ-за обшлага вытащилъ, я ему селедку

съ лучкомъ оборудовала. Полштофъ выпили, другой послали; другой выпили—третій, а тамъ и за четвертымъ. И такъ-то, милая ты моя, всѣ мы нарѣзались тогда, не ради мать на свѣтъ Божій! Словно бы безумные толкались. Нарѣзамшись, мой-то и сцѣпился съ солдатикомъ драться,—я сейчасъ же къ своему на заступу пошла; а солдатикъ видитъ, что не совладать ему съ нами, взялъ да у столяра ухо напрочь совсѣмъ съ хрущомъ и оттяпалъ. Завизжалъ столяръ такъ-то жалостно и кровища изъ него хлестала, аки бы изъ свиньи зарѣзанной. И дивись, милая, съ другой фатеры, ежели не въ нашей улицѣ, такъ бы нашего брата за такую исторію знаешь бы какъ въ шею турнули, въ три бы шеи турнули; а нашъ хозяинъ (благородный у насъ хозяинъ-отъ!) хошь бы словечушка вымолвилъ. «Ничего, говоритъ, Господь съ ними! На то, говоритъ, и праздникъ данъ человѣку».

— У насъ, мать, по всей нашей улицѣ хозяева всѣ страсть какъ смирны, подтвердила другая товарка. У меня тоже кажный праздникъ, почитай, и-ихъ какія кровопролитія сочиняютъ! Тоже одному молодчику, не хуже твоего, два пальца и половину носа скусили. Азарны эти мужики.

— Съ ними поводись только! Я ужь, когда они такъ-то сцѣпятся, прямо имъ сказываю: «да ступайте на дворъ, лѣшаки, тамъ, говорю, просторнѣе». Такъ-то они у меня, милая ты моя, за всякое воскресенье аккуратъ не на животъ, а на смерть чешутся!..

— Это у нихъ истинно, что каждое воскресенье творится неупустительно, сказалъ мнѣ, вдругъ вышед-

шій изъ-за угла старикъ — мой кумъ, къ которому я шелъ. Я тоже, признаться, поджидалъ его, потому что самъ онъ, тоже неупустительно, возвращался въ это самое время изъ кабака, въ которомъ обыкновенно онъ проводилъ лѣтніе и зимніе вечерки.

— Издали еще разглядѣлъ я тебя, продолжалъ старикъ, обнимая меня.—Смотрю этта и думаю: а вѣдь это *купъ* идетъ!—По вечерамъ, т. е. огорошивъ въ кабакѣ полуштофъ и туго набивши носъ забористымъ зеленчакомъ, старикъ пріобрѣлъ способность выговаривать буквы *м* и *н* какъ *п* и *б*, и потому въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно звалъ меня *купъ*, а ежели въ дальнѣйшемъ разговорѣ надобилось ему употребить слово небо, онъ просто-на-просто, избѣгая грѣха сказать пебо, указывалъ рукою въ потолокъ, и всѣ это понимали, какъ нельзя болѣе хорошо.

— Откуда тебя Богъ принесъ? спрашивалъ меня старина, видимо обрадованный. —Давно ли?

— Прямо съ дороги и прямо къ тебѣ, отвѣтилъ я.

— Вотъ за это люблю, что не забылъ друга.

— Ну, что тутъ, какъ у васъ? любопытствовалъ я.— Новенькаго чего нѣтъ ли?

— Чему у насъ новенькому быть? спросилъ въ свою очередь кумъ какъ бы съ нѣкоторымъ уныніемъ.—Все у насъ, другъ милый, по-старому. Есть, что ли, деньжонки-то у тебя? А то я, покуда лавки не заперты, что-нибудь изъ одежи бы на угощенье спустилъ...

—Есть, утѣшилъ я старину, — и насчетъ одежи ты не безпокойся.

— То-то, ты гляди у меня: финтифлюшекъ-то, зна-

ешь не бойсь, не очень-то я люблю... И потомъ, прихвативши въ попутномъ кабакѣ нѣкоторый штофъ и въ попутной лавочкѣ два десятка соленыхъ огурцовъ, мы съ кумомъ благополучно спустились въ его плачевный подвалъ.

III.

Кумовъ подвалъ былъ разительно схожъ съ самимъ кумомъ. Оба они представлялись наблюдающему глазу немытыми и нечищенными отъ самаго ихъ сотворенія. И дѣйствительно: кума погладили одинъ только разъ во всю его семидесятилѣтнюю жизнь, и именно погладили въ военной службѣ, и при всемъ томъ, что это глаженье уже извѣстно какое бывало встарину, при всемъ томъ, что оно продолжалось не менѣе какъ тридцать годовъ, кумъ все-таки остался ничѣмъ болѣе какъ саратовскимъ мужикомъ, который хотя въ-волю насмотрѣлся разныхъ людскихъ хитростей, но изъ которыхъ тѣмъ не менѣе самъ онъ ни одною настолько не поинтересовался, чтобъ изучить ее и въ свою очередь повеселить ею добрыхъ людей. Онъ даже не усвоилъ себѣ той кавалерской выправки, которая отличаетъ всякаго отставнаго солдата, и ежели у него и были длинные и густые чернобурые усищи, такъ это были вовсе не тѣ бравые, нафабренные, такъ называемые «разусы», которые такъ ухорски закорючены на смѣющейся щекѣ

разухабистаго военнаго дѣтины, а усы дугою, строгіе, молчаливые, хохлацкіе, такъ сказать, усы.

Чуть ли еще не въ годъ кумовой отставки пришли въ Москву изъ глубины Дмитровскихъ дебрей толстыя бревна, изъ которыхъ на живую руку былъ сметанъ домъ дѣвственной улицы съ своимъ подваломъ, пріютившимъ старика-солдата. И такъ какъ всякому извѣстно, что каждый россіянинъ изъ самаго отличнаго матерьяла дѣлаетъ самыя скверныя вещи, то хозяинъ, сгубивъ столѣтнюю лѣсную красоту на построеніе своей безобразной домовины, глубоко задумался собственно надъ тою мыслью, что въ подвалъ-то, пожалуй, ни одного жильца не заманишь. Такъ поражены были даже невзыскательные глаза московскаго домохозяина неуклюжестью подвала и какимъ-то гнѣвнымъ уныніемъ, воцарившимся въ немъ съ первыхъ дней его постройки...

Опечалился хозяинъ при взглядѣ на дѣло рукъ своихъ до того даже, что сталъ служить молебены объ изгнаніи изъ хоромины нѣкоего, какъ онъ говорилъ, «унывнаго» духа, нагонявшаго на него оторопь; но, несмотря ни на что, духъ, вѣроятно въ видахъ покаранія хозяйскаго безобразія, испортившаго столько прекрасныхъ деревьевъ, изъ хоромины не выходилъ. Слышали даже сосѣдскія кухарки и разсказывали объ этомъ подъ секретомъ, что по ночамъ словно бы плачетъ кто въ томъ подвалѣ, шепчетъ что-то неразборчивое и временами, рѣдко впрочемъ, хохочетъ чему-то...

Во время такого порядка вещей, когда хозяинъ окончательно уже отчаялся въ возможности заманить въ подвалъ какого-нибудь жильца, къ нему пришелъ от-

ставной солдатъ, старый такой, молчаливый и даже, какъ будто, сердитый. Посмотрѣлъ на этого солдата хозяинъ и тутъ же тихомолкомъ подумалъ: «а! это онъ пришелъ ко мнѣ подвалъ нанимать! Лучше быть нельзя»; а солдатъ, какъ только взглянулъ на подвалъ, сейчасъ же подумалъ: «вотъ чудесная хата! Лучше требовать невозможно»; а самъ подвалъ, какъ только его обозрѣли, угрюмо и почти неслышно прошепталъ: «мало въ мои стѣны веселья этотъ солдатъ принесетъ! А мнѣ то и на руку, потому не охотникъ я музыкантить-то!... Такого жильца я долго жду!»—и при этомъ, говорятъ, въ первый и послѣднiй разъ улыбнулись съ радости тогда еще новыя стѣны подвала, точно также какъ и у солдата очень что-то шевелились въ это время усищи, какъ бы стараясь стрясти съ себя чужую, случайно налетѣвшую на нихъ и запутавшуюся въ ихъ непроходимой чащѣ, улыбку.

Въ этомъ-то, такъ сказать, печально говорящемъ подвалѣ цѣлыя двадцать лѣтъ тянулась печальная жизнь солдата. Въ пять лѣтъ моего съ этими интересными субъектами знакомства я не могъ подмѣтить ни въ томъ, ни въ другомъ ни малѣйшiй перемѣны, и какъ за годъ передъ настоящимъ моимъ посѣщенiемъ я оставилъ ихъ, уныло-серьезныхъ и гнѣвно-молчаливыхъ, точно такими же нашелъ ихъ и теперь. Даже горемыки-жильцы подваловъ въ дѣвственныхъ улицахъ, наваливавшiеся на простаго старика, какъ наваливаются осеннiе листы на терпѣливую землю, были все тѣ же, за исключенiемъ развѣ только одного отставнаго капитана, тѣмъ впрочемъ только и замѣчательнаго, что онъ на-

нялъ себѣ помѣщеніе на огромной кумовой печи, куда онъ втащилъ нѣчто въ родѣ кушетки, служившей ему постелью и вмѣстѣ съ тѣмъ сундукомъ. Капитанъ этотъ нисколько не характеризовалъ бы собою московскихъ дѣвственныхъ улицъ, еслибы про него не разсказывали съ божбой, что онъ никогда ничего не ѣстъ и не пьетъ, ибо никто ни разу не видалъ, чтобъ онъ когда-нибудь удовлетворялъ этимъ простымъ требованіямъ человѣческаго организма. Кромѣ этого, заслуживавшаго вниманія обстоятельства, капитанъ бросался въ любопытные глаза тѣмъ еще, что не любилъ платить за квартиру и, говоря настоящее дѣло, не любилъ даже и того, когда ему напоминали объ этомъ. Старый, разслабленный и поросшій весь какъ бы какою щетиной, онъ по цѣлымъ днямъ молчаливо переѣзжалъ съ печи на кушетку и обратно, ничѣмъ не безпокоясь и никого не безпокоя; но какъ только кумъ заикался ему, что, дескать, ваше вышебородіе, нельзя ли, дескать, насчетъ недоимочки за фатеру,—капитанъ сначала производилъ на печи какой-то необыкновенный шумъ, смѣшанный съ визгомъ и рычаньемъ, потомъ показывалъ съ печи свое обрамленное сѣдо-бурыми волосами лицо, оскаливъ зубы, и начиналъ воевать, т. е. бросалъ съ печи въ пріютившаго его человѣка чѣмъ ни попало.

— Зар-р-ряжай ружье! оралъ онъ старческимъ, но азартнымъ голосомъ.—Кладсь! п-ли! Я васъ, черти! Рр-рота, за мной! Д-дѣти, скорымъ шагомъ-маршъ! Съ Богомъ!

— Ну, пошла писать военная кость! съ хохотомъ толковали многочисленные кумовы жильцы, собирая съ

печи, изъ-подъ капитанской храброй руки, различныя тряпки и горшки, махотки и полѣшки.

— Будетъ, будетъ, ваше вышебородіе! Перестаньте только, Христа-ради! умолялъ кумъ жильца о прекращеніи батальнаго огня.

— Ур-ра! Наша взяла! окончательно вскрикивалъ старый вояка, снова ныряя на неопредѣленное время въ запечное пространство.

— Оченно тронулись! такими словами рекомендовалъ мнѣ кумъ своего новаго жильца.—Что будешь дѣлать съ бѣдностью? Иной разъ сунешь ему на печку-то щецъ, хлѣбца, не токма-что свои деньги... Выручишь ихъ, свои-то деньги, съ моими жильцами! Надоѣдаетъ временемъ только — ужасти какъ... Раздразнятъ его башмашниковы ребятенки, такъ онъ цѣлый день, лежа на печи, ртомъ-то все такъ-то выдѣлываетъ: пу! пу! п-пу! Артиллеріей, значитъ, по нимъ на дальныхъ разстояніяхъ дѣйствуетъ. Вотъ докуда спятилъ: по маленькимъ-то ребятёнкамъ изъ пушекъ палитъ!..

— Ну, а изъ прежнихъ жильцовъ никто не съѣхалъ отъ тебя? спросилъ я.

— Изъ прежнихъ?... Нѣтъ, никто. Здѣсь ужь все такъ-то: какъ укоренится кто на какомъ мѣстѣ, такъ ужь или съ этого мѣста прямо въ гробъ идетъ, или, ежели онъ подхалюза какая, такъ фарталомъ прогоняютъ на другую фатеру. Кресты есть изъ такихъ-то для нашего брата-съемщика—и-ихъ какіе тяжелые! Потому нашъ братъ долженъ имъ потрафлять каждую минуту, чтобы только не доходили они до фартала, су-

диться бы только не ходили, потому они къ этому дѣлу, все равно какъ къ кашѣ съ масломъ, привыкли...

И дѣйствительно, всѣ кумовы жильцы, которыхъ я зналъ у него прежде, жили у него и теперь, какъ бы сговорившись умереть въ его темномъ подвалѣ. По-прежнему надъ всѣмъ гвалтомъ крикливой подвальной жизни властительно царилъ назойливый голосище старой свахи Акулины, трехъаршинной бабы, въ ужасающихъ всякую душу лохмотьяхъ и съ рыжею, жидковатою бородой. По-прежнему эта ямщикъ-баба расшевеливаетъ во мнѣ уснувшую было глубокую антипатію къ ней тѣмъ, что къ каждому слову, съ которымъ она обращается ко мнѣ, прибавляетъ самымъ сладкимъ голоскомъ «ваше благородіе» и «сударь-баринъ», разсчитывая этими словами взять меня на удочку и слизать съ меня полуштофъ сладкой водки, особенно ею цѣнимой. А вотъ и эта старая дѣвушка, неотходно сидящая въ кухнѣ на своемъ громадномъ, окованномъ желѣзными полосами, сундукѣ. Какъ назадъ тому много лѣтъ застало ее на этомъ сундукѣ извѣстіе, что человѣкъ, любившій ее, уѣхалъ на родину жениться и увезъ ея кровныхъ сто двадцать рублей, такъ она, безъ малѣйшаго слова, раскачнула тогда еще молодою головой, да такъ и теперь ею постоянно раскачиваетъ, —только теперь эта голова сокрушилась уже, замоталась и стала такая сѣдая, сморщенная, некрасивая.

— Здравствуй, Фаламѣй Ильичъ! говорю я старому пріятелю моему башмачнику, тоже кумову жильцу, который терпѣть не могъ, когда кто-нибудь называлъ его настоящимъ именемъ Варфоломея.

— Здравствуйте, сударь, Иванъ Петровичъ! радостно привѣтствовалъ меня Фаламѣй, вставая съ кадушечки, на которой онъ тачалъ башмаки, и лобызаясь со мной.—Давно мы, сударь, съ вами компаніи не водили. Вы что тутъ ерзаете, мазурики? обратился онъ къ своимъ многочисленнымъ ребятенкамъ, быстро отколупывая у нихъ на головахъ масла маслакомъ своего собственнаго большого пальца правой руки.

Толпа ребятишекъ, неутомимо сновавшая и горланившая по подвалу, какъ и все подвальное, была въ свою очередь такою же, какою я оставилъ ее, хотя примѣтилъ, что теперь она стала гораздо гуще, а слѣдовательно и неугомоннѣе; но и это обстоятельство нисколько не измѣняло кумова апартамента, потому что башмачникъ Фаламѣй не обдѣлялъ никого изъ дѣвчонокъ и мальчишекъ, составлявшихъ молодое поколѣніе подвала, когда задавалъ имъ трепака и колупалъ масло, отчего молодое поколѣніе носило на своихъ головенкахъ одинаково чесавшіяся больнушки, отъ которыхъ, слѣдственно, ревѣло точно такъ же и въ настоящемъ случаѣ, какъ ревѣло за годъ передъ этимъ, ни на полтона даже не повышая и не понижая своихъ голосовъ.

Да, все обстояло въ подвалѣ по-прежнему, потому что очень трудно такой жизни построиться на какой-нибудь другой ладъ по той простой причинѣ, что подо всѣмъ этимъ прекраснымъ небомъ нельзя найдти лада, который былъ бы сколько-нибудь хуже этого. И Господи! до того шло тамъ все по-старому, что самъ я, какъ и прежде, обманулъ ожиданія ребячьей стаи, облѣпившей меня, потому что былъ внѣ всякой возможности

дать что-нибудь на гостинцы этой малолѣтней, вѣчно голодающей, братіи.

Уныло и молчаливо отошла отъ меня, какъ говорятъ поэты, розовая юность, а я, какъ и всегда, что особенно люблю, сталъ прислушиваться къ стѣнамъ подвала, которыя на сей разъ говорили мнѣ такъ:

— Ну что, Иванъ Петровичъ? Что, кумъ ты мой золотой? Куда ходилъ? Что выходилъ? Э-эхъ ты, вѣтеръ степной, Иванъ Петровичъ! Право, вѣтеръ! Вотъ тебѣ отъ насъ первый привѣтъ. Думали мы, что ты, гуляючи по хорошему Божьему свѣту, хоть чуточку поумнѣешь, хоть немножко посократишься, а онъ все такой же.... Что задумался-то? Глаза-то что на насъ такъ пристально выпучилъ? Нечего на насъ пучить глазъ, потому узоры на насъ все тѣ же...

Шептали мнѣ черныя стѣны эти слова съ какою-то особенно выразительною насмѣшкой, словно бы насмѣшкой этой онѣ меня хотѣли образумить и наставить на какой-то, совершенно неизвѣстный мнѣ, истинный путь.

Такъ я помню встарину, когда я былъ еще совсѣмъ малымъ ребенкомъ, старая бабка моя, смотря на разныя мои, какъ она говорила, дурацкія выходки, укоризненно и насмѣшливо покачивала своей сѣдою головой и язвила меня острыми стрѣлами разныхъ народныхъ пословицъ, въ родѣ, примѣрно, слѣдующей:

— «Эхъ, дитя! не будетъ въ тебѣ путя»...

До слезъ, бывало, пронимали меня эти многозначительныя бабкины слова. Открывши въ шепотѣ стѣнъ кумова подвала нѣчто схожее съ ними, я бы тоже, вѣроятно, заплакалъ и теперь, ежели бы давно уже раз-

лившаяся по тѣлу моему злобная желчь не вытѣснила изъ меня всѣ безъ остатка мои горячія, искреннія слезы.

III.

— Вотъ за это я тебя, купъ, страсть какъ не люблю! этимъ восклицаніемъ вывелъ меня изъ моей задумчивости старикъ-кумъ (Назовемъ его давнишнимъ именемъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ полку, гдѣ его прозвали Обгорѣлый).—Такъ вотъ за это я тебя не долюбливаю, повторилъ Обгорѣлый:—выпьешь ты, дружокъ, малость какую-нибудь и сейчасъ же задумаешься, лицо у тебя въ синія пятна ударитъ и словно бы ты въ такія времена разорвать кого на мелкія части надумываешь. Право! Это мнѣ очень не по нраву. Выпей-ка, авось, можетъ, поотпуститъ тебя злоба-то твоя.

— Что же это я все у тебя оглядѣлъ, увидалъ, что все на прежнихъ мѣстахъ стоитъ, сказалъ я,—а про Катю не спрошу: гдѣ она у тебя?

— Помалчивай до поры до времени, съ какою-то плутоватою улыбкой отвѣтилъ мнѣ кумъ.—Мы тутъ такую-то крутую кашу завариваемъ и какъ есть, братецъ ты мой, къ самой кашѣ ты подоспѣлъ. Вотъ счастливый какой, а еще все судьбой своей недоволенъ!

А Катя, про которую я сейчасъ освѣдомлялся у солдата, была существомъ такого рода: во всѣхъ вообще дѣвственныхъ улицахъ существуетъ обыкновеніе рас-

пускать про всякаго человѣка, вновь основавшаго свой притонъ въ ихъ тишинѣ, молву, что будто у этого человѣка страсть сколько деньжищевъ и добрища всякаго врядъ ли на три подводы уложишь. Конечно, этому, повидимому, странному обыкновенію удивляться много не слѣдуетъ, потому что страсть поврать про чужія деньжища и добрище свойственна всей гольтяпѣ вообще. По этому случаю, лишь только переѣхалъ солдатъ въ свой подвалъ, какъ сейчасъ же про него вся улица какъ въ трубу затрубила:

— Однѣхъ шинелей у него три, по секрету перешептывались между собою сосѣдскія бабенки,—сапоговъ четыре пары, голенищевъ старыхъ видимо-невидимо навалено. Кому копитъ—а? Скажи, пожалуста, кому копитъ старый идолъ? даже съ нѣкоторымъ негодованіемъ вопрошала одна изъ бабенокъ.—Околѣетъ вѣдь старый шутъ,—глазъ некому будетъ закрыть.

— Ты про шинели-то, да про голенищи не толкуй лучше! вступалась другая; — а ты вотъ что послушай: видѣли у него бумажекъ денежныхъ вона сколько!... и при этомъ бабенка, припрыгнувши, чтобы быть порослѣе, взмахнула рукой надъ своею головой, желая означить тѣмъ, сколько именно у идола-солдатища было денежныхъ бумажекъ.—Теперича, продолжала она,—видѣли у него также цѣлый сундукъ съ образами и всѣ-то они—батюшки мои—въ серебряныхъ ризахъ у него разодѣты, всѣ-то въ серебряныхъ...

На основаніи этихъ разсказовъ, одна согрѣшившая дѣвочка нѣкоторою темною ночью взяла да и подкинула свою новорожденную дочку къ богачу-солдату.

— Она у него счастлива будетъ! разсуждала молодая мать.—А то, поди-ка, изъ воспитательнаго дома кому еще на руки попадется...

— Вона сокровище какое Господь мнѣ, старому шуту, послалъ! сказалъ кумъ, вывертывая ребенка изъ разныхъ лохмотьевъ.—То тридцать лѣтъ съ ружьемъ нянчился, теперь же вотъ съ чужой дитей придется понянчиться, а тамъ ужь вѣрно судьба за прялку меня усадитъ... Поворчалъ, поворчалъ Обгорѣлый такимъ образомъ, а все-таки послушною нянькой усѣлся наконецъ за дѣтскую колыбель и своими пѣснями, пѣтыми хотя и на волчиный маперъ, выбаюкалъ себѣ такую прелестную дѣвочку, про которую многочисленные жильцы говорили, что объ ней, все равно какъ объ царевнѣ какой, ни въ сказкѣ нельзя сказать, ни перомъ написать.

Я совершенно не знаю, какимъ образомъ и для чего именно на тощей и такъ гибельно воняющей почвѣ подваловъ родятся существа съ головками улыбающимися и цвѣтущими, какъ улыбаются и цвѣтутъ на холстѣ прелестныя созданія великихъ художниковъ,—не понимаю, для чего даются этимъ существамъ бѣлокурые волосы,—кого въ томъ подвалѣ хотѣла природа *удовлетворить*, творя этотъ гибкій, какъ наша стройная отечественная сосна, станъ; но знаю и сказываю о томъ обстоятельствѣ, что ундеръ-офицерскій подкидышъ, прозванный горемъ подвальнымъ царевной, про которую нельзя ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать,—былъ, есть и будетъ царевной моего одинокаго сердца...

Повинуясь могучимъ стремленіямъ нашего времени,

я долгое время шатался въ кумовъ подвалъ, внося, насколько могъ, въ мерзость его запустѣнія понятія о иномъ, внѣподвальномъ свѣтѣ. Я много разъ примѣчалъ, какъ цвѣтущая, бѣлокурая головка улыбалась, радуясь такому свѣту; но улыбка эта, дававшая мнѣ столько радостей, всегда же и глубоко мучила меня, ибо въ то время, когда въ ней зарождалась другая правда, ничуть не похожая на правду кумовой жилицы— бородастой свахи Акулины, самъ подвалъ въ этотъ моментъ, мнѣ казалось, начиналъ покачиваться, словно бы жалѣя о чемъ, и, какъ-то сокрушительно улыбаясь, шепталъ мнѣ:

— Ахъ, Иванъ Петровичъ! Голова ты этакая болѣзная! Ну, на что *это* намъ? Ну, что мы съ *этимъ* добромъ подѣлаемъ? Помни ты мое вѣрное слово, Иванъ Петровичъ! Будетъ у насъ съ тѣмъ добромъ не въ примѣръ больше слезъ, больше и воздыханій.

И такъ крѣпко донялъ меня подвалъ такими словами, что я однажды сказалъ подвальному цвѣтку:

— Прощай, Катя! Ухожу изъ Москвы на родину. Хочу посмотрѣть, по-прежнему ли наша матушка-степь своей красотой сіяетъ.

Говорю такъ и смѣюсь, и она смѣется.

— Ой, отвѣтила она,—не ходите, Иванъ Петровичъ! Люди, Иванъ Петровичъ, перемѣннѣе степи всегда бываютъ,—объ этомъ во всякой книжкѣ говорится, какую мы только съ вами читали.

Я даже хотѣлъ-было остаться, смотря на ту улыбку, съ которою Катя говорила о томъ, что люди измѣнчивѣе степи. Такъ много обѣщала эта веселая, добрая

улыбка! Но, къ счастію или къ несчастію, подвалъ опять зашепталъ мнѣ:

— Ты что же это, Иванъ Петровичъ, оставаться хочешь? Гляди ты у меня: я тебя *тогда* своими старыми стѣнами въ прахъ раздавлю...

Унося мою больную голову отъ гибели въ этихъ, такъ мрачно глядѣвшихъ, стѣнахъ подвала, я пошелъ. Пошелъ я, куда глядѣли мои глаза, и когда, возвратившись назадъ, спросилъ у кума, гдѣ Катя, онъ только отвѣтилъ мнѣ, что я счастливецъ, подоспѣвшій къ весьма крутой кашѣ. Отвѣтъ, какъ видите, весьма замысловатыхъ и таинственныхъ свойствъ; но я, изучившій нравы дѣвственныхъ улицъ, сразу понялъ, по какому именно поводу и изъ какихъ крупъ заварилась эта крутая каша,—понялъ до того ясно, что мое сумасшедшее сердце снова дрогнуло и заныло отъ той страшной боли, которою подарило его это ясное понятіе о предстоявшей кашѣ.

— Да, куманекъ! снова повторилъ кумъ, задумчиво разглаживая свои усищи.—Признаться сказать: заварили хлёбово! Не знаю только, какъ иному молодому народу придется его расхлебывать. Про себя не толкую, потому старъ я, ну и, значитъ, хлебывалъ въ-волю.... Вотъ какъ хлебывалъ — до крови!... Ну, а молодымъ какъ покажется—не знаю, и ежели то-есть не Божья воля, такъ лучше бы мнѣ скрозь земь провалиться, чѣмъ голубчику моему—дитѣ моей кровной — то кушанье изъ своихъ рукъ подносить...

— А вы, дяденька, не ропщите, пытаму судьба наша извѣстно отъ кого происходитъ... вмѣшался въ

нашу бесѣду молодой, еще неизвѣстный мнѣ, парень въ синей чуйкѣ, въ смазныхъ сапогахъ и ситцевой красной рубахѣ, видимо мастеровой. Онъ былъ еще очень молодъ и потому сдѣлалъ старому солдату свое юное замѣчаніе весьма сконфуженнымъ тономъ и притомъ неуклюже переминаясь на деревянномъ, выкрашенномъ черною краской, стулѣ.

— Молчи ужь ты, голова! сердито отозвался кумъ на замѣчаніе молодца.—Мы у судьбы-то въ лапахъ отъ люльки и по сю пору находимся, такъ мы ее лучше тебя не въ примѣръ понимаемъ, какая она до нашего брата милостивая.... Кумъ! выпьемъ съ тобой, да не по рюмочкѣ, а по стаканчику, потому скорбитъ мое сердце. Охъ, какая лютая казнь одолѣла его у меня! Тебѣ, кумъ, объ этой казни своей прежде времени не скажу, потому пуще меня ты, пожалуй, винище жрать примешься. Знаю я тебя!

Но я давно уже понялъ лютую кумову казнь и потому съ яростію истаго плебея, пріученнаго и, слѣдовательно, привыкшаго топить горе въ стаканѣ, выжралъ стаканище, предложенный мнѣ солдатомъ, опустилъ мою голову, послушно склоняющуюся предъ всякимъ несчастьемъ, и сталъ, по обыкновенію, прислушиваться къ тайному подвальному шепоту, а подвальный шепотъ на этотъ разъ былъ таковъ:

— Иванъ Петровичъ! глухо и печально шептали стѣны,—знаешь, небойсь, ты нашу жизнь-то собачью? Вѣдь Катька-то у насъ задурила.. Вѣдь въ степь-то тебя чортъ понапрасну таскалъ... Можетъ она, Иванъ Петровичъ, эта самая Катька-то, такой бы женой была вѣрной, да доброй, да умной....

А солдатъ въ то же время съ тщетно сдерживаемымъ рыданьемъ говорилъ молодому парню—нашему собесѣднику:

— Выпей и ты, парень! Выпей сразу побольше, потому тебѣ, паренекъ, надо часъ свой великій въ полной муниціи встрѣтить!

— А я, дяденька, какъ вы сами изволите знать, заикнулся было молодой парень, — насчетъ хмельнаго ни-ни, то-есть чтобы т. е. одну каплю когда — ни подъ какимъ видомъ...

— Будетъ, будетъ, женихъ, раздобары раздобарывать! грозно прикрикнулъ на него кумъ.—Сами женихами бывали, знаемъ, поэтому, какъ это ни каплито, ни подъ какимъ видомъ... Пей, говорю. И ты, кумъ, выпей! Повторимъ мы съ тобой, голова, потому мы постарше и знать свое дѣло завсегда мы должны во всяческой полности.

И дѣйствительно, я давно уже зналъ свое горькое, всегдашнее дѣло—плакать и пить, и потому я съ еще большимъ азартомъ повторилъ громадный стаканище.

— Такъ-то вотъ лучше! проговорилъ кумъ, когда вся наша компанія хватила по стакану.—Теперь, словно бы, отлегло маленько,—полегче, будто бы, стало...

—Это точно, что будто полегче бездѣлицу! вступился молодой парень.—Только, дяденька, вы теперь безпремѣнно меня поддержать должны, потому какъ это она въ любви съ *нимъ* находится и какъ я долженъ съ ней отъ него подъ честной вѣнецъ идти, и мнѣ это теперича вотъ въ какой ясности приставляется — страсть! Сердце у меня отъ эвтого приставленья во-какъ зажгло!...

— Пей, парень, ежели приставляется! командовалъ солдатъ.—Когда маленечко ополоумѣешь, всегда лекше становится. Ну! прибавилъ старичина, внезапно озлобляясь,— ежели бы *онъ* мнѣ попался когда, искрошилъ бы я его въ мелкія дребезги! Хоронится завсегда, словно знаетъ, что я бы его зубами изгрызъ.

— Нѣтъ, вотъ мнѣ бы Господь когда-нибудь подалъ его въ ручки, ночкой какой-нибудь темненькою,— я бы тово... Прямо скажу: можетъ, съ живого-то врядъ ли бы и слѣзъ, продолжалъ мастеровой солдатскую рѣчь.

— А кто это *онъ*-то? спросилъ я, чувствуя, какъ горячая кровь обливала сердце мое и душила меня, — чувствуя, что и я, даже не въ темную ночь, еслибы встрѣтился съ *нимъ*, такъ съ живого тоже врядъ ли бы слѣзъ съ него.

— Онъ-то кто? переспросилъ меня парень.—Афицеръ одинъ, богатый... А я допрежь ее зналъ, какъ на родную мать издали глядѣлъ на нее и глазами своими ее любовалъ... Можетъ, ужь года съ три той моей великой любови прошло.

Въ это время за окнами послышался глухой стукъ московской пролетки,—той шикарной, налощенной пролетки, съ фордекомъ, на которыхъ, такъ называемые, московскіе извощики-лихачи катаютъ барынь, по народному говору, *вольнаго обращенія*, и вслѣдъ за этимъ стукомъ въ подвалъ вошла Катя, шурша толстымъ платьемъ изъ чернаго глясѐ, сіяя дорогой цвѣтистою шляпой и золотыми браслетами на ослѣпительно-бѣлыхъ и маленькихъ ручкахъ.

— Банжуръ, дяденька! сказала она старому солдату

какъ-то особенно разухабисто и фамильярно.—Ахъ! Иванъ Петровичъ!... обратилась она ко мнѣ, — какими судьбами?

— Дитя мое, дитя мое! что ты съ нами съ горемычными сдѣлала? отвѣтилъ я съ громкимъ плачемъ пьянаго и, слѣдовательно, необыкновенно тонко чувствовавшаго сердца.

Потомъ я ужь ничего не помню о той крутой кашѣ, которая варилась въ это время въ подвалѣ.

— Акулина! Акулина! кричалъ, какъ мнѣ помнится, мой кумъ.—Бѣжи скорѣе за причтомъ,—я ужь всѣмъ имъ говорилъ, какая у насъ исторія... А вы держите крѣпче, а то вывернется, ускачетъ.

— Ты опять тутъ, ты опять пришелъ! кричала Катя, очевидно было и для меня пьянаго, на молодаго мастероваго.—Я вѣдь сказала тебѣ, что не пойду за тебя.

— Рази лучше скверной дѣвкой-то быть? кричалъ въ свою очередь мастеровой.—Опомнись, Катя, опомнись!... вѣдь они надъ нашимъ братомъ потѣшаются только—господа-то...

— Иванъ Петровичъ! громко кричала мнѣ Катя,—заступитесь за меня: не давайте меня благословлять, сироту, по-неволѣ... Будьте свидѣтелемъ: не хочу я за него идти...

Но я уже не могъ быть свидѣтелемъ для Кати въ томъ, что ее благословляютъ по-неволѣ за немилаго замужъ, по многимъ причинамъ, изъ которыхъ самыя главныя были слѣдующія:

— Ну, ты теперь ея женихъ! угрюмо бубнилъ солдатъ,—слѣдовательно, все равно мужъ... Прибей ее, шельму, чтобъ она отъ закона не отказывалась.

— Какже! истерически всхлипывала Катя.—Погляжу я, какъ вы меня прибьете...

— А ты думаешь не прибьемъ? оралъ мастеровой.— Ты думаешь, сердце мое не болитъ? Вотъ тебѣ, будь ты проклята! Я, можетъ, жизнь свою загублю, въ церковь Божію съ тобой идучи, а ты въ такое-то время по злодѣѣ по моемъ сокрушаешься.

Послышался звукъ пощечинъ и отчаянный крикъ женщины.

— Молодецъ, Абрамъ! говорилъ солдатъ.—Такъ ее и слѣдуетъ. Опосля слюбится...

Но, повторяю, я ничему не могъ быть свидѣтелемъ въ это время, потому что сидѣлъ совершенно разбитый этою сценой, — сидѣлъ я, а Катя кричала мнѣ:

— Подлецъ, подлецъ! что же ты не заступишься? Зачѣмъ же ты иное-то всегда мнѣ говорилъ?.. Зачѣмъ же въ книжкахъ твоихъ про заступу всегда слабому говорилось?

Сидѣлъ я, говорю, нѣмѣя отъ этихъ оскорбленій, а подвалъ мнѣ кромѣ всего этого свою рѣчь велъ:

— Видишь, Иванъ Петровичъ! Всегда я тебѣ толковалъ: уйди ты отъ насъ, потому будетъ у насъ отъ твоихъ словъ большое горе... Господи! взмолился старый подвалъ, какъ бы движникъ какой святой,—когда *столько* эти слова *будутъ идти не мимо насъ*?...

— Охъ, горе! Охъ, горе! сокрушенно взывалъ мой старый кумъ.—Но, можетъ, къ хорошему, можетъ, остепенится—въ настоящій законъ и послушаніе Богомъ данному мужу войдетъ. Н-ну, только ежели *онъ* попадется мнѣ когда въ темномъ мѣстѣ!...

*

— Съ Бог-г-гомъ, рр-ре-е-бята! командовалъ съ печи старый сумасшедшій капитанъ.—К-л-ладсь! п-л-ли! Въ ш-ш-тыки на вр-ррага! Ур-ра!...

Такъ смертельно раздразнили его Фаламѣевы ребятишки.

Затѣмъ вся компанія безъ исключенія, вслѣдствіе ни съ чѣмъ несообразной выпивки, потеряла сознаніе, и я уже ничего больше не помню...

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ.

I.

Раститеся, множитеся и наполняйте землю.
Кн. Бытія гл. I.

Вечеръ. Съ неба, тихими, граціозно-волнующимися пушинками, падаетъ первый снѣгъ. Сквозь массу этихъ пушинокъ, какъ красавица изъ-подъ вуали, свѣтлый мѣсяцъ любопытно посматриваетъ на далекую отъ него землю. Тишина и ласка самыя успокоивающія лежатъ въ это первозимнее время на душѣ человѣка, шатающагося по улицамъ.

Хорошее время, такое хорошее, что ради него я теперь и самъ пойду къ хорошимъ людямъ, и васъ поведу туда же, хотя дорога до нихъ, какъ ко всякому добру, очень далекая.

Путь намъ лежитъ сначала по тротуарамъ главныхъ московскихъ улицъ. На тротуарахъ этихъ, съ какимъ-то глухимъ, сердитымъ грохотомъ, обыкновенно харак-

теризующимъ всякую ночную человѣческую дѣятельность, работаютъ лопаты, скребки и метлы дворниковъ. Въ ихъ группахъ часто слышатся злые возгласы на необходимость разметать, даже и ночью, улицу, которую завтра же замететъ новый снѣгъ,—слышатся откровенныя шутки съ запоздавшими женщинами, пересыпанныя раскатистымъ смѣхомъ,—дружескія, но тоже страшно-грохотливыя заигрыванья съ пріятелями извощиками, стоящими около тротуарныхъ тумбъ. Тутъ же происходятъ постукиванья пальцемъ по берестовой табакеркѣ, сладкія понюшки забористаго зеленчака и таинственные сговоры, что какъ бы, дескать, это насчетъ тово... раздавить на сонъ грядущій полштофишку-другую.

Характеръ этихъ улицъ, по которымъ идемъ мы къ счастливымъ людямъ, чисто *нѣмецкій*, особенно нелюбимый коренными жителями въ длинныхъ чуйкахъ, въ суконныхъ барашковыхъ тулупахъ, съ длинными, серьезными бородами.

Изящныя керасиновыя лампы освѣщаютъ большія зеркальныя окна магазиновъ, сплошь покрывшихъ своими золотыми французскими вывѣсками дома этихъ улицъ. Верхи громадныхъ магазинныхъ рамъ, какъ бы крыльями какой-нибудь невиданной птицы, драпированы изнутри граціозными бѣлыми занавѣсками. У ресторановъ съ княжескими подъѣздами стоятъ рѣшительно непьяные извощики-франты, прозванные Москвой лихачами, и одѣты эти лихачи въ армяки изъ синяго сукна и подпоясаны канвовыми кушаками, а на головахъ у нихъ надѣты бобровыя шапки, съ заломи-

стымъ верхомъ, затѣйливо разрисованнымъ золотымъ позументомъ.

Гурьбами стоятъ эти франты въ стеклянныхъ подъѣздахъ ресторановъ и меблированныхъ комнатъ, ведутъ они съ швейцарами солидные разговоры, покуривая изъ бумажныхъ крючечковъ такъ крѣпко пахнущіе махорку и нѣжинскіе корешки. Тихо все и солидно на этихъ улицахъ и казалось бы, что истому москвичу, сочинившему пословицу, что гдѣ, дескать, тишь да гладь, тамъ Божья благодать, должна бы вся эта обстановка придтись какъ нельзя болѣе по душѣ, однако на дѣлѣ выходитъ совершенно иначе.

И выходило именно вотъ какъ:

Идетъ кровный москвичъ, дѣловой, въ барашковой шапкѣ, съ бѣлокурой тридцатилѣтнею бородкой,—идетъ онъ тѣми поспѣшными, не терпящими ни малѣйшаго отлагательства, шагами, которые обязываютъ бравую въ спокойномъ положеніи фигуру русскаго человѣка къ согнутію спины въ три погибели, къ одышкѣ, къ потной краскѣ на здоровомъ лицѣ, а главное—къ какому-то шепотливому, отрывочному разговору съ самимъ собой, въ родѣ:

— Ах-хъ, Боже Ты мой милосердый! Фу Ты, Господи! Да куда же это я? Д-да зачѣмъ?

И вотъ такой-то согнутою иноходью поспѣшаетъ куда-то москвичъ вмѣстѣ съ нами, *пы сваму дѣльцу-съ, па близости, такъ на минутую-съ*, — и глубоко предался онъ этому быстрому, какъ бы на заказъ, отмѣриванью шаговъ, сопровождая свое шаганье неразговорчивымъ шепотомъ; какъ вдругъ, на всю улицу, раздается звон-

кое ржанье стройнаго, бѣлаго рысака, стоящаго у подъѣзда, а затѣмъ послышалось нетерпѣливое топанье звонкой подковы о булыжную мостовую.

— Тише, дьяв-валъ! хладнокровно говоритъ угрюмая и, такъ сказать, игольчатая октава съ желѣзно-рѣшетчатаго крыльца ресторана.

Чего бы, казалось, проще такого обыкновеннаго вечерняго пассажа? Нѣтъ, мимошедшій москвичъ вдругъ, почему-то, останавливаетъ свою проворную поступь, снимаетъ шапку, отираетъ потъ съ лица краснымъ ситцевымъ платкомъ, и пристальнымъ мелькомъ оглянувши и рысака, бѣлая спина котораго такъ гордо рисовалась на вечернемъ уличномъ фонѣ, и ярко освѣщенный подъѣздъ, и саженныя стекла магазиновъ съ ихъ бѣлокрылыми драпри,—снова обращается въ свое торопливое бѣгство и не то съ досадой, не то съ злобой шепчетъ:

— Вотъ черти-то! И куд-ды же это я, братцы мои? Зач-чѣмъ—а? Вотъ дьяволà, такъ дьяволà!..

Бѣжитъ дальше москвичъ, говоря своею походкой, что его «никтоже гонитъ, сами ся гоняху» и вдругъ.

— Миласливый гасударь! какъ листъ передъ травой выросла предъ нимъ какая-то бурая, въ дугу согнутая личность.—Миласливый гасударь! изъ бальницы... седьмой день... ни фкушаю,—вѣрьте слову благороднаго человѣка!.. Находимшись при разныхъ должностявъ... Многіе инаралы и даже, можно сказать, графы...

— Да под-ди же ты! съ тоскою восклицаетъ москвичъ, стремясь дальше и дальше.—О, Б-боже!

— Мусью! возникаетъ передъ несчастнымъ другой

образъ съ хриплымъ женскимъ голосомъ.—А, мусью! позвольте-съ на пару словъ...

— Господи! Да што же это я? Гдѣ—а?

Съ горки, на которую, по узкому тротуару, поднимается москвичъ, съ звонкимъ смѣхомъ, сопровождаемымъ нѣмецкими ребячьими фразами, самымъ полоумнымъ манеромъ, скатываются съ глухимъ свистомъ желѣзныя салазки съ цѣлою кучей ребятишекъ—и бацъ! Москвичъ падаетъ со всѣхъ ногъ *на холодный камень плитъ* и, приподнимаясь, крехчетъ:

— Ишь, дьяволята нѣмецкіе разыгрались!

Съ быстро ускользавшихъ въ туманную даль желѣзныхъ санокъ услышали между тѣмъ враждебную рѣчь, вслѣдствіе чего солидная улица немного побаловалась, отвѣтивши за оскорбленныхъ ребятишекъ звонкимъ смѣхомъ и нѣмецкимъ словомъ:

— О, рюссишь швейнъ!

Пойдемте же и даже, въ случаѣ надобности, побѣжимъ за москвичомъ. Намъ съ нимъ по дорогѣ. Онъ, очевидно, бѣжитъ тоже къ счастливымъ людямъ, о чемъ я, какъ человѣкъ достаточно знакомый съ Москвой, заключаю по направленію его стремительнаго курса.

Пошли улицы потемнѣе. Фонари, освѣщавшіе ихъ, стояли другъ отъ друга на такомъ разстояніи, про которое говорятъ: колосъ отъ колоса—не слыхать человѣческаго голоса. Очевидно, они были поставлены для *близиру*, и они сами, какъ видно, очень хорошо понимали свою призрачную роль, потому что такъ плутовски подмаргивали и другъ другу и проходящему народу, что возбуждали въ наблюдателѣ цѣлый рой сомнѣній на-

счетъ того обстоятельства, что едвали это фонари и что чуть ли это не какіе-нибудь кривые, плутоватые люди, подкивывающіе и подмаргивающіе, съ условленною цѣлью объегорить какого-нибудь любезнаго благопріятеля.

Подославши къ воротной вереѣ соломки и закутавшись въ здоровый бараній тулупъ, въ самой нѣжной позѣ покоящейся одалиски, лежитъ около одного, по-московски орнаментнаго, дома молодой дворникъ и дремлетъ сладкою дремой подъ эту тихую музыку пушисто летающаго снѣга. То откроетъ глаза дворникъ, то снова закроетъ ихъ; то вытянетъ ноги, то снова спрячется подъ теплый тулупъ и свернется калачикомъ. По временамъ, онъ споетъ что-то безсловное, напоминающее собой пѣсню сытаго кота; иногда протяжно и сладко зѣвнетъ, перекреститъ уста и проговоритъ:

— О, Б-боже Ты мой Господи милосердый! О, Господи Боже!..

— О, Б-боже Ты мой милостивый! съ тоскою шепчетъ въ свою очередь бѣгущій впереди насъ коренной москвичъ.—Куды? Зачѣмъ? О, Б-боже!

— Ха-ха-ха-ха! раскатывается дворникъ съ своего уютнаго сидѣнья.—Вотъ, теперича, другъ любезный, тебѣ только девять разъ осталось шарахнуться. Не тужи. Эва! сколько дровъ наломалъ, а еще съ обѣихъ сторонъ фонари... Ха-ха-ха-ха!

— Да не будь ихъ чертей—фонарей эфтихъ слѣпыхъ, я бы совсѣмъ не шарахнулся. Только тѣнь одна отъ нихъ. У насъ вонъ, въ нашей улицѣ, ни одного ихъ нѣтъ—и чудесно! Идешь такъ-то—любезное дѣло! Ни разу не оступишься...

Говоритъ москвичъ такія слова и ожесточенно отряхаетъ шапкой снѣжную пыль съ своего тулупа; а фонари на едва-едва примѣтный моментъ ярко мелькнули своимъ колеблющимся свѣтомъ и вдругъ опять померкли и серьезно сморщили лица, съ настойчивостью, основанною на твердомъ убѣжденіи въ своей невинности, показывая и улицѣ, и дворнику, и мимоѣдущимъ извощикамъ, что это «не мы, не мы,—ей-Богу-съ! Мы вотъ свѣтимъ, а дальше мы—ни-ни! Напрасно вы такъ про насъ полагаете. Это онъ, можетъ, съ-пьяну шарахнулся,—д-да-съ»!

И этой серьезною рожей фонарей были обмануты и улица, и дворникъ, и москвичъ, и извощики.

Однако, шутка шуткой; но только, Боже мой, какъ нѣжно этотъ славный вечеръ, своимъ серебристымъ снѣгомъ, своей гармоническою тишиной, будитъ и оживляетъ иныя, видимо начинавшія засыпать, человѣческія души.

Пойдемте тише, пользуясь этой, такъ внезапно налетѣвшею, мирной минутой. Будемъ благодарны ей и станемъ смотрѣть на фонарь какъ на фонарь, а не какъ на одноглазаго плута, котораго за его насмѣшки, безъ этой минуты, непремѣнно выругалъ бы и послалъ ко всѣмъ чертямъ...

Очень темны были улицы этой второй категоріи. Высились на нихъ гордые барскіе дома, выстроенные *про себя*. Ихъ большія, такъ надменно смотрѣвшія, окна завѣшены шторами, сквозь которыя чуть-чуть пробивался тотъ таинственный полусвѣтъ, при которомъ, по стариннымъ романамъ, княгиня Мери, пользуясь отсутствіемъ мужа,

даетъ уланскому корнету Г. понятіе о своемъ высокомъ умѣ, необыкновенно-тонкомъ, анализирующемъ самую глубь любви. Зло смотритъ на такіе дома человѣкъ голода и холода, проходя мимо ихъ большихъ, такъ крѣпко запертыхъ, лакированныхъ дверей; а я, напротивъ, даже люблю ходить мимо ихъ, потому что всегда въ позднее аристократическое послѣ-обѣда, передъ самымъ, такъ называемымъ, *аванъ суаре*, оттуда слышатся могучіе звуки дорогихъ піанино,—и говорятъ мнѣ эти звуки о томъ, что разнообразныя страданія, сокрушающія родъ человѣческій, протискиваются и въ надменныя окна, защищенныя плотными шторами, и въ лакированныя двери, стрегомыя лакеями во фракахъ и въ голландскомъ бѣльѣ...

Таинственный полусвѣтъ, льющійся изъ оконъ, даетъ мнѣ возможность видѣть прелестные цвѣты, уголокъ громаднаго зеркала съ половиной портрета серьезнаго, генеральскаго, такъ сказать, лица, отражающагося въ немъ,—и вотъ я остановился на тротуарѣ и слушаю.

Слушаю, а изъ дома несутся ко мнѣ рыданія какого-то необыкновенно-великаго горя, и все существо мое, прислушиваясь къ нимъ, дрожитъ нервической, страстно-сочувствующею дрожью...

Какъ прикованный, стою я, и вотъ, по дивной волѣ артиста, въ головѣ моей крайне-спутаннымъ строемъ проходятъ многоразличныя людскія недоразумѣнія: *проклятые*, отъ вѣка безотвѣтные вопросы, — мысли, обязывающія человѣка на всегдашнее отметаніе отъ прекрасныхъ благъ земныхъ, — мысли, фатально влекущія въ могилу по такой дорогѣ, отъ хаотической

пустоты которой леденѣетъ сердце и встаютъ суровымъ лѣсомъ молодыя кудри,—молодыя кудри, какихъ еще, можетъ-быть, ни разу не лелѣяли нѣжныя женскія руки...

Вслѣдствіе этихъ представленій, сокрушительная истома по чужому горю зажгла душу мою своимъ необыкновенно-жгучимъ огнемъ: эта головка, что плачетъ теперь надъ дорогимъ піанино, является въ моемъ воображеніи несравненно прелестнѣе всѣхъ этихъ цвѣтовъ, стоящихъ на окнѣ, и я принимаюсь отгадывать настоящую причину грусти этой, видимо назначенной для всякаго счастія, птички. Быстро смѣнялись мои думы, нагоняемыя на меня звучавшими, какъ волны, октавами инструмента, и ничего не могъ уяснить я себѣ до тѣхъ самыхъ поръ, пока настоящее лицо, интересовавшее меня, не удостоило показаться мнѣ и товаркѣ моей — темной ночи, на минуту вырисовавшись въ окнѣ. Было оно, какъ разсказывается во всѣхъ романахъ, «интересно-блѣдно, аристократически-сдержанно; черные волосы обольстительно обрамляли его» и проч. и проч.

Совсѣмъ не то разсчитывалъ я увидѣть, и обманутое ожиданіе сразу поселило во мнѣ какую-то странную увѣренность, что барыня эта играла такъ хорошо потому только, что была голодна. Я громко засмѣялся глупой мысли и пошелъ дальше, разсуждая на тему, чортъ знаетъ откуда на меня налетѣвшую, что любого человѣка ко всему пріучить можно; даже крайняго идіота можно выучить быть умнымъ. Тутъ же подвернулось и доказательство этой истины.

«Медвѣдей выучиваютъ же плясать», думалъ я и хохоталъ все громче и громче, такъ что одинъ бутарь вынужденнымъ нашелся объяснить мнѣ, что это довольно даже нехорошо для благороднаго господина— идти по улицѣ и грохотать по-лошадиному.

Выслушавъ нотацію съ прирожденнымъ мнѣ смиренствомъ, я пустился въ самую глубь тѣхъ улицъ, граничащихъ съ заставами, на которыхъ совсѣмъ смолкаетъ крикливая столичная жизнь. Ворота во всѣхъ домахъ плотно приперты толстыми засовами, окна закрыты ставнями и лишь изрѣдка, около освѣщенныхъ кабачковъ можно примѣтить какихъ-нибудь двухъ или трехъ друзей, въ ватныхъ халатахъ, тихо и задумчиво разсуждающихъ, послѣ выпивки, о необыкновенной тягости нынѣшнихъ временъ и о неизбѣжной надобности хватить еще малую-толику ради этого горестнаго обстоятельства.

Изъ будки, иногда начинающей, иногда замыкающей собой подобныя улицы, льется на дорогу маленькій дрожащій огонекъ, который ежели и горитъ еще, такъ потому только, что въ будкѣ ночнымъ временемъ безъ огня быть ни подъ какимъ видомъ нельзя.

— Квартальный, пожалуй, вздумаетъ съ дозоромъ пойдти, объяснительно покивываетъ огонечекъ улицѣ, какъ бы оправдываясь передъ нею въ томъ, что онъ освѣтилъ собой ея естественные виды, очевидно отвергавшіе всякое освѣщеніе.

Коренной москвичъ, руководящій насъ по дорогѣ къ счастливымъ людямъ, лишь только вступилъ въ эту тихую улицу, всю залитую луннымъ сіяніемъ, всю за-

валенную блещущими снѣжными сугробами, какъ сейчасъ же измѣнилъ свою порывистую, суетливую побѣжку на шагъ человѣка, который, видимо, дѣйствуетъ въ своей сферѣ. Вотъ онъ шутитъ дружескую шутку съ будочникомъ, сладко прикорнувшимъ на рѣзномъ балкончикѣ своего солдатскаго жилища: подкравшись къ стражу своей улицы на ципочкахъ, москвичъ сдергиваетъ съ него *кэпю* и изо всей силы швыряетъ ее въ далекія небеса. *Кэпя*, вѣроятно, не считая себя настолько заслуженною, чтобы навсегда застрять и успокоиться на одномъ какомъ-нибудь изъ этихъ летающихъ по небу облачковъ, снова черною галкой спускается на землю.

Съ громкимъ хохотомъ оба друга стремятся захватить шапку въ свои руки. Искусно подбрасываемая москвичомъ, она перелетаетъ черезъ снѣжные бугры, черезъ низенькія лачужки, останавливается на деревьяхъ, сучья которыхъ любопытно смотрятъ на эту игру, и, спугнутая съ нихъ ловко швырнутою палкой, снова летитъ по сугробамъ, иногда останавливаясь на нихъ и, слѣдовательно, вызывая тѣмъ самымъ разыгравшихся пріятелей къ новымъ, еще болѣе поразительнымъ, состязаніямъ въ самомъ, такъ сказать, центрѣ снѣжнаго царства, т. е., другими словами, по уши въ снѣгу, разлетавшемся отъ этой борьбы милліонами серебряныхъ искръ.

Перебросивши наконецъ вражескую голову черезъ заборъ пустыннаго огорода, москвичъ издали кричитъ своему спорнику:

— Гдѣ тебѣ со мной, полицерія ты эдакая несчаст-

ная! Хоть бы насчетъ куроцапства-то умѣлъ обходиться какъ слѣдствуетъ, а то эва—вздумалъ меня обороть. Ха-ха-ха-ха!

Будочникъ, слушая эти разговоры, энергически царапался на высокій заборъ огорода, куда улетѣла его разнесчастная солдатская голова.

— Ишь ты, вѣдь, куда угораздило его запустить! безъ тѣни даже досады толкуетъ будочникъ.—Чортъ вѣдь это его расхватываетъ, должно-быть, на игру-то. Спалъ бы я теперь, да спалъ безъ него.

— Илю-ю-ша! раздается черезъ минуту голосъ чуть-чуть уже виднѣющагося москвича,—находи поскорѣе фуражку-то свою, да приволакивайся ужинать поживѣе; водочки поднесу, потому у меня сынишка мениннникъ.

— Да какъ же я съ чисовъ-то, Миронъ Петровичъ? кричитъ въ свою очередь будочникъ.—Нельзя вѣдь съ чисовъ. Пожалуй, взыску какого бы не было...

— Вз-зыску? отзывается москвичъ.—Эвося! Махонькій што-ль? Вз-звыскъ!... Приходи-знай...

Исполинскія собаки, разбуженныя этимъ дружескимъ переговоромъ, отвѣтили на него крикливымъ лаемъ и неистовою бѣготней по слѣдамъ москвича; но москвичъ, съ опытностью американскаго морехода, лѣпился подъ заборами, твердою ногой ступая по едва примѣтнымъ тропинкамъ; онъ храбро выходилъ по временамъ на самую средину улицы, отыскивая перенесенныя туда другимъ предшествовавшимъ ему храбрецомъ едва примѣтные слѣдочки, и только посвистывалъ, только посвистывалъ.

Такъ онъ былъ безбоязненъ среди этого безлюдья, среди этихъ сугробовъ,—такъ былъ увѣренъ въ томъ, что ежели собачье чутье обманется и не узнаетъ въ немъ сосѣда — Мирона Петровича, такъ непремѣнно самъ онъ — Миронъ Петровичъ — узнаетъ всякую собаку своего околодка и, судя по обстоятельствамъ, можетъ во всякую секунду или приласкать ее, или взбутетенить, что одинаково обезопаситъ его, ни для какого смертнаго, кромѣ истаго москвича, неосуществимое путешествіе.

— Орелка! Косматка!... Што вы, лѣшіе, аль своихъ узнавать перестали? покрикиваетъ нашъ руководитель, мощною рукой стуча въ тесовыя ворота. Собаки сознаются въ своей ошибкѣ радостнымъ визгомъ и фамильярными скачками на грудь и спину Мирона Петровича, что составляетъ такую добрую житейскую картину, что пробиравшійся въ сосѣдній домишко на ночлегъ забулдыга-извощикъ никакъ не можетъ ей не позавидовать и говоритъ:

— Ахъ, хозяинъ! Какъ это васъ собачки здѣшнія любятъ, ей-Богу! Все равно, ваша милость, по всей по улицѣ здѣшней для всякаго человѣка вы замѣсто отца родного, сичасъ умереть!

— Разговаривай, разговаривай по субботамъ, Митька! отвѣчаетъ москвичъ голосомъ, въ которомъ явственно слышатся недовольныя ноты.—Ты бы вотъ мнѣ долгъ поскорѣе приносилъ, чѣмъ чаи-то по харчевнямъ расхлебывать. Такъ-то, другъ! Зубоскалить-то нечего. Насъ не удивишь, потому сами встарину зубоскаливали...

— Ишь ты, хитрый какой! говоритъ тихомолкомъ

извощикъ, благоразумно заглушая воротнымъ скрипомъ хитрое хозяйское слово.—Сейчасъ вѣдь узнаетъ, къ чему какой разговоръ человѣкъ подводитъ... А я, было, завтрашняго числа думалъ къ нему еще подкатиться насчетъ займу. Теперь не дастъ, ни въ жисть не дастъ, хоть и не ходи!... Эхм-ма!...

Съ глухимъ гуломъ упала наконецъ воротная задвижка, отдернутая сѣдымъ дѣдомъ-дворникомъ, который, несмотря на зиму, былъ босъ и въ одной только ситцевой, полинялой рубахѣ, да въ пестрядинныхъ штанахъ. Зоркимъ, серьезнымъ взглядомъ оглядѣвши хозяина, онъ спросилъ его:

— Пошто полуношничаешь? У насъ тутъ душа не на мѣстѣ; все про тебя думаемъ: какъ бы, молъ, головушка то наша разудалая опять въ трактиръ не качнула...

— А ты, дѣдушка, не думай, пошутилъ москвичъ,— потому думаютъ-то знаешь кто? индѣйскіе — пѣтухи... Такъ-то!

— Ну-ну, проходи! сердито перебилъ дѣдъ и затѣмъ, помолившись на крестъ сосѣдней церкви, ушелъ во дворъ нетороопливою, важною поступью, и въ то время, когда москвичъ уже изъ самаго нутра своего дома продолжалъ звать будочника-Илюшу на сынишкины аменины, дѣдъ глухо и неразборчиво ворчалъ:

— Банкетчики-черти... Эхъ! плачетъ матушка-палка по эфтому по народу! Съ какой радости?..

— Счасъ, счасъ, Миронъ Петровичъ! Сею сикунтой сберусь! въ послѣдній разъ откликнулся будочникъ, и послѣ этого отклика мы, читатель, остались съ тобой

въ этой пустынной улицѣ, залитой луннымъ сіяніемъ, заваленной снѣжными сугробами, рѣшительно одинокими и безпомощными, потому что, несмотря на нашу съ тобой охоту знать счастливыхъ людей и вести съ ними пріятное знакомство, мы, на дорогѣ въ такое желанное царство, луннымъ свѣтомъ залюбуемся, передъ снѣжными горами остановимся, собакъ лютыхъ испугаемся...

II.

Когда я, читатель, одинъ иду къ хорошимъ людямъ, я дохожу до нихъ такъ же легко, какъ пришелъ сейчасъ истый москвичъ въ свой собственный домъ. Я и съ будочникомъ побалуюсь, я и собакъ поласкаю, ежели онѣ смирны; а ежели злы, то даже и побью ихъ, несмотря на то, что отъ «гуманства» этого, которое во мнѣ понасыпано, я бы въ пропасть всею головой моей готовъ во всякое время шарахнуться безъ малѣйшаго разговора... Снѣжные сугробы, или даже грязь по колѣно, меня тоже нисколько не останавливаютъ на моей дорогѣ, потому что я такую пѣсню знаю, которая говоритъ, что

«Черезъ черную грязь перепелицей».

Но ты, читатель, всегда былъ, есть и будешь для меня тяжелой обузой, потому что ты ежегодно тратишь шестнадцать съ полтиной на какую-нибудь газету, или

журналъ, выписка котораго обязываетъ всѣхъ твоихъ друзей твердо вѣровать въ то, что ты человѣкъ цивилизаціи, другъ прогресса и т. д. Друзья съ благоговѣніемъ просятъ у тебя почитать журнальчика, или газетки, и ты снисходительно даешь имъ оные и тутъ же сообщаешь имъ, что Гарибальди... что земная кора... питанье опять... соціальность... терпимость и... и чортъ тебя знаетъ, о чемъ ты, съ чужого голоса, нагородилъ въ разныя минуты своей жизни, чего совсѣмъ не городятъ въ тѣхъ улицахъ, гдѣ мы находимся съ тобой въ данную минуту и куда, по-настоящему, ходить тебѣ рѣшительно не за чѣмъ; но ты въ послѣдніе дни твоего существованія очень приналегъ на всѣ эти Петербургскія, Московскія, Варшавскія et caetera Трущобы, и такъ какъ роли политика, натуралиста, соціалиста и, наконецъ, порицателя или поощрителя различныхъ внутреннихъ мѣропріятій тебѣ демонски опротивѣли, то ты, вспомнивши золотое время твоего *невозвратно-минувшаго дѣтства*, захотѣлъ, на старости лѣтъ, еще разъ порисоваться въ роли знаменитѣйшаго принца Герольштейна — и пошелъ ты по этому случаю, вмѣстѣ съ авторами различныхъ трущобъ, по столичнымъ кабакамъ, для ради изученія младшей, падшей и вообще всяческой братіи, которую ты почему-то считаешь во всѣхъ отношеніяхъ хуже себя и которую, на этомъ основаніи, ты назвалъ *меньшею братіей*. Авторы-то коекакъ выкарабкались изъ кабаковъ, конечно не всѣ, и правда, что съ достаточнымъ угарцемъ, потому что быть въ огнѣ и не обжечься — нельзя; но тебя-то, непривычнаго человѣка, тамъ либо исколотили на смерть,

либо самъ ты запился въ нихъ, не могши сладить съ своимъ ретивымъ, которое до конца изомлѣло и сокрушилось отъ того крѣпкаго буйства, какому предавались кабачные, погибающіе люди на порогахъ своихъ видимыхъ могилъ...

Вотъ почему ты для меня обуза, читатель, на этой улицѣ. Воротись лучше назадъ отъ дѣйствительности, которою ты брезгаешь до отвращенія, или боишься до смерти. Вернись, говорю. Слышишь, какъ будочникъ Илюша, только-что сейчасъ по-ребячьи игравшій съ москвичомъ, пристально всматривается въ насъ съ тобой и, совсѣмъ какъ настоящій часовой, грозно вскрикиваетъ:

— Кто идетъ?

А эти собаки?... Обличаемыя каждымъ нумеромъ московскаго «Развлеченія», онѣ тѣмъ не менѣе не перестаютъ пробирать незнакомыхъ пѣшеходовъ, безпокоящихъ ихъ мирную жизнь въ тихой улицѣ.

Видишь, какимъ бѣшенымъ стадомъ и съ какимъ неистовымъ лаемъ мчатся онѣ на насъ? Бѣжи!

Бѣжи и не связывайся съ этимъ извощикомъ, который вдругъ, ни съ того, ни съ сего, строго и бранчиво принимается уличать тебя въ полунощничествѣ и въ шаромыжничествѣ, легкимъ подсвистываньемъ натравливая собакъ на то, чтобъ онѣ согнали тебя съ «ихней» улицы.

— Часовой! кричишь ты, справедливо полагая, что будочникъ Илюша сейчасъ прольетъ за тебя всю кровь и сразится съ собаками не на животъ, а на смерть. Бѣдный! ты сильно ошибаешься.

— Проваливай, проваливай! отвѣчаетъ на твой крикъ Илюша и затѣмъ суетливо начинаетъ соваться въ разныя стороны, разговаривая промежь себя, что «ахъ ты, братцы мои, куд-ды это д-дубину я тутъ положилъ? Ах-хъ! Хорошо бы это вдоль ногъ ему запустить...»

— Здравствуй, Илюша! привѣтствую я лично стража тихой улицы.—Какъ живешь-можешь?

— А, здорово, баринъ! Кто это съ тобой проходилъ сейчасъ?

— Да это такъ, Илюша! Это—читатель.

— Читатель?... Какой такой? Нонѣ, самъ знаешь, какъ стр-рог-га!

— Ну тебя къ лѣшимъ! Ты на именины, что-ль, къ Мирону Петрову собрался? Я вѣдь слышалъ, какъ ты съ нимъ переговаривался. Я самъ тоже къ нему.

— Къ самому?

— Нѣтъ, я къ прачкѣ — къ Петру Александрову. Дома скучно стало. Дай, молъ, схожу поболтать.

— Такъ, такъ! совсѣмъ уже ласково подтверждаетъ Илюша.—Вмѣстѣ, значитъ, пойдемъ. Я тебя черезъ заборъ подсажу, а то у нихъ экую рань ворота всегда запираютъ, такъ чтобы не стучать, не безпокоить, потому дѣдъ у нихъ—дворникъ, и сердитый такой насчетъ безпокойства... Такъ-то облаетъ...

— Зачѣмъ безпокоить? И такъ, какъ-нибудь, перескочимъ,—нынѣ снѣгъ, мягко; авось, не расшибемся.

— Извѣстно, не хрустальные. Только што же это тебя въ нашихъ краяхъ давно не видать? Я думалъ—ты пропился, али бы околѣлъ; а у насъ тутъ безъ тебя какія исторіи пошли—бѣд-да!

— Ну?

— То-есть просто смѣхъ! На комедію не ходи. Миронъ Петровъ-то—слышь?—любовницу полюбилъ, а жена за нимъ, съ мастеровыми (она ихъ виномъ за себя заступаться подкупаетъ), кажинную ночь по улицѣ съ дубьемъ, словно вѣдьма, бѣгаетъ. Нагонитъ такъ-то его—тр-рахъ этимъ самымъ дубьемъ по спинѣ; а онъ ей говоритъ: «здравія желаю, ваше высокоблагородіе!» Словно солдатъ на смотру, — вотъ шутъ-то! А самъ такъ и раскатывается: ха-ха-ха-ха! Я это тоже сижу здѣсь и смѣюсь. Заб-бава!

— Да, точно, смѣшно, согласился я.

— А того смѣшнѣе, какъ эта самая женщина, снова заговорилъ и залился звонкимъ, добродушнымъ смѣхомъ Илюша,—какъ она заразъ мужа и со слезами умаливаетъ, чтобъ онъ хоша не грохоталъ-то надъ ней, а сама все его дубьемъ, дубьемъ... «Дай ты, умаливаетъ, сердцу моему хошь въ этомъ разѣ облегченье какое-нибудь», т. е. это выходитъ, чтобы грохотать-то онъ пересталъ.

— Что же, они часто у васъ такъ-то?

— Говорю: каждую ночь полоскаются. И теперь вотъ, того и гляди, сбѣсятся. Да вѣдь это что? У насъ чего другаго нѣтъ, а побоищевъ этихъ—сколько угодно. Ты вотъ зналъ, можетъ, востроносую дѣвицу, какая жила у прачки-Петрухи съ учителемъ-то? Да ты и учителя-то знаешь,—я васъ съ нимъ часто въ прошломъ году въ кабакахъ видывалъ.

— Ну?

— У ихъ тоже исторія, да смѣху въ этой исторіи

малость. Ахъ, жаль парня,—ни за грошъ пропадаетъ, а парень добрый

— Да въ чемъ дѣло-то? Я обоихъ ихъ зналъ, люди оба хорошіе, жили дружно.

— Дружно! съ какою-то унылой ироніей воскликнулъ Илюша.—Было, можетъ-статься, когда, да сплыло; а теперича... бабъ этихъ самъ шутъ не разберетъ, въ какую она погибель его шарахнула! Видишь, ему, это учителю-то,—слышь? мѣсто какое-то на городѣ вышло. На желѣзку я его провожалъ, чемоданчикъ это, подушки, сакъ-вояжъ съ книжками — все это въ пролетку я ему выносилъ, и она тутъ же, востроносая-то, провожать его ѣдетъ—и, т. е. я тебѣ говорю, плачетъ, рѣкой разливается и, словно бы даже какъ въ помраченіи ума, металась и вскрикивала. Слышу, толкуетъ она ему: «Ты это, говоритъ, нарочно къ мѣсту ѣдешь, — отвязаться отъ меня, какъ ни-на-есть, захотѣлъ», потому ей это въ привычку было, не въ первый разъ. Самъ знаешь, когда, ежели къ примѣру, «гысспада офицерà» по полкамъ своимъ разбираются, такъ бросаютъ ихъ, дѣвокъ-то, безъ всякихъ эфтихъ церемоніевъ,—ну, ей это, значитъ, и въ привычку. А онъ ей свое толкуетъ: «Я, говоритъ, не прапорщикъ». И точно-что это онъ правду сказалъ, потому онъ совсѣмъ штатскій... «Сколько разъ говорилъ я тебѣ, сказываетъ онъ ей, — за тѣмъ и ѣду, чтобъ и тебѣ, и себѣ спокой доставить какой-нибудь, чтобы не мыкаться намъ больше съ тобой по бѣлу свѣту...» Утѣшаетъ онъ ее такъ-то, а мнѣ пятіалтынный въ руки, потому душа человѣкъ. Укатили. Смотрю, посмотрю:

къ вечерку эдакъ возвращается моя барышня. Спрашиваю: проводили?—Проводила, говоритъ, и смѣется; а изъ-за угла,—о, чтобъ тебя черти забрали! — ужь и выглядываетъ хахаль какой-то, рукой, эдакъ, поманиваетъ,—поскорѣе, значитъ, не замѣшкайся! На что меня смѣхъ разбираетъ, такъ вѣдь истинно по тому случаю, что въ тотъ же день... «Это послѣ слезъ-то такъ-то вы, барышня? спрашиваю. Послѣ шести-то годовъ вы эдакъ-то?...» Смотритъ на меня и хохочетъ, аки безумная какая! «Моя, говоритъ, теперь воля. Куда хочу, туда и пойду. Одна, говоритъ, осталась. Ха-ха-ха-ха!» И то года съ три я видалъ: гулять, бывало, пойдетъ съ самимъ, или одна по надобности куда-нибудь,—всегда это такъ тихо, степенно,—всегда, бывало, ласково такъ поклонится; а тутъ... примѣчай, куда пошло! Какъ почнетъ приплясывать моя барышня, какъ загорланитъ на всю улицу пѣсню:

«Съ кѣ-ѣмъ хочу, съ тѣмъ и гуляю!..»

— Ну, ей-Богу же, баринъ, продолжалъ Илюша, — я перекрестился, глядя на нее, потому вижу, дѣвка-то выпимши. Хотѣлъ было ее тутъ же въ фарталъ отправить, да думаю: ежели, молъ, умный человѣкъ съ нею не сладилъ,—мы съ фарталомъ при чемъ тутъ будемъ? Ай правду должно пословица-то говоритъ: «не сдѣлаешь пана изъ хама!..»

— Иные дѣлаютъ, замѣтилъ было я, но Илюша заговорилъ съ большою живостью, какъ бы приготовляясь жестоко спорить со мной, и поэтому я замолчалъ.

— Нѣтъ вить, какая тварь-то! Воротившись ко мнѣ, сейчасъ четвертакъ подаетъ; говоритъ: «получи, да смотри, не очень болтай, потому учитель, — забери его душу самъ дьяволъ, — жениться на мнѣ похотѣлъ. А впрочемъ, посмѣивается, ежели и проболтаешься сдуру, такъ онъ не повѣритъ.... Какъ, говоритъ, знаешь!...» Такая тварюха бѣдовая! — и опять заплясала, и опять загорланила. Плюнулъ, да ушелъ въ будку. Такъ это даже злость меня на эту мразь проняла...

— Ну, будетъ, Илюша. Твоихъ исторій всѣхъ не переслушаешь. Снимайся съ часовъ поскорѣе, да и пойдемъ.

— Да что съ нихъ сниматься, съ часовъ-то! Взялъ — да и пошелъ. Вотъ-те и вся не долга! А насчетъ исторіевъ, точно что.... въ волю всего насмотришься, потому слышь, прошло-ль еще двѣ недѣли, учитель-то и примахнулъ сюда, да все это по ночамъ около дома и шастаетъ. Узналъ я его и прямо ему съ-бацу: такъ и такъ, молъ! Малый хорошій, думаю, отчего ему всей правды не сказать, — пущай, молъ, развяжется съ тварью необузданной. «Знаю, говоритъ, — мнѣ сердце про все разсказало... Пойдемъ, умоляетъ, — Илюша, въ кабакъ. У меня во всю жизнь только и добраго было, что она. Пропьемъ же все, говоритъ, — вдосталь, чтобы за одно ужь, чтобъ и помину ни о чемъ не оставалось...» И вотъ уже, сударь мой, съ мѣсяцъ, какъ этотъ самый учитель по сосѣдскимъ кабакамъ шастаетъ безустанно. Пьетъ, спаси его Богъ, до идольской смерти... Докладывалъ квартальному. Тотъ сказалъ: «поприсмотри, Илюша, попристальнѣе, потому тутъ дѣло не безъ опаски...

Запахнетъ, пожалуй, чѣмъ-нибудь нехорошимъ». А ей, востроносой-то, велѣлъ сказать, чтобъ она подальше куда-нибудь отъ Мирона Петрова, на другую фатеру перебиралась; только она на этотъ счетъ внѣ силъ,— видно, не очень шаромыжничествомъ-то люди разживаются. Д-да-съ! Жаль, жаль учителя-то, ей-Богу, потому гибнетъ хорошій человѣкъ замѣсто мухи, самой паскудной. И дьяв-валъ, што ли, какой ее взбунтовалъ,—шутъ ее, прости Господи, знаетъ! Ахъ, бабы! Ах-хъ, б-ба-абы! Н-ну!

— Это точно, Илюша; бываетъ иногда, что ты сказалъ сейчасъ насчетъ дьяволовъ,—соблазняютъ....

— Какой тамъ иногда, судырь! Такъ надо полагать, что они завсегда такими манерами бабенокъ этихъ разжигаютъ, потому самъ я.... Вотъ разскажу, благо къ слову пришлось: родимшись, этта, въ Нижегородской губерніи, я женился. Женимшись, вдругъ отъ пріятелевъ отъ своихъ докладъ получаю: «ты, спрашиваютъ, что знаешь, Илья?»—А что, говорю? А самого такъ въ сердце что-то и шаркнуло. Должно, учитель-то правду сказалъ: мнѣ, говоритъ, сердце обо всемъ разсказало. Да, да! Пріятели-то мнѣ и говорятъ: «а знаешь ли ты, милый человѣкъ, Ѳому-краснорядца?» А сами: гро-о-о-о, гра-а-а!—такъ и раскатываются. Раскусимши это, домой я сейчасъ же побёгъ. Бѣгу, земля подо мною гормя горитъ. Прибѣгши, кэ-экъ развернусь, ддэ-экк х-хвачу.... Такъ-то-сь!...

— Ну, и что-жь?

— Да ничего! На другой день въ губерню махнулъ, всю ночь тайно въ овинѣ проплакамши; а въ губерніи

себя въ охотники объявилъ,—прямо, значитъ, въ царскую службу.... Гыс-спада инаралы сказали мнѣ: «молодецъ! говорятъ. Гуляй!» Ну, я вотъ и гуляю.... Побѣжимъ, баринъ, одначе; поздновато, быдто, становится,—пожалуй, аменинъ не застанемъ...

Тутъ Илюша заперъ на замокъ будочную дверь и ключъ припряталъ въ потаенное мѣсто, извѣстное только ему и товарищу.

— Товарищъ-то у меня, шутъ его побери, несуразенъ больно. Ужо, къ полюбовницѣ пошодчи, сказалъ: до завтрева не жди. Только раньше, знаю, безпримѣнно раздерутся, какъ черти, и сюда спать прибѣгутъ. Для того и ключъ оставляю. Н-ну, жисть!...

III.

И вотъ мы съ Илюшей, наконецъ, въ самомъ царствѣ этой, какъ онъ выразился про нее: «н-ну, жисти»,—въ домѣ Мирона Петрова, очевидно недавно выстроенномъ, потому что домъ такъ привлекательно бѣлѣлъ на ночномъ фонѣ своими гладко выструганными бревнами, а жестяная ярко-зеленая крыша такъ гостепріимно звала къ себѣ. Изъ всѣхъ оконъ мелькали тѣ дрожащіе, какъ будто постоянно переносимые съ мѣста на мѣсто, тусклые огоньки, какіе бываютъ отъ сальныхъ свѣчей.

— Мы всѣ здѣсь! вскрикнулъ въ темныхъ сѣняхъ надъ самымъ моимъ ухомъ голосъ, принадлежавшій прачкѣ—Петру Александрову, цѣли моего далекаго пу-

тешествія.—Насъ всѣхъ со всего дома вообче сбилъ хозяинъ на именины къ своему сыну. Онъ у него надъ всѣмъ имуществомъ законный наслѣдникъ. Пойдемъ, Иванъ Петровичъ, и ты къ нему. Гуляй! И за тѣмъ прачка, сдѣлавши нѣсколько пьяныхъ варіацій изъ чего-то, отъ роду моего не слыханнаго мною, схватилъ меня подъ мышки и потащилъ куда-то по кромѣшно-темной лѣстницѣ съ такою быстротой и таинственностью, съ какими злой духъ увлекаетъ въ адъ грѣшныя души.

— Тро-тро-та-та! благодушнѣйшимъ, но безсмысленнымъ старческимъ голосомъ выводилъ онъ свою арію, блаженно хихикая и ласково тиская меня такъ, что даже временами я ощущалъ на моей лѣвой щекѣ прикосновеніе его небритыхъ устъ, обдававшихъ меня жаркимъ спиртуознымъ паромъ.

— Порядочно, должно-быть, нынѣ заложилъ? спрашивалъ я у старика, просто, ради дружескаго разговора, но избѣгая, впрочемъ, мѣстоименій, потому что старикъ по такимъ временамъ дѣлался необыкновенно обидчивъ. На знакомаго, который ему начиналъ говорить *ты*, онъ, въ качествѣ стариннаго камердинера какого-то знатнаго московскаго барина, страшно принимался кричать въ томъ родѣ, что «какъ-де ты смѣешь тыкать меня, музланъ необузданный—а? Гдѣ ты такой политикѣ научился, мерзавецъ? У-у-у!...» Принималъ онъ въ это время гордую позу своего бывшаго повелителя, опрокидывалъ назадъ сѣдую, гладко выстриженную головенку, а руки, по-барски, закладывалъ въ изорванные штанишки, запущенные въ голенищи, что все, въ сложности, очень шло къ его добренькому личику и къ бѣ-

лому жилету, въ который онъ неуклонно облекается вотъ уже, какъ я его знаю, четыре года. Но, съ другой стороны, трудно было рѣшиться въ эти минуты почествовать его и политичнымъ—*вы*, потому что онъ тогда залился бы горючими, стариковскими слезами и, благородно негодуя на васъ, сказалъ бы вамъ: «ты мнѣ больше не другъ! Сколько лѣтъ мы были съ тобой на *ты*—а? сколько?» И тутъ случалось, что онъ, хотя и въ безсильномъ азартѣ, но все же бросался на своего обидчика съ поднятыми кулачишками, съ раскраснѣвшимся личикомъ и съ глазами полными слезъ.

— Тро-три-трэ-э-тр-ру-у! снова восклицалъ онъ, отыскивая дверь, ведущую въ нутро той бездны, въ которую мы сошли съ нимъ. А изъ бездны уже явственно доносился до насъ глухой, смѣшанный гулъ одной изъ тѣхъ демонскихъ пирушекъ, которыя вдругъ, нечаянно какъ-то, какъ бы сами собой, устроиваются въ различныхъ сферахъ трудящагося, но все-таки бѣднаго міра, заставляя этотъ, бѣдный и финансами и головой, міръ своими результатами думать, что злые духи устроиваютъ эти безалаберныя оргіи на погибель ему, рабочему человѣку,—на погибель отца его съ матерью, дѣтямъ и, наконецъ, на погибель его мастерства, только-только-что начинавшаго было разростаться и радовать хозяйское, изстрадавшееся, сердце...

— Ну-ка, я отворю, Петръ Александрычъ! сказалъ я, тоже избѣгая мѣстоименій.

— Погод-ди-и! Тро-рро-ро-р-ру-у! снова заоралъ онъ, и наконецъ-то изъ бездны, сопровождаемый хохотомъ пирующихъ, послышался такой же отзывъ:

— Тр-ру-у-та-та! Вслѣдъ затѣмъ дверь отворилась прямо на насъ съ такою силой и быстротой, какъ будто говоря намъ: «вы к-куд-да?»

Мы не испугались этого окрика, и на насъ пахнула волнистая туча сѣдыхъ паровъ, какъ бы какой послѣднiй, но самый заколдованный сторожъ, не пускающiй храбрыхъ въ наши сказочныя царства,—и мы вошли. Ярче всего блестѣло, какъ бы золотое, брюхо мѣднаго самовара на бѣлой, какъ снѣгъ, салфеткѣ, покрывавшей столъ. Потомъ дружелюбно закивала и заморгала намъ съ прачкой пара сальныхъ свѣчей въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, потомъ засвѣтлѣлись чайныя чашки своимъ уродливымъ золоченьемъ, наконецъ въ уши наши ударилъ тотъ стозѣвный, русско-кутящiй говоръ, называемый гомономъ или галдой, и въ заключенiе, надъ всѣмъ этимъ, какъ шумъ прорвавшейся плотины, царило металлически-свирѣпое шипѣнье громаднаго самовара.

— Добро пожаловать! вскрикнулъ хозяинъ, Миронъ Петровичъ, позируя передъ нами новенькой ситцевою рубашкой, изукрашенной по бѣлому полю черными мушками, плисовыми штанами, заткнутыми въ козловые сапоги, а главное—длиннымъ суконнымъ жилетомъ, по которому тонкою змѣйкой вилась длинная часовая цѣпочка изъ такъ-называемаго новаго золота.

— Гляди, хозяинъ, закричалъ прачка, — какого я тебѣ дорогого гостя привелъ! Тро-ро-о-трэ-э!

— А-а! протянулъ, въ несказанной радости, Миронъ Петровичъ.—Сколько лѣтъ, сколько зимъ...

— Мирону Петровичу!... попривѣтствовалъ, въ свою

очередь, я владыку дома, подавая ему руку, и владыка дома сейчасъ же закричалъ:

— Жена! Иванъ Петровичъ пришодчи.... Пожаловали... Въ кои-то вѣки...

Какъ бы по щучьему велѣнью, послѣ этихъ хозяйскихъ словъ, стала предо мной супруга Мирона Петровича съ подносомъ въ рукахъ и, ласково улыбаясь и кланяясь, подчивала меня:

— Извольте-ко! Съ дорожки-то, выкушайте...

— Ну-ко, ну-ко-сь! торопливо упрашивалъ хозяинъ.— Въ самъ дѣлѣ, съ дорожки-то... Теперича если съ морозцу-то... Ну-ко-сь!

Я выпилъ.

Подносъ плавно обернулся ко мнѣ своимъ другимъ угломъ.

— Ну-ко-сь! Ну-ко вторительную... Хе-хе-хе-хе!

— Миронъ Петровичъ! подождите, голубчикъ! Закусить нужно.

— Послѣ эфтой ужь закусите, мягкимъ тономъ упрашивала хозяйка.—Безъ того и къ столу не пущу.

— Вотъ это такъ! Вотъ это по нашему. Такъ и не пускай, потому ты здѣсь, одно слово, хозяйка...

— А то кто же? Ты безъ меня-то пропалъ бы совсѣмъ... Кушайте-ка!

Я вступилъ во вторительную.

— Бѣжи-ка, Миронъ Петровичъ, за пирогомъ поскорѣе, приказала супруга.—Они вотъ выкушаютъ у меня еще третью, да ужь тогда и закусятъ.

— Ха-ха ха-ха! радуясь изобрѣтательности своей половины, раскатился Миронъ Петровичъ и стремглавъ

бросился за пирогомъ, съ которымъ черезъ секунду и сталъ передо мной, какъ листъ передъ травой.

— Ну-ко-сь! Всю, всю, всю! подталкивала мою руку гостепріимная хозяйка и, такимъ образомъ, помогала ей опрокинуть въ горло третью рюмку.—Всю, всю, всю! Нечего на кудри-то оставлять. Вы и такъ у насъ кудрявы. Ну вотъ, такъ-то лучше! Теперь и въ компанію милости просимъ, гостекъ дорогой!

— Такъ-то лучше! подсмѣивался тоже и Миронъ Петровъ.—А то захотѣлъ домъ безъ троицы строить..

Та ласка, съ которою ввалили въ меня сразу три громадныхъ рюмки померанцевой водки, принудила мой организмъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣть на все окружавшее меня. Теплота и комнаты, и влитаго въ меня спирта разлилась по всему моему тѣлу и, расположивши глаза мои къ самому розовому созерцанію, поминутно вызывала на мои губы нѣжнѣйшія улыбки. Сознавая, такъ сказать, милую неуклюжесть этихъ улыбокъ, я въ одно и то же время и старался спугивать ихъ съ моихъ губъ, и сердился на себя, зачѣмъ спугиваю, конечно, съ отличною основательностью разсуждая при этомъ на слѣдующій глубокомысленный манеръ:

«Къ чему тутъ сдерживаться? Это міръ не такой!.. Все здѣсь такъ беззлобно, такъ просто... Веселятся люди эти рѣдко, да за то отъ души...»

Улыбка, нѣжнѣйшая паче только-что согнанной мною, снова, алымъ розаномъ, расцвѣтала на губахъ; а хозяйка, какъ бы отгадывая мои молчаливыя думы, уже стояла передо мною съ своимъ фатальнымъ подносомъ,

на которомъ, вмѣстѣ съ дымящимся чаемъ, блестѣла и новая рюмка.

— У насъ просто, отвѣчала въ ладъ мнѣ угостительница.—Кушайте-ка... И когда я протянулъ-было руку къ тому углу подноса, на которомъ стоялъ чайный стаканъ, она граціозно повернула подносомъ, и рука моя вмѣсто чая, схватилась за рюмку.

— Передъ чайкомъ-то! Прошу покорно.

— Ну-ко-сь, ну-ко-сь! по своему обыкновенію, торопливо подсказывалъ хозяинъ.—Ну-ко, ну-ко! Вотъ и я съ вами для компаніи...

— Тебѣ-то не довольно ли будетъ? спрашивала хозяйка, повертывая передъ сожителемъ своимъ подносомъ такимъ манеромъ, что рюмка, какъ молнія, мелькала только передъ носомъ сожителя, а въ руки ему, какъ привидѣніе, не давалась.

Эти супружескія эволюціи производили въ гостяхъ наипріятнѣйшаго качества дружественный хохотъ.

— Ха-ха-ха! Хи-хи! Хэ-э-э! раздавалось въ разныхъ углахъ комнаты сдержанное грохотанье, покрываемое нѣсколько насмѣшливыми трубными возгласами прачки-Петра, выкрикивавшаго свое обыкновенное: тру-ру-ро-ри-дри!

— Ну, будетъ ужь тебѣ! ласково упрашивалъ хозяинъ.—Совсѣмъ ты меня нонѣ, дѣвка, измучила.

— Ну, бери, да смотри ты у меня!... Это послѣдняя.

— Дѣло! плутовски подмигнулъ хозяинъ.—Послѣдняя у попа жена. Такъ ли я говорю, Иванъ Петровичъ?

— Такъ! согласился я, стоя съ рюмкою въ рукахъ. Хозяинъ чокнулся со мной, и мы выпили; а прачка-

Петруха, точно какъ бы нарочно для сей цѣли нанятый трубачъ, оттрубилъ это выраженіе нашей дружбы сугубо-варьированнымъ маршемъ.

Пошло круговое подчиванье, сопровождаемое супружескими понуканьями въ обыкновенномъ родѣ: «ну-ко, ну-ко-ся, по всей!»

— Да, милые, вырывался чей нибудь утружденный голосъ,—вѣдь я ужь пятую. Сейчасъ умереть, не въ моготу!

— Вона! вскрикнулъ хозяинъ,—сичасъ ужь и считать принялся. Безъ пяти просвиръ обѣдня-то рази служится—а? Хе-хе-хе!

— Ахъ, забавники! Ахъ, потѣшники! согласно гудѣлъ хоръ гостей въ похвалу этихъ присловій и поднесеній.

— Мы—потѣшники! многозначительно хмыкалъ хозяинъ, соглашаясь съ комплиментомъ гостей своей способности потѣшать ихъ.

— Кого же намъ и забавлять-то, какъ не дорогихъ гостей? добавляла хозяйка.—Рази они у насъ часты—гостьбы-то?... Нѣтъ, по нонишнимъ временамъ, часто-то не разгостишься...

— Гдѣ разгоститься! Нѣтъ, нонѣ времена-то.... съ нѣкоторою жесткостью въ мягкомъ голосѣ продолжилъ будочникъ Илюша хозяйкинъ протестъ противъ нынѣшнихъ временъ.

Трое рослыхъ, съ громадными, мозолистыми руками, столяровъ, жившихъ въ работѣ у Мирона Петровича, и которые, какъ гости не главные, давно уже безъ *рѣчей* сидѣли вмѣстѣ съ Илюшей въ дальнемъ углу комнаты,

но теперь, при словѣ «нонѣшнія» времена, тоже заявили свое присутствіе, съ какою-то скорбною отчетливостью заговоривши въ одинъ голосъ:

— Нонишнія времена-то, ежели, къ примѣру, правду-то матушку говорить, — нѣ-ѣтъ! Въ ихъ не зарадуешься... Не съ чего...

— Куша-кось! Берись, дядя Трофимъ!... Дядя Микитъ! качни-ка во славу Божію! подскочила и къ этой полузабытой группѣ угостительная хозяйка, какъ бы утѣшая ее въ ея прискорбіи, по случаю негодности разнесчастнаго нынѣшняго свѣта.

— Ахъ, ваше степенство! Мать ты наша! Бизъ тебя што бы наша за жисть? какими-то тягучими, такъ сказать, рабскими басками взывали столяры, вливая въ себя, въ нѣкоторомъ родѣ, предлагаемое.

Хозяинъ, между тѣмъ, на разныя манеры прыгалъ предо мной съ своимъ, еще несмысленнымъ, наслѣдникомъ, поднималъ его на рукахъ къ самому потолку, агукалъ, заставлялъ плясать русскую, при чемъ и родитель, и я, и сидѣвшая съ нами какая-то старушка-купчиха, очевидно самая почетная гостья, изображали изъ себя тилиликающихъ губами разныя варьяціи музыкантовъ; а ребенокъ, повинуясь отцовскимъ рукамъ, сѣменилъ ножками и блаженно улыбался. Я,—трудно мнѣ въ этомъ признаваться печатно,—улыбался еще блаженнѣе...

— Наслѣдникъ-съ, Иванъ Петровичъ! взывалъ Миронъ Петровъ, лаская ребенка.—Какъ есть, законный наслѣдникъ! Все для него... А-ах-хъ, милый баринъ! Одна только утѣха и есть—он-нъ!

— Ну тоже эфти наслѣдники! вступилась въ нашъ разговоръ почетная старушка.—Тоже ими, Миронъ Петровичъ, я тебѣ прямо скажу, подождать надоть хвастаться-то... Я вотъ вамъ разскажу про наслѣдника-то про одного, пообѣщалась старушка, обращая свою рѣчь ко всей компаніи.—Была я, голуби мои, вотъ тоже по нонишней осени въ гостяхъ у одной—у богатой. И вижу я: входитъ въ залу баринъ какой-то, молодой еще, съ черной съ эвдакой козлиной бородкой, въ золотыхъ очкахъ. Поддевка, этта, на емъ, ангелы вы мои, такая коротвохвостная, что какъ только онъ, этта, спиной обернется, такъ всѣ со смѣху и покатываются. Я и спрашиваю: чей это, молъ, баринъ такой? Какъ его по прозвищу величаютъ? А мнѣ и говорятъ: «да развѣ ты не узнала? Вѣдь это не баринъ, а Петька Колѣнкинъ, у какого, говорятъ, въ городѣ двѣ лавки». Я и вспомнила, какъ это при матери его еще при покойницѣ (дружьё мы съ ней были—водой не разольешь!) я его за вихры дирывала. Вспомнила я это и говорю ему: что же это ты, Петька, раскапальинъ сынъ, заспѣсивѣлся? Поди-ка ты, молъ, сюда,—я тебѣ, по старой памяти, волосья-то твои напомаженные своею рукой завью. А онъ, разбойникъ (силы небесныя! тому ли, какъ вспомнишь, злодѣя эдакого отецъ съ матерью учивали?),—а онъ, разбойникъ подошелъ и смѣется. А? Надъ старымъ-то человѣкомъ?.. Вертитъ, вертитъ вотъ эдакъ, золотые мои, хвостомъ-то своимъ и смѣется. Я ему и говорю: что же это ты, Петрушка, али забылъ, какъ съ вашимъ братомъ старые люди за такія дѣла расправляются?.. И все нѣтъ тебѣ отъ него,

отъ паскудника, почтенья! А все это смѣхъ одинъ, все смѣшки,—такъ это на губахъ бѣгаютъ одни смѣшки, милые мои, а нѣтъ тебѣ ни единаго слова. Вотъ они какъ, эти наслѣдники-то!

— Ай-ай-ай! удивились гости Мирона Петровича великой обидѣ старушкиной.

— Вотъ такъ-то, продолжала старушка.—Ну, признаться, я ужь тутъ и не вытерпѣла: бросилась такъ-то на него, вцѣпилась одною рукой въ кудрясы-то, а другой по щекѣ, да по щекѣ... И что же, голуби вы мои? Бросились, этта, растаскивать насъ, — тащутъ такъ-то меня отъ него, говорятъ: будетъ вамъ, тетенька, будетъ, Марья Петровна! А я-то не пускаю, потому и замерла-то я, и учить-то безъ родителевъ, чувствую, надо; а онъ тоже шумитъ, какъ не въ терпежъ-то ему пришлось: «возьмите ее, старую дуру!» Вырвался, отошелъ и опять вѣдь его, искаріота, опять-таки въ прежній смѣхъ вдарило. Стоитъ и смѣется,—смѣется и говоритъ: «какихъ звѣрей ни видалъ, а эдакихъ не пришлось посмотрѣть...» Вотъ тебѣ и наслѣдникъ! какъ бы пропѣла старушка, преимущественно обращаясь къ Мирону Петровичу, и затѣмъ заговорила съ новымъ одушевленіемъ:

— Послѣ того нашлись добрые люди, шепнули мнѣ: «что вы, Марья Петровна, съ эфтимъ олухомъ царя небеснаго связываетесь? Вѣдь на него всѣ давно рукой махнули, потому онъ все въ книжки читаетъ и фанаберіи этой ученой, словно бы чортъ какой, набрался. Скоромное по постнымъ днямъ жретъ...» Матерь Божія! вскрикнула я, услышамши это, и опять на не-

го. Что же это ты, молъ, Петька, дѣлаешь? И тутъ вѣдь не допустилъ,—такой клятой! Уперъ ручищами въ это самое мѣсто, прямо-таки въ грудку наставилъ— и говоритъ: «будетъ, будетъ, старъ человѣкъ, а то вѣдь въ судъ потащу...» Какъ услышала я это, терпѣла, терпѣла все отъ него, а тутъ ужь и заговорила: будь же ты отъ меня, отъ нынѣ и до вѣка, анаѳема проклятъ! Родители еслибы твои видѣли теперича, они бы то же съ тобой, съ разбойникомъ, сдѣлали. «Вотъ это дѣло!» онъ мнѣ въ отвѣтъ послалъ и опять засмѣялся... И вѣдь, ангелы вы мои, что пуще всего душу-то воротитъ во мнѣ, вѣдь сердца-то этого въ немъ (когда бьешь вотъ кого-нибудь, такъ видишь, что злится на тебя человѣкъ),—вѣдь этого-то въ немъ, вотъ бы въ камнѣ ровно, ни чуточки нѣтъ. Такой-то проклятый! Въ кого уродился только?..

— Ну-съ, такъ вотъ тебѣ и наслѣдникъ! закончила наконецъ словоохотливая старушка свой длинный разсказъ, снова обращаясь къ Мирону Петровичу.

— Д-да! задумчиво произнесъ хозяинъ, осоловѣлыми глазами пристально вглядываясь въ головку, сидѣвшаго у него на колѣняхъ, сына, какъ бы стараясь навѣрное отгадать, наберется ли впослѣдствіи его наслѣдникъ такой же фанаберіи, какой набрался распроклятой Петька Колѣнкинъ.

Какая-то тяжелая пауза царила въ комнатѣ,—одна изъ тѣхъ паузъ, когда люди, ажитированные разговоромъ о какомъ-либо особенно-интересномъ предметѣ, вдругъ почувствуютъ, что тема исчерпана до конца,— и долго сидятъ они тогда молча, съ взволнованными

лицами,—до тѣхъ поръ сидятъ, пока кто-нибудь изъ общества поумнѣе снова не зажжетъ еще болѣе одушевленнаго спора какою-нибудь новою мыслью, хватающей предметъ съ болѣе широкой стороны.

То же было и съ нашею паузой. Ее прервалъ хозяйскій выкрикъ, обращенный къ женѣ:

— Ну-ко-сь! Ну-ко-сь, Матренушка! И магическій подносъ снова пошелъ въ кругокомнатное путешествіе.

И какъ послѣ поэтическаго молчанія, производимаго въ благородныхъ обществахъ до конца исчерпанною мыслью, вновь закипаетъ оживленный, блещущій остроумными искрами, споръ, такъ и у насъ, послѣ хозяйскаго: ну-ко-сь, ну-те-ко!—закипѣли разговоры, если и не особенно поражавшіе глубокомысленностію опредѣленій такихъ вещей, каковы, примѣрно, любовь, прогрессъ и т. п., за то человѣкъ, всегда и на все смотрящій строгими, задумчивыми глазами,—этотъ человѣкъ съ высокимъ лбомъ и горячимъ сердцемъ, спрятаннымъ въ тихую, сдержанную, но всегда истинную рѣчь, могъ бы найти въ нашихъ разговорахъ стремленіе униженнаго человѣчества къ далекому отъ него небу. Могъ бы найти, говорю, ибо я имѣлъ случай видѣть, какъ у такихъ людей, отъ подобныхъ нашему разговоровъ, разглаживались широкія и угрюмыя морщины, бороздившія ихъ высокіе лбы,—видалъ, какъ ихъ строгіе глаза зажигались страстнымъ огнемъ любви ко всему живому,—и потомъ я слышалъ, какъ сердца ихъ горячѣе бились, вслѣдствіе чего развязывались ихъ тихія, сдержанныя рѣчи.

— Ну-те-кось! Ну-кось! покрикивалъ хозяинъ.—Те-

перь, слава Господу, дѣлишки мои поправляются. Вотъ онъ, законный-то наслѣдникъ!... Матренушка! поднеси намъ съ хозяиномъ-то съ молодымъ!

Матренушка съ улыбкой, не допускавшей съ ея стороны даже и тѣни прекословія, поднесла обоимъ хозяевамъ.

— Иванъ Петровичъ! Сударь! крикнулъ ко мнѣ хозяинъ.—Давай выпьемъ вмѣстѣ за наслѣдника. Что осовѣлъ-то скоро? Рази это по-барски?

Столяры, сидя въ темномъ углу, давно уже порывались хлестануть по-свойски какую-нибудь эдакую «калинушку съ малинушкой», еслибъ ихъ не останавливалъ прачка—Петръ Александровъ, который, переставши трубить, вдругъ принялся говорить по-божественному.

— Микитушка! приставали два столяра къ третьему,—вали!.. И Микитушка валилъ какимъ-то горловымъ, какъ бы недоумѣвающимъ, что онъ именно дѣлаетъ, теноромъ:

«Калинушку-у съ малинушкой»

И лишь только двое подпѣвалъ зажмурили было глаза, чтобы такими же горловыми и недоумѣвающими унисонами пустить, что

«Ва-ад-да п-па-анял-ла»—

какъ ихъ въ ту же минуту прервалъ громовымъ, но безалаберно пьянымъ, голосомъ прачка-Петруха.

— Не подобаетъ! заревѣлъ онъ на пѣвуновъ, принимая свою горделивую позу, съ заложеніемъ рукъ въ

штанишки.—Нынѣ время какое? Кто насъ угощаетъ? Тру-тра-тре-дри-дра!... Вы, милые, знайте политику... Безъ ней какъ же возможно?

— Пьемъ, што-ли, баринушка? говорилъ мнѣ Миронъ Петровъ.—Матреша! поднеси. Илюша! иди сюда. Ты насъ, въ случаѣ чего, не лови... Пей!

— Зачѣмъ ловить, Господи? Ай мы какіе? конфузился Илюша.—Мы рази тоже не понимаемъ?

— И не смѣй ловить! вдругъ подскочилъ прачка, изображая, при помощи своихъ, заложенныхъ въ карманы брюкъ, ручонокъ, индѣйскаго пѣтуха.—Не подобаетъ! Рабъ неключимый!... Мразь! Какъ ты смѣешь, мерзавецъ? Гдѣ ты такой па-алитикѣ научился?

— Ахъ, Петръ Александрычъ, Петръ Александрычъ! добродушно улыбаясь, потрепалъ его Илюша по плечу.— Ч-чуденъ ты, Господь съ тобой!

— Я-то? Я чуденъ, Илья? Ты со мной не шути! походкой Цезарей отошелъ величественный прачка отъ шутки будочника.

«Ва-ад-да па-ан-няла»

смѣлѣе и смѣлѣе раздавалось въ темномъ углу столяровъ.

— Пра-ас-сти, жена, ты эфту мою глупость, т. е. къ примѣру, ежели насчотъ любовницевъ.... растягивалъ хозяинъ.—Ты мнѣ ее прости, сейчасъ умереть, потому у насъ съ тобой все за едино!.

— Ды я тебѣ... ды я тебѣ... вскрикнула необыкновенно-весело и необыкновенно-игриво Матренушка, взмахиваясь на мужа кулакомъ;—ды я тебѣ все...

— Нѣтъ, стой! стой! неожиданно вошелъ въ общую рѣчь заклятый врагъ Петьки Колѣнкина—Марья Петровна.—Мужъ! Мироша! поцѣлуйся съ женой... Ей-Богу, смерть люблю!

— Мож-жна!... И что только мнѣ, лѣшему, въ умъ взошло? Какую мнѣ такую еще барыню нужно? спрашивалъ Миронъ Петровъ, любовно, со свѣчей, осматривая лицо жены и цѣлуя его.—Баринъ! А? Гляди-ка: бирѣж-жливая!.. Я за ней въ приданое деньгами однѣми четыреста рублевъ получилъ... Ей-Богу!

Съ страннымъ любопытствомъ, какъ будто бы въ первый разъ смотрѣлъ на какой-нибудь невиданный предметъ, я взглянулъ на лицо Матренушки — и увидалъ въ немъ сразу и рано-умершую мать, и рано-погибшую сестру, и напрасно-страдающаго брата... Лицо отца встало тоже въ этотъ моментъ предо мною,—испитое такое лицо, болѣзненное... Простонало оно что-то и быстро исчезло, такъ что я не успѣлъ поцѣловать дорогого образа. Страшно кружилась въ это время голова моя, но я потеръ себѣ лобъ рукой и вспомнилъ, что Матренушка необыкновенно походитъ на народную гравюру, изображающую святую великомученицу Варвару, приложенную къ житію ея, по которому я когда-то учился грамотѣ. Такое кроткое, покорное лицо изображено было на этой гравюрѣ,—тихое и печальное. Въ книжкѣ святая увѣнчана была вѣнцомъ, блиставшимъ яркими лучами, а въ рукѣ она съ тѣмъ величіемъ, съ какимъ цари носятъ свои скипетры, держала виноградную лозу.

Я хотѣлъ было вскрикнуть: «Мученица!» Но мой па-

фосъ былъ разбитъ, съ каждою минутой все больше и больше расширявшеюся, пѣсней столяровъ:

«На ту пору ме-еня ма-ать родила...»

Будочникъ Илюша, пригорюнивши лѣвою рукой свою раскраснѣвшуюся щеку, пустилъ верха поразительно-звонкою фистулой:

«Ах-хъ на тту-у пор-ру разнесча-астна-е...»

Какой-то молоденькій мастеровой, красивый брюнетъ, съ необыкновенно-угрожающимъ лицомъ, до настоящаго времени совсѣмъ непримѣтный, теперь всталъ и покрылъ «Илюшины верха» могучею, словно бы изъ груди медвѣдя вылетѣвшей, октавой.

Взволновалась эта октава, почуявши, что тутъ ея власть, тутъ ея сила, какъ волны широкой рѣки въ половодье, когда, противъ всякихъ музыкальныхъ правилъ, сочла себя обязанною затянуть слѣдующую строфу пѣсни:

«Р-рраз-знис-частну-о...»

«Ах-хъ! М-ма-ать р-радила!» подхватилъ своею фистулой Илюша,—фистулой, которая, очевидно, веселясь и играя, вела за собой тенорные горловые унисоны трехъ столяровъ...

Звонкій дискантъ, въ красномъ фартукѣ (немного, кромѣ фартука, видно было еще выпуклое плечо) перебилъ могущество октавы и самовольно захватилъ себѣ роль запѣвалы.

«Разнисч-ча-а-стно-е...»

прозвенѣлъ этотъ дискантъ, какъ полевая даль звенитъ въ іюльскую жарынь, и замеръ, залитый моремъ тѣхъ варьяцій, которыя дѣлалъ Илюша, поглощенный тенорами столяровъ и октавой мальчика съ черными волосами и угрожающимъ личикомъ.

Старушка Марья Петровна тихо всхлипывала, утирая пестрымъ платкомъ свои маленькіе глазки; а прачка-Петруха старался изо всѣхъ силъ попасть въ стройное согласіе хора уже не своимъ умѣньемъ трубить, а болѣе или менѣе плавнымъ движеніемъ рукъ.

— Под-днос-си! кричалъ хозяинъ Матренушкѣ, но лицо Матренушки горѣло, какъ раскаленный уголь, —по немъ ручьями текли какія-то, если можно такъ назвать ихъ, нѣжно-улыбавшіяся слезы.

Сидя на стулѣ и согнувъ голову на правое плечо, она въ свою очередь отзывалась мужу:

— Ни м-магу! Ни м-маг-гу. Ха-ха-ха! Подноси самъ. Я васъ всѣхъ люблю...

— Иванъ Петровичъ! ну-ко-сь! подмигивалъ мнѣ Миронъ Петровъ на ведерную бутыль, стоявшую въ углу.— Подлей-ка, милый человѣкъ. Видишь, баба-то захмѣлѣла. Да и самъ-то я, признаться, не такъ чтобъ... Другому кому изъ кампаньи этой радости повѣрить никакъ невозможна!. . Ха-ха-ха-ха!

Въ столяровскомъ углу невѣдомо откуда появилась отдѣльная свѣча. Оттуда уже раздавались удалецкіе «ахи и охи», характеризующіе «*камаринскаго*». Виднѣлся оттуда быстро кружащійся красный фартукъ съ выпуклымъ плечомъ, да ясный и грубо-грозный лобъ, съ котораго, то и дѣло, сбрасывалась черная, какъ вороново крыло, прядь волосъ...

Старушка Марья Петровна все плакала, и очевидно было, что слезы доставляли ей большое наслажденіе. Матренушка, голову которой въ это время обнималъ мужъ, шептала:

— Да Господь съ тобой!... Мнѣ что?... Нѣ-ѣтъ! Ты меня прости! Многимъ я тебѣ досаждаю...

Басовитый шепотъ хозяина слышался затѣмъ,—тихій такой шепотъ, изъ котораго ничего нельзя было разобрать...

— Нѣтъ, какъ передъ Господомъ, какъ будто рыдала вслѣдъ за этимъ шепотомъ жена,—мнѣ все равно!.. По-мнѣ, какъ Господь тебѣ на душу пошлетъ...

Я, дрожавшими руками, наливалъ водку изъ ведерной бутыли въ большой графинъ, и мнѣ, въ это время казалось, что звонкое бульканье переливаемой жидкости есть не что иное, какъ стеклянныя клавиши, которыя, какъ всякому извѣстно, устраиваются въ садахъ волшебниковъ подъ фонтанами... Фонтанъ, капля за каплей, бросаетъ на стеклянныя клавиши свои свѣтлыя слезы, и клавиши поютъ отъ этихъ слезъ; а тутъ дремлютъ вѣковыя рощи, въ клумбахъ смѣются благоухающія розы, очевидно, невиданныя; волшебныя птицы съ разноцвѣтными крыльями поютъ въ освѣщенномъ солнцемъ саду,—и вотъ, на парѣ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лебедей, запряженныхъ въ раковину, слетѣла къ фонтану, у котораго, будто бы, я сидѣлъ, задумчиво жалуясь на мою печальную жизнь, волшебница Добрада и сказала мнѣ: «Смертный! ты свободенъ...»

— Што, Миронъ Петровичъ, Илюша здѣсь? разогналъ мои мечтанія торопливый голосъ нѣкоторой усастой личности, облеченной въ пальто полицейскаго солдата.

— А, миленькій, здравствуй! отозвался, начинавшій было засыпать, Миронъ Петровичъ.—Ну-ко сь!..

— Ты чого? Што тамъ такое? съ неменьшею торопливостью освѣдомлялся Илюша.

— Да што, братецъ ты мой, вѣдь избила меня моя-то! Какъ ты говорилъ, такъ и случилось: слово за слово, рюмка за рюмкой....

— Ну, это не важно суть, отвѣчалъ Илюша, снова становясь передъ столярами въ позицію хороваго заправлялы.

— Ну-ко-сь! Ну-ко, Митя! Куша-ко! приставалъ хозяинъ къ усастой личности.—Куша-кось, Митя! Да въ случаѣ чего, ежели мы съ супругой что,—мо-о-три!.

— Будьте спокойны!

— Ра-аб-бъ! Сма-атр-ри! приставалъ къ Дмитрію и прачка-Петруха; но на него никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

— Какое тамъ ловить? уминая за обѣ щеки пирогъ, спрашивалъ Митрій.—Меня-то самого какъ бы... Ей-Богу, насилу убѣгъ... Вотъ какъ припугнула! Слышь, Илюха: бѣгу я такъ-то отъ моей, а тутъ на уголку-то, знаешь, около огороду-то, снѣжокъ этими самыми золоторями ссыпанъ, такъ въ снѣгу-то учитель—пріятель-то твой—съ своей тоже сидитъ, и тутъ у нихъ разговоры... Тутъ разговоры... Я ихъ сюды притащилъ, надо въ часть, потому, должно полагать, кончинъ балъ!.. Совсѣмъ, должно-быть, насчотъ ежели голова закружилась...

— Дьяволъ! закричалъ Илюша, моментально отрезвившись.—Ты зачѣмъ же ихъ сюда-то тащилъ? Рази не

знаешь, кой былъ наказъ насчотъ ихъ?.. «Изб-бави Б-боже! Чтобы какъ можно тише...» Ну, ежели, избави Господи!.. И Илюша стремглавъ бросился къ двери.

Вновь пришедшій солдатъ стоялъ, выпучивши глаза. Компанство было нарушено.

— Да иди же, иди! умолялъ Илюша кого-то за дверями.—Ид-ди!

— Ни с-смѣю. Тамъ гыс-спада!

— Нич-чего! взывалъ Илюша.—Не взыщутъ. Што это только ты затѣваешь всегда съ этимъ Митькой?.. Все бы тебѣ, дьяволу, палкой—а?

— Ни м-магу! Прасти! Подъ сердцемъ все у меня што то... Подъ ложечкой... Можжитъ што-то... Я его и бью тогда... Духъ у меня захватываетъ отъ боли...

— Ид-ди! И въ слѣдъ за тѣмъ въ комнату влетѣла еще молодая, но въ несказанныхъ отрепьяхъ женщина и закричала:

— Это меня Илюха... Я ни с-сама... Я бы ни пашла...

— Мил-лая! Ну-ко-сь! Мы объ васъ довольно даже наслышаны... Давно! подчивалъ ее хозяинъ водкой изъ громаднаго стакана.—Нас-слѣ-ѣдникъ!...

— Проздравляю! тянула женщина и свою рѣчь и хозяйскую водку изъ стакана. Ее облѣпили—и красный фартукъ съ выпуклымъ плечомъ, которое теперь почему-то было еще выпуклѣе, и грозный лобъ молодаго мастероваго, и много-много другихъ личностей, которыхъ настоящія физіономіи до сихъ поръ скрывались въ непроглядной тьмѣ комнатныхъ тумановъ. Изъ суетливой толпы этихъ лицъ слышался шепотъ: «да что это, Митюхина, што-ль? Митюха! твоя што-ли?»

— М-мая! пугливо отвѣчалъ Митюха.—Такая бѣдовая Сказываю: насилу убёгъ...

— Напрасна! Напрасна, красавица! Это ты, милая, такъ-то поступаешь нихрашо! раздавались укоризненные голоса.

Молодая женщина стояла, какъ пойманный звѣрь, съ безцѣльно-выпученными глазами и какъ-то особенно безсильно опустивъ внизъ свои драчливыя руки... Прачка-Петруха, выразительно-молча, тоже рисовался передъ ней въ своей горделивой позѣ, запрокинувши къ потолку свою головенку и заложивши руки въ штанишки...

Ждалось, что вотъ-вотъ, вмѣсто разудалой пѣсни, Содомомъ и Гоморрой загудитъ сейчасъ по всей горницѣ разудалая, смертельная драка...

— Отъ т-топ-пота к-коп-пыт-тъ ппыль ппо пполю ннес-сется! пробарабанило новое существо, входя въ комнату тѣмъ пьяно-церемоніальнымъ маршемъ, которымъ входятъ на сцену многообразные «Любимы Торцовы», подготавливая этимъ маршемъ эффектное: «Быть или не быть» Островскаго.—Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать!..

Вошедшая такимъ манеромъ личность была остаткомъ *добраго стараго университетскаго времени.* Не было вещи, которой бы этотъ человѣкъ не зналъ: говорилъ онъ чуть ли не на десяти языкахъ, былъ тонкій знатокъ классической музыки, а главное—онъ былъ народникъ, самый экстатическій; и все это въ себѣ онъ понималъ какъ нельзя болѣе хорошо, и все это онъ, съ страшнымъ цинизмомъ, на какихъ-то, для самыхъ

близкихъ ему людей неуловимыхъ, основаніяхъ, топталъ въ грязь, заходя, примѣрно, послѣ изящныхъ обѣдовъ въ кабаки, съ цѣлью выпить на пятачокъ водки и поѣсть печонки.

Когда его спрашивали: отчего ты, Алексѣй, ничего не дѣлаешь, онъ обыкновенно, балуясь, отвѣчалъ:

«Дѣвка да чарка сгубили...»

Проговорилъ онъ свою входную фразу съ добродушной улыбкой, которая ясно сказала всѣмъ: ну, ребята, нахлестался я здорово,—взыскивать съ меня теперь нечего...

Изъ-за плеча этого человѣка выглядывалъ сладко-улыбавшійся Илюша, за которымъ, въ свою очередь, виднѣлась красивая, съ вздернутымъ вострымъ носикомъ, женщина, несмотря на зиму, безъ платка на головѣ и въ какой-то ваточной, обтерханной кацавейкѣ.

Илюша съ какою-то таинственною радостью подмигивалъ и подмаргивалъ на вошедшаго гостя всей компаніи, какъ будто давая знать ей, что вотъ, дескать, человѣкъ-то, братцы мои! Вотъ его-то намъ только и недоставало...!

— Илюша! вдругъ обратился новый персонажъ къ будочнику.—Ты гдѣ насъ нынѣшнюю ночь пріютишь—безпріютныхъ—а? Вотъ этотъ болванъ-то хотѣлъ въ часть отправлять. Ты этого не дѣлай, потому мы помирились...

— За-ч-чѣмъ намъ дѣлать эфти пустяки, Ликсѣй Иванычъ? запѣлъ Илюша.—Переночуете въ будкѣ по-

нича-то, а завтра, Богъ дастъ, насчетъ фатерки похлопочемъ какъ-нибудь... общими силами...

— Такъ, такъ! согласился учитель.—Ахъ ты, душа-человѣкъ! говорилъ онъ, обнимая и цѣлуя Илью.—Это мы завтрашняго числа съ тобой оборудуемъ въ тонкости.

— Обид-дѣлъ! Обиж-жаютъ! Люди добрые! обижаютъ меня... вдругъ завопилъ прачка-Петруха, поникая на столъ оскорбленною головой.—Ты что же, Ликсѣй Иванычъ? Ты со мной такъ-то поступаешь? Ты сколько годовъ у меня прожилъ—перечти? Ну-ко-сь? спрашивалъ Петруха, огненно подвигаясь къ нему и принимая свою картинную позу.

— Ахъ, милый! обрадовался учитель.—Да я тебя и не примѣтилъ. Почеломкаемся,—и они обнялись. Прачка при этомъ почему-то грустно зарыдалъ.

— Комната эта сам-мая... рыдалъ прачка,—твоя-то... не зан-нята еще... Пустая стоитъ...

— Ликсѣй Иванычъ! А, Ликсѣй Иванычъ! вдругъ явился хозяинъ съ подносомъ.—Ну-те-ко, другъ!

— Вотъ это добре! похвалилъ Алексѣй Иванычъ, взявши рюмку съ подноса и пристально въ нее всматриваясь.—Это дѣло!

— Ликсѣю Иванычу! Ах-хъ, Ликсѣй Иванычъ! обступили учителя и трое столяровъ, и красный фартукъ, и молоденькій мастеровой съ вихрами на грозномъ лбу, и многія другія лица, трудно примѣчаемыя въ сѣрой мглѣ комнатныхъ тумановъ.

— Гдѣ Матренушка? громыхнулъ учитель, все еще всматриваясь въ рюмку.—Матренушка, гдѣ ты? Иди, выпьемъ съ тобой.

*

Матренушка, при звукахъ этого голоса, живо покинула свою полуспящую позу и тоже бросилась къ учителю, говоря:

— А, золотой! Гдѣ пропадалъ?

— Выпьемъ, другъ сердечный! меланхолически отозвался учитель, одною рукой отставляя въ сторону рюмку, а другою крѣпко обнимая хозяйку и цѣлуя ее, отъ чего смѣшались слезы, текшія по ихъ заплаканнымъ лицамъ.

— Вотъ это по-нашему! похваливалъ хозяинъ.—Вотъ это я люблю. Не говоря дурнаго слова, сейчасъ хлопъ! чужую жену за шиворотъ—и ужь цѣлуетъ. Вотъ такъ-то!..

— Молчи, рабъ неключимый! вдругъ воскликнулъ Петруха-прачка.—Ты не пан-нимаешь.. Онъ у меня нонѣ ночуитъ...

Хозяйка и Алексѣй Иванычъ стояли въ это время другъ передъ другомъ съ рюмками въ рукахъ.

— Пей! какъ бы приказывалъ учитель.—Я ничего не говорю.... Онъ сдѣлалъ при этомъ полуоборотъ къ Илюшѣ, за которымъ скрывалась востроносенькая дѣвица съ блѣднымъ лицомъ, безъ платка на головѣ и въ ваточной кацавейкѣ.—Такъ и ты пей, и не толкуй! Понимаешь?

— Ды, Ликсѣй Иванычъ! заговорила съ плачемъ хозяйка.—Ды ужь, кажется, я ему... Кажется, что ни въ чемъ...

— П-пей!.. Илюня! Пропусти-ка Грушу-то къ намъ. Иди, погрѣйся ступай.

Груша, какъ бы прострѣленная глазами всей ком-

паніи, шатаясь и опустивши голову, подошла къ хозяйкѣ, которая съ громкимъ плачемъ принялась цѣловать ее и приговаривать что-то такое о горькихъ участяхъ, о погибшихъ головушкахъ...

— Ну-те-кось! подскочилъ къ Грушѣ хозяинъ съ своимъ подносомъ.—Ну-те-ко! Плакать-то подождите. Еще наплачетесь.

— Наплакаться всегда можно! согласнымъ хоромъ вторили гости.

Происходило что-то странное въ этомъ, недавно еще такъ дико бушевавшемъ, обществѣ. Настолько деликатно, насколько можно было, всѣ эти люди старались не смотрѣть въ опущенные глаза Груши, и только одна хозяйка крѣпко прижала ея лицо къ своей груди и плакала. Тихій, всепрощающій ангелъ, очевидно, распростерся надъ этими двумя головами. Было тихое, тихое молчаніе, сквозь которое изрѣдка пробивался чей-нибудь шепотъ, не только-что не нарушавшій этого молчанія, а какъ бы еще болѣе увеличивавшій его... Учитель, между тѣмъ, увидѣлъ меня и подошелъ ко мнѣ.

— Ты тоже здѣсь? спрашивалъ онъ меня.

— Какъ видишь. Ты гдѣ пропадалъ?

— Какъ гдѣ пропадалъ? Будто не знаешь? съ унылымъ сарказмомъ спрашивалъ онъ.—Хотѣлъ было въ пріятномъ мѣстѣ—*не трое, а хоть бы однѣ сѣни* выстроить...

— Ну, и выстроилъ?

— Выстроилъ... Ты что думаешь обо всей этой исторіи?

— Да ничего не думаю. Вѣдь ты помирился... Опять не буду же я тебѣ въ пятисотый разъ, да къ тому же и здѣсь, развивать мои теоріи относительно свободной воли и т. д. и т. д.

— Дуракъ ты, мой милый!.. почествовалъ меня учитель.

— Это я и безъ тебя знаю.

Намъ съ нимъ не о чемъ было больше растолковывать. Онъ мнѣ и я ему давно уже были уяснены до конца концовъ.

— Ну-те-кось! перебилъ нашу бесѣду хозяинъ.—Будетъ раздобары-то раздобарывать.

— Ах-хъ, Мироша! заговорилъ учитель, выпивши рюмку,—гдѣ бы это гитару намъ теперь раздобыть—а?

— Гитару? Господи! Да, въ одинъ сикунтъ... Дядя Микитъ! бѣжи на верхъ къ приказному. Въ гости отъ меня проси. Скажи, чтобы, молъ, безпремѣнно съ гитарой.

Скоро пришла гитара, вмѣстѣ съ приказнымъ, одѣтымъ въ истертый татарскій халатъ. Вручивши гитару учителю и выпивши сразу по третьей, приказный и прачка-Петруха принялись другъ друга учить политикѣ и щеголять горделивыми позами и господскими разговорами.

Скоро мастерскія, а главное—близкія всѣмъ гостямъ рулады учителя оковали вниманіе общества. Онъ, то подъ непостижимо-бойкій и умный переборъ *барыни*, громкимъ, какъ бы командующимъ голосомъ вызывалъ плясать красный фартукъ съ молодымъ мастеровымъ; то вмѣстѣ съ краснымъ фартукомъ, или, лучше сказать,

со звонкимъ дискантомъ краснаго фартука, соединялъ горловой теноръ дяди Микиты.

Старушка Марья Петровна, оказавшаяся старовѣркой, вспомнила съ учителемъ свою далекую молодость, спѣвши съ нимъ и съ его гитарой: «Я птичкой быть желаю» и «Незабудочка цвѣточекъ».

Съ раскраснѣвшимися маленькими щечками, старушка лѣзла къ учителю цѣловаться и тономъ трагической актрисы кричала ему:

— Прости, прости! Слышь ты, голубь, прости! Понимаешь?

— До слова понимаю, Марья Петровна!.. экстатическимъ крикомъ отзывался учитель, не переставая импровизировать на гитарѣ.—До слова понимаю, другъ ты мой великій...

— Ну, а коль понимаешь, кричала старуха,—чего-же не дѣлаешь? Сынъ! Сыночекъ мой! Милый! Чего же не сдѣлаешь? Сынокъ мой! сдѣлай! Я тебѣ за это сейчасъ ручки поцѣлую, въ ножки тебѣ, сынокъ, поклонюсь. Сдѣлай! Видишь—стыдится...

Старуха упала въ ноги учителю и, дѣйствительно, принялась цѣловать его руки.

— Спасибо тебѣ, старый человѣкъ! тоже плача обнималъ ее учитель,—надоумила ты меня... Будь же ты благословенна изъ всѣхъ тѣхъ женъ, какихъ только я знаю...

Бойкою такой, маленькой, пружинкой вскочила вдругъ съ пола старушка Марья Петровна, бросилась къ Грушѣ и къ хозяйкѣ, которыя все еще продолжали сидѣть обнявшись, схватила ихъ своими костлявыми ручон-

ками, подтащила къ учителю, и тогда всѣ эти четыре головы обнялись крѣпко и горько заплакали...

Тишина стояла въ комнатѣ поражающая. Приказный съ прачкой-Петрухой, продолжая свой споръ, кинули было нѣсколько словъ; но ихъ сейчасъ же остановили дружные, хотя и тихіе голоса:

— Тише вы, черти!

Оба спорщика, въ ладъ всей комнатѣ, замолчали, и только одинъ несмысль-наслѣдникъ, на самой срединѣ горницы, заливался радостнымъ дѣтскимъ смѣхомъ и безуспѣшно старался подняться на невыносливыя ножки...

Что до меня, я, лежа на сундукѣ, съ разымающими слезами, завидовалъ и этимъ взрослымъ людямъ, такъ искренно простившимъ другъ друга, и этому ребенку, такъ искренно радовавшемуся,—завидовалъ и, въ то же время, желалъ имъ всякаго счастія...

«Раститеся, множитеся и наполняйте землю», невольно шевелилось на моихъ губахъ, а сердце такъ и подталкивало меня сбросить съ себя тулупъ, подбѣжать къ плакавшей группѣ, обняться съ ней вмѣстѣ и плакать; но я чувствовалъ, что въ головѣ мой сидѣлъ кто-то, съ гордымъ, одутло-насмѣшливымъ лицомъ, и говорилъ мнѣ:

— Ты куда? Зачѣмъ тебѣ къ нимъ? Ты ни любить такъ не умѣешь, какъ они, ни прощать... Лежи,—тебѣ и плакать-то стыдно!..

Я еще крѣпче завернулъ въ тулупъ голову, потому что, дѣйствительно, стыдился моихъ слезъ, которыя совсѣмъ было задушили меня...

— Ну, ежели такъ, такъ Господь съ вами, счастливые люди! пробормоталъ я—и уснулъ въ какой-то отчаянной тоскѣ по комъ-то и по чемъ-то...

Всю ночь снилось мнѣ *обѣщанное царство благодати*, тихое царство, безъ слезъ и скорбей, разрушающихъ жизнь. Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибы мой проклятый мозгъ не имѣлъ обыкновенія, даже и во снѣ, выпрядать какія-то отвратительно-шероховатыя нити, отъ щупанья которыхъ все существо мое нервно вздрагивало и, противъ воли озлобляясь, говорило:

— Но, вѣдь, я сплю... Вотъ и тулупъ, которымъ я накрытъ,—*слѣдовательно*, все это я вижу во снѣ...

Это *слѣдовательно* губитъ и сны, и дѣйствительность...

Сѣрое утро било въ окна, когда я, почему-то, необыкновенно-испуганно, выглянулъ однимъ глазомъ изъ-подъ тулупа, покрывавшаго меня. За стѣной шипѣла пила.

Удары тяжелаго молота обо что-то желѣзное невыносимо больно терзали мой слухъ; топилась маленькая желѣзная печь, наполнявшая комнату удушливымъ жаромъ. Красные уголья, которые виднѣлись въ ней, явственно изображали до-нельзя насмѣшливыя надъ кѣмъ-то улыбки...

Освоиваясь постепенно съ предметами, обстанавливавшими меня, я увидалъ, наконецъ, наслѣдника, который, какъ и вчера, ползалъ по грязному полу, силясь приподняться на тонкія ножки, весело посмѣиваясь и агукая большую черную кошку, пріютившуюся съ своимъ задумчивымъ мурлыканьемъ около печки.

— Да потише ты! слышался тихій, упрашивающій шепотъ Мирона Петрова,—потише. Ну, что хорошаго? Вотъ Иванъ Петровичъ проснется... Въ кои-то вѣки забрелъ... Ни хр-рашо!..

— Да! Мало шаромыгъ-то по улицамъ шляется!.. запальчиво отвѣчала Матренушка.—Ты ихъ всѣхъ собери поди. Все веселѣй будетъ... Тебѣ съ женой-то, ровно бы съ бѣсомъ, противно сидѣть... Такъ ты собери ихъ побольше, да и цѣлуйся съ ними.

— Ни храшо!... усовѣщевалъ Миронъ Петровичъ.

— Да чего хорошаго? больше и больше впадала во вкусъ злая жена.—Я тебѣ не запрещаю. Я прямо говорю: поди и цѣлуйся. А мнѣ сокращать себя не изъ-за чего... Довольно, кажется, отъ меня всего получено: и деньги мои, и забота моя...

— Ахъ, Царь мой Небесный! сокрушенно прошепталъ хозяинъ!

Наслѣдникъ, я видѣлъ, подползъ въ это время къ хозяину и забормоталъ ему на своемъ таинственномъ языкѣ что-то невыразимо-ласковое и смѣшливое.

— Да н-ну тебя! Отвяжись, Христа ради! Дядюшка Микитъ! закричалъ Миронъ за стѣну.—Подь-ко! Ну-ко ся!..

— Такъ, такъ! заговорила жена съ злою улыбкой.— Эфто я давно знала. Еще можетъ третьеводни знала...

— Ну, и знай! огрызнулся Миронъ Петровъ, отсчитывая дядѣ Микитѣ деньги и снабжая его зеленымъ полуштофомъ.

Съ какою-то конфузливой, но старавшейся быть бойкою, юркостью подскочилъ ко мнѣ Миронъ Петрвоъ и шутливо заговорилъ:

— Вставайте-ка, Иванъ Петровичъ! Бабы васъ пивкомъ угостятъ, пирожка испекутъ...

— Да, какъ же! шептала Матренушка.—Теперь всего для васъ припасли.

Марья Петровна, дуя въ чайное блюдечко, сдержанно хихикала при этихъ словахъ хозяйки.

Дядя Микитъ, живымъ манеромъ оборудовавшій полуштофъ, теперь съ неменьшимъ хозяйскаго конфузомъ мялся въ дверяхъ, потому что хозяйка, непримѣтно ни для кого, кромѣ меня, однимъ глазомъ выглядывавшаго изъ-подъ тулупа, злобно погрозила ему маленькимъ кулачишкомъ.

— Што мнешься-то, ровно бѣсъ передъ заутреней? закричалъ на него хозяинъ, очевидно, понимавшій, въ чемъ тутъ штука.—Иди! Кого ты должонъ слушаться здѣсь: меня, аль кого другаго?

— Ну да, какъ же! Извѣстно, тебя... шепчетъ Матренушка. Дядя Микитъ послушно звякнулъ полуштофомъ объ столъ.

— Ну-ко-съ, Микитушка, спроворь тамъ что-нибудь, по малости, на закуску, приказывалъ хозяинъ, суетливо откупоривая посудину.

— Ну да вѣдь какже? хихикаютъ Матренушка и Марья Петровна.—Тамъ эфтой закуски въ-волю...

Дядя Микитъ, пошаривши въ кухнѣ нѣкоторое непродолжительное время, возвратился оттуда съ твердымъ убѣжденіемъ, что закуски тамъ не только нѣтъ въ настоящее время, но даже, какъ будто, никогда не бывало и никогда не будетъ.

Хихиканье чаепійцъ раздалось еще громче; а Миронъ

Петровъ, не дослушавъ его конца, накинулъ на себя тулупъ и стремглавъ побѣжалъ въ неизвѣстное мѣсто, изъ котораго скоро вернулся съ двухфунтовою колбасой въ рукахъ, радостный и торжествующій.

— Иванъ Петровичъ! Ну-те-кось. Теперича это ничево... На похмѣлье-то... подчивалъ онъ меня, огорошивши передъ этимъ самъ большой стаканъ водки.

— Вотъ такъ-то! привѣтствовало эту выпиванцію, вмѣсто вчерашней прачкиной трубы, злое шептанье Матренушки.—Я такъ и знала.

— И знай! отвѣтилъ хозяинъ. — Иванъ Петровичъ! Ну-те-ко-сь! Поднимайтесь. На нихъ глядѣть-то, вѣрно, нечего...

Я поднялся и выпилъ.

— Ну-ка чайку намъ! приказалъ кому-то уже съ сурьезомъ Миронъ Петровъ; но кто-то, сидѣвшій около по-змѣиному шипѣвшаго самовара, тоже съ сурьезомъ отвѣтилъ ему шепотомъ.

— Руки-то, поди, не отсохли еще! Самъ нальешь... Еще вѣдь не натрескался.

— Ну-ну, пробасилъ хозяинъ,—разговаривай по субботамъ!

Послѣ этого, какъ говорятъ историки, достопамятнаго изреченія, предъ нами очутился вчерашній фатальный подносъ съ двумя стаканами чаю.

— Такъ-то лучше! пробормоталъ Миронъ Петровъ, съ какою-то хитрой улыбкой, свое хозяйское слово.—У меня вѣдь такъ—такъ, а нѣтъ, такъ вѣдь... знаешь какъ?

— Знаю, злод-дѣй! завопила Матренушка.—Муч-читель, з-знаю!

— Н-ну, и молчи — выходитъ дѣло... Значитъ, теперича и помалкивай. Это я тебѣ, какъ передъ Господомъ, говорю; потому напрасно не лайся. Я тебя не трогалъ.

Прачка-Петруха вбѣжалъ къ намъ въ это время, необыкновенно испуганный, и закричалъ:

— Иванъ Петровичъ! Поднимись къ намъ, сударь, ради Христа! У меня тамъ какъ есть Пугачъ поднялся... Бунтъ—одно слово!... И што это у нихъ только за политика такая?...

— Ну-ко-сь, Петруша! Ну-ка!

— Да ужь мнѣ не до эфтого!... почти плакалъ прачка.—Меня всево, можетъ, сестры, какъ собаки какія бѣшеныя, изгрызли.

— О! Ну ихъ къ Богу въ рай! толковалъ хозяинъ.— Ну-ка, Пѣтушокъ! Куша-кось!

Мы поднялись на верхъ на прачкину квартиру, и тамъ сразу осадилъ насъ частый бабій гомонъ, словно бы торговала и кипѣла тамъ какая-нибудь десятитысячная уѣздная ярмарка, съ своими многочисленными горланящими кабаками, кричащими паяцами, ревущими коровами, гулко громыхающими телѣгами и т. д. и т. д.

— Варваръ! Варваръ! неистовымъ голосомъ взывала вчерашняя востроносая дѣвица.—Вѣдь ты жисть мою загубилъ! Что же ты молчишь-то, Иродъ? Аспидъ! ты что же молчишь-то?

Намъ еще не видать было говорящаго лица, но тѣмъ не менѣе слишкомъ замѣтно было, что слова эти вмѣстѣ съ кулаками такъ и стремились къ лицу того субъекта, къ которому были обращены.

Прежде всего, на верху насъ встрѣтила сестра Петруши, высокая, грудастая прачка, съ носорожьимъ лицомъ и коровьимъ голосомъ, по ремеслу которой мой политичный компаньонъ и назывался, по общему голосу всей дѣвственной улицы, прачкой-Петрухой.

— Гони! Сичасъ ты у меня ихъ въ три жилы гони! Слышь? въ буквальномъ смыслѣ заревѣла она на брата.

— Ни хр-рошо! Добрыхъ людей постыдись! отвѣчалъ братъ; но сестрица была вовсе не такого сорта, который могъ бы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, полинять отъ взоровъ добрыхъ людей.

— Извольте, сударь, Иванъ Петровичъ, обратилась она ко мнѣ,— вашего товарища совсѣмъ и съ паскудницей его взять отъ насъ, куда вамъ угодно. Довольно даже мы отъ нихъ натерпѣлись...

— Напотѣлась ты отъ ихъ чаевъ съ вареньями, а не натерпѣлась! вдругъ воскликнулъ Петруха, съ блистательною вальяжностью закидывая въ штанишки ручонки и запрокидывая голову къ грязному потолку.

— Ах-хъ, т-ты паршивый! удивилась сестра этой оппозиціи, никакъ не подозрѣвая, по случаю ранняго времени, что Петруша успѣлъ уже садануть у Мирона Петрова стакашекъ, вызывавшій обыкновенпо съ его стороны подобные протесты.— Да ты что же это выдумалъ, паскуда ты эдакая—а?

— Молчать! загремѣлъ прачка.—Мер-рзавецъ! Молчать! Гдѣ ты такой палитикѣ научился—а? Мр-разь!...

— Погоди, паршивецъ! какъ сбѣсившаяся кошка, металась изъ стороны въ сторону сестрица, наиприлежнѣйшимъ манеромъ отыскивая что-нибудь по своей

могучей рукѣ, чѣмъ бы можно было какъ можно изящнѣе ошарашить по головѣ дорогого братца.— Погоди! Погоди! Я тебѣ вотъ покажу палитику!...

— Мол-ча-ать, тварь необузданная! озартничалъ Петруша, вельможно притопывая дырявыми сапожонками.—Тв-а-арръ! Не смѣть выгонять учителя, потому что я здѣсь хозяинъ. Прач-чка т-ты под-длая! Ты кто?— ты прачка; а я, по крайности, образованный человѣкъ... Ма-ал-лчать!..

— Погоди, па-аг-гади! шептала сестрица.—Я вотъ тебѣ покажу, какой ты такой есть хозяинъ...

Но я, не дождавшись этихъ показовъ, благополучно проюркнулъ въ комнату, занятую учителемъ.

Здѣсь на первомъ планѣ, опершись локтями объ столъ, сидѣлъ самъ учитель; передъ нимъ, чахоточно задыхаясь, стояла, съ сжатыми кулаками, востроносая дѣвица и орала:

— А, подлецъ! Заступаться за себя привелъ? Заступаться? Хыр-рошо! Не трогъ заступаются...

Говоря это, дѣвица смѣялась какимъ-то глупо-мошенническимъ смѣхомъ.

Я не ждалъ отъ нея такой прыти.

— Послушайте, Груша! Что же это вы дѣлаете? заговорилъ было я...

— Ударь! Ударь! перебила она мою рѣчь.—Нѣтъ, нынѣ вашего брата за это... знаешь куда? Къ козѣ на пчельникъ... Ха-ха-ха-ха!..

Учитель какъ-то особенно-тяжело приподнялъ со стола голову, взглянулъ на меня, уныло и апатически улыбаясь, и, будто сквозь сонъ, проговорилъ:

— Видишь? Пойдемъ!..

Мы пошли—и цѣлый адъ закипѣлъ въ домѣ, гладко выструганныя стѣны котораго вчера еще такъ славно блестѣли на морозномъ полуночномъ фонѣ, смягчая его угрюмую, сѣрую безжизненность своей ярко-зеленою крышей и пугливо, но отрадно мелькавшими изъ оконъ огоньками.

Схвативши подъ руку совсѣмъ ошалѣлаго учителя, я торопливо побѣжалъ по дѣвственной улицѣ. На ней, во вчерашнемъ сугробѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ такъ благодушно прошлою ночью играли Миронъ Петровичъ съ будочникомъ Илюшей, теперь раздавались какіе-то непередаваемые крики, подымались и опускались толстыя палки, показывались — то дюжій кулакъ дяди Микиты, то избитое лицо Мирона Петрова, то сѣденькая головенка прачки-Петрухи, то вдругъ краснѣлся, взвиваемый вѣтромъ, красный фартукъ, то грозный лобъ съ черною прядью волосъ, нетерпѣливо отбрасываемый въ сторону сильною рукой...

— Батюшки! Кр-раулъ! Кр-ра-аулъ!.. разносило по улицѣ двадцать голосовъ. Неистово скача около бѣсновавшейся группы и гремя звонкими цѣпями, вторили этимъ голосамъ громадныя собаки, собранныя кутермой въ одну кучу изо всѣхъ домовъ.

— Что теперь станешь съ ними дѣлать? въ тяжеломъ раздумьи спрашивали другъ у друга оба будочника, стоя надъ кучей.—Забирать бы, по-настоящему, надо, да жаль,—люди-то хорошіе больно...

Квартальный поручикъ, объѣзжая свой участокъ, закричалъ было стражамъ роковое «взять»; но стражи,

подбѣжавши къ нему, съ почтительными улыбками доносили ему:

— Никакъ невозмож-жно, ваше благородіе! Больно люди-то милые! Все здѣшніе обыватели...

— О, ч-чор-ртъ!... пробормоталъ поручикъ и махнулъ рукой. Лихая пара бойко подхватила его щегольскія санки, и только и видно было, какъ засеребрился

«Морозной пылью
Его бобровый воротникъ».

Весь этотъ день мы крутились съ учителемъ по разнымъ развлекающимъ заведеніямъ. Мрачно уставя глаза въ стаканъ, онъ часто спрашивалъ меня:

— Такъ ты говоришь, все это вздоръ—а?

Я молчалъ.

— Ну, скажи же что-нибудь. Ты думаешь, я пьянъ? Нѣ-ѣтъ! Я вѣдь все помню. Ты сказалъ именно: неотразимый вздоръ... Такъ вѣдь—а?

— Ну, и сказалъ! Тысячу разъ говорилъ тебѣ... Отвяжись теперь...

— Во что же я вѣрилъ? Боже мой! Во что же я вѣрилъ? Вѣдь это именно такое слово тутъ должно стоять: неотразимый вздоръ.... Чортъ знаетъ, какъ это я не догадался прежде! Во что я вѣрилъ?... Ну-ка, налей!

Я наливалъ, а онъ пилъ и скрежеталъ зубами, обращая тѣмъ на себя общее вниманіе кабацкаго человѣчества. Между тѣмъ на дворѣ стояла тихая, первозимняя ночь. Съ неба, граціозно волновавшимися пушинками, летѣлъ

мягкій снѣгъ; а мѣсяцъ, словно красавица изъ-подъ вуали, такъ привѣтливо всматривался въ далекую отъ него землю...

Всю душу измучила мнѣ сложенная мною въ эту ночь какая-то, рѣшительно новая, нигдѣ не слышанная и не читанная мною, молитва, съ которой я обращался къ небу этого вечера. Зажигала она сердце мое несказаннымъ жаромъ любви къ природѣ и людямъ; но, тѣмъ не менѣе, когда я мысленно произносилъ ее, это прекрасное, всегда утѣшающее меня небо принимало въ моихъ глазахъ какой-то холодный, исполненный неумолимой, но прекрасно-величавой мудрости, образъ, который, будто бы, отвернувшись отъ меня, наотрѣзъ говорилъ мнѣ:

— О чемъ ты просишь? Молчи—и иди!

И я шелъ... я шелъ; но съ каждымъ шагомъ становилось бремя мое тяжелѣе и тяжелѣе и всю человѣческую, такъ долго и страстно горѣвшую и страдавшую, кровь мою охватило непреодолимое желаніе — спать, спать и спать...

ЗАПИВОХА.

I.

Намѣреваясь сейчасъ какъ можно рельефнѣе вылѣпить для васъ, такъ часто встрѣчающійся въ Москвѣ, типъ человѣка, подверженнаго запою, я для того, чтобъ освѣтить должнымъ свѣтомъ его больную голову, сокрушенную губительною тяжестью того вѣнка, который налагаетъ на нее не древній, изящный Вакхъ, а просто-на-просто всероссійскій кабакъ, — для этого я прежде всего изображаю гостиную Онисима Григорьевича Столешникова, временнаго московскаго купца, занимающагося устройствомъ загородныхъ пикниковъ, подрядами на свадебные и похоронные обѣды и вдобавокъ снабжающаго бѣдный людъ деньжонками подъ залогъ и за умѣренные проценты, какъ назидательно разсказываютъ объ этомъ поучительныя «Вѣдомости Московской Городской Полиціи».

Изображать гостиныя подобнаго рода людей намъ не привыкать стать; рисуя ихъ принадлежности, вовсе не заботишься о тонкости и нѣжности штриховъ, какими

гг. Зотовымъ и ихъ послѣдователямъ необходимо было чертить тѣ благовонные будуары, гдѣ въ таинственномъ и возбуждающемъ на всякую поэзію полусвѣтѣ, на удобно пригнанныхъ для этой поэзіи кушеткахъ и козеткахъ полулежали различныя princess'ы и comtess'ы. Съ видомъ прогнанныхъ чрезъ водоочищающую машину Марсовъ, стояли въ тѣхъ гостиныхъ безусые корнеты Ледины и Гремины,—стояли и говорили тѣ, если можно такъ выразиться, маркизски-умныя рѣчи, отъ которыхъ во время оно такъ сладко надрывались брилльянтовыя сердчишки нашихъ барышень, и которыя лично мною названы «глупыми до разврата». Писать про такія нѣжности я не умѣю. Для серебрянаго рейсфедера, которымъ непремѣнно малевалась сія умилительная пошлость, слишкомъ грубы ручищи Ивана Сизого.

— Что же такое? Всякій человѣкъ въ своей сферѣ дѣйствовать долженъ! сказалъ недавно въ кабакѣ одинъ прогорѣвшій купецъ, когда ему объяснили, что вотъ онъ теперь прогорѣлъ и сидитъ въ кабакѣ, а компаньонъ его пріобрѣлъ и валяетъ теперь шампанское въ сосѣднемъ трактирѣ.

Должнымъ образомъ постигая глубокій смыслъ этого изреченія, я смиренно дѣйствую въ своей сферѣ и говорю, что гостиная Онисима Григорьевича была совсѣмъ въ другомъ родѣ: она, говоря грамматическими опредѣленіями г. Греча, «есть нечто иное», какъ необходимая принадлежность тѣхъ каменныхъ съ деревянными антресолями домовъ, которыхъ такъ много на московскихъ дѣвственныхъ улицахъ. Я не имѣю въ виду планировать вамъ передній и задній фасады самого дома, по-

тому что выстроило его тщеславіе человѣка, который добился наконецъ въ свою долгую, трудолюбивую жизнь того счастья, какое у французовъ опредѣляется многозначительнымъ словомъ: *мѣщанское счастье*, а у насъ не менѣе многозначительною пословицей: *себѣ при жисти, про свое доброе здоровье, опосля смерти — за упокой души*, — добился, говорю, и оборудовалъ себѣ домъ, Господу-Богу на славу, добрымъ людямъ на удивленье и крѣпкую зависть!.. Слѣдовательно, много ихъ такихъ домовъ, пугающихъ воображеніе, не настроенное спеціально на достиженіе мѣщанскаго счастья, своими красными, растреснувшимися кирпичами, тусклыми окнами, завѣшенными въ посторонне-наемныхъ квартирахъ грязными юбками, заставленными ситцевыми подушками, съ облѣзлыми собаками у разбитыхъ, какъ бы бомбами, калитокъ и проч. и проч. Повторяю: много ихъ такихъ домовъ, краснорѣчивѣе чѣмъ Писемскій характеризуетъ нигилистовъ, говорящихъ про себя: меня выстроило *мѣщанское счастье* съ тѣмъ, чтобы посредствомъ меня грабить и убивать и безъ того ограбленную и убитую столичную бѣдность...

Итакъ, я проведу васъ мимо этой обыденной домовой физіономіи, не рекомендуя ея вашему вниманію. Въ наши глаза и безъ того ежесекундно мечется слишкомъ много и горя и пошлости, — горя, тѣмъ невольнѣе разнимающаго на горькій смѣхъ, что оно отъ себя зависитъ, — пошлости, тѣмъ безлогичнѣе мирящей васъ съ собой, чѣмъ ваша логичность болѣе прирождена вамъ и чѣмъ честнѣе она развита въ васъ, потому что пошлость эта не отъ себя зависитъ...

Конечно, вы теперь поняли, что и гостиная Онисима Григорьича не составляетъ нити завязки моего романа, и если я иду туда и веду васъ съ собою, такъ дѣлаю это, во-первыхъ, для того, чтобы, какъ говорится, ловчѣе подъѣхать къ самому дѣлу, а во-вторыхъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы въ этомъ купеческомъ домицилiи, сравнительно съ нашей постоянно-колеблющейся и, какъ уже сказано, взбаломученною почвой, гораздо рѣже и тише обуреваемомъ, отдохнули глаза, заслѣпленные до рѣжущихъ и кровавыхъ слезъ безалаберною толкотней русскаго базара, на которомъ, по его собственной пословицѣ, *все съ рукъ сходитъ*,—и успокоилось сердце, изнывшее отъ страшныхъ воплей многоразличныхъ жертвъ, попавшихъ *какъ-нибудь*, *ненарокомъ*, подъ тяжелыя, ухорски раскатившiяся базарныя колеса. .

Тишина поразительная царствутъ въ этой гостиной, точно также какъ и на улицѣ, на которую смотритъ она своими двумя окнами, та же тишина. Яростное чириканье двухъ большихъ воробьиныхъ стай, на смерть разоравшихся, вѣроятно, за исключительное обладанье дѣвственной улицей, даже какъ бы усиливаетъ всеобщую мертвую неподвижность мѣстности.

Безъ конца долго, а особенно посытнѣе поѣвши, можно сидѣть на мягкомъ креслѣ подъ окномъ въ Столешниковской гостиной и оттуда молчаливо и неподвижно, какъ каменная статуя, смотрѣть на эту улицу съ деревянными домами,—на бабъ, лица которыхъ пылаютъ пожаромъ двѣнадцатаго года, съ мокрыми вѣниками подъ мышками бредущихъ по травѣ,—на разно-

шерстяныхъ котятъ, цѣлыми гнѣздами обитающихъ въ этой травѣ, и, наконецъ, на молодого еще и потому нѣсколько дурковатаго будочника, который, кажется, для того и жительствуетъ въ будкѣ, чтобы сражаться съ кошачьими стаями и угощать забористымъ нюхательнымъ табакомъ маленькихъ дѣвчонокъ и ребятишекъ.

Обнимаетъ человѣка во время такого смотрѣнія какая-то сладкая, отрѣшающая отъ всякихъ мірскихъ попеченій, дрема. Смотришь, смотришь такъ-то, а онѣ — эти обыденныя, заученныя наизусть картины, все идутъ, — идутъ такъ тихо, такъ плавно, что непремѣнно изъ самой глубины души созерцателя вытянутъ такія смирныя рѣчи:

— Господи! да изъ чего же это люди бьются-то на бѣломъ свѣтѣ? Изъ-за чего же это они другъ друга ѣдятъ? Сѣли бы вотъ такъ-то, сложили бы ручки, да и сидѣли; поглядывали бы посмирнѣе на тишину-то Господнюю. Чего бы имъ лучше этого блага!..

Но бьется сердце, даже самое смирное, противъ жизненной всасывающей тины до тѣхъ поръ, пока можно биться, пока есть въ немъ силы и горячая кровь. Рѣдкаго, разумѣется, не засасываетъ тина; но тѣмъ не менѣе, если мы согласимся съ Расплюевымъ — всякую битву называть игрою, то, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ должны сказать и то, что эта игра есть самая азартная изъ всѣхъ игръ, какую только приходится человѣку разыгрывать въ этой жизни.

Я потому собственно распространяюсь на эту тему, чтобы вы, введенные мною въ гостиную Столешникова, не испугались ея тишины и не спросили бы меня:

— Да зачѣмъ же вы привели насъ сюда? Здѣсь и жизни-то нѣтъ никакой. Что мы тамъ смотрѣть будемъ?

Тутъ-то вотъ и начнется моя заслуга, какъ правоописателя, когда я разувѣрю васъ въ вашей ошибкѣ, разсказавъ вамъ, что въ этомъ, повидимому, окаменѣломъ царствѣ была игра, угомонившая человѣка,—каковъ былъ этотъ человѣкъ до своего угомона, какъ и что именно угомонило его, и чѣмъ наконецъ онъ живетъ теперь, смутно предчувствуя, что вотъ-вотъ скоро эту смирную, всегда одно и то же показывающую улицу поразнообразитъ погребальная процессія, съ уходомъ которой покончится все — и не будетъ тогда ни воздыханій о своей жизни, проведенной у *косящета окна*, ни печалей о томъ, что люди ѣдятъ другъ друга,—печалей, какъ вы уже видѣли, непремѣнно налетающихъ на голову, полюбившую процессъ глядѣнія на однообразныя картины дѣвственныхъ улицъ.

Съ этой точки зрѣнія я и отрекомендую сейчасъ Маѳу Петровну, жену Онисима Григорьича которая прежде всего бросается въ глаза, при входѣ въ гостиную. Эта, еще достаточно свѣжая, но молчаливая и часто вздыхающая о чемъ-то, старуха хоть и рѣдко когда въ настоящее время о чемъ-нибудь разговариваетъ, но намъ, надѣюсь, она, безъ особенныхъ просьбъ съ нашей стороны, распишетъ должнымъ образомъ и свою гостиную, и ту жизненную игру, какую она сыграла въ ней.

«Что этой у меня силы было, что красоты, когда я невѣстой считалась, страсть!... Такъ обыкновенно начинаетъ разсказъ про свою жизнь Маѳа Петровна,

когда человѣкъ умѣющій натолкнетъ ее на этотъ разсказъ.—Бывало, въ крещенскіе морозы, какія подруги къ обѣднѣ въ шубахъ идутъ, какія въ салопахъ, а я себѣ качу въ одной ватной шимовочкѣ—и щеки у меня, пожалуй, что всѣхъ алѣй были. И возилась я въ это время неустанно, отъ ранней зари до поздней ночи, за какимъ-нибудь дѣломъ, потому сталкивало меня что-то съ мѣста, ежели случаемъ сѣсть приходилось,—жилы во мнѣ такъ и говорили всѣ. Нечего ежели дѣлать, такъ полы мыть принималась,—какъ стеклушко у насъ были полы завсегда. И было для меня это время самое трудное, потому и на яву и во снѣ все это тебѣ женихи представляются, все это тебя тревожитъ что-то и въ сумлѣніе вводитъ... Грѣшница передъ Богомъ! Видючи такъ-то, какъ тамъ иные прочіе по сосѣдству женъ-то за косы таскаютъ, такъ я мужиковъ этихъ никогда очень-то не жаловала, а тутъ взмолилась: «Господи! молъ, да пошли же Ты мнѣ мужа какого-нибудь,—все бы мнѣ съ нимъ, можетъ, полече стало». Мечешься, мечешься, бывало, по постели-то, а въ спальнѣ жара страшная, духота, тишь! Всю тебя эдакъ разморитъ,—не приведи Царица Небесная! Такъ я теперича полагаю, что эта боль всѣмъ болямъ голова!

«Но только что же вы думаете, милыя вы мои? вскрикивала всегда старуха въ этомъ мѣстѣ.—Думаете вы, небойсь, по молодости по своей, что замужство лучше? И сейчасъ мнѣ умереть на семъ мѣстѣ,—ничуть не лучше! Боль эта молодая точно-что унимается немного, а чтобы т. е. насчетъ этого счастья, чтобъ очи твои завсегда на милаго человѣка, какъ въ дѣвкахъ хотѣлось,

глядѣли, такъ это и думать не моги... Случаемъ ты его огорчишь, случаемъ онъ тебя озлобитъ—и выходятъ отъ этого такія бѣды, что жизни не радъ, потому какъ замужъ-то выйдешь, спасенья-то тебѣ ни откудова и нѣтъ ужь; а въ дѣвкахъ-то хоша и болишь, хоша и скорбѣешь, а все же надѣешься на что-то..... Такъ-тось!

«Не подумайте вы одначе, что я это про себя говорю, старику своему въ судъ и смѣхъ. Грѣхъ такъ-то и мнѣ говорить, и вамъ думать. Въ судъ-то я рѣдко когда говаривала, да и то когда еще молода была, зелена, не знала, какъ тяжело на людскихъ головахъ наши сплетни садятся. И безъ моихъ словъ вамъ извѣстно, а безъ этого я бы и рѣчи такой не вела, какой у меня мужъ. Пьетъ онъ у меня, буянитъ пьяный, дерется, ежели подъ руку подвернешься,—все это вы видите и знаете; но того вы не видѣли и не знаете, что въ тридцать-то годовъ всякихъ думъ мы съ нимъ одною согласной душой передумали, что всякихъ дѣлъ одною силой передѣлали. Про добро-то про это людямъ и говорить-то не подобаетъ, потому добро рѣдкій кто переймета, а перенимаютъ все больше худо одно. Истинно!

«Полагаешь ты, другъ сердечный, легко мнѣ было мужнины качества сносить, когда я не могла въ толкъ-то взять, раскусить-то мозговъ не имѣла, отчего онъ пьетъ, отчего буянитъ и зачѣмъ дерется. Сосѣдки, бывало, придутъ, такія же, какъ и я, молодыя, и говорятъ: «тебѣ, говорятъ, безпремѣнно надо, Маѳа, на своего идола въ фарталъ идти жаловаться. Мы на своихъ ужь ходили. Знатно съ нихъ тамъ по три серебра на мировую счистили. Пришли оттуда, крехтятъ—и вотъ ужь

кой день отъ нихъ словечушка не слыхать...» Богъ только берегъ, а то вѣдь, чужихъ, глупыхъ разговоровъ наслушамшись, въ фарталъ сбиралась съ жалобами не одинъ разъ.

«Стерпѣла же вотъ — ничего, безъ фарталовъ прошло кое-какъ, потому мужъ трудится, мужъ тѣломъ и душой за семью болитъ. Взять хошь бы моего старика: кто знаетъ, какъ онъ тамъ столъ сдалъ? Можетъ, его баринъ какой-нибудь пьяный ругательски обругалъ. Можетъ, онъ его—этотъ самый баринъ—лакеемъ выругалъ и къ щекѣ подступалъ ни за что, ни про что; такъ, значитъ, теперича по-вашему то, ежели глава дома, на какой, можетъ, онъ день и ночь кровь свою проливаетъ, пришодчи въ свой домъ, и сердца ни на комъ не долженъ отводить? Какъ же!...

«Понять это, избави Господи, сколь много время требуется!... Иные всю жизнь до такихъ понятіевъ не доходятъ — и умираютъ отъ этого въ жестокихъ мукахъ... А я, слава Богу, скоро съ тычками мужниными помирилась, а помиримшись, стала дѣтей ждать. Думаю такъ-то: погоди, молъ, маленько, станешь ты у меня пить и буянствовать, когда я тебѣ ангельчика безгрѣшнаго принесу. При думѣ такой, ей-Богу, страсть какъ сама радовалась! И онъ ничего, недѣльки на двѣ послѣ перваго ребенка затихъ, а потомъ опять, кажется, еще лютѣе воевать пошелъ. Да оно чему тутъ удивляться, на что тутъ сердиться-то? Лишняя забота прибавилась,—онъ и завоевалъ лютѣе, вотъ и все. Хорошо, что теперь-то это все постигаешь, а тогда-то куда тяжело сносить было!..

«Выняньчила дѣтей, выростила, а они, выросши-то, прочь отъ матери, потому мать необразованная. Развѣ она ихъ разговоры какіе ученые перейметъ? Гдѣ-жь ей перенять!..

«И сѣла я тогда, други сердечные, вотъ у этого окошка въ великой тоскѣ, словно бы кукушка какая горемычная, и задумалась крѣпко-на-крѣпко. «Въ чемъ же, думаю про себя, Господи, я утѣху себѣ теперь найду? Безъ ничего вѣдь, молъ, Боже Ты мой, вѣкъ свой я доживаю», и никакъ себѣ въ понятіе не возьму, зачѣмъ это я, грѣшница, на бѣломъ свѣтѣ жила, зачѣмъ сама сокрушалась и другихъ сокрушала.

«И тогда-то вотъ, какъ я раздумывала такимъ манеромъ, невидимо кто-то въ душѣ у меня и заговоритъ: «что ты это такое, баба, неподобное говоришь?! Достаткомъ васъ съ мужемъ Богъ наградилъ. Помогай, шепчетъ, своимъ достаткомъ бѣднымъ»,—и взяла я это себѣ въ умъ, и стала помогать. Ну, и точно, дѣлала я, не потаюсь съ правдой моей, великія добродѣтели. Только что же? Чѣмъ, вы думаете, люди за мои добродѣтели отплатили мнѣ?—Извѣстно, чѣмъ они платятъ за добродѣтель-то, потому я и не скажу ничего объ этомъ. Что-жь такое? Зачѣмъ мнѣ говорить? Люди-то—братья наши, они по образу и подобію Божьему созданы,—значитъ, про нихъ, какъ объ звѣряхъ дикихъ, говорить невозможно, пытаму грѣхъ...»

Цѣлыя тридцать лѣтъ играла такимъ образомъ въ своей безмолвной гостиной Марѳа Петровна и, какъ говорится, досыта наигравшись, молчитъ теперь, рѣдко когда раскрывая ротъ.

«Богъ съ ими совсѣмъ!» почти единственною фразой встрѣчаетъ она въ нынѣшніе свои годы всякую новость, какъ бы она ни была поразительна, и при этомъ махнетъ рукой съ тѣмъ видомъ, какой бываетъ у человѣка, говорящаго: «ну, господа! моя пѣсенка спѣта. Пойте теперь вы свои пѣсни, ежели голоса есть».

И сидитъ теперь Марѳа Петровна у окна гостиной, словно бы какой сказочный сидень Илья Муромецъ, вставая только для того, чтобы попить чайку, да пообѣдать,—сидитъ и не сводитъ глазъ съ тихихъ, однообразныхъ картинъ своей улицы. Какая-то тусклая неподвижность, какъ на только-что замерзшемъ прудѣ, лежитъ на ея лицѣ, и очевидно, что глаза ея хоть и смотрятъ на что-то, но ничего не видятъ. Склоненная на бокъ голова хоть и напоминаетъ позу человѣка во что-то вслушивающагося, но тѣмъ не менѣе можно подтверждать какою угодно клятвой, что купчиха не слышитъ даже тихаго шепота своихъ двухъ взрослыхъ дочерей, которыя тоже сидятъ въ гостиной и шепчутъ:

— И вижу я во снѣ, милая Паша, нонѣшнею ночью, говоритъ старшая младшей,—быдта стою я у калитки, а они—офицеры-то—и выѣжаютъ изъ-за угла на бѣлыхъ коняхъ, всѣ въ золотѣ, съ саблями. И принялась я сейчасъ этихъ офицеровъ стыдиться!.... Такъ-то стыжусь, такъ стыжусь—страсть!... А они мнѣ, быдта, и говорятъ: милая барышня, говорятъ, какихъ такихъ вы родителей дочь будете? Я имъ въ отвѣтъ: на что это, молъ, знать вамъ, господа-кавалеры?—Такъ, говорятъ; очень мы вами прельстились и желаемъ съ вами знакомство завесть. Въ ту-жь минуту, видя ихъ такое нахальство,

стала я имъ презрѣніе свое показывать, а они смѣются... И только же, милая моя Паша, что тутъ вышло опосля, ужь и въ умъ не возьму: припялась я, быдта, по-французскому разговаривать съ ними. Такъ это часто, такъ часто разговариваю, такъ и сыплю. А офицеры, послушамши такого моего по-французскому разговора, говорятъ: видимъ мы теперь, барышня, всю вашу образованность,—извините-съ! А сами руки всѣ до одного человѣка подъ козырьки и саблями эдакъ фить-фить,—честь, значитъ, мнѣ, все равно какъ начальнику, отдали!...

— Вотъ такъ сонъ! удивлялась младшая сестра.—Антересно было бы знать, что онъ такое обозначаетъ собою и какихъ намъ перемѣнъ надоть ждать...

— А я ужь къ Машенькѣ Распушилиной бѣгала, рекомендовала сновидица,—у ней сонникъ есть, такъ я справлялась. Значится тамъ, въ сонникѣ, что по-французскому съ господами-офицерами во снѣ говорить для молодой дѣвицы знаменуетъ: *отъ родителей или старшихъ родственниковъ быть очень битой*, *такъ что, пожалуй*, *до уродства*, *а для почтеннаго торговца оный же сонъ великую прибыль знаменуетъ*.

— Неужто такъ-таки и сказано?

— Такъ и сказано.

— Ну, хорошаго-то въ этомъ мало. Жди теперь отъ тятеньки трепки,—безпремѣнно пьяный придетъ.

— Чего кромѣ ждать? А я, милая Паша, какъ было обрадовалась-то! Проснулась когда, такъ и то все радуюсь, все думаю: вотъ, молъ, до какого счастья довелось дожить, по-французскому, молъ, вдругъ въ одну

ночь выучилась! А въ спальнѣ-то, Пашенька, такая-то жуть, такая-то духота,—не приведи Господи! До самаго до свѣта не могла я послѣ своего сна заснуть, потому что все *они* представлялись мнѣ, какъ это *они* ѣдутъ, ѣдутъ, а въ рукахъ у нихъ сабли наголо, позади ихъ солдаты въ трубы трубятъ и въ барабаны бьютъ... Какъ есть война!..

Но ничего не слыхала старуха изъ дочерниныхъ разговоровъ объ офицерахъ, потому что въ противномъ случаѣ сонъ, какъ говорится, въ руку бы дался, если не по отношенію къ почтенному торговцу, какъ объяснялъ сонникъ, такъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ молодой дѣвицѣ.

— Насчетъ ежели теперича, когда дѣвица до закону про мужчинъ начнетъ разсуждать, то я этого терпѣть не люблю, обыкновенно говаривала Марѳа Петровна, равнодушная ко всему остальному.—И такъ бы я эдакую дѣвицу сейчасъ же за косы и давай возить, потому не ея короткому разуму такія дѣла рѣшать.

Итакъ, въ Столешниковской гостиной царствовалъ только одинъ едва-едва разслушанный мною разговоръ дѣвицъ, да витала невидимая дума Марѳы Петровны, сидѣвшей у окна въ своей обыкновенной неподвижности.

Тишь и благодать были полныя.

Разборчивѣе всѣхъ живыхъ людей, бывшихъ въ гостиной, разговаривали толстобрюхіе, косорылые и косоглазые амуры, пузатыя лиры и кривые роги изобилія, которые пущены были по потолку покоя художнической рукой хозяйскаго пріятеля—маляра Григорья

Звѣрева. Летая по бѣлому фону потолка, все это порой какъ бы собирается въ тревожныя, совѣщающіяся о чемъ-то кучки; шепчутся о чемъ-то въ этой всевыдающей тишинѣ; слышно даже, какъ шуршитъ паутина, которую стряхиваютъ амуры съ своихъ рыжихъ, кудрявыхъ головъ, и въ уши Маровы Петровны летитъ сверху слѣдующій разговоръ:

— О чемъ это? Что это она думаетъ? Вѣдь цѣлый день она такъ-то сидитъ!... съ видомъ глубокаго недоумѣнія на пузатомъ лицѣ спрашиваетъ у корзинки съ фруктами нѣкоторый крылатый мальчуганъ, съ колчаномъ за плечами, полнымъ оперенныхъ стрѣлъ.

Корзинка съ фруктами продолжаетъ быть задумчивой, и ежели бы у ней была голова, такъ она непремѣнно закачала бы ею отрицательно: дескать, не могу знать, о чемъ это она такъ сильно раздумалась.

— Вишь, вишь какіе! думаетъ при этомъ сама Марѳа Петровна.—Про хозяйку начали растолковывать!... и при этомъ на ея лицѣ примѣчается даже что-то въ родѣ улыбки.—Говорила Онисимъ Петровичу: Онисимъ, молъ, Петровичъ! не расписывай, молъ, потолка, потому все это кумирскіе боги—идолы, а оно такъ и вышло—вотъ они ужь и заговорили.

— Эхъ вы! отзывался снизу на верхнюю рѣчь тяжелый, старомодный диванъ какимъ-то толстымъ, совершенно-медвѣжьимъ голосомъ.—Давно ли вы здѣсь летаете-то, что думаете разгадать хозяйскую думу? Я вотъ ужь который годъ здѣсь стою, да и то этой думы не знаю.

— Такъ, такъ, милый! поддакиваетъ ему хозяйка.—

Заступайся за меня,—я тебя сама покупала, когда еще молода была. Двадцать пять рублевъ, по тогдашнему на ассигнаціи, бѣлой бумажкой я за тебя заплатила. Заступись!

— Спуску не дамъ, хозяйка! Молчи только, успокоивалъ диванъ.—Я ихъ, короткохвостыхъ, всѣхъ до единаго распугаю.

— Мы имъ покажемъ себя! энергично вторятъ дивану разставленныя около него массивныя шестеро креселъ, совершенно по-гусарски подпираясь при этихъ словахъ въ бока своими изогнутыми ручками.

— Вамъ-то себя и показывать-то! вдругъ зазвенѣли изъ стекляннаго шкафа чайныя, столовыя и дессертныя ложки, заложенныя нѣкогда Онисиму Петровичу отставнымъ штабсъ-ротмистромъ Полведерно-Бубновымъ.—Такой ли вашъ фасонъ, чтобы показывать себя? продолжали спрашивать ложки, видимо принимая сторону роговъ изобилія, амуровъ и проч.

— Фас-ссонъ! презрительно и въ одинъ голосъ восклицаютъ диванъ и стулья. - О, чер-р-ти! Сами-то вы очень фасонисты! Тоже старье вѣдь...

— Такъ, такъ, милые! уже, такъ сказать, осязательно улыбаясь, говоритъ хозяйка.—Не выдавайте,—рази они моложе васъ? Рази я подъ нихъ тоже не сама деньги выдавала двадцать годовъ тому назадъ? Такіе же и они, какъ вы.

И тутъ предъ оловянными выпученными глазами Марѳы Петровны начинается ожесточенная и въ высокой степени суматошная битва между низомъ и верхомъ, то-есть между диваномъ и креслами съ одной

стороны и между амурами, лирами и рогами изобилія съ другой. Вотъ одно кресло съ легкостью птицы взлетѣло на потолокъ и брыкнуло заднею ногой по корзинкѣ съ фруктами такъ, что нѣсколько апельсиновъ скатилось на полъ. Мароа Петровна подняла одинъ, попробовала—кисло и горько до отвращенія. Она бросила апельсинъ вверхъ и вышибла имъ глазъ амуру; амуръ закрылъ свою толстую рожицу пухлою ручонкой и застоналъ отъ боли. Диванъ протяжно и басовито хохоталъ надъ страданіями маленькаго, какъ говорила Мароа Петровна, кумирскаго бога,—до тѣхъ поръ хохоталъ, пока божокъ въ свою очередь не слетѣлъ съ потолка и съ ожесточенною яростью не вцѣпился въ волоса насмѣшника.

— Что же это? Что же это такое? вопрошаетъ наконецъ Мароа Петровна, уже совсѣмъ пробуждаясь и вставая съ кресла.

Но никто не далъ ей удовлетворительнаго отвѣта. Амуры присмирѣли и, какъ въ день своего рожденія, продолжали летѣть куда-то, распростерши крылья и плутовски улыбаясь. Диваны и кресла, его обставлявшія, угрюмо додумывали свои медвѣжьи думы, а серебряныя ложки блистали изъ мрака запыленныхъ шкафныхъ оконъ безмолвною, но тѣмъ не менѣе свѣтлою надеждой, вѣроятно, на то, что вотъ-вотъ придетъ сюда старый хозяинъ ихъ, отставной штабсъ-ротмистръ Полведерно-Бубновый, съ громкимъ смѣхомъ вытащитъ изъ боковаго кармана только-что выпонтированную пачку ассигнацій и выкупитъ у Столешниковой свое дворянское, наслѣдственное серебро...

Все, по-прежнему, стояло на своихъ обыкновенныхъ, неподвижныхъ ногахъ; тишина, видимыми, толстыми слоями носившаяся по гостиной, снова защемила сердце купчихи, взбудораженное немного той фантастическою возней неодушевленныхъ предметовъ, до которой часто досиживается и додумывается человѣчество, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ жизненныхъ потрясеній.

— Господи! что же это за тоска такая? съ долгимъ зѣвкомъ спрашиваетъ Марѳа Петровна.—Хошь бы чаю напиться, што-ли?

— Только во снѣ и увидишь что-нибудь хорошее, раздавался тихій дѣвичій шепотъ вмѣстѣ съ безмолвнымъ разговоромъ матери.—А днями такая тебя тоска ѣстъ!.. Хошь бы тятенька поскорѣе запилъ,—все бы, можетъ, онъ, какъ въ прошлый разъ, привелъ съ собой для компаніи поручика Свистюкова. Вѣдь есть же на бѣломъ свѣтѣ эдакіе мужчины пріятные!

Итакъ, вотъ по какому нетреволненному озерку покачусь я съ вами смотрѣть дальнѣйшее жизненное теченіе Столешниковскаго дома. Смотрите же, не пугайтесь, когда это, съ перваго взгляда маленькое и тихое, озерцо превратится дальше въ бурно-ревущее и никакими плотинами не сдерживаемое море, — когда на его необъятно-разлившихся водахъ покажутся острова изъ тины и грязи, сплошь покрытые непроходимыми, дикими порослями, и особенно тогда, когда изъ этого дремучаго лѣса раздадутся отчаянные, безпомощные крики жертвъ, которыхъ неумолимо пожираетъ тамъ гибельный порядокъ вещей...

*

II.

Не извѣстно, какъ долго продолжалась бы эта тишина въ купеческомъ домѣ, еслибы не случилось слѣдующаго обстоятельства, по поводу котораго выходитъ наконецъ на сцену глава фамиліи, самъ Онисимъ Григорьичъ Столѣшниковъ.

Однимъ лѣтнимъ утромъ, самъ глава, напившись пораньше чаю, ушелъ куда-то изъ дому на раннюю работу. Остальное семейство, т. е. барышни и Марѳа Петровна, сошедшись въ гостиной, единогласно разсказывали другъ другу, что какъ молодое, такъ и старое поколѣніе, какъ бы заранѣе сговорившись, увидали въ прошлую ночь во снѣ, что, «будто иду я, милыя мои, по улицѣ, по какой подлинно—не упомню, и набѣжала, будто, на меня черная-расчерная собака. Набѣжамши, выпучила на меня свои бѣльмы собачьи и говоритъ человѣческимъ голосомъ, такимъ страшнымъ голосомъ: «Ты, говоритъ, куда это—а? Рази эдакъ-то можно женщинѣ по улицѣ шататься?» И съ этимъ словомъ хвать меня, проклятая, за ляжку, такъ что кровь, самая что ни есть красная, ручьемъ эдакимъ рѣзвымъ и полилась».

Не нужно было даже справляться и въ сонникѣ, что означалъ сей всеобщій сонъ. Всегда онъ безоблыжно показывалъ скорое свиданіе съ ближними родственниками. Положили поставить самоваръ и дожидаться этого свиданія.

— Кто же это такое будетъ у насъ? нѣсколько разъ озабоченно спрашивала старуха, дуя на чайное блюдечко.—Ума не приложу.

— Антиресно узнать, какой такой родной къ намъ припожалуетъ, въ свою очередь втихомолку раздумывали дѣвицы.—Ужь не женихи ли какіе? Ахъ, какъ бы Господь послалъ поскорѣе. Лестно бы изъ эфтой тюрьмы куда-нибудь хоша вырваться. Сейчасъ умереть, за любого урода, безо всякихъ разговоровъ, пойду...

Какъ бы отгадывая тайныя, семейныя желанія, въ гостиную ввалилось нѣкоторое крестьянское существо женскаго рода, очевидно изъ-подъ Ярославля, костюмированное въ какъ бы нарочно придуманныя синія лохмотья, съ котомкой за плечами изъ перестроеннаго на новый ладъ стараго солдатскаго ранца. Ввалившись въ комнату, существо это съ улыбкой, въ одно и то же время изобразившей и глубокую преданность и глубокую радость, доставленную свиданіемъ съ Маѳой Петровной и ея дочками, проговорило:

— А вотъ и мы къ вамъ! Небойсь не ждали гостей-то? Вслѣдъ затѣмъ женское существо изъ-подъ Ярославля принялось освобождать себя отъ котомки и синихъ лохмотьевъ, потомъ громко и жалобно зарыдало и, такъ сказать, сквозь рыданія пропустило такого рода объявленіе.

— А мы вѣдь, сестрица милая, опять погорѣли! Семь однѣхъ лошадей сгорѣло, три коровы, что теперича коробья разнаго!.. Вотъ въ чемъ, видишь, осталась, а мужики, сейчасъ околѣть, безъ рубахъ по сосѣдскимъ печамъ укрываются...

«Н-ну, д-аа! Знаемъ мы васъ!... Который годъ ужь ходишь такъ—на погорѣлое съ брата дерешь!» съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ подумала Марѳа Петровна, лобызаясь съ гостьей.

А гостья была сестра Онисима Григорьича, дѣйствительно обитавшая въ одномъ изъ селъ Ярославской губерніи. Она черезъ каждые два года путешествовала отъ родимыхъ пенатовъ въ Москву къ своему единоутробному братцу для того, чтобы выпросить у него, хоша по крайности, пятидесятную, подъ тѣмъ благоприличнымъ видомъ, что, акибы, на погорѣлое мѣсто. Извѣстна она была въ семействѣ единоутробнаго братца подъ немногосложнымъ именемъ сестры Татьяны, оставшейся въ крестьянствѣ, которой, по этому случаю, непремѣнно нужно было помогать не только деньгами, но и, главнымъ образомъ, тѣми отрепьями, какія скапливались въ семействѣ въ два года отдыха отъ ея визитовъ.

— Что же это такое, милая сестрицушка, за пожаръ былъ—страсть! докладывала Татьяна, присаживаясь къ самовару. — И Богъ ее вѣдаетъ, отъ чего это и какъ загорѣлось... Сказываютъ: все это виндерцы подпаливаютъ. И кой ихъ лѣшій ухитряетъ только на такія дѣла!...

«Н-ну, д-да! Разговаривай по субботамъ про виндерцевъ-то. Сама-то ты и есть виндерскій раззоритель», думала Марѳа Петровна, слушая трагическій разсказъ Татьяны, пришествіе которой такъ удачно напророчилъ сонъ прошедшей ночи.

— Ну, что братецъ? Какъ онъ тутъ поживаетъ? Все ли въ добромъ здоровьи?

— Да что братецъ?—Братецъ, извѣстное дѣло, работаетъ, рукъ не покладываетъ, потому семья. Пить-ѣсть надо, обуться, одѣться, капиталъ заплатить, отвѣчала хозяйка многознаменательною аллегоріей.

— А мы тамъ прослышали, развивала гостья разговоръ,—купцы ваши проѣздомъ у насъ въ избѣ останавливались, такъ они сказывали, что, будто, онъ пьетъ; а то бы, говорятъ, богаче вашего брата, можетъ, во всей Москвѣ не было бы, потому очень онъ къ торговлѣ всякой ретивъ и способенъ.

— Что правда, то правда! подтвердила Мароа Петровна слухъ, занесенный изъ Москвы на дальнюю сторону.—Одно горе у насъ: запивойство это проклятое. Сколь много оно къ намъ въ домъ зла приноситъ, одному Богу извѣстно.

Разговоръ, попавши сразу въ такъ глубоко протоpенную русскими людьми колею, дѣлался съ каждою минутой живѣе и дружелюбнѣй.

— Лѣчила бы ты его, милая сестрицушка, умиленно совѣтывала ярославка.—Первое дѣло: молитва тутъ оченно помогаетъ, другое...

— Лѣчила ужь всячески. Сколько капиталу на эвтихъ лѣкарей да лѣкарокъ потрачено!... Плотину, кажется, можно было-бъ тѣмъ капиталомъ смостить. Нѣтъ, ужь вѣрно терпи, авось Господь за грѣхи на томъ свѣтѣ зачтетъ.

— У насъ вонъ у деревенскихъ-то такъ ведется: ежели какой мужикъ очень наляжетъ на это винище, міръ сейчасъ соберется, да своимъ судомъ его отлупцуетъ, какъ слѣдуетъ,—ну, и ничего: иные, слава Богу,

скоро послѣ этого въ память приходятъ и перестаютъ... У васъ вѣдь, небойсь, такъ то нельзя?

— Кто же на такое лѣкарство изъ образованныхъ людей согласиться можетъ? съ большою досадой спросила у ярославской тетки старшая барышня, которую вмѣстѣ съ безчисленнымъ количествомъ разныхъ моральныхъ совершенствъ украшало еще и то глубокое убѣжденіе, что она всякій субъектъ, одѣтый по-нѣмецки, считала образованнымъ.

— Извѣстное дѣло, кто-жь изъ господъ-купцовъ, али бы теперича изъ дворянъ пойдетъ на такое дѣло. Я это такъ только къ слову сказала, какъ у насъ по селамъ дѣлается... Я вотъ въ прошломъ году отъ одной странней богомолки самое вѣрное средство слышала, такъ хотѣла про него сказать. Кто вѣдь ее знаетъ-то? Сдѣлается—и поможетъ. Богомолка сказывала: дюже, говоритъ, хорошо; я, говоритъ, на многихъ пытала.

— Что же? Какъ? любопытно освѣдомлялась Мароа Петровна, готовая на всякую жертву для пріобрѣтенія вѣрныхъ рецептовъ отъ запоя.

— Возьми, говоритъ, ты гвоздь двухтесный, распали его до-бѣла...

— А потомъ въ крещенскую воду его опустить и той водой поить больного девять зорь утреннихъ, девять вечернихъ... подсказала хозяйка.

— Такъ точно, подтвердила гостья, опечаленная невозможностью услужить чѣмъ-нибудь благодѣющему семейству.

— Это мы знаемъ,—на одномъ приказномъ наша кухарка это средство пробовала. Больше трехъ зорь не вы-

держалъ, а на четвертую такъ начесался, и такъ онъ эту самую кухарку исколотилъ, на-силу отняли. «А, ты, говоритъ, съ гвоздя?...» Когда протрезвился, такъ лѣчиться больше не пожелалъ, потому, сказываетъ, «за что же я ее бить буду—кухарку-то? Она, говоритъ, рази въ этомъ виновата?..» Мы ужь на Онисимѣ Григорьичѣ и не стали пробовать: побоялись,—опасно должно-быть.

— Нѣтъ, сестрицушка, богомолка про это, то-есть очень чтобы про буйство-то, ничего не говорила. Сказывала только, что нѣтъ, быдта, того лѣкарства лекше и пріятнѣе.

— Не знаю; а что у насъ смертоубійство изъ него чуть было не вышло, такъ это вѣрно я тебѣ сказываю. Мнѣ что же врать-то?

— Извѣстно, зачѣмъ врать, переспросила ярославка, впадая въ уныніе, конечно, отъ того, въ эту минуту пришедшаго ей на память обстоятельства, что вотъ, дескать, знаютъ же люди издавна, что врать не зачѣмъ, а все врутъ, и что она—эта самая ярославская Татьяна—идетъ по такому противорѣчивому пути прытче, можетъ, всѣхъ людей на свѣтѣ.

Такого рода умственною работой Татьяниной головы, а не чѣмъ-либо другимъ, я объясняю и себѣ и вамъ, что въ это время Татьяна глубоко вздохнула и со смиреніемъ, по-истинѣ дѣлающимъ честь ея христіанскимъ чувствамъ, проговорила:

— Ахъ, и грѣшники же всѣ мы великіе, братцы мои—бѣда! Какъ только еще Господь Богъ-батюшка нашимъ сквернамъ терпитъ!

Такая грѣховность положенія, а равно какъ и не-

успѣшность рецепта *съ гвоздя* произвели между присутствующими тяжелую и продолжительную паузу, которая была прервана Маросой Петровной, никогда очень скоро не покидавшей своей любимой темы о запойной жизни и о многоразличныхъ средствахъ, предлагаемыхъ доброжелательнымъ людомъ въ исцѣленіе отъ ней.

— Были у насъ, голубушка Татьяна, лѣкаря-то не хуже вашихъ, да такъ и отошли ни съ чѣмъ. Одинъ такой приходилъ старичокъ отъ Крымскаго моста, и на человѣка-то на настоящаго не похожъ: впереди его котъ сибирскій шелъ, большущій эдакій котище, съ усами такими ли страшенными. Ужь Богъ знаетъ, кто изъ добрыхъ людей лѣкарю этому сказалъ про наше несчастье, только онъ къ намъ и приди,—черный такой весь, мозглявый, глаза какъ свѣчки свѣтятся и говоритъ тихимъ такимъ шепотомъ. Пришелъ и зашепталъ мнѣ: «слышалъ, говоритъ, про васъ. Ежели хочешь, чтобъ я вамъ помогъ, отпирай казну. Мнѣ, говоритъ, казны много надо, потому помощь не отъ меня ..»

«А Онисимъ Григорьичъ страсть какъ не любитъ этихъ лѣкарей. Я потому и сказала старику: «можешь ли ты вылѣчить его не видя?» Улыбнулся онъ въ это время, красныя десна оскалимши, и зашепталъ мнѣ со смѣхомъ: «ахъ ты, говоритъ, баба-дура, а еще купчиха! Рази не видишь, что я не глядя могу все знать, потому на что же я вотъ эту штуку при себѣ завсегда содержу?» Тутъ онъ показалъ мнѣ на кота, а онъ у ногъ его лежитъ, и такъ-то ластится, такъ-то мурлычетъ громко,—ужасъ меня тогда не малый взялъ!...

«Принялся лѣкарь послѣ такихъ своихъ словъ вы-

дѣлывать съ котомъ разные фокусы. «Говори, Василій! шепчетъ ему,—знаешь ли ты ея хозяина? Котъ сейчасъ разъ къ нему на плечо, приложилъ морду къ уху и замурлыкалъ. Матушка, говорю, Царица Небесная! Что же это такое у меня въ домѣ творится?—«Ничего, говоритъ, не смущайся. Отслужи послѣ насъ молебенъ съ водосвятіемъ....» Тутъ сейчасъ онъ положилъ кота на земь и сказалъ мнѣ: «у твоего хозяина, шепчетъ, волосы бѣлые, брада рыжая, окладистая, ротъ открытый, а въ желудкѣ у него сидитъ червь, напущенъ по злобѣ чернымъ человѣкомъ,—знаешь, говоритъ, какой на каждомъ шагу скверныя слова изъ себя изрыгаетъ?....»

«Тутъ я и вспомнила кухмистера Петра Петрова: онъ черный такой, аки уголь, и злобу на насъ еще съ тѣхъ поръ имѣетъ, какъ мы его въ крестные отцы къ нашей Аграфенѣ не взяли, потому онъ изъ лакеевъ и все это, идолъ, при гостяхъ ли, такъ ли, все это онъ никакъ удержаться не можетъ, чтобъ *энтихъ* поганыхъ словъ не говорить.

— Ну что, спрашиваетъ лѣкарь, послѣ раздумья моего,—вспомнила? Домекнулась, про кого я тебѣ слово сказалъ?

— Домекнулась, говорю.

— Ну, такъ поняла теперь, что мы съ Васильемъ всякую для васъ помощь оказать можемъ?

— Поняла.

— Ну, такъ бѣжи же проворнѣе въ сундукъ за казной.

«Побѣжала я это за казной, какъ онъ приказывалъ, и выношу ему изъ спальни четвертную, — новенькая

такая бумажка, такъ и шуршитъ въ рукѣ. Поглядѣлъ онъ сперва на бумажку, потомъ на меня, улыбаючись, взглянулъ изъ подлобья и говоритъ коту: «посмотри-ка, Василій, чѣмъ насъ за наши благодѣянія благодарятъ!»Говоритъ такъ-то, а самъ бумажкой-то коту ноздри щекочетъ. Батюшки мои! Какъ этотъ котище окрысился въ это время! Сроду я такой злющей гадины не привидывала. Какъ зафыркаетъ, какъ зафыркаетъ, шерсть на немъ какъ на свиньѣ встала, а самъ такъ-то ли сурьезно головой на меня рыжей повелъ...

— Что же, спрашиваю я, мало что-ли?

— Да кажись, что шубы-то на такія деньги-то не сошьешь!.. Это мнѣ лекарь-то въ отвѣтъ сказалъ, а самъ все смѣется, такъ что смѣхъ этотъ меня за одинъ разъ и въ ознобъ и въ жаръ бросилъ.

«Побѣжала я опять за казной,—еще принесла четвертную и ему подала. Только тутъ онъ ужасти какъ разгнѣвался: обѣ бумажки на полъ онъ шваркнулъ и за шапку, а самъ все шепчетъ: «имъ на цѣлую жисть благодѣяніе дѣлаешь, а они тебѣ все равно какъ нищему...»

«Подняла я съ пола обѣ бумажки и сейчасъ же летомъ достала сто серебра и вручила ему. Повеселѣлъ и сказалъ: «вижу, говоритъ, твое усердіе». Подалъ онъ мнѣ тутъ синенькій пузыречекъ съ какой-то желтой водой и сталъ совѣтъ давать: «каждую пятницу, говоритъ, давай ты мужу по семи рюмокъ очищенной, въ каждую рюмку наливай по семи капель этой воды и дѣлай это семь пятницъ. Ежели еще не очень туда запущенъ ему червь—въ желудокъ-то, такъ, можетъ,

онъ къ вечеру первой пятницы выйдетъ. Это, говоритъ, бываетъ часто. А ежели онъ крѣпко засѣлъ тамъ, такъ послѣдняя пятница окажетъ себя безпремѣнно». Простился онъ тутъ со мной и ушелъ,—котъ за нимъ побѣжалъ. Я еще ему говядины такой-то большой кусокъ дала.

«Стала я мужа этимъ самымъ снадобьемъ подчивать. Тошнитъ его, по малость. Думаю: обманулъ старый шутъ. Только, гляжу, на четвертую пятницу не вытерпѣлъ Онисимъ Григорьичъ, закричалъ: «бѣжите, говоритъ, за батюшкой-попомъ,—душа у меня съ тѣломъ зачинаетъ разставаться. Прибѣжала я къ нему, а червь-то и ползетъ по полу, такъ-то скоро ползетъ, зеленый весь, съ усами,—ползъ, ползъ такъ-то, да въ щель подъ полъ и юркнулъ. Слава Богу, думаю, вышло. И прошло послѣ этого случая, такъ надо полагать, мѣсяца два,—все крѣпился старикъ, не пилъ. Благодарила я тутъ Бога много, что сто рублей даромъ не пропали. Только что же? Сижу я такъ-то однажды подъ окошкомъ и вижу видимо-невидимо подъѣхало къ нашему крыльцу колясокъ, линеекъ, дрожекъ, а впереди съ какимъ-то офицеромъ въ каретѣ *самъ* пріѣхалъ. И ввалила вся эта компанія въ покои, у каждаго въ рукахъ кулекъ съ винами, и загайгакала. Это онъ, милая ты моя Татьянушка, съ одной свадьбы купеческой, на какую столъ подрядился готовить, всѣхъ до одного человѣка—приказныхъ, молодыхъ офицеровъ,—они вѣдь любятъ на даровщинку-то попьянствовать — къ себѣ притащилъ. И пошла тутъ такая пыль, такое горлодерство—бѣда. Я и говорю ему:

— Опомнись, вѣдь у тебя дочери невѣсты. Гони ты ихъ вонъ. Молчитъ, голову свѣсилъ.

«Я къ приказнымъ. Говорю имъ: такъ и такъ, господа! Какъ вамъ будетъ угодно, а вы ступайте отсюда, не соблазняйте старика, потому я его вылѣчила. Большія, сказываю имъ, деньги заплатила, чтобъ изъ него червя запойнаго выгнали, и сама я своими глазами видѣла, какъ онъ изъ него вышелъ и подъ полъ уползъ. Дайте же, пожалуйста, все пристаю къ нимъ,— спокой старику.

«Смѣются приказные, глядя на мои слезы.

— Тутъ мы, говорятъ, хозяйка, ни въ чемъ не причинны, потому рази другой червь въ немъ завесться не могъ? А вино, говорятъ, мы свое пьемъ. Значитъ, ты бы лучше намъ дочерей показала, потому, слышали мы, у васъ денегъ много, такъ можетъ и женился бы кто...

Топанье и раздѣванье въ передней прервали въ этомъ мѣстѣ разговорившуюся Маѳу Петровну. Въ гостиную вошелъ *самъ*, веселый такой, радостный.

— Что? спросилъ онъ, шутливо относясь къ Маѳѣ Петровнѣ,—небойсь, все про мужа судачила? Эка старая! До сихъ поръ не отвыкла еще мужа всякому человѣку расхваливать....

— Ба! Сестрица милая! вдругъ воскликнулъ Столешниковъ, примѣтивъ наконецъ гостью.—Какими судьбами ты къ намъ залетѣла? Ну-ка, давай, милая, поцѣлуемся.

— Братецъ-голубчикъ! отвѣтила на это братнино привѣтствіе стономъ и слезами Татьяна. — А вѣдь мы опять погорѣли!...

— Опять?... переспросилъ съ ласковой и разгадавшей всю суть дѣла улыбкой Столешниковъ. — Ну, авось, Богъ милостивъ! Давай-ка, старуха, обѣдать.

III.

— Ну, что, сестра? спрашивалъ Онисимъ Григорьичъ Татьяну въ то время, когда Марѳа Петровна, вообще съ кухаркой, накрывала на столъ,—какъ тамъ у насъ въ деревнѣ-то? Все ли она тѣмъ же концомъ съ краю стоитъ — а? Али инымъ повернулась? Ха-ха-ха-ха! басовито и покровительственно посмѣивался разбогатѣвшій братъ надъ бѣдной, оставшеюся, по фамильному выраженію, въ крестьянствѣ, сестрой.

— Да теперича, братецъ родимый, ежели отъ вашей милости никакого намъ бѣднымъ блага не выйдетъ, такъ она, можетъ, до коихъ поръ безъ конца совсѣмъ простоитъ—деревня-то, потому вашему здоровью извѣстно, небойсь, что дворъ родительскій съ краю стоялъ, отшучивалась въ свою очередь Татьяна, не давая въ то же время брату забыть про ея горькую нужду.

— Ну-ну, Господь съ тобой! На вотъ возьми, пристраивай съ мужемъ конецъ къ деревнѣ! добродушно отозвался Онисимъ Григорьичъ, при чемъ онъ вынулъ изъ пузатаго бумажника крупную ассигнацію и подалъ Татьянѣ.—Какъ пойдешь домой, еще на гостинцы ребятишкамъ дамъ, а эту зашей въ рубаху, чтобы, оборони Богъ, не выронить какъ-нибудь.

Видя такую добродѣтель, ярославка съ громкимъ воп-

лемъ и обильными слезами бросилась въ ноги съ начала братцу, потомъ сестрицѣ, а наконецъ за урядъ и милымъ племянушкамъ.

— Кормилицы вы наши, благодѣтели! вопила она, тщетно желая отдавить кому-нибудь изъ благодѣтелей хоть одну ножку своимъ низкопоклоннымъ лбомъ. Онисимъ Григорьичъ ни подъ какимъ видомъ не допускалъ ее осуществить это намѣреніе.

— Сестра! говорилъ онъ, поднимая ее съ пола, — не грѣши: не человѣкамъ подобаетъ земное поклоненіе, а Господу одному.

Подали обѣдъ, вслѣдствіе чего жалобная сцена прекратилась.

— А что, старушка Божья, отнесся Онисимъ Григорьичъ къ женѣ, сидя уже за столомъ,—ты бы намъ, для ради свиданья съ сестрой, водочки поставила бездѣлицу, винца бы какого тоже малость прихватила, потому и самой на радостяхъ не мѣшаетъ.

— Охъ, Онисимъ Григорьичъ! простонала Марѳа Петровна,—боюсь я, какъ бы ты не того...

— Оставь пустое разговаривать-то! съ прежнимъ благодушіемъ сказалъ старикъ. — Что мнѣ съ одной али съ двухъ рюмокъ подѣлается? Богъ милостивъ... Вотъ, сестрица, не покидаетъ меня несчастье мое, — слышала, небойсь, какое? Знаешь? Что ты будешь дѣлать! И къ лѣкарямъ разнымъ ходилъ, и къ батюшкѣ Врачу Небесному за Его великою помощью прибѣгалъ,— не снимаетъ Господь креста... Заслужили, должно-быть, ну и терпи...

При послѣднихъ словахъ старикъ совсѣмъ измѣнилъ

свой шутливый тонъ. Говоря ихъ, онъ какъ будто сильно боялся и стыдился чего-то, вслѣдствіе чего голова его печально склонилась надъ тарелкой, а правая рука, вооруженная вилкой, безсознательно чертила что-то по бѣлой скатерти, вѣроятно, о великости того несчастья, про которое сейчасъ говорили.

— Крѣпиться надоть, братецъ милый! посовѣтовала Татьяна съ тяжкимъ вздохомъ.—Къ Господу-Богу взывать.

— Крѣпимся, насколько нашихъ слабыхъ силъ хватаетъ... съ еще большею печалью въ голосѣ отозвался братъ.—Семьѣ обида, своему здоровью разстройка, дѣламъ убытокъ, а передъ Господомъ грѣхъ!.... И замолить того грѣха — не замолишь, потому въ пьянствѣ все...

— Что и говорить, братенюшка, про этотъ грѣхъ? Извѣстно, нѣтъ его больше.

— Н-ну, будетъ про это! закончилъ Онисимъ Григорьевичъ, какъ бы убѣдившись, что словами дѣлу не поможешь.—Выпей-ка вотъ, а потомъ я и за тобой.

Какая-то пріятная теплота бросилась въ стариковскую голову послѣ первой рюмки. Горячая кровь яркимъ румянцемъ показалась на морщинистомъ лицѣ и мягкими, ласкающими волнами заходила по утомленному тѣлу. Вспомнилось почему-то въ это время Онисиму Григорьевичу его давнишнее деревенское житье-бытье: работая надъ супомъ, видитъ посѣдѣвшій теперь старикъ, какъ онъ маленькимъ мальчишкой, отрепаннымъ, босымъ и голоднымъ бѣжитъ съ салазками по только-что выпавшему, ярко бѣлому снѣгу,—рѣзкій осенній вѣтеръ жжетъ ему лицо, по которому текутъ какія-то горячія и соленыя слезы, и лохматитъ и безъ того шаршавые волосенки.

— Слава Тебѣ, Боже нашъ! молится про себя Онисимъ Григорьичъ.—Не такъ у меня дѣти воспитывались: нужи такой, какъ я, они, по Твоимъ великимъ милостямъ, не узнали, да и не узнаютъ, пожалуй... Вмѣстѣ съ этой безмолвною думой хозяйская рука-владыка дотянулась до графинчика съ настойкой и угостила довольную своимъ положеніемъ хозяйскую думу второю рюмкой.

— Выпей-ка и ты, сестра, по другой,—лучше ѣсть будешь. Марѳа! ты что же не подчуешь гостью-то и сама не пьешь? Скупа она у меня больно, сестра! Такая скопидомка—бѣда! снова зашутилъ старикъ.

— То-то, милый братецъ, посмѣивалась Татьяна, — видючи, какъ она у тебя на добро жадна, я уже и ложки на столъ не покладываю. Вишь, молъ, какая скупящая!.

Засмѣялись обѣ женщины—и выпили. Онисимъ Григорьичъ продолжилъ шутку тѣмъ, что выпилъ третью подъ тѣмъ предлогомъ, что ему, хоша онъ и старикъ, а отъ бабъ ни подъ какимъ видомъ отставать не приходится.

— Да и веселѣе какъ-то съ бабами-то завсегда.. добавилъ онъ и принялся за жаркое. Тутъ опять взметнулась въ немъ тяжелая дума о прошломъ: вспомнилось ему десять лѣтъ *въ мастерствѣ*,—десять длинныхъ, какъ сто вѣковъ, лѣтъ, во время которыхъ нѣсколько разъ отъ побой и старшихъ и сверстниковъ *вспухала* и снова опадала проломляемая и *для лучшаго понятія* и такъ просто, *одной шутки ради*, голова,—неоднократно мѣнялось лицо, принимавшее на себя многоразличные узоры многообразныхъ товарищскихъ

трепокъ и хозяйскихъ лупцовокъ, и даже самая шкура, какъ у рака весной, линяла въ одну недѣлю, какую-нибудь несчастливую, раза по два, а иной разъ и по три.

— Господи, твоя воля! Вотъ каторга-то была! рѣшительно можно сказать, что безъ малѣйшаго удовольствія отдавался Онисимъ Григорьичъ этому воспоминанію, потому что на лицо его въ эту минуту снова легли какія-то мрачныя тѣни.—Дивлюсь, продолжалъ думать старикъ,—какъ это только животъ свой я сберечь ухитрился?

Новая рюмка, выпитая хозяиномъ, заставила обѣдающихъ боязливо переглянуться другъ съ другомъ. Марѳа Петровна протянула было трепещущія руки къ графину, чтобъ убрать его со стола

— Погоди, Марѳушка! съ нѣкоторою досадой воспротивился *самъ* этому намѣренію.—Вотъ допьемъ, тогда уберешь; видишь, ужь немного осталось.

Затѣмъ встало въ умѣ хлопотливое, купецкое житье,—грѣшное, обманное житье, съ вѣчными заботами, съ напрасною божбой...

«Охъ, дѣтки, дѣтки! покачивая головой, мысленно восклицалъ Онисимъ Григорьичъ.—Много для васъ я на свою душу грѣховъ взялъ!..»

Графинъ былъ въ это время окончательно порѣшенъ и послѣднія блюда уже не существовали для хозяина. Досиживая обѣдъ, онъ уже ни къ чему не прикасался, ни съ кѣмъ не говорилъ, а только помахивалъ головой, изрѣдка улыбался чему-то и шепталъ что-то, извѣстное и понятное ему одному.

— Началось! шепнула Марѳа Петровна Татьянѣ.—На грѣхъ тебя Богъ къ намъ принесъ...

*

И дѣйствительно, въ это время можно было сказать, что началась самая суть той съ вида тихой жизни, какую я показывалъ вамъ вначалѣ, потому что лишь только кончился обѣдъ, какъ Онисимъ Григорьичъ, ограничивавшійся доселѣ однимъ безмолвнымъ думаньемъ, заговорилъ, и заговорилъ громко и повелительно:

— Марѳа! вотъ тебѣ три серебромъ, пошли взять рому ямайскаго, да самоваръ вели становить. Да смотри, чтобы ромъ не какой-нибудь былъ,—за эту цѣну можно хорошаго достать. Плохимъ головы вамъ вымою... За васъ хлопочи, а вы—нѣтъ, чтобъ удовольствіе какое доставить старшому... Эхъ вы!...

Домашніе, какъ бы заслышавъ приближеніе бури, присмирѣли: разговоры, за минуту передъ тѣмъ оживлявшіе молчаливую гостиную, замерли; свѣтлыя, или, по крайней мѣрѣ, старавшіяся быть свѣтлыми отъ тятенькиныхъ шутокъ, лица омрачились предчувствіемъ какой-то бѣды. Все смолкло, кромѣ свѣтлаго самовара, неистово бурлившаго на столѣ; густой паръ, валившій къ потолку изъ его широкаго жестянаго горла, совсѣмъ скрылъ своими сизыми тучами зелено-розовые колера, которыми въ такомъ изобиліи покрыты были амуры, лиры и рога изобилія. Все въ комнатѣ посѣрѣло отъ клубовъ самоварнаго пара и печально нахмурилось, а по стекламъ такъ даже потекли зигзагами крупныя слезы.

— Ахъ, и народъ же у насъ въ Москвѣ подлецъ сталъ, Татьянушка! какимъ-то стонающимъ басомъ говорилъ сестрѣ Онисимъ Григорьичъ, доливая трехрублевымъ ромомъ полстакана чаю.—Теперича ты вотъ глядишь

на меня и, небойсь, думаешь: разбогатѣлъ братъ, счастливъ сталъ. Какъ же! Держи карманъ шире!.. Ежели бы т. е. я отъ крестьянской работы не отучился, сейчасъ бы въ деревню ушелъ, все бы это заведеніе дурацкое вотъ имъ бросилъ. При этомъ старикъ грозно взглянулъ на жену и на дочерей и, какъ бы уже окончательно выходя изъ своего дома на трудовую деревенскую жизнь, сказалъ имъ: — Нате вотъ, разживайтесь отцовскимъ добромъ съ легкой руки. Отецъ-то его, можетъ, пóтомъ да кровью пріобрѣталъ, а вамъ даромъ достается. Разживайтесь!

Очень смѣялся Онисимъ Григорьичъ, когда говорилъ эти слова, кланялся, вставши со стула, какъ барышня молодая, съ присѣстомъ, и ручкою дѣлалъ.

— Разживайтесь, разживайтесь! Я не пожалѣю, я себѣ, съ помощью Создателя и добрыхъ людей, еще наживу,—д-да! Вотъ вы-то какъ безъ отцовской головы пробавитесь, увидимъ, а не увидимъ, такъ услышимъ. Такъ-то!

— Что это, братецъ, заговорилъ ты все эдакое неподобное?! осмѣлилась спросить Татьяна.—Рази они могутъ безъ родителя своего жить?

— Ты еще ихъ не знаешь, Татьяна! Тебѣ ихъ скоро раскусить никакъ невозможно! съ громкимъ и злымъ смѣхомъ отзывался Онисимъ Григорьичъ.—Теперича вотъ эта самая старуха: ты не гляди, что она такая смирная. Въ ней и не сочтешь, сколько бѣсовъ насажено. Видишь, видишь, какъ она на меня бѣльмы-то выпучила, ровно съѣсть хочетъ. Она всю жизнь добивалась заѣсть меня,—да нѣтъ! не на такого напала!.. А доче-

ри: онѣ денно и нощно о моей смерти Бога молятъ, потому какъ только я протяну ноги, сейчасъ онѣ маршъ за офицеровъ замужъ... И пойдутъ тогда эти офицеры добро мое къ дѣвкамъ возить, да въ карты проигрывать. Нѣтъ, погоди, шалишь! Молоды еще, въ Саксоніи не бывали! Я вамъ дамъ офицеровъ! Н-ну, дѣлайте мнѣ пуншъ, шельмы! Сдѣлали? Теперь вонъ! Чтобы вашего ду-у-ху не пахло здѣсь, — я одинъ буду.

— Ну, сестрица! шептала Марѳа Петровна Татьянѣ,—запримѣтила я: коли вотъ онъ поначалу раскуражится такъ-то, такъ весь запой будетъ куражный, съ буйствомъ и дракой. Берегись теперь, а то какъ разъ затрещиной пожалуетъ. Намъ не впервой, а ты смотри не обидься.

Но долголѣтняя опытность Марѳы Петровны въ дѣлѣ распознаванія тѣхъ примѣтъ, по которымъ она опредѣляла заранѣе характеръ запоя своего мужа, нынѣ обманула ее. Вмѣстѣ съ наступленіемъ вечера мрачное настроеніе духа Онисима Григорьича измѣнилось на тихое Бесѣдуя въ потьмахъ съ клокочущимъ самоваромъ и ромовой бутылкой, хозяинъ вдругъ принялся скорбѣть и тужить о томъ, что онъ такъ безвинно обидѣлъ жену и дочерей.

— Все это ты дѣлаешь, подлая! ругалъ онъ бутылку, колотя пальцемъ по ея преступному горлышку.—Все ты!... Марѳуша! поди убери ее, проклятую, отъ меня, чтобъ она меня не соблазняла. Дѣти! идите сюда. Видите, вотъ сестра моя, а ваша тетка пришла къ намъ. Такъ подобаетъ намъ теперича сидѣть всѣмъ вмѣстѣ и съ веселіемъ разговаривать.

Принялся послѣ этого старикъ горько плакать, просить у всѣхъ прощенія; обѣщалъ, что онъ уже теперь ничего хмѣльного въ ротъ не возьметъ, и въ то же время убѣдительно просилъ жену и дочерей, чтобъ онѣ налили ему послѣднюю изъ своихъ рукъ. Выпивши изъ рукъ жены, онъ вынималъ изъ бумажника деньги, дарилъ ихъ Марѳѣ Петровнѣ на гостинцы и съ ласкою и со слезами говорилъ:

— Дура, возьми! Ты думаешь, я для тебя что-нибудь пожалѣю, что-ли?

То же онъ выкидывалъ съ дочерьми, Татьяной и даже съ кухаркой. Дворникъ, кучеръ и нѣкоторый бѣлоголовый и растрепанный парень, обучавшійся у Столешникова оффиціантскому дѣлу,—всѣ до одного человѣка были призываемы имъ изъ кухни въ гостиную, всѣ до одного изъ устъ самого хозяина выслушали убѣдительныя просьбы простить ему, ежели онъ ихъ чѣмъ обидѣлъ.

— Убей меня Богъ на семъ мѣстѣ! божился хозяинъ, кланяясь въ ноги своимъ подручнымъ,—ежели я теперича насчетъ этого вина... Ни-ни!

— Мы, ваше степенство, очень этому рады! отвѣчали подручные валяющемуся въ ихъ ногахъ хозяину.— Мы, можно сказать, объ этомъ денно и нощно Господа-Бога молимъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи одно! уже не шумѣлъ, а тихо такъ, какъ бы молитвенно, говорилъ хозяйскій голосъ.—Нѣтъ, ты мнѣ одно скажи, Лукаша: прощаешь ты меня, али нѣтъ?

— Прощаю! отвѣчалъ великодушно Лукаша, валясь въ свою очередь въ хозяйскія ноги.

— Ну, ежели прощаешь, такъ получи на гостинцы!.. Т. е. ты, я знаю, пить любишь... Пей! Теперича ничего...

— Много вашей милости благодарны. А что ежели насчетъ питья, такъ это напрасно... отрезонивалъ никогда не сознающійся въ своей лжи русскій человѣкъ.

Темная ночь пришла, и кухонные субъекты ретировались во-свояси. На стѣнныхъ часахъ, въ краснодеревянномъ футлярѣ, пробило одиннадцать... Подали ужинъ.

— Ну, милые вы мои, сказалъ Онисимъ Григорьичъ, какъ бы совсѣмъ отрезвившись.—Баста! Простите по-христіански что я пошутилъ съ вами немного. Вѣдь, ей же ей, я не пьянъ. Я только это васъ пробовалъ: думалъ, что вы всѣ меня бить приметесь.

Такъ наконецъ промахнувшійся передъ гостьей Онисимъ Григорьичъ вздумалъ маскировать свой промахъ, не желая показать сестрѣ, что онъ когда-нибудь серьезно запиваетъ.

— Ахъ и шутникъ же вы, братецъ! воскликнула Татьяна, всплескивая руками, и затѣмъ она, обращаясь къ Мароѣ Петровнѣ, сказала: — А я думала, что онъ заправду.

— Вотъ то-то и есть, что городской теленокъ умнѣе деревенскаго мужика, сказалъ Онисимъ Григорьичъ, стараясь изъ своего посинѣлаго, подергивавшагося лица сдѣлать лицо трезвое, хорошее, какое бы не конфузило его предъ сестрой, оставшеюся въ крестьянствѣ.

Такимъ образомъ московско-купецкія приличія были соблюдены, и сестра-крестьянка, волей-неволей, подумала, что это *они такъ только*, что такія шутки, по

великому ихъ богачеству, кажинный день у нихъ въ домѣ бываютъ.

— Н-ну, и кончено! съ видомъ непоколебимой рѣшимости воскликнулъ Онисимъ Григорьичъ, поднимаясь изъ ужина и крестясь на блиставшія золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными каменьями иконы.—Благодарю Тя, Господи, яко насытилъ мя еси земныхъ Твоихъ благъ... молился онъ, икая, какъ слѣдуетъ, съ закрытіемъ правою ладонью грѣшныхъ устъ —Ничего, ребята, не робѣйте,—къ утру, какъ слѣдствуетъ, будемъ въ лучшемъ видѣ. Вся эта фанаберія какъ сонъ пройдетъ...

— Ну, и слава Богу! усердствовала Татьяна, крестясь.

— Такъ-то лучше! подтвердила Марѳа Петровна.— Спаси тебя Богъ и помилуй.

— Тол-ль-лько ты, Марѳуша, какъ теперича я тебѣ по душѣ сказываю, снова заговорилъ Онисимъ Григорьичъ съ добродушнѣйшей улыбкой,—послѣднюю мнѣ налей, ротъ пополоскать, потому я теперича въ тихости и скромности, какъ передъ Богомъ!

— А мы было уже спать собрались, отвѣчала жена, покорно наливая требуемую послѣднюю рюмку.— Пей, Онисимъ Григорьичъ, да будетъ ужь, пора и тебѣ на спокой. Ей-Богу! что толку-то? самымъ убѣдительнымъ и ласковымъ образомъ упрашивала Марѳа Петровна, имѣя въ виду расположить супруга къ мирному и безбуйственному отшествію въ постелю.

— Да не буду же больше, право не буду! наставительно обѣщался хозяинъ.—Вотъ на зло этому мерзавцу не буду больше! прибавилъ онъ сердито, указывая на стеклянный шкафъ, въ который Марѳа Петровна пред-

усмотрительно запрятала и водку и бутылку съ непоконченнымъ ромомъ.

Дочери, въ свою очередь, подходя къ отцу и цѣлуя у него ручки, говорятъ:

— Тятенька! мы тоже отходимъ ко сну-съ!

— Отходите, отходите,—прощайте.

Мать въ это время принимается изъ-за плечей мужа многозначительно моргать дочерямъ, и онѣ, какъ нельзя болѣ знакомыя съ этимъ морганьемъ, усаживаются на полу, чтобы какъ можно лучше изловчиться стащить сапоги.

— Только мы, тятенька, передъ сномъ разуемъ васъ, поддѣлываются дѣвушки подъ отцовскую милость.—Позвольте намъ, тятенька, сапожки съ васъ снять. Мы потихоньку, чтобъ у васъ головка не заболѣла, раскачамшись.

— Охъ вы, разбойницы! ласкалъ ихъ отецъ.—Ну-ну, разувайте; а потомъ обѣ вы мнѣ одну махонькую на сонъ грядущій налейте; я изъ вашихъ рукъ выпью— и сейчасъ же спать. Ей-Богу, наливайте-ка!

— Ну, теперь его же царствію не будетъ конца... шепнула Марѳа Петровна Татьянѣ въ передней.—Запилъ на бѣду! Ты не гляди на него, какъ это онъ смиренствуетъ,—это все такъ: блезиръ одинъ.

— Ты бы его, голубушка-сестрица, на спокой какъ-нибудь уложила. Онъ бы, можетъ, сномъ отошелъ.

А между тѣмъ Онисимъ Григорьичъ положилъ на столъ побѣдную голову и задумался. Жена стояла около него, подперши ладонями щеки, въ самой слезливой позѣ.

— Ну что же, Онисимъ Григорьичъ! иди спать.

— Погоди, погоди, Марѳуша! дай подумаю... Ты

ступай себѣ спи. Только, милая ты моя, какъ пойдешь спать, поднеси мнѣ, пожалуйста.

Жена попробовала было возразить, но мужъ самъ перебилъ ее и сказалъ:

— Не нужно, не нужно! Это я такъ пошутилъ... Ты полагаешь, Марѳуша, что я съ *нимъ* не слажу?— слажу, будь оно проклято! Не хочу, не буду пить — вотъ тебѣ и все. Пойдемъ спать!

— Эхъ ты, подушка, подушка! бормоталъ Онисимъ Григорьичъ уже на постелѣ.—Много я съ тобой кой о чемъ въ свою жизнь передумалъ...

И тутъ мечется ему въ зажмуренные глаза бывшій когда-то хозяинъ его Ѳома Ѳомичъ. Стучитъ Ѳома Ѳомичъ толстымъ костылемъ о звонкій полъ, скрежещетъ отъ злости зубами и кричитъ на трепещущаго ученика:

— А, мошенникъ! А, разбойникъ! Ты меня срамить вздумалъ? Ты на вчерашнемъ ужинѣ капитану Подтыкаеву мороженое напередъ князя Чингалищева подалъ? Вотъ тебѣ за это! Вотъ помни!.. И костыль Ѳомы Ѳомича ходилъ по плечамъ и спинѣ Онисима Григорьича такъ хлестко, что тѣ плечи и спина такъ и трещатъ подъ нимъ.

— Экой дьяволъ какой! Тьфу! до сихъ поръ никакъ забыть не могу. Какъ вспомню про него, такъ это сейчасъ и тянетъ меня къ водкѣ, отплевывается отъ стариннаго хозяина Онисимъ Григорьичъ.

— Да спи ты, Онисимъ! шепчетъ Марѳа Петровна... Когда тебя угомонъ возьметъ?.. Натужься: усни!

— И натужусь, Марѳа! Ей-Богу, натужусь! Вотъ же сказалъ, что не хочу пить,—и не пью, и не буду, потому я своему слову, ты знаешь, завсегда господинъ.

Марѳа Петровна, ободренная этими словами, крѣпко заснула, а Онисимъ Григорьичъ продолжалъ молчаливо восторгаться тою мыслью, что вотъ онъ сказалъ, что не будетъ пить, и не пьетъ.

— Да нѣтъ! Гдѣ *ему* со мной совладать? Впрочемъ, не выпить ли мнѣ напослѣдяхъ? Крѣпче усну послѣ. Небойсь, шутъ *его* подери, одной-то не задолѣетъ!...

— Да нѣ-ѣ-тъ! не обманешь, бѣсъ, не надуешь! не буду! Тьфу!.. И тутъ въ головѣ Онисима Григорьича поднялась такая кутерьма, такая белиберда, что хоть топиться, такъ въ ту же пору: стекольчатый шкафъ съ водкой манилъ его къ себѣ тусклымъ свѣтомъ своихъ стеколъ; амуры налетѣли на него съ потолка, трепещутъ надъ его головой своими крыльями и шепчутъ: «ступай, Онисимъ Григорьичъ, пей; выпей рюмочку, послѣднюю, да засни»; толстый диванъ и криворукія кресла совсѣмъ осиплыми, густыми басами совѣтуютъ, съ худо скрываемыми, неуклюжими улыбками, то же самое; своя собственная воля идетъ въ разрѣзъ со всѣми этими совѣтами, а внезапно появившійся откуда-то Ѳома Ѳомичъ стучитъ костылемъ, грозится и кричитъ такъ громко, что голова Онисима Григорьича въ дребезги, кажется, разлетѣться готова.

— А, мошенникъ! А, разбойникъ! ты ужь пить выучился?...

— О Господи! шепчетъ Онисимъ Григорьичъ, отжени врага; а самъ въ это время потихоньку, чтобы не разбудить жены, всталъ съ постели, на ципочкахъ пробрался по комнатамъ къ стекольчатому шкафу, воровски отворилъ его, и затѣмъ послышалось во тьмѣ спящаго дома какое-то булькапье, крехтѣнье, отплевыванье и шепотъ:

— Боже, Боже ты мой! не попусти врагу вдосталь обидѣть меня... Баста! теперь больше не буду...

На другой день раннимъ утромъ Марѳа Петровна и Татьяна разомъ вошли въ гостиную. Въ ней, раздѣтый и разутый, сидѣлъ за круглымъ столомъ Онисимъ Григорьичъ, поникнувъ головой къ столовой доскѣ. Передъ нимъ стоялъ штофъ водки, ромовая бутылка и стаканъ, налитый вполовину ромомъ, вполовину водкой.

— Онисимъ Григорьичъ! Онисимъ Григорьичъ! окликнула его жена.

— А т-ты ч-чорртъ! только и могло слетѣть съ посинѣлыхъ губъ Онисима Григорьича въ отвѣтъ Марѳѣ Петровнѣ.

— Братецъ милый! завопила Татьяна,—рази можно такъ-то ругаться?

— Аты ч-чорр-ртъ! былъ и ей одинаковый отвѣтъ.— А, ты опять погор-рѣла?!.. заговорилъ братъ, сверкая и злясь воспаленными глазами.—Ты опять брата обманывать пришла? Пойду вотъ сейчасъ взлѣзу на крышу, да оттуда внизъ головой и брошусь, потому рази съ вами—съ обманщиками—можно жить?...

Съ этимъ словомъ Онисимъ Григорьичъ выбѣжалъ изъ гостиной, живо взобрался на крышу дома и заоралъ во все горло: крраулъ!

Въ домѣ по этому случаю поднялся крикъ, а по всей дѣвственной улицѣ сплошной хохотъ...

ГРАФЧИКЪ.

I.

Полдневное лѣтнее солнце, такъ сказать, насквозь пронизывало одну московскую биржу, необыкновенно-пыльную и раскаленную. Лихачи-извощики, стоявшіе на ней, то и дѣло обмахивали своихъ вспотѣвшихъ рысаковъ густыми волосяными хвостами.

— Н-ну, чтобъ тебя чортъ взялъ! Зацурилъ опять! слышались, по временамъ, въ этой удушливой тишинѣ досадливые возгласы; затѣмъ раздавались то тяжелая столбуха, обрушенная извощичьимъ кулакомъ на лошадиную морду, то храпъ самой лошади, то звонкое бряцанье ея франтовской сбруи изъ накладного серебра.

— Алешка! что тебя лѣшіе-то, идола, обуяли? Что ты, ровно волкъ, всегда на лошадей накидываешься? Гляди: прогонитъ тебя хозяинъ, потому я когда-нибудь безпремѣнно на тебя разозлюсь — и все ему разскажу. Помнишь, лѣшій, какъ ты зубы разбилъ въ кровь пѣгенькому жеребчику?...

— Поди къ чертямъ, да тамъ имъ и разсказывай! угрюмо отвѣчаетъ Алешка.

— Ахъ! взываетъ кто-то,—хорошо бы теперича на рубль-цѣлковый съѣздить. Сичасъ бы въ трактиръ до самой-то, что ни есть, вечерней зорюшки закатился.

— А-а-ахъ, ахъ! тоскуетъ еще чей-то ротъ, смачно и широко позѣвывая.—Съѣздишь нынѣ скоро-то, чорта съ три!... Обопрѣешь тутъ, на жарѣ на такой стоявши, а потомъ ужь, може, и позовутъ къ кому за полтинникъ на три часа.

— Д-дила, братцы мои! Куда только это всѣ деньги подѣвались? Какъ есть ни у кого денежки нѣтъ ни единой! Все-то наровятъ въ долгъ да на шаромыгу.... Наровитъ тебя нонича всякъ человѣкъ какъ-нибудь объѣхать, да объегорить.

— Ну, ужь тебя-то объѣдешь, тебя-то и объегоришь-то!... съ горькимъ смѣхомъ выразился молодой парень, самый, должно-быть, лихой изъ лихихъ всей биржи, потому что одѣтъ онъ былъ въ тонкаго сукна кафтанъ, опоясанъ широкимъ канвовымъ поясомъ, съ серебряною серьгой въ лѣвомъ ухѣ и въ бархатной шапкѣ съ великолѣпнымъ развалом.

Подпершись одною рукой въ бокъ, а другою поигрывая красивымъ кнутомъ, парень обернулся къ дядѣ, плакавшемуся сейчасъ на то, что, будто, всякъ наровитъ его объѣхать и объегорить, и, задирательно поглядывая на него, продолжалъ:

— Кто тебя обманетъ, тому и вѣку-то всего только что семь сутокъ останется!

— Ну ты, чертина! отвѣтилъ дядя.—Што ты ко мнѣ привязываешься завсегда? Ай тебя, стервеца, отецъ съ матерью давно за космы не таскали, што ты все къ старымъ людямъ пристаешь?

— Не ругайся: горло прорву. Не люблю я такихъ старыхъ то... Мошенство въ тебѣ одно, да слезы... Сказалъ: не люблю, такъ ты и молчи знай, когда я тутъ... Безъ меня што хочешь бреши...

— Ишь ты, ишь ты владыка какая нашлась!... злобно, но сдержанно ворчала рыжая, но уже облысѣлая голова.—Ужь и слова сказать при немъ не моги...

— Пог-говори у меня! закипая и синѣя отъ прилива лихости на неправду, протяжно сказала бархатная шапка.—Идемъ, ребята, въ харчевню чай пить! Коего тутъ шута на жарѣ дѣлать?

— Въ самъ дѣлѣ пойдемъ, ребята! Лучше лаиться-то, што-ли? Затѣмъ всею гурьбой потянулись синіе армяки въ харчевню, и биржа опустѣла. Остались на ней только сѣрые столбы неистово крутящейся пыли, да благородные рысаки, потупившіе красивыя, гордыя головы въ зеленыя колоды.

На сосѣдней колокольнѣ уныло пробило часъ. Палящія солнечныя молніи ливнемъ лились на улицу съ ярко-вызолоченныхъ крестовъ и этой колокольни, и около нея стоявшихъ церквей,—лились онѣ такъ стремительно, какъ пламя пожара, и, казалось, толковали шумной столицѣ, что, дескать, ну ка выди-ка кто попробуй! Небойсь, человѣче, вдоволь напаришься...

И столица, какъ бы понимая эти рѣчи, была очень тиха въ это время. Рѣдко, рѣдко какой-нибудь безпокойный, вѣроятно, потому, что бѣдный, перебѣжитъ биржу легкимъ развальцемъ, съ зажмуренными глазами и съ раскрытымъ, задыхающимся ртомъ, который тяжело пышалъ такими пламенными словами:

— Вѣдь вотъ и Москва, вотъ и столица, а улицъ все-таки полить не догадаются... А деньги, братцы мои, и—ихъ какія на эту самую Москву засажены — бѣда!..

II.

И вотъ въ такую-то пору, когда лихачи всего менѣе могли ожидать добычнаго сѣдока, изъ-за угла биржи, изъ стекляннаго подъѣзда со строгимъ, хотя и не особенно ливрейнымъ, швейцаромъ, быстро выскочилъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, небольшаго роста, но коренастый, на короткихъ, толстыхъ ногахъ, дѣлавшихъ его весьма похожимъ на медвѣдя. Одѣтый въ дорогую, отъ самаго лучшаго портнаго, но страшно смятую и вываленную въ пуху жакетку, онъ тѣмъ не менѣе былъ рѣшительно безъ всякой покрышки на всклокоченной головѣ. Скорый бѣгъ и безкартузность этого человѣка тѣмъ болѣе удивляли наталкивавшихся на него, что на его жилетѣ болталась толстая золотая цѣпочка отъ часовъ.

— Вотъ, должно, купецъ какой-нибудь запилъ; али, можетъ, кто отъ отцовской лупки бѣжитъ... про себя предполагали прохожіе.

Но на угреватомъ лицѣ молодаго человѣка ничуть нельзя было разобрать, отъ чего, и за чѣмъ, и куда онъ бѣжитъ. Освѣщенное свѣтомъ здоровенной выпивки, оно сіяло какими-то безсмысленными красновато-свѣтлыми лучами и машинально стремилось куда-то, что только отчасти давало право наблюдательному че-

ловѣку предполагать, что этому лицу дѣйствительно нужно стремиться, бѣчь, уходить — и только.

— Я съ вами пог-гвор-рю опосл... тихонько бурлила жакетка, обрывая слова на послѣднихъ словахъ.— Др-ржать, в-взять себя не позволл... Я чл-э-къ обр-рзвынный, а онъ кто?..

При этомъ вопросѣ на безсмысленномъ лицѣ бѣжавшаго промелькнуло даже что-то въ родѣ улыбки, похожей на улыбку всякаго смертнаго.

— Я тр-пѣлъ, я долго тр-пѣлъ... Поди ты теперь потр-пи!...

Ватага разнаго народа, подъ предводительствомъ усастаго швейцара, вывалилась въ это время изъ стекляннаго подъѣзда и стремительно погналась за жакеткой, выкрикивая на разные голоса:

— Петръ Ѳедосѣичъ! Петръ Ѳедосѣичъ! воротитесь, ради Господа Бога. Мы вамъ дома всякое удовольствіе предоставимъ... Чего только ваша душа пожелаетъ...

Были въ этой ватагѣ и, такъ называемые въ Москвѣ, хозяйскіе молодцы, въ длинныхъ, до пятъ, нанковыхъ сюртукахъ, въ русскихъ большихъ сапогахъ, съ серьгами въ ушахъ,—были и лакеи во фракахъ, съ часами. Неслось все это за моимъ героемъ во весь карьеръ, такъ что стонъ заходилъ по тихой улицѣ. Сзади этой, во весь опоръ проскакавшей, кучки остались даже какія-то пузатенькія старушки, въ полинялыхъ ситцевыхъ платьяхъ, въ повязкахъ. Сложили онѣ на своихъ животикахъ коротенькія ручки и, видя, что уже нѣтъ, не догнать имъ этой стремительной бури, пронесшейся жаркою улицей, что куда же ихнимъ ста-

рымъ костямъ угоняться за этою бурей, — громко и съ обильными слезами вопили всѣ:

— Матерь Божія! заступи и помилуй! Что мы теперь, сироты, дѣлать будемъ?

— Что такое? Что такое? вскрикивали магазины и лавочки, быстро распахиваясь

— Что тамъ такое, не пожаръ ли, чего Боже избави? расхлопывались окна домовъ, ослѣпляя людскіе глаза своими молнійными отблесками.

— А, ха-ха-ха! хохоталъ кто-то изъ третьяго этажа.—Да это опять графчикъ, Петръ Ѳедосѣичъ Свистунщиковъ запилъ, отца изъ дома проводивши. Молодецъ! Вишь какъ улепетываетъ. Его теперь не только-что домашней ордой, а семью стаями гончихъ угнать нельзя.

И точно, что никакими гончими нельзя было догнать Петра Ѳедосѣича Свистунщикова. Какъ заяцъ, напуганный легкою ранкой, несся онъ впереди своихъ преслѣдователей, закинувши назадъ голову, съ громкими, молящими воплями:

— Извощикъ! Извощикъ! Подавай живѣй,—озолочу! Андрюшка! Чортовъ сынъ, гдѣ ты? Подавай!

Но вотъ уже усастый швейцаръ настигаетъ его прямо съ тылу; онъ уже готовится схватить хозяина за жакетку. Другой молодецъ, красный весь отъ натуги, оленемъ летитъ въ перерѣзъ, взявши черезъ проходной дворъ...

— Гибнетъ Свистунщиковъ! хохочутъ лавочки, магазины и окна.

— Сс-пасс-си-и! дишкантами вопіютъ пузатенькія старушонки, подвигаясь, сообразно съ своими костями, къ самому мѣсту дѣйствія.

*

— Из-зво-ощи-икъ! Андр-рю-юшка! уб-бью! .. во всю грудь реветъ Свистунщиковъ — и бацъ кулакомъ въ ѣдало усастаго швейцара. Угрюмое, сплошь заросшее мрачными, черными волосами, ѣдало веселѣетъ, какъ будто, отъ этого баца, потому что серьезный подбородокъ швейцара окрасился въ это время тоненькими кровяными струйками.

— Р-разъ! съ хохотомъ орутъ лавочки, магазины и окна.—Петръ Ѳедосѣичъ! гляди, гляди: молодецъ-то съ боку къ вамъ подбирается! рекомендуютъ зрители.

— Д-два! грохочетъ толпа въ тактъ другой оплеухѣ, которую закатилъ Свистунщиковъ подбиравшемуся съ боку молодцу.

— Ат-тлично хорошо!.... Бис-спадобно! поощряетъ улица.

— Молодецъ! Теперь уйдетъ безпремѣнно!

— Не уйдетъ,— задніе сейчасъ схватятъ...

По всей вѣроятности, задніе схватили бы Свистунщикова, еслибы тридцать пролетокъ, запряженныхъ отличными, застоявшимися на жарѣ рысаками, не двинулось бы на преслѣдователей съ страшнымъ громомъ, ругательствами, понуканьями, взмахами кнутовъ и проч

— Ваше сіятельство! Ваше сіятельство! Со мной, со мной пожалуйте! бурлили извощики, загораживая купчика отъ его оравы храпящими лошадиными мордами.

Лысый дядя, жаловавшійся недавно на общее оскудѣніе въ родѣ человѣческомъ денегъ и правды, уже втаскивалъ было Петра Ѳедосѣича за рукавъ въ свою пролетку; но самымъ лютымъ образомъ подскакавшій въ эту минуту молодой Андрюшка хватилъ кулакомъ въ

лобъ лысаго дядю, такъ что онъ опрокинулся навзничъ въ свой экипажъ и повезъ, вмѣсто лакомаго сѣдока, самого себя, живо вздернулъ Петра Ѳедосѣича къ себѣ, щелкнулъ языкомъ—и завалилъ такъ, что, по общему громкогласному отзыву глазѣвшей улицы, всѣхъ чертей стошнило отъ того, какъ онъ завалилъ.

Очень это была оживленная картина!

Одинъ сѣдой, сморщенный и сгорбленный монахъ стоялъ у ближней часовни, поставленный въ ней для присмотра за неугасимыми лампадами и свѣчами,—такъ того монаха вся Москва знаетъ ужь лѣтъ тридцать и ни разу не видала, чтобъ онъ когда-нибудь разсмѣялся. Вѣчно, бывало, стоитъ онъ въ ярко-освѣщенной, рѣшетчатой двери часовенки и шепчетъ помертвѣлыми, дрожащими губами тихія, неразборчивыя молитвы; а и у него, когда онъ смотрѣлъ на эту свалку, говорятъ, показалась какъ бы тихонькая улыбочка, обнажившая беззубыя, стариковскія десны...

III.

Съ каждымъ кварталомъ все пуще и пуще забиралъ Андрюшкинъ рысакъ, съ каждымъ шагомъ все выше и выше задиралъ онъ граціозную голову и дѣлался чертѣе и чертѣе. Сыпались искры изъ-подъ его звонкихъ копытъ, и все встрѣчное до столбняка засматривалось на эти недогоняемые, широкіе и, какъ мгновеніе, быстрые шаги сѣраго въ яблокахъ,—на Андрюшку, натянувшаго зеленыя шелковыя возжи и по вре-

менамъ наклоняющагося то на тотъ, то на другой бокъ, съ цѣлью во всей точности разузнать, не сбивается ли съ шагу рысистый красавецъ и не смѣется ли улица этимъ *сбоямъ*, еслибы таковые, на его, Андрюшкинъ, великій срамъ, на-лицо оказались.

Но какъ буйнымъ вѣтромъ снялся съ мѣста рысакъ, такъ и теперь несется и безъ сбоя, и безъ малѣйшей потери огня, которымъ дышало его упругое, благородное тѣло, такъ что давно уже промелькнули всѣ эти

«будки, бабы,
«Мальчишки, лавки, фонари,
«Дворцы, сады, монастыри,
«Бухарцы, башни, огороды,
«Купцы, лачужки, казаки,
«Аптеки, магазины, моды,
«Балконы, львы на воротахъ
«И стаи галокъ на крестахъ».

Все это, говорю, давно промелькнуло и осталось назади, а ни рысакъ, ни Андрей, ни Свистунщиковъ—ни даже на единую іоту не осрамились. Все шло своимъ чередомъ: Петръ Ѳедосѣичъ, замирая, кутилъ, а Андрей *жогъ* и заработывалъ деньгу.

— Жар-рь ихъ! изрѣдка только покрикивалъ купецъ въ пьяномъ просоньи на Андрея, какъ бы натравливая его на необозримыя враждебныя арміи.

— Будьте спокойны-съ, серьезно отвѣчалъ лихачъ.— Ежели они теперича всю биржу на ноги поднимутъ, такъ и то на задахъ оченно далеко останутся... Эфто я вамъ какъ передъ Богомъ-съ!..

— Мл-ладецъ Андрейка! Я тебя за это озолочу... Да

что же это я, въ самомъ дѣлѣ, дремаю?... На-ка вотъ тебѣ покамѣстъ красную бумагу...

— Много благодарны, Петръ Ѳедосѣичъ! отвѣчалъ лихачъ, поворачиваясь къ сѣдоку, для того чтобы принять десятирублевку.

Послѣдовала нѣкоторая незначительная пауза, не между сѣдоками, а, такъ сказать, замолкъ на нѣкоторое время, дѣйствительно, жгучій шагъ рысака. Жеребецъ пошелъ во время этого разговора шагомъ, жадно внюхиваясь въ загородный воздухъ.

— Ты что же остановился, расподлая ты душа? заоралъ Петръ Ѳедосѣичъ, вкатывая оба кулака прямо въ лицо обратившемуся къ нему извощику.—Ты думаешь, я счету деньгамъ не знаю? Ты бери деньги, а ко мнѣ рожей оборачиваться не смѣй. Слышишь?

— Слушаю-съ! отвѣчалъ Андрюшка, отлично знавшій, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и за тѣмъ онъ съ глубокимъ вздохомъ сказалъ:

— За что только карать изволите? Мы ли вамъ не слуги?

— Мл-ладецъ! За это я тебя нагр-ржу. Полѣзай ко мнѣ въ пролетку, вмѣстѣ поѣдемъ. Я тебя за твой отвѣтъ, можетъ, еще пуще полюбилъ... Ты развѣ это можешь понимать?...

Андрюшка залѣзъ въ пролетку, и тутъ же они принялись съ Петромъ Ѳедосѣичемъ любезно другъ друга въ уста сахарныя цѣловать. Но долго ли, кротко ли они такимъ образомъ ѣхали, только Петръ Ѳедосѣичъ, не *стерпѣмши*, принялся Андрюшку опять колотить, и когда тотъ, по-прежнему, покорно спрашивалъ его:

за что, де, карать изволите? Свистунщиковъ опять-таки, по любви, положилъ ему палецъ на губы и сказалъ:

— Мал-лччи! Тссъ! Шельма! Я знаю, за что. Ты меня Петромъ Ѳедосѣичемъ вздумалъ звать? Не люблю! Зови меня графчикомъ, вашимъ сіятельствомъ теперича меня называй, потому я терпѣлъ! Надоѣло!..

— Слушаю-съ! согласился Андрей, взлѣзая на козлы.—Куда теперь прикажете?

— Поѣзжай въ городъ, назадъ. Вѣдь теперича слѣдъ потеряли—а?

— А теперича ежели по нашимъ слѣдамъ меделянскихъ пустить... заговорилъ было Андрей.

— Тссъ! Мол-лчать! Я тр-рпѣлъ—и ты теперича тр-пи!

— Слушаю, ваше сіяс-ство!.. браво закончилъ Андрей, круто и франтовито поворачивая въ городъ уже немного вспѣненнаго рысака.

IV.

Въѣхали снова въ Москву, удивляя и озлобляя своею красой проходящихъ. Петръ Ѳедосѣичъ, уже нисколько не страшась, что его накроютъ по горячимъ слѣдамъ, вальяжно развалился въ пролеткѣ и ревѣлъ во все горло:

Мил-лыя гор-ры,
Къ ф-фамъ возвратился!

Это былъ его любимый мотивъ.

— Ваше сіяс-ство! перебилъ Андрей одну его любимую руладу.—Вотъ тутъ у меня въ кабачкѣ одинъ другъ есть,—не прикажете ли вы завернуть?

Говоря это, Андрей нисколько не обертывался лицомъ къ графчику, что, по условію, должно было служить къ ихъ общему согласію; но однако же два дружные кулака Петра Ѳедосѣича все-таки впились ему въ спину, приговаривая:

— Такъ ты меня, шельма, по кабакамъ возить станешь?

— А я какъ капиталъ вашъ хочу сберечь, и опять же здѣсь рябиновая ежели—разлюли малина! отозвался Андрей, словно каменный, ничуть не чувствуя, что спина его трещитъ отъ могучихъ купеческихъ натисковъ.

— Подъѣзжай, коли такъ! Я тебя за твою выдумку озолочу. Только я это не люблю—въ кабаки заходить! заговорилъ съ большою душой Свистунщиковъ.—А ты вотъ какъ, Андрюша, сдѣлай: сичас-съ вы мнѣ оба съ сидѣльцемъ по стаканчику изъ кабака вынесите и кэ-э-къ станете подходить къ пролеткѣ, сичасъ на колѣни предо мной,—я вамъ за это по золотому... Я вѣдь, Андр-шка, тр-пѣлъ...

— Слушаю-съ, ваше сіяс-ство!

Вышли изъ кабака Андрей съ цѣловальникомъ, въ рукахъ у нихъ по подносу было, на подносахъ по рюмкѣ стояло и, по купеческому наказу, оба стали они предъ пролеткой на колѣни и съ поклонами Петра Ѳедосѣича подчивали.

— Пей самъ, Андрей, и садись! поподчивалъ Свистунщиковъ своего кучера, а потомъ сталъ пить рюм-

ку сидѣльца, и лишь только выхлебнулъ ее, какъ сейчасъ бросилъ ее въ лицо угощателю и заревѣлъ:

— Пшо-олъ, Андрей!

Андрей взвился — и слѣдъ простылъ, а Свистунщиковъ, сидя, бормоталъ:

— Я вѣдь тр-пѣлъ! Ну, и вы теперь потр-пите!

V.

Опять жжетъ рысакъ, и опять Андрюшка кажетъ видъ, столь знающій по своей части и столь серьезный, что встрѣчные господа-дворяне съ какою-то даже злобой шепчутъ про него:

— Ужь сманю же я этого мер-рзавца отъ хозяина. Ничего не пожалѣю, а сманю. Да ужь я же его, подлеца, и проберу тогда... Небось, каналья ты эдакая, я съ тебя серьезы-то твои тогда посшибаю...

А Андрюшка чуть только улыбнется, когда мимо него проѣдетъ какой-нибудь древній родъ, и, словно бы отгадывая думу древняго рода, дрогнетъ немного красными губами, и въ этомъ дрожаніи губъ разбиралось:

— Когда это *тогда-то* будетъ? Должно-быть, когда чортъ умретъ..

— С-стой! командуетъ Петръ Ѳедосѣичъ.—Пить хочу.

— Въ трактиръ, али-бо куда? спрашиваетъ Андрей.

— Квасу!.. И живо, словно бы не рысакъ сталъ, а стали, какъ листъ предъ травой, предъ пролеткой *палатка* съ *инжиромъ*, съ *жамками*, съ орѣхами, съ бутылками кислыхъ щей, съ кренделями, печеными яйца-

ми, *легонькимъ* и печонкой. Хозяинъ этой палатки, длиннобородый такой мужикъ, снялъ шапку и освѣдомлялся съ большою политикой:

— Ч-чиво прикажете-съ?

— Всево давай! рявкнулъ Петръ Ѳедосѣичъ,—а затѣмъ приказалъ Андрюшкѣ:

— Слушай... Какъ я его шарахну, сичасъ же валяй! Я его изо всей мочи дербану, и ты изо всей мочи валяй!..

— Слушаю-съ, ваше сіяс-ство! отвѣчалъ благодушно Андрей, натягивая возжи и умирительно пощелкивая языкомъ бунтующему рысаку.

Опять та же исторія.

Только-что поднесъ нашей пролеткѣ длиннобородый хозяинъ палатки инжировъ, яицъ, огурцовъ и бутылку съ квасомъ, какъ все это полетѣло ему въ бороду, въ лицо, въ голову, въ шапку, а потомъ, по обыкновенію, раздался возгласъ:

— Я тр-пѣлъ! Потр-пи-ка ты теперча...

Отплевываясь, утираясь и даже тихомолкомъ поругиваясь, хозяинъ медленно уходилъ къ своей палаткѣ, а рысакъ по-прежнему летитъ, Андрюшка серьезничаетъ, а Петръ Ѳедосѣичъ упорно настаиваетъ на томъ, что дескать:

— Тр-пите,—я трп!..

VI.

Отецъ Петра Ѳедосѣича былъ родомъ изъ тѣхъ странъ, куда, по пословицѣ, Макаръ телятъ не гонялъ. Кто его родилъ, онъ теперь нисколько не помнитъ. Помнитъ

онъ только, какъ будто сквозь сонъ, что когда онъ еще былъ Өедоской и былъ не въ Москвѣ, а тамъ, гдѣ-то, такъ въ это время кто-то, старый-престарый, говорилъ ему:

— Ишь ты какой горемычный Өедоска: ни роду у тебя, ни племени нѣтъ. Небойсь, жаль тятьку-то съ мамкой? Небойсь, тоже плачешь объ нихъ?..

— А что по нихъ плакать-то? Еще мнѣ одному-то лучше, потому иному мальчишкѣ тятька-то съ мамкой въ лѣсъ не велятъ ходить, а я сичасъ куда хошь. Въ лѣсъ—такъ въ лѣсъ, а то вонъ туда побѣгу, тамъ, пожалуй, цѣлый день просижу...

— Дурашка! сказалъ ему на это старый-престарый.— Ты слушай-ка, что я тебѣ разскажу: Москва, вонъ люди добрые говорятъ, есть. Вся изъ золота, стоитъ на краю моря, а въ ней церквей однихъ сорокъ сороковъ. Говорятъ: въ ней отъ одного конца до другаго сто верстъ...

— О-о!

— Такъ-то! увѣрялъ его старый-престарый — Туда бы намъ съ тобою махнуть—а?

— Побѣжимъ,—что же намъ тутъ?

Помнитъ Өедосѣй Иванычъ, что старый улыбнулся чему-то въ это время, всталъ и пошелъ.

Шли-шли они училъ-училъ его старый дорогою рукавицы шить и потомъ пропалъ куда-то. Тутъ онъ одинъ пошелъ и шелъ тоже долго, такъ долго, что пухъ у него на верхней губѣ началъ показываться, нѣжный такой...

— Били меня въ это время, въ острогъ сажали, допрашивали о чемъ-то, строго допрашивали; давали кому-

то сколько то разъ на поруки, съ порукъ опять прогоняли; Христа-ради просилъ, иные подавали, иные ругались и—опять били, дол-лга, ахъ какъ дол-лга шло это дѣло!.. Одначе тутъ я, долго ли, коротко ли, пришелъ въ Москву...

Такъ самъ Ѳедосѣй Иванычъ въ теперешнее уже время, ежели когда выпьетъ немножко, разсказываетъ про свое прошлое житье-бытье закадычнымъ друзьямъ-купцамъ.

А закадычные друзья-купцы, слушая разсказы, жестоко прослезились глазами своими, ибо были выпивши, и лопотали спьяну пріятелю:

— Ахъ! сколь много ты эфтого самаго перенесъ! Ахъ! сколь это, можно сказать, съ твоей стороны очень недурно!.. Потомъ пріятели выпучивали на него безсмысленныя бѣльма и говорили:—Ну, Ѳедосѣй Иванычъ, ты теперича, сичасъ околѣть, другъ мнѣ! Выпьемъ...

— Да не б-буду, да не хочу ужь я больше! Я вѣдь это тебѣ такъ только разсказывалъ, а не токма что... отвѣчалъ Ѳедосѣй Иванычъ, душевно вскидывая и по природѣ и по выпивкѣ добрыми глазами на благопріятеля.—Я вѣдь это такъ, чтобы ты зналъ, какъ я терпѣлъ, и за то меня полюбилъ ..

— Н-ну, чортъ съ тобой, ежели не хочешь! бормотали купцы даже въ пьяномъ видѣ, а потомъ, когда отрезвлялись съ добродушныхъ, ничего не жалѣвшихъ для друга, вечеринокъ Ѳедосѣя Иваныча, толковали про него—одни такимъ образомъ:

— Хорошо тебѣ, расподлецъ ты эдакой, съ десятью-то милліонами...

А другіе друзья, когда ихъ кто-нибудь спрашивалъ:

«да что же это за Ѳедосѣй Ивановъ такой? Какими такими кочергами онъ съ неба звѣзды хватаетъ?» отвѣчали:

— Никакихъ тутъ у него кочерегъ нѣтъ, а просто заграбилъ. Можетъ, онъ даже человѣка какого-нибудь богатаго убилъ, чортъ его знаетъ... Чужая душа—потемки...

— Такъ, такъ; это часто бываетъ!..

Третьи, ежели ихъ спрашивали о Свистунщиковѣ-старикѣ, смѣшками отдѣлывались, разсказывали одну общую легенду про всѣхъ русскихъ купцовъ:

— Видишь ли, милый! Я ужь сколь хорошо знаю этого Свистунщикова,—ужь на что лучше! Видишь ли, какъ онъ, это, пришелъ изъ своей Сибири, сичасъ же въ соборъ и тамъ, слушай, по секрету сказываю,—съ церковнаго блюда пятакъ укралъ. Жрать это ему, скверному, страсть какъ хотѣлось!... И онъ сичасъ — шельма эдакая, аки бы что кладетъ на блюдо—сичасъ взялъ и пятакъ это стянулъ... А? Каковъ?... Только что же ты думаешь? Пожралъ онъ на эти деньги, али нѣтъ?

— Неужто нѣтъ? пугливо освѣдомлялся слушатель.

— Вотъ то-то и есть, что не пожралъ! Купилъ онъ на эти деньги иголокъ—и пошелъ... Иголки продалъ, наперстковъ купилъ, потому барышь,—что-жь ему?... Наперстки продалъ, за тесемки принялся... И такъ онъ торговалъ три года. Ты думаешь, я вру? Мнѣ что же врать-то! Люди ложь, и я тожь, а сказывали, кто его знаетъ, что онъ не бе-ез-зъ колдовства, потому во всѣ эти три года онъ ни капельки хлѣбца на свои деньги не съѣлъ, а иные говорятъ, что и воды даже (на что

уже вода у насъ дешева! Чив-во дешевле, ха-ха-ха-ха!) такъ капельки не пилъ...

— И не п-пилъ!.. А-а-а!..

— Да вотъ такъ-то! Понимай, какъ знаешь. Да еще сказочка-то далече не вся!..

— Нни-фс-сяя?..

— То-то и есть, что не вся! докладывалъ съ знаменательной улыбкой другъ Өедосѣя Ивановича.—Послѣ этихъ годовъ знаешь, сколько у него денегъ въ наличности оказалось?—Мил-л-ліонъ на ассигнаціи!

— Милліонъ на ассигнаціи?

— Д-дда-а!..

— Ббо-ожже!...

И даже въ то время, когда Өедосѣй Иванычъ имѣлъ не милліонъ, а пять на ассигнаціи, однажды сказали ему *завѣрное*, что вотъ, молъ, какъ друзья ваши, Өедосѣй Ивановичъ, про васъ разговариваютъ, такъ онъ, всегда веселый и ласковый, нахмурился въ это время грозною тучей, ударилъ себя въ грудь мощными руками и громко и ропотно взмолился:

— Гос-споди! Я ли не терпѣлъ, я ли не любилъ?..

И какіе домочадцы сквозь щели дверныя могли слышать это, такъ они такъ сказывали про хозяина:

— Походили, походили они по горницѣ, тяжко-тяжко задумавшись, и головку на грудку склонили, потомъ на колѣни упали и съ горькими слезами воскликнули:

— Друзи мои и искренніи мои отдалече мене сташа!..

— Съ тѣхъ поръ, досказывали домочадцы.—они такими и стали грозными!.. Аки буря завсегда все ломаетъ,—не подступайся! И насчетъ деньжонокъ тоже, въ

эфто именно, а не въ какое-либо другое время, ихъ подлай бѣсъ скупости обуялъ. Прежде просты были, и—ихъ какъ просты!..

Не взлюбило купеческое сердце такого обмана отъ *дружьевъ* и принялось оно съ великими подходами отыскивать, разузнавать, разспрашивать людей, говорящихъ завѣрное, кто имъ про это разсказывалъ... «Гдѣ же и когда именно рука моя грѣшная на церковныя деньги пала?...» съ великою тоской спрашивало это сердце.

Потомъ принималось съ собой однимъ тихо раздумывать:

— Можетъ, это такъ! Можетъ, это они такъ только, въ шутку... Все-таки они, надо полагать, любятъ меня, потому... Боже! рази я не дѣлалъ имъ тово и тово... Рази я что-нибудь жалѣлъ? Нѣтъ. Это что же? — Это неправда...

И такъ сомнѣвался, такъ скорбѣлъ Ѳедосѣй Иванычъ, что однажды взялъ *вся своя* и отослалъ потихоньку въ Соборъ, чтобы никто про это дѣло не зналъ и не вѣдалъ. Поспокойнѣе сталъ послѣ этого; только, начитавшись иногда на сонъ грядущій Чети-Менеи, онъ на постели своей, сквозь сонъ, вскрикивалъ:

— Да я вѣдь опять торговать буду! Думаю объ этомъ завсегда! И слаще всего мнѣ дума эта... Въ чернецы не пойду!.. Ннѣ-ѣ-тъ! Не достоинъ, не достоинъ, потому къ земному у меня очень еще много охоты...

— Ѳедосѣй Иванычъ! Ѳедосѣй Иванычъ! будили его прислужники, когда онъ во весь голосъ кричалъ о своемъ послѣднемъ нежеланіи.—Проснитесь, сударь... Вопите оченно...

— Што? Што? злобно вскрикивалъ Ѳедосѣй Иванычъ, просыпаясь.—Что тебѣ нужно-то, дьяволу? Никогда хозяину спокою не дадутъ, а хозяинъ за нихъ, можетъ, всею душою страдаетъ... Вамъ вѣдь, чертямъ, пить-ѣсть надо добыть...

Уходили тогда всѣ отъ него, и пуще онъ озлоблялся и думалъ:

— Вотъ всѣ и ушли... Небойсь, я до обману ихняго не бросалъ ихъ!..

Женился Ѳедосѣй Ивановичъ на какой-то обѣднѣвшей купеческой дочери. Приданаго за ней ничуть не было, такъ какъ взялъ онъ ее за одну красоту. И принялся онъ ей такой разговоръ разговаривать:

— Вѣдь вотъ твои родители хоша и обѣдняли, а все же купцы. Тебѣ и во снѣ не приснится, что я перенесъ... Я вѣдь все, что худаго въ свѣтѣ есть, на своей шкурѣ вынесъ. Гляди же ты у меня, баба, ежели что...

И такъ онъ женѣ часто объ этомъ разсказывалъ, что молодая, при всемъ томъ, что сначала полюбила было его побѣдную голову, взяла однажды да и ушла въ недалекую прогулку съ проходившимъ мимо развеселымъ офицеромъ,—ушла и наказала кухаркѣ:

— Смотри, чтобъ у меня ни слуху, ни духу Ѳедосѣю Ивановичу... Вотъ тебѣ за это рубль серебра.

А Ѳедосѣй Иванычъ всегда кухаркѣ по два на серебро давалъ—и воцарились въ семействѣ ложь и драка смертельныя.

Въ гробъ вогнали купецкую, *взятую за красоту*, дочь эти ложь и драка. На буйное, самое безпардон-

ное пьянство навели они Өедосѣя Иваныча—и сгубили навсегда малолѣтняго Петра Өедосѣича.

Послѣ смерти матери, малолѣтняго Петю окружили цѣлыя толпы и своихъ и иноплеменныхъ учителей, самыхъ, что ни-на-есть, дорогихъ и лучшихъ. Къ стеклянному подъѣзду то и дѣло подлетали въ лихихъ пролеткахъ—то какой-нибудь игривый, въ пухъ и прахъ разфранченный французъ, то толстый, съ вытаращенными глазами нѣмецъ въ шляпѣ, сдвинутой на затылокъ, то серьезный приходскій батюшка.

Затормошенный въ конецъ различными уроками, моралями, прописями, отмѣтками, похвалами и порицаніями, Петя часто принимался умаливать отца, чтобъ онъ уволилъ его хоть на денекъ, на заводъ бы его отпустилъ, потому садъ тамъ, на заводѣ-то, и рѣка...

— Потерпи, потерпи, миленькій! Помогутайся бездѣлицу! такими словами осушалъ Өедосѣй Иванычъ робкія сыновьи слезы.—Вѣдь это все тебѣ въ пользу пойдетъ опосля... Ты гляди, сколько я за тебя денегъ плачу—страсть...

Иногда, дѣйствительно, больно укалывало что-то сердце Өедосѣю Иванычу, когда взглядывалъ онъ на своего ребенка въ его классной комнатѣ. Большой, круглый столъ стоялъ въ этой комнатѣ, на немъ, словно въ лавкѣ канцелярскихъ принадлежностей, ворохами лежали прописи на разныхъ языкахъ, перья и гусиныя и стальныя, карандаши, резинки, аспидныя доски, счеты, циркули, книги, въ которыхъ самъ старикъ ни единаго даже слова разобрать не можетъ. Посмотритъ на все это старый купецъ и припомнится ему

далекое, смутно представляемое малолѣтство: широкія поля, дремучіе лѣса, свѣтлыя рѣки—и воля полная...

Тихо улыбался тогда Ѳедосѣй Иванычъ, глядя на смирнаго, хвораго сына, и шепталъ про себя:

— Вотъ бы его теперича туда—въ нашу сторону... Какъ бы это онъ тамъ справился — любопытно?.. Въ самомъ дѣлѣ, не бросить ли все это?.. Грамоту бы одну оставить, да письмо, да на щотахъ... Вѣдь вотъ я же выросъ, человѣкъ есть теперича безъ сидѣнія безъ эфтаго. Пра!.. Ай бросить?.. Брось-ка покамѣстъ, Пѣтушокъ, науку-то! Поѣдемъ съ тобой въ ряды. Ты у меня лошадью править будешь...

Ѣдутъ они съ сыномъ къ шумному городу — и ничуть ничего не видитъ и не слышитъ изъ всей этой суетливой, столичной жизни Ѳедосѣй Иванычъ, потому что дума о сынѣ всего его обняла собой.

— Ахъ ты отецъ, отецъ! шевелятъ губы Ѳедосѣя Ивановича неслышныя никому, кромѣ его, слова. — Тоже отцомъ называется, а пользы своему дѣтищу не можетъ понять. Благо достатокъ Господь послалъ, такъ учи, потому что же? Рази сынъ-отъ у тебя такимъ же слѣпымъ долженъ быть, какъ ты? Вѣдь ты-то про своихъ родителей и слухомъ-то не слыхалъ... Ну-ка, скажи: гдѣ у тебя родители?.. Вотъ и нѣтъ ихъ, да и были-ль, право?... Нѣтъ, нѣтъ, Петя! въ слухъ уже суетилъ онъ сына, — ступай-ка, ступай-ка домой скорѣе — учись! Терпи!... Я вотъ, видишь, терплю же... У меня вонъ и родителей-то не было. Ужь какъ я отъ этого терпѣлъ — уму непостижно!.. А у тебя, слава Богу, все готово,— учись знай. Все тебѣ родитель твой предоставилъ...

*

Съ горькими слезами поворачивалъ мальчикъ отцовскую двуколеску назадъ къ стеклянному подъѣзду, чтобы снова приняться за ученіе и терпѣнье, а Ѳедосѣй Иванычъ, обходя свои многочисленныя лавки, все думалъ:

— Н-нѣтъ! Ежели онъ у меня, какъ слѣдуетъ, науку произойдетъ, я ему тогда большой ходъ дамъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, все купецъ, да купецъ?.. Я его тогда въ гусары, въ царскую гвардію отдамъ... Ей-Богу...

И разговаривая съ прикащиками, Ѳедосѣй Иванычъ въ такія времена до того даже доходилъ, что гдѣ, кого слѣдуетъ, ругнуть бы надо, пристращать, а онъ все улыбается, потому что мерещутся ему все какія-то страшныя битвы. Гремятъ пушки, пѣхота это съ штыками движется, а тутъ пыль страшная поднялась, и, разбивая эту пыль золотомъ своихъ мундировъ, скачетъ на враговъ царская гвардія, впереди же ея, всѣхъ храбрѣе, мчится онъ—Петруша его съ саблей наголо...

— За вѣру, царя и отечество! слышится отцовскимъ ушамъ командирскій голосъ сына.

— Вотъ такъ-то! вполголоса говоритъ Ѳедосѣй Иванычъ.—Вотъ тебѣ и купцы!..

— Чево-съ? освѣдомляется, стоящій противъ хозяина, главный прикащикъ.

— Знай ты свое дѣло! громко уже вскрикиваетъ купецъ.—И што только вы ко мнѣ завсегда пристаете?

— Слушаю-съ! отвѣчаетъ прикащикъ и ищетъ что-то подъ прилавкомъ, взглядываетъ на верхнія полки, подставляетъ даже скамеечку, какъ бы намѣреваясь достать оттуда что-то рѣшительно-необходимое, потомъ

гулко встряхиваетъ гремучими косточками щотовъ и самъ вздрагиваетъ, потому что Ѳедосѣй Иванычъ тоже вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго стука и почти съ плачемъ вскрикнулъ: «Варваръ! Что ты со мной дѣлаешь? Когда ты мнѣ спокой дашь?» и побѣжалъ вонъ изъ лавки.

— Что онъ, чортъ? спрашиваютъ другъ у друга сидѣльцы въ большомъ недоумѣніи.

— Должно, запилъ опять.

— Да вѣдь не слышно запаху-то.

— До чортъ его услышитъ! Небойсь тоже заѣдаетъ чѣмъ. Ты, что-ль, одинъ заѣдаешь-то?..

Но не запилъ Ѳедосѣй Ивановичъ. Предъ его глазами, тотчасъ же послѣ битвы, въ которой такъ отличался его сынъ, пошла другая картина: чернымъ бархатомъ завѣшены мрачные церковные своды. Въ церкви стоитъ пышный гробъ, около гроба высокіе серебряные подсвѣчники съ безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчей. Свѣтъ отъ нихъ льется на бѣлое, навсегда угасшее лицо его сына и играетъ на орденскихъ знакахъ, которые на бархатныхъ подушкахъ разложены около гроба. Первый московскій хоръ пѣвчихъ надрываетъ души многочисленнаго сборища печальными заупокойными стихами... Наконецъ, будто бы, вышелъ дьяконъ и могучимъ, до неба долетавшимъ, голосомъ началъ испрашивать у Господа-Бога вѣчную память болярину Петру, на брани убіенному...

Стали купцы говорить про Ѳедосѣя Ивановича:

— Что это съ старикомъ Свистунщиковымъ дѣлается, братцы мои? Встрѣтилъ я его онамедни на Тверской: идетъ, рѣкой разливается—плачетъ...

— Что ты? я его спрашиваю.

— Ахъ! Уйди, говоритъ,—не до тебя мнѣ теперича!.. И вѣдь чудакъ какой! Съ такимъ это онъ сердцемъ сказалъ, словно бы я его по головяшкѣ кулакомъ ошарашилъ...

Такъ одна дума безпрестанно смѣнялась другою въ головѣ Ѳедосѣя Ивановича во все то время, въ какое выросталъ его единственный сынъ и наслѣдникъ, и сообразно съ тѣмъ, какова была дума, дурная, или хорошая, отецъ то грозилъ сыну, а подчасъ даже и тяжелую руку накладывалъ, то ласкалъ его всячески, увольняя отъ ученья и позволяя дѣлать все, что только входило въ ребячью голову. Такимъ образомъ случилось то, чему неизбѣжно слѣдовало случиться: какая-то унылая и почти всегдашняя покорность Петруши вдругъ иногда, Богъ знаетъ почему, превращалась въ самую буйную удаль, и тогда, по выраженію приживальщиковъ богатаго купецкаго дома, отъ чертенка житья никому нигдѣ не было.

— Тятенька-то вонъ терпитъ!.. Ну, и вы терпите! оправдывался мальчуганъ предъ униженными и оскорбленными его буйствомъ.—Тятенька у насъ одинъ; онъ намъ всѣмъ хлѣба кусокъ добываетъ...

Минуло шестнадцать лѣтъ Петрушѣ, и тутъ онъ сошелся на дворѣ съ однимъ глупенькимъ паренькомъ изъ мѣщанъ, уже взрослымъ. По сиротству его купецъ у себя въ домѣ призрѣлъ.

— Ахъ, сударь! какъ-то заговорилъ паренекъ съ молодымъ хозяиномъ.—Мы вѣдь съ вами тезки, ей-Богу.

— Какъ тезки?

— А такъ! Васъ вотъ теперича Петромъ Ѳедосѣичемъ величаютъ, а меня Петромъ зовутъ.

— Ну, что же?

— Да то-то! У насъ вотъ тутъ по сосѣдству, у господъ, горничная живетъ, Лизой звать, такъ онѣ вамъ кланяться приказали. Говоритъ: «Петръ, а Петръ! поклонись своему барину молодому. Я въ него оченно влюблена...» Такъ и сказала. И какъ она тутъ отъ меня бѣжать принялась!..

— Это стыдно такъ разговаривать! строго, но почему-то стыдливо проговорилъ Петруша.

— А какой тутъ стыдъ? А, ей-Богу ничего! завѣрялъ парень (бѣлокурый онъ такой былъ, угреватый, глаза большіе).—Мнѣ вотъ самому то же говорили,—стыдно, а ничего. Я теперь вино, сударь, такъ-то пью, такъ-то я его полюбилъ Я — бѣда! Я вамъ, пожалуй, поднесу...

Жара и пустота страшныя томили въ это время широкій, вымощенный плитами, купеческій дворъ. Ни одной души, кромѣ ребятъ, ни изъ одной щели не было видно. Въ тепломъ воздухѣ пахло какимъ-то тайнымъ, тайнымъ секретомъ, такъ что вздрагивалось молодому тѣлу и ходили по немъ то горячія, то холодныя струйки.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, подумалъ Петруша,—какое оно такое вино-то?... И затѣмъ онъ уже въ слухъ сказалъ:

— Ну, давай, подноси! Только кабы намъ пѣсни съ него не заиграть—а?

— Эва! чего вы, сударь, боитесь. Это вотъ съ первака-то вамъ, будто, боязно маленечко, а то ничего, потому это все привычка...

Господи! какъ же дралъ Ѳедосѣй Ивановичъ будущаго болярина Петра, когда узналъ про его первую выпивку!...

— Такъ дралъ, не приведи Мать-Царица Небесная! сначала съ ужасомъ разсказывала по сосѣдству купеческая прислуга; а потомъ, когда картина дранья представлялась разскащикамъ во всей своей полнотѣ, такъ они хохотать даже принимались и договаривали:—Семь возовъ хворосту изстегалъ, семь шкуръ сразу споролъ... Вотъ какъ! Ха-ха-ха-ха!

Съ этого раза, словно бы, ополоумѣлъ Петръ Ѳедосѣичъ, даже ликъ у него, какъ наблюдатели изъ дворни увѣряли, совсѣмъ перемѣнился, — красный ликъ сдѣлался, какъ бы полымя какое; свѣтлые и не очень чтобы большіе глаза расширились и стали словно изъ олова, — такіе стали, что вотъ пословица говоритъ: «глаза по ложкѣ, а не видятъ ни крошки»... Все ходитъ, все шастастъ по горницамъ, руки въ карманъ заложивши, какъ бы нѣмецъ какой, и только отецъ въ лавку, онъ сейчасъ же по черному крыльцу маршъ къ извощикамъ — и поминай какъ звали...

VII.

Усастый ундеръ, швейцаръ въ домѣ Свистунщикова, какъ самый расторопный и, слѣдовательно, довѣренный изъ всѣхъ слугъ, поставилъ на ноги всѣхъ чадъ и домочадцевъ, какіе только на-лицо оказались, то-есть посадилъ ихъ всѣхъ на извощиковъ и отправилъ *во вся-*

кія теплыя мѣста, гдѣ можно было, по его мнѣнію, отыскать Петра Ѳедосѣича.

— Въ Крымъ теперича ежели — это первое дѣло! командовалъ ундеръ.—Въ Италію опять заверни сперначала, потому хоша тамъ и не столь пріятно, только господа тамъ тоже бываютъ. Оттуда вы теперича туда-сюда съѣздите, Срѣтенку обходите...Чер-рти! развѣ вамъ день-то не все равно балбесничать—что дома, что тамъ? Вѣдь запоретъ въ части хозяинъ, ежели вернется и этого самаго дьявола своего не увидитъ...

Пріѣдутъ наряженные усастымъ ундеромъ въ Италію, подкличутъ къ себѣ милаго человѣка и спрашиваютъ:

— У васъ Петръ Ѳедосѣичъ?

— Н-ну, ей же ей, нѣтъ! отвѣчаетъ съ крестомъ милый человѣкъ. — Вотъ глаза лопни! Развѣ бы я не сказалъ, што-ли?

— А ты вотъ что, другъ, усовѣщеваютъ наряженные:—ты по-божьему... Вотъ тебѣ рубль-цѣлковый, сичасъ мы въ фарталъ бы...

— А коли рубль, такъ вотъ что: толичко вотъ сичасъ уѣхамши; вотъ на эстоличко вы его не застали. И при этомъ милый указываетъ на самую маленькую часть своего ногтя.

— Право? спрашиваютъ у него,— послѣднее слово?

— Однова дыхнуть! Что-жь, я врать, что-ли, стану?

— Пшолъ въ Крымъ! кричатъ извощику наряженные, справляючи свой тяжелый нарядъ.

— Вотъ, ребята, походню отыскиваемъ! разговариваютъ они промежъ собой на извощикѣ. — Чортъ его сыщетъ...

А изъ Крыма, съ бѣлою салфеткой на лѣвомъ плечѣ и въ бѣломъ фартукѣ, бѣжитъ другой милый человѣкъ.

— Что, милый человѣкъ, спрашиваютъ его купецкіе слуги,—давно у васъ былъ Петръ Ѳедосѣичъ?

— А какъ бы тебѣ сказать—не соврать: года съ три ужь не былъ. Ха-ха-ха-ха! отвѣчаетъ милый человѣкъ и скрывается во тьмѣ подвала, гдѣ помѣщается мелочная лавка, куда онъ стремился за солеными огурцами.

— Дѣло — дрянь! разсуждаютъ наряженные.

— Да коего чорта тутъ шататься? Поѣдемъ лучше домой.

— Што домой? Луч-чи ужь ежели въ эфтотъ самый трактиръ закатиться... По крайности, хоша не даромъ ѣздили...

— Ну, дакъ-такъ! Что же намъ, въ самомъ дѣлѣ, страдать, што-ли?..

Вваливалась ватага купца Свистунщикова въ ярко-освѣщенный залъ, и сѣдовласый буфетчикъ сейчасъ же подходилъ къ нимъ и спрашивалъ ихъ такими почтительными словами:

— Вы, господа-купцы, отъ Свистунщикова будете, али изъ коихъ другихъ мѣстъ?

— Такъ точно, мы отъ Свистунщикова. А вамъ что угодно?..

— А вотъ вамъ отъ молодого хозяина приказъ. Былъ онъ тутъ у меня недавно, такъ наказывалъ передать вамъ, потому какъ ихнее такое мнѣніе было, что, де, шелопаи мои меня безпремѣнно отыскивать будутъ.

«Прікасъ малатцамъ атграфа Пітра Фидосева, ежели

вслучіе чиво и тятеньки кольскоро они пріѣхадчи такъ и сказать штобы неискалі самъ вірнусъ биспремѣнно потому мне деватся некуда всѣ насъ знаютъ и уважаютъ толька я ихъ типера ни боюсь оттерпелси съ мене будитъ а и съ канторы штобы тыщу рублевъ мне главный канторщикъ прислалъ черезъ Петра Семенова моево друга вотъ и все а тятеньки ежели они захочютъ чего сомной ни по закону, то я теперича самъ оченна строгъ сталъ ужь и то толька добрые люди міня удерживаютъ штобы я наднімъ немилостефъ своихъ не аказывалъ».

Письмо заканчивалось безобразно расчеркнутою подписью: «Графъ Ѳидасеичъ Свисстунщикафъ».

— Вотъ ты тутъ и ищи его! Ай-да графчикъ!.. Да ну его къ чертямъ! Пей, што-ли, ребята!

Этими словами и почти всенощнымъ хожденіемъ по хересамъ и горскимъ закончили наряженные люди всѣ свои походы за пропавшимъ хозяиномъ.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОНЪ.

I.

Стояла свѣтлая ночь, насквозь прохватившая ярымъ морозомъ улицу, угрюмую и до мертвенности пустую. Она щедро обсыпала ярко-блиставшимъ на мѣсяцѣ инеемъ кровли домовъ, которыя въ эту минуту охотно принимались тосковавшими по жизни глазами за рядъ сѣдыхъ стариковъ, то сильныхъ и бодрыхъ, отъ какихъ каждую секунду ждалось, что вотъ-вотъ они внушительно и строго заговорятъ съ этой тихою ночью о негодности нынѣшнихъ временъ и людей,—заговорятъ и при этомъ сердито зашевелятъ гнѣвными, длинными бровями,—то совсѣмъ слабыхъ, вдосталь покачнутыхъ временемъ, старцевъ, безпомощно сгорбленныхъ, слезливо моргающихъ, отъ которыхъ не дождешься ни одного слова...

Гробовая тишина властительно разлилась по улицѣ, и ночь, сопровождаемая ею, медленно проходила, вселяя мучительно сладкій ужасъ въ сердца людей, способныхъ слышать ея каменную поступь и забывать все

на свѣтѣ, при видѣ красоты этой, непостижимо-величественной...

Изъ людей никто такъ не ходитъ!..

Шла, шла она, эта ночь, и вдругъ загудѣли московскіе колокола какими-то особенными, необыкновенно густыми и сдержанными басами, какихъ лѣтними ночами ни за что не услышишь.

И еще можетъ-быть круги мѣдныхъ звуковъ не успѣли расшириться настолько, чтобы долетѣть до окрестныхъ селъ и деревень и сказать имъ: «вставайте! Въ Москвѣ къ заутренямъ звонятъ»,—какъ уже ночь, хотя и было еще очень темно, совсѣмъ ушла, потому что въ это время по улицѣ замелькали человѣческія говорливыя тѣни и, слѣдовательно, тутъ настало глупое царство человѣка...

II.

Морозное утро чуть забрезжилось. Плутовски, какъ бы человѣкъ—охотникъ посмѣяться, однимъ глазкомъ подмаргивало и подкивывало оно неслышно летавшему, но необыкновенно жгучему вѣтру, что, дескать, подика, загляни-ка имъ подъ носы-то. Ежели очень расчихаются, ничего, пожелай имъ добраго здоровья, потому того требуютъ и политика, и христіанскій обрядъ...

Смѣшливое утро сходило съ высокаго неба, сплошь расцвѣченнаго разноцвѣтными морозными маревами.

Упалъ смѣхъ этого утра и на дѣвственную улицу. Упалъ—и раскатился надъ ней болѣе звонко и продол-

жительно, чѣмъ онъ раскатывался надъ другими сосѣдними мѣстами.

— Почемъ, молъ, нынѣшнею зимой вы, ребята, дрова покупаете? явственно разбиралось, какъ подшучивало утро.

— Дрр-рова?.. Ннѣ-ѣ-тъ, посиди маленько съ дровами-то! Небойсь, и такъ не умрешь, и безъ дровъ не издохнешь—обойдешься!..

Такія слова сказалъ нѣкоторый человѣкъ безъ картуза, въ опоркахъ, вмѣсто сапогъ, и въ красномъ разводистомъ, хотя совершенно отрепанномъ, халатѣ. Онъ стоялъ на крыльцѣ единственной харчевни дѣвственной улицы и, осторожно постукивая въ ея еще запертую дверь, говорилъ:

— Отопри, Христа-ради! Иззябъ весь! А то др-р-рова!..

— Я тебя, ей-Богу, пущать перестану, послышалось сквозь харчевенную дверь.—Что это на тебя угомону нѣтъ никогда?

— Пус-сти! умолялъ халатъ;—дѣло такое есть: дрова вотъ вышелъ покупать, да рано еще!...

— Знаю я эти дрова! Ты бы вотъ, нескладный, праздники-то Господніе получше бы соблюдалъ.

— Да что же праздники? Я и то ихъ всегда... Будетъ, пус-сти!

Желѣзный болтъ загремѣлъ наконецъ въ харчевнѣ и дверь отворилась.

— А ну-ка я погляжу, какъ онъ дрова покупать станетъ? смѣялось утро, все больше и больше налегая на дѣвственную улицу и освѣщая ее.—Погляжу, погляжу я на это дѣло, повторяло утро, расцвѣчаясь съ каждымъ своимъ словомъ все яснѣе и яснѣе какою-то

необыкновенно-доброй, какъ бы сквозь слезы смотрѣвшей, улыбкой.

И полагаю, что свѣтъ этого утра, упадая *на злыя же и праведныя*, говорилъ своей улыбкой и тѣмъ и другимъ такую рѣчь:

— Дѣлайте, дѣлайте, люди, что можете! Не смотрите на мой смѣхъ надъ вами,—не глядите, что я такое смѣшливое. Всѣхъ я васъ обойду ровно, всякаго въ точности огляжу, и когда смѣнитъ меня темная ночь, я уже буду говорить въ это время Царю Небесному про дѣла ваши, и Онъ воздастъ вамъ за тѣ дѣла, сами вы знаете какъ!...

— Такъ воздастъ, прибавляло утро, — что возрадуется добрый и заплачетъ злой.

— Встрѣчайте же меня, люди, каково бы я ни было: съ грозною ли бурей схожу я къ вамъ, или при тихомъ дыханіи утреннихъ вѣтровъ, убранное въ золото ближнихъ къ встающему солнцу облаковъ, бужу я уснувшій міръ,—встрѣчайте меня и радуйтесь, потому что тамъ, откуда я къ вамъ слетаю, зла нѣтъ и, слѣдовательно, я съ собой на землю его не вожу...

III.

Человѣкъ въ красномъ отрепанномъ халатѣ и безъ картуза, первый возмутившій тишину описанной сейчасъ ночи своимъ раннимъ стукомъ въ дверь харчевни, былъ Кузьма Сладкій—сапожный подмастерье, такая

головица, про которыя говорятъ, что ихъ дѣло—убить да уѣхать.

Лютая головица задалась!... Каблуки онъ у барскихъ сапогъ такіе вылащивалъ, что франты-заказчики смотрѣли на нихъ и вздрагивали. За одно только это дѣло хозяева и держали его, потому что держать его безъ этого умѣнья рѣшительно силъ не было.

Мрачнымъ, небритымъ и необыкновенно-черным сидитъ Кузьма въ хозяйскомъ подвалѣ за своими каблуками и никому по цѣлымъ недѣлямъ слова не скажетъ, и только слышно, какъ это состукиваетъ онъ вонючую, кожу въ красивые кружки, намазываетъ и намасливаетъ ихъ, обдуваетъ, подноситъ къ маленькому, чумазому оконцу и пристально всматривается, какъ убогій солнечный лучъ, нищимъ забиравшійся въ это оконце, отражается и играетъ на его рукодѣльи.

— Готова работа, что-ли? вбѣжитъ, бывало, хозяинъ съ спросомъ про какой нибудь № 43.

— Готово, отвѣчаютъ ребята,—только вонъ Кузьма каблуки отчищаетъ.

— Скорѣе, Кузя, голубчикъ! взмолится хозяинъ:—прислали.

Шваркнетъ Кузьма сапоги на грязный полъ и прорычитъ: «бери, да отваливай къ чорту!»—потомъ снова застучитъ молоткомъ, заваксить и угрюмо замолчитъ до новаго спроса, сморщивши густыя, черныя брови.

Видятъ хозяева прилежанье Кузьмы и, какъ только артели предстоитъ двинуться къ обѣду, ежесекундно и судорожно ожидаемому постоянно голодными желудками,—хозяйка, наученная мужемъ, сейчасъ и манитъ Сладкаго за перегородку.

— Кузьма Иванычъ! ласково говоритъ она,—подь-ка сюда: дѣльце у меня до тебя есть.

— Не пойду! отвѣчаетъ Кузьма по-медвѣжьи.

— Что-жь такъ?

— А такъ и не пойду! Думаешь, водки твоей не видалъ, что-ли?

— Да я не насчетъ эфтово, а вотъ разговоръ такой..

— Што врешь-то? Жаль тебѣ всѣмъ поднесть, такъ ты меня одного потихоньку зовешь... Не пойду!

И не пойдетъ Кузьма Иванычъ. Ни за что и никогда нельзя было упросить его пожаловать на потайную выпивку.

— Рази я краденый, что-ли? справедливо разсуждалъ онъ въ такихъ разахъ.

Случалось, впрочемъ, что хозяева, избѣгая конфуза предъ артелью, говорили: «да что же, Кузюшка, ты такъ полагаешь, какъ быдто мы т. е. жадны? Мы и всей артели поднесемъ. Простоту нашу ты, кажется, видишь и знаешь. Будемъ всѣмъ сейчасъ подносить, потому, что-жь, рази вы намъ не всѣ любы?»

У другихъ мастеровыхъ замирали сердца при такихъ хозяйскихъ рѣчахъ, а Кузьма, не мѣняя своего обычнаго бычинаго вида, свое толковалъ:

— Знаю, все знаю! Только я ужь теперь пить не буду, — и при такихъ словахъ глаза его, всегда стеклянные и серьезные, загорались такимъ-то блескомъ ненависти, рѣшительно непонятно къ кому и за что обращенной.

Пробовали нѣкоторые изъ хозяевъ, какіе, по новости, не знали Кузьмина нрава, въ навязъ его подчивать

— Да выпей, Кузьма Иванычъ! приставали къ нему русскія расщедрившіяся души.—Ну, и скупы ежели были, не попомни—выпей!...

Хозяинъ, ежели былъ въ эту минуту въ заложеніи, такъ обыкновенно цѣловаться лѣзъ, а хозяйка стояла предъ капризнымъ подмастерьемъ съ почтительной улыбкой, съ вытянутою рукой, въ которой такъ заманивающе свѣтлѣлась эта здоровая, мастеровая рюмчища, прозванная: «въ самую плипорцію».

И ежели такія приставанья длились больше того, чѣмъ могло ихъ вынесть ретивое сердце, такъ Кузьма съ большимъ стукомъ бросалъ на столъ кленовую ложку съ недохлебнутыми щами и уходилъ вонъ изъ дома, не показываясь обратно по цѣлымъ недѣлямъ. Пьянствовалъ онъ въ такія времена, по разсказамъ молодцовъ, такъ, что чертямъ тошно дѣлалось. И тутъ продѣлывалъ онъ всякія шутки, чтобы только показать хозяевамъ, что, дескать, ну васъ ко всѣмъ дьяволамъ и съ водкой-то вашей! Я и на свои могу обожраться до смерти.

И достовѣрно извѣстно, что во время Кузьминыхъ запоевъ по Дѣвственной улицѣ могли раздаваться только однѣ его, какимъ-то необыкновеннымъ горемъ и отчаяніемъ обуянныя, пѣсни. Бѣшеные взвизги только его одной гармоники, сопровождаемой разбойничьимъ свистомъ, гайканьемъ и топаньемъ, заносились въ тихіе дома захолустья, потому что ни съ кѣмъ не сносилъ тогда нашъ молодецъ никакой супротивной встрѣчи: ни въ кабакѣ, ни *у родни*, ни на улицѣ.

— Держись крѣпше! оралъ Кузьма какой-нибудь

другой пѣснѣ, или гармоникѣ.—Расшибу,—одинъ я по этой улицѣ пройтиться желаю!..

Давались тутъ и Кузьмой и имъ самимъ получались самыя звѣрскія трепки. Съ трескомъ ломались, такъ называемыя, девятыя ребра, никогда уже не появлялись на головѣ вырванные съ корнемъ вонъ волосы, а оставшіеся безвозвратно сѣдѣли; безпощадно, словно зубами голоднаго волка, растерзывались нѣжные хрящи ушей, скусывались носы, а деньжонки, или заработанныя у хозяина, или выканюченныя въ пьяномъ видѣ у хорошаго барина за хорошіе каблуки, или наконецъ даже своpованныя, уходили вмѣстѣ съ гармоникой, съ халатомъ и, пожалуй-что, съ сапогами къ будочникамъ, натолкнувшимся случайно на молодецкую сцѣпку.

Весь разбитый, ограбленный, возвращался Кузьма изъ какого-нибудь квартала, послѣ многихъ дней разгула, къ своему сапожному сидѣнью, а мимо его пьяныхъ, блуждающихъ глазъ шедшія улицы такъ-то смѣялись надъ нимъ своими свѣтлыми стеклами, такъ-то разборчиво съ густыхъ вершинъ бульварныхъ деревьевъ сыпались на его побѣдную голову разныя ругательныя рѣчи, что, дескать, «ахъ ты, Кузьма, Кузьма, сапожный ты мастеръ великій! Скоро-ль ты, Кузьма, пить перестанешь? Когда ты, Кузьма, какъ тебѣ быть подобаетъ, хорошимъ мастеромъ жить почнешь?»

Извощикъ ѣдетъ, и кажется Кузьмѣ, что этотъ дьяволъ извощикъ глядитъ на него раскраснѣвшимся отъ только-что выпитаго чаю лицомъ и улыбается,—улы-

бается и только одни эти слова,—чтобъ его чортъ взялъ! поматывая нечесанной, рыжею головой, толкуетъ:

— А-ах-хъ ты, Куз-зь-м-ма, Кузьма!...

— Што тебѣ за дѣло? кричитъ Кузьма, налетывая на наставника съ мощно-сжатыми кулаками.

— Но, но! кричитъ извощикъ, постегивая лошадь.— Вишь, лѣшій! Што, ты грабить, што-ли.... днемъ-то?..

И извощичья гитара бренчитъ уже вдали отъ сапожника, и такъ-то насмѣшливо бренчитъ:

— Што, чортъ? говоритъ гитара.—Што дьяволъ-пьяница, поймалъ? Нн-ѣ-тъ, шутовъ баранъ, околѣешь допрежъ подъ винной бочкой, а меня не поймаешь. Я тоже рѣзовъ, я тоже, можетъ, который годъ уже ѣзжу...

— Моли Бога, запивоха ты эдакой! покрикиваетъ извощикъ,—что вотъ утро теперича раннее, городовые теперича по харчевнямъ спятъ, а то бы я съ тобою расправился, какъ быть надоть!...

И все, что только могъ завидѣть Кузьма около себя въ такую минуту, все это: и утренняя заря, упавшая влажною росой на дома, на деревья и на него самого, и пильщики, встающіе на работу въ три часа, которые теперь сонною гурьбой идутъ мимо него, и гульливая дѣвица, возвращающаяся откуда-то,—все это кажется его глазамъ пляшущимъ на зло ему, смѣющимся и говорящимъ:

— Что, что взялъ? Ахъ ты ш-шу-у-това голова!..

Обѣими руками вцѣплялся тогда Кузьма въ свои длинные волосищи, рвалъ ихъ и въ бѣшенствѣ кричалъ на всю еще сонную улицу:

— Н-нѣ-ѣтъ! Будетъ теперь! Теперь никогда я тебя, вр-рага, въ ротъ не возьму.

А хмѣльной подчасокъ, прислонившійся къ углу, слушая сквозь сонъ эти вскрикиванья, какъ-то особенно повелительно и вальяжно отвѣчалъ Кузьмѣ:

— Што-рёшь, др-а-акъ? Счасъ тебя въ фарталъ велю взять.

Будочникъ въ это время (говорю объ этомъ въ скобкахъ) видѣлъ сонъ, что онъ будто бы не будочникъ уже, а квартальный надзиратель,—отъ этого-то онъ такъ повелительно и разговаривалъ этимъ тихимъ, прелестнымъ утромъ, дышавшимъ сладкими ароматами на вонючую въ остальное время столицу...

IV.

Тѣ зароки, которые Кузьма Иванычъ, послѣ своихъ запоевъ, клалъ на свою душу, т. е. не пить чтобы больше, въ ротъ его не брать, были столь страшны, что и пріятели, и хозяева Кузьмы, слушая его тяжкія на себя клятвы, вздрагивали и, ужасаясь сердцами, тихимъ шепотомъ, какимъ обыкновенно говоритъ человѣкъ въ большомъ испугѣ, разговаривали:

— Господи! Откуда только онъ такія слова беретъ?

Видѣлись тогда окружавшему пьяницу люду черные, волосатые дьяволы, которые радовались Кузьминымъ словамъ; громкій смѣхъ, вмѣстѣ съ смраднымъ пламенемъ, вылеталъ изъ ихъ широкихъ и зубастыхъ ртовъ; безчисленною стаей вертѣлись и прыгали демоны около Кузьмы, восклицая: «нашъ! нашъ!» и потомъ, какъ бы въ подтвержденіе той правды, что Кузьма

ихъ неотъемлемо, они съ разбѣга вскакивали къ нему на широкія плечи и оттуда все христіанское подло дразнили своими длинными, красными язычищами, опять-таки повторяя: «что взяли? Какъ вы ни старайтесь, а онъ нашъ!»

И ужасъ суевѣрныхъ душъ, пораженныхъ такою картиной, доходилъ до самой высшей степени, когда Кузьма, все больше и больше разгорячаясь на своего лютаго врага—винище, съ каждымъ поворотомъ языка изрыгалъ все большія страсти:

— Да распрострѣли, да раздребезжи меня мать Царица Небесная, ежели я лишь каплю.... покрикивалъ онъ, яростно вращая кровавыми отъ похмѣлья глазами.— Да чтобъ мнѣ отца съ матерью въ глаза не видать!... Чтобы съ мѣста съ этого мнѣ не сойдти, сквозь бы землю провалиться!...

Но нельзя было переслушать всѣхъ этихъ рѣчей, и потому, при всеобщемъ ужасѣ и молчаніи, всѣ садились на свои кадушки и снова принималась шипѣть дратва, крѣпящая сапоги, стучали молотки и визжали ножи и шилья, оттачиваемыя на шероховатыхъ подпилкахъ.

Наконецъ раскраснѣвшееся лицо постепенно блѣднѣло, волоса, вставшіе дыбомъ отъ злости, мало-по-малу укладывались и Кузьма, какъ и всѣ, садился на свое мѣсто. И видно было по усмирившемуся лицу подмастерья, что онъ сѣлъ не какъ другіе, что̀ то и дѣло выскакивали то въ харчевню, то поразговориться съ сосѣдскою кухаркой, вышедшей вылить помои, а какъ бы какой двухъ-тесный гвоздь, вколоченный въ стѣну толстымъ молотчищемъ и здоровою рукой.

Сиднемъ какимъ-то, готовымъ, какъ Илья-Муромецъ, просидѣть *ровно тридцать лѣтъ и три года*, ввинчивался Кузьма Иванычъ въ свое мѣсто — и ни-ни! Въ ротъ т. е. чтобы—ни капли! И говорятъ тѣ, кто близко зналъ, что во время его молчаливаго отдѣлыванья каблуковъ каждую минуту представлялась ему скрипучая дверь кабака, такъ широко растворяющаяся, такъ ласково зовущая; за дверью виднѣлась зеленая посуда, такъ заманчиво разставленная; сладкій запахъ родного влеталъ въ раздутыя ноздри; лихія и жалующіяся пѣсни такъ и били въ уши... А Кузьма ничего— все сидѣлъ и постукивалъ, сглаживалъ и подносилъ къ окну свою работу.

Много времени такимъ образомъ проходило, такъ что мастеровые, выйдя за ворота вечернимъ праздным часомъ, толковали про Кузьму между собою:

— Вѣдь остепенится, пожалуй?...

— Нѣтъ, не остепенится, сомнѣвались другіе,—потому многіе видѣли своими глазами, какъ *они* на емъ верхомъ сидѣли...

Хозяинъ въ свою очередь, позднею ночью разсуждая съ женой о дѣлишкахъ, тихо шепталъ ей:

— Кузьма теперича безпремѣнно къ первому числу прибавки потребуетъ, потому прилеженъ ужь очень, нельзя не прибавить. Охъ, дѣла Божьи! Никакъ-то тебѣ извернуться нельзя!..

— Небойсь, извернешься! совѣтывала жена.—Разочти, ежели прибавки запроситъ. Какой ему лѣшій повѣритъ, что онъ пить пересталъ,—посуди: онъ тебѣ такое колѣно выкинетъ....

— Такъ-то вотъ вы, бабы, всегда нашему брату не вѣрите! недовольно отзывался хозяинъ на женнино замѣчаніе. — Мало мы васъ лупимъ...

— Было бы за что! Есть кому вѣрить. Пьяницы, такъ вы споконъ вѣка пьяницами и будете.

— Ну, молчи, чортъ! Никогда уснуть, какъ надо, не дастъ.

Бесѣда заканчивалась громкимъ, будившимъ ночную тишину ахомъ хозяйки, которой *самъ* поддалъ легонько въ бокъ на сонъ грядущій. А Кузьма все-таки не шелъ въ кабакъ, все-таки онъ удивлялъ и злилъ своихъ благопріятелей, какіе въ подпитіи тащили его въ кабакъ, покрикивая:

— Ежели ты, Кузьма, не пойдешь со мной—бѣда! Я съ тобой на смерть раздерусь, потому я тебя угостить хочу...

— Такъ ты теперича не пьеш-шь? Хор-р-рошо! Эфто прикрасно! Такъ ты, значитъ, такъ-то съ товарищами обращаться желаешь?... Хыр-р-рошо! Не трогъ, ребята, Кузьму Иваныча: они купеческій капиталъ хотятъ за себя объявить... Ха-ха-ха-ха!..

Работалъ Кузьма и молчалъ. Пить ему страшно хотѣлось, такъ и звало что-то. Говоритъ: «иди! Компанія тамъ вся!» А онъ нешелъ. Зудѣли у него согнутыя въ крюкъ сапожною работой руки, чтобъ исколотить всѣхъ пріятелей, но онъ не дрался и молчалъ.

— Подемте, ребята! Чортъ его знаетъ, что у него на умѣ? Можетъ, онъ и наши души хочетъ *ему* продать,—кто его знаетъ?

Всѣ уходили, и оставался Кузьма одинъ; хозяйскіе ребятки къ нему подбѣгутъ, говорятъ:

— Дядя! дай-ка ты у насъ извощикомъ будешь... И затѣмъ ребятишки сморщивали свои смѣющіяся, розовыя личики въ серьезныя, барскія рожи и принимались орать: — Звощикъ! Звощикъ!

Кузьма, впадая въ роль, назначенную ему несмысленными режиссёрами, уходилъ въ самую глубь хозяйской горницы и оттуда, словно бы настоящій извощикъ, отвѣчалъ:

— Куда прикажете, ваше сіятельство?

— Къ маменькѣ клёшной, на Твелшкую...

— Въ кое мѣсто, сударь?... Тверская длинна!

— Ты еще лазговаривать що мной вздумалъ? сердился мальчуганъ, разыгрывая изъ себя сердитаго барина.

— Ахъ, ваше сіятельство! Какъ же нашему брату разговаривать съ вами? Посмѣю ли?.. Ну, да пожалуйте три гривенничка,—ужь Господь съ вами!

Но входилъ кто-нибудь въ оставленный наработавшимся людомъ подвалъ—и комедія кончалась. Кузьма опять сидѣлъ...

Такимъ манеромъ досидѣлся онъ до той самой предпраздничой ночи, конечные шаги которой были началомъ той московской правды, какую я сейчасъ описываю.

Обрушилась эта ночь на Кузьмину трезвую голову большимъ горемъ. Свѣтлая и молчаливая спустилась она на рабочій подвалъ и весь его до конца повалила на грязный и мокрый полъ.

— Слава тебѣ, Господи! и говорили во снѣ, и ду-

мали всѣ эти чумазыя, наваксенныя лица.—Завтра, по крайности, цѣлый день что хошь, то и дѣлай. Можно завтра въ трактирѣ отсидѣться чудесно...

Цѣлая гурьба халатниковъ растянулась на полу, и только при тускломъ свѣтѣ лампадки, рвавшемся изъ хозяйской комнатки въ мастерскую, можно было распознать, что это живые еще, а не мертвые люди: до того были мертвенно-блѣдны лица ихъ и до того, смотря на неряшливую и сердитую смуглоту этихъ лицъ, казалось справедливымъ, что это не сонъ людей, а какая-то чума, которая внезапно налетѣла на весь городъ, сразу повалила его и обезобразила и его, и живущихъ въ немъ мастеровыхъ своей смертною печатью.

Тишина въ смрадномъ подвалѣ ходила совсѣмъ слышными шагами. Полный мѣсяцъ, какъ бы нежеланный гость, который, по пословицѣ, хуже татарина, врывался своими золотыми волнами въ это исключительное жилище тусклыхъ трынокъ, семитокъ и пятачковъ и, какъ бы насмѣиваясь надъ нищетой подвала, говорилъ:

— Что это за бѣдность такая всегдашняя? Дай-ка хошь я ее позолочу немного...

И ежели этотъ, озолотившій собою все ночное небо, мѣсяцъ былъ охотникъ разговаривать, то хорошо ему было, потому что никто въ это время не перебивалъ его, кромѣ только развѣ соннаго кудахтанья трехъ кохинхинскихъ куръ, купленныхъ хозяиномъ для ради новости. Усѣлись онѣ на брюхѣ одного молодца, который свалилъ побѣдную голову въ уголъ мастерской къ самой двери, чтобы тотъ уголъ, насквозь прохвачен-

ный морозомъ, хоть немножко остудилъ его, тяпнувшаго безделицу предпраздничнымъ вечеромъ,—усѣлись, говорю, гостьи изъ Кохинхины на этомъ брюхѣ и только однѣ ведутъ свой сердитый разговоръ съ сердитою, хотя и свѣтлою ночью.

Слышитъ Кузьма этотъ куриный разговоръ и понимаетъ его во снѣ такимъ манеромъ: снится ему, будто онъ имѣетъ свой домъ въ Чушкиномъ переулкѣ. Идетъ, будто, онъ, Кузьма Сладкій, по тому переулку, а на немъ грязь страшная, извощики завязли въ этой грязи и зовутъ будочниковъ на подмогу, а мальчишки, посланные *любезными родителями въ лавочку*, орутъ, утопая. Смѣется всему этому Кузьма такъ-то ласково и смотритъ на ворота деревяннаго, съ ярко-зеленой жестяною крышей дома, а на воротахъ написано во-первыхъ на золотой печати: «Застрахованъ во 2-мъ отъ огня обществѣ», а во-вторыхъ на желѣзной печати нѣкіимъ живописцемъ было изображено: «*Жены сапожнаго цъха мастера Афимьи Сладкой. Сей домъ слободенъ итпастоіфъ*».

Шагаетъ Кузьма къ новымъ воротамъ — и деньжищевъ этихъ у него, изъ *города* полученныхъ, конца края, будто бы, нѣтъ. Такъ и шелестятъ, такъ и разговариваютъ:

— Ахъ, въ трактиръ бы теперь—любезное дѣло!...

И видитъ Кузьма, что на его дворѣ ходятъ все куры, большія такія, голенастыя, словно бы ненашинскія. Ходятъ тѣ куры по двору въ такомъ числѣ, что отъ перьевъ ихъ въ глазахъ рябило. И будто онѣ то и дѣло все на яйцы садятся—и въ ту же минуту изъ

тѣхъ яицъ выводятъ не цыплятъ, а все молодцовъ, и молодцовъ по сапожному мастерству.

Одѣты молодцы, отъ рожденья прямо, въ серпянковые халаты, въ опоркахъ, съ ременными обручиками на длинныхъ волосахъ. Весело встрѣчаютъ эти молодцы Сладкаго у воротъ и кричатъ ему:

— Здравствуй, хозяинъ! Дощечку мы вотъ вамъ положимъ сейчасъ, чтобы вы ножки не замарали.

А куры кудахтаютъ:

— Ко-ко-кко-о-о! Вотъ мы тебѣ, хозяинъ, сколько молодцовъ нанесли! Еще, ежели захочешь, сколько угодно представимъ; а жалованья имъ хочешь давай, хочешь нѣтъ, потому мы тебя любимъ.

— Это чудесно! всею душой радуется Сладкій.—Артель здоровая будетъ, и все даромъ. Только, что же это я своихъ ребятъ не бью?

И взялъ онъ, будто бы, пришедши домой, подтягъ— и принялся ребятъ стегать. А ребята, невзирая на крѣпкіе удары, говорили ему:

— Хошь ты насъ, хозяинъ, стегай, хошь не стегай, а мы изъ твоей руки не выдемъ,—не согласны, потому ты нашъ хозяинъ...

— Кко-кко-о-о! хрипѣли сердитыми октавами кохинхинки.—Мы изъ-подъ твоей руки идтить не согласны.

— Накрывай обѣдать, Афимья! кричитъ Кузьма на жену.—Да пошли въ кабакъ за четыре копѣечки *мальчишечку* *) взять.

---

*) Мальчишечкой, мальчишкой и мальчикомъ въ Москвѣ называютъ шкаликъ.

Небывалой, незнаемою еще никогда радостью—быть хозяиномъ—кончался Кузьминъ сонъ. Дальше зазвонили къ заутренямъ, и настоящая хозяйка будила остепенившагося подмастерья, толкая его ногой подъ бока:

— Кузьма Иванычъ! А, Кузьма Иванычъ! Проснись, ради Бога! Мужъ съ полночи, празднику обрадовавшись, въ трактиръ укатилъ. Поди-ка ты дровецъ искупи. Не на кого, кромѣ тебя, понадѣяться—пропьютъ. Получи-ка вотъ полтора серебра.

Всталъ Кузьма Сладкій подъ обаяніемъ сладкаго сна и, встряхнувши длинными волосами, сказалъ втихомолку:

— Въ руку сонъ! Ишь какъ пріятно привидѣлось насчотъ хозяйства! Пойду-ка я на радостяхъ трахну. Потому не даромъ эти сны видятся: значитъ, скоро буду хозяиномъ.

Въ это то время онъ первый и разогналъ ночную тишину своимъ стукомъ въ харчевенную дверь, а потомъ, когда улица сдѣлалась совсѣмъ свѣтлою, Кузьма сходилъ съ грязнаго крыльца харчевни съ мѣдными деньгами въ обѣихъ кулакахъ и, отчаянно поматывая кудлатою головой, бурлилъ:

— Куда мнѣ теперича, братцы мои? Что это я никакъ не придумаю? Къ хозяевамъ не пойду, —ну, ихъ къ чертямъ! Говорятъ: поди, Иванычъ, дровъ купи. А? Каково покажется?... С-стой! Надумалъ куда идти: схожу-ка я къ Ѳомѣ въ полпивную: Ѳома мнѣ другъ, Ѳома мнѣ землякъ, — а я къ нему не схожу? Съ чикво такъ, пызвольте узнать?

Народъ, валившій отъ раннихъ обѣденъ, давалъ просторную дорогу Кузьмѣ и говорилъ про себя:

— Вонъ оно! Кто празднику радъ, тотъ до свѣта пьянъ.

— Что, ребята, отошли обѣдни? громогласно освѣдомлялся мастеровой у встрѣчныхъ.

— Отошли! неохотно отвѣчали богомольцы.

— Н-ну, значитъ, съ пр-р-раздникомъ! поздравляла всякаго удалая голова и затѣмъ она вытащила изъ-за пазухи старую, съ облѣзлою позолотой гармонику и раскатила на всю улицу:

„Р-р-ради гостя,
„Рради дру-у-гга-а!
„Оххъ!

V.

На одной изъ московскихъ улицъ, гдѣ каждую секунду въ три путающіеся ряда валятъ обозы съ хлѣбомъ, или скачутъ эти же самые обозы порожнякомъ, пущенные на Божью власть красными, бородастыми лицами, орущими во все горло не пѣсни, а такъ, чортъ знаетъ что, — гдѣ на каждомъ шагу можно видѣть лихачей-извощиковъ, сцѣпившихся колесами,—гдѣ разбитыя, окровавленныя мордасы, въ видѣ классическихъ статуй, украшающихъ барскіе сады, торчатъ на каждой тротуарной тумбѣ, какъ нѣчто отдѣльно-живущее отъ своихъ владѣльцевъ,—гдѣ, наконецъ, надъ всѣмъ этимъ буйно-пошлымъ гуломъ царитъ кулакъ будочника, приводящій все это такъ сказать къ одинакому знаменателю,—такъ вотъ на такой-то улицѣ, говорю, можно примѣтить уголъ, съ котораго сразу, въ обрывъ,

начинается другая жизнь. Каменныя палаты, съ балконами, съ мрачными подъѣздами, съ важными швейцарами, по-хамски относящимися съ этихъ подъѣздовъ къ дневному теченію, вдругъ прекращались на этомъ углу и вмѣсто нихъ выстраивалось кособокое царство домишекъ, принадлежавшихъ, какъ говорили наворотныя надписи, то надворной совѣтницѣ Минодорѣ Пѣвцовой, то купчихѣ второй гильдіи *г-жѣ Лисафетѣ Марковни Сычуговой*, то цеховому Гаврилѣ Разудалову.

Шли тутъ вывѣски, говорившія, что «хоша я и сапожный мастеръ Иванъ Забубенный, одначе ты мнѣ задатку впередъ не давай,—пропью; потому жизнь моя къ дьяволу не годится». Грязь и ржавчина залѣзли на эту вывѣску, разъѣли ея нѣкогда бѣлыя буквы, заворотили уголки, прорвали середину и такимъ образомъ навсегда опакостили мастеровую репутацію Ивана Забубеннаго.

Въ окнахъ, примазанные разжеванным мякишемъ чернаго хлѣба, пестрѣли ярлыки, говорившіе:

«Сдеса-тко адаеца палугла».

«Чісавой мастіръ Петра Раскудряіфъ».

А вотъ и знакомая харчевня; она ухитрилась-таки съ своихъ всегдашнихъ гостей-лохмотниковъ содрать себѣ денегъ на золотую вывѣску. Бойко расписался на этой вывѣскѣ, живущій напротивъ харчевни, *Іконописецъ Авдей Ликсандрычъ гаспадинъ Ліксеіфъ художникъ изъ Пітенбурха*. Своей мастерскою кистью *Авдей Ликсандрычъ* раскатилъ на харчевенной вывѣскѣ: *горатъ Растофъ фхотъ взаведенья*.

Пиво азартно кипѣло въ двухъ кружкахъ; модный

самоваръ, въ видѣ помпейской вазы, щеголемъ подперъ руки въ боки; около него правильнымъ полукругомъ стояли золотыя чайныя чашки; громадный графинъ толковалъ проходящимъ, что, де, прочтите-ка, коли грамотѣ знаете, что на этой картинѣ написано.

А послушные проходящіе, изумляясь столичной росписи, читали по складамъ:

«Эдакой скусъ! Опробуйка, землячокъ!»

Такъ начиналась дѣвственная улица, такъ она продолжалась, потомъ почти въ самомъ концѣ, круто и криво обрушиваясь подъ гору, какъ бы топила въ протекавшей здѣсь Москвѣ-рѣкѣ свою безвыходную нищету.

— Вотъ сейчасъ въ быстру рѣку брошусь! говорила она этимъ обрывомъ.—Ни дьявола своимъ мастерствомъ въ цѣлый вѣкъ не заработаешь, а только все винище одно жрешь и все это сказываешь себѣ: завтра, молъ, безпремѣнно отстану.

Работящая голь дѣвственной улицы, въ обыкновенные будничные дни угрюмая и до полнаго безмолвія смирная, теперь, *празничнымъ слободнымъ дѣломъ*, вся высыпала на морозный день, и ржанье этихъ парней въ однѣхъ красныхъ рубахахъ было столь вопіюще къ небу объ отмщеніи, что всякій *больной* человѣкъ ежели проходилъ тутъ, такъ непремѣнно сердце его судорожно вздрагивало и онъ вскрикивалъ:

— Горло, что ты ржешь? Когда же ты, человѣческое горло, говорить станешь?

Барыня какая то-прошла, и порока-то въ ней было только всего, что на головѣ ея, вмѣсто шляпы огненнаго цвѣта, всегдашней на дѣвственныхъ улицахъ,—шля-

пы съ такими же перьями, какія нѣкогда развѣвались на Гекторовомъ шлемѣ,—была надѣта, *какъ есть, братцы, какъ на мужикѣ*, шапка, опушенная сѣрыми смушками. И шла эта барыня, никого не трогая, тихою, хорошею поступью; черные глаза ея пристально смотрѣли подъ ноги. Очевидно было, что она понимала, что ей не слѣдуетъ ломать своихъ маленькихъ ножекъ ради этой мостовой, вошедшей въ притчу во языцѣхъ,—и вдругъ:

— Ха, х-ха, х-ха-а!... громко раскатила улица по ея слѣдамъ.

Нельзя было не оглянуться на этотъ лѣшачиный хохотъ, и барыня оглянулась; а бойкая, съ большими выпятившимися зубами, бабенка, манерно разглаживая свои напомаженные и выпущенные изъ-подъ платка височки, закричала ей:

— Что глядишь? Ай не знаешь?... Вмѣстѣ ѣзживали...

«Ай барыня, барыня,
Сударыня-барыня,
Чив-во тибѣ надомна?

Заорали на разные голоса молодцы, закривлялись при этомъ и заломались съ свойственною мастеровой *нацеѣ* граціей.

Ежели бы барыня въ смушковой шапкѣ вдругъ въ это время воротилась и, топнувъ ногой на хоръ, закричала бы: «какъ вы смѣете, расподлая эдакая мастеровщина, обращаться такъ съ благородною *женщиной*», то, я увѣренъ, праздничная уличная картина непремѣнно измѣнилась бы. Шустрая бабенка съ висками съ виз-

гомъ убѣжала бы въ ворота, а за ней дали бы стрекача и ея рыцари.

Но прошла мимо барыня въ шапкѣ, и чѣмъ дальше отходила она, тѣмъ болѣе густыя слова сыпались ей въ уши.

Уличная картина, слѣдовательно, ничуть не измѣнилась...

Идетъ офицеръ и видно, что не пѣхтура какая-нибудь, потому что за нимъ парадно выступаетъ тысячная пара, запряженная въ широкія сани, а на тротуарѣ, въ взмѣшенномъ безчисленнымъ множествомъ ногъ снѣгѣ, лежитъ мастеровой. Вонь и грязь около него.

Офицеру скучно. Забрелъ онъ сюда Богъ знаетъ зачѣмъ. Въ головѣ бродило что-то въ родѣ смутной надежды встрѣтить какую-нибудь эдакую... съ глазками въ видѣ крупныхъ, зрѣлыхъ вишенъ, маленькую эдакую, канальство, при взглядѣ на которую, чортъ возьми, сразу взмахнулись бы въ высь поднебесную ослабшія тѣлеса.

«Ну, тамъ платье, юбочекъ ей этихъ бѣленькихъ накупить, чтобы ножка была видна», идетъ безмолвно офицерская дума, погромыхивая палашищемъ. «Посадить въ сани, надвинуть на нее шапку-боярку и смотрѣть: необыкновенно въ такія времена эти плебейки забываются. Сразу уже отъ коровника-то онѣ въ амбицію вламываются. Пріятно въ морозный день съ такимъ раздуханчикомъ загородную прогулку учинить!...»

Тутъ вдругъ офицеръ почему-то проникся гуманными идеями; сталъ онъ тогда мечтать о сближеніи сословій, и потому, увидя мастероваго въ снѣгу, онъ съ

ласковою улыбкой, имѣвшей ободрить погибающаго брата сказалъ: «Не сыро ли тебѣ здѣсь, любезный другъ? Петръ! покинь лошадей: пособи поднять человѣка!»

Петръ, этотъ кучеръ, получающій тридцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, въ бьющей по глазамъ зеленоватой шубѣ, въ бѣлыхъ замшевыхъ рукавицахъ до локтей, съ бородищей въ три сажени, только мимоходомъ взглянулъ на барина и, не улыбнувшись даже, натянулъ зеленыя возжи съ серебряными наставками, отъ чего парадный шагъ рысаковъ сдѣлался еще параднѣе.

«Ишь, чортъ, съ коихъ раннихъ поръ коньяку этого своего ломанулъ!» шевельнулось въ кучерской душѣ на хозяйскую просьбу, а мастеровой, въ свою очередь, не поднимая головы съ холоднаго снѣга, заборможалъ:

— Не сс-сыр-ро! Не сыр-ро, раз-з...

— А, ты ругаться сталъ? крикнулъ офицеръ.—Эй! Необыкновенно скоро прибѣжалъ на этотъ зовъ пьяный, по случаю праздника, будочникъ и, сладко улыбаясь, спрашивалъ у офицера.

— Бить прикажете, ваше б—діе, али прямо въ кутузку?

— Ваше в—діе! завопилъ, оглядываясь, мастеровой,— не погубите! Тридцать человѣкъ дѣтей, семеро мастеровыхъ содержу... Безъ меня все погибнуть должно.

— Х-ха-а, х-ха-а! какъ за барыней въ шапкѣ, снова зазвенѣло ребячье грохотанье и надъ этимъ пассажемъ — Что, не бойсь, узналъ, какая она такая Кузькина мать-то? хохотали молодцы надъ проснувшимся, при видѣ густаго офицерскаго султана, пьянюгой.—Вы бы его, ваше б—діе, въ морду...

*

— А не будетъ ли отъ вашего б—дія на чаекъ чего-нибудь нашей артели? Потому, ей-Богу, напрасно вы надъ нимъ смиловались: грубъ-съ оченно!... докладывала барину нѣкоторая удалая голова, отдѣлившаяся отъ кружка.

— Ска-а-тина! прошепталъ офицеръ, бросая, какъ кость собакѣ, рублевую ассигнацію удалой головѣ. —Поговори со мной...

Вслѣдъ за тѣмъ онъ бросился въ сани и сердито закричалъ своему великолѣпному Петру:

— Пшо-о-лъ, ска-а-а-тина!

Рысаки рванулись, и взвившаяся изъ-подъ ихъ копытъ снѣжная пыль помѣшала барину разглядѣть и разузнать, какъ по улицѣ и надъ его гнѣвомъ, и надъ его милостью за одинъ разъ загромыхало новое, праздничное

-- Х-ха-а, х-хх-а! Побѣжимъ, ребята, теперича пиво жрать...

Кипитъ улица, гогочетъ, смѣется и плачетъ. Вмѣстѣ съ нею гогочетъ, смѣется и плачетъ и Кузьма Сладкій. Окончательно сшибенный съ ногъ безчисленнымъ множествомъ шкаликовъ и косушекъ, онъ повалился теперь въ уголокъ огороднаго забора и будки, задралъ ноги къ верху и оретъ безъ словъ:

— Нну-у, н-ну! Хто смѣлъ, наизжай....

Будочники собрались около него и со смѣхомъ спрашиваютъ:

— Што, Кузя, раздрѣшилъ?

— Раздрѣшилъ! отвѣчаетъ Кузя.—Бери въ фарталъ! Ничего не боюсь.

— Да н-ну тебя къ идоламъ и съ фарталомъ-то! досадуютъ будочники.—Хошь бы за полштофомъ послалъ, для ради праздника, а то—фарталъ!... Не свои рази?...

— За полштофомъ? Нич-чего! Это м-можно!.. Сыми халатъ и валяй... Я тебя люблю,—ты мой фартальный...

А тутъ, по улицѣ, совершалось какъ бы нѣкое вавилонское плѣненіе: шли гурьбами какіе-то народы, въ чуйкахъ, съ свирѣпыми, красными лицами, шли и кричали во все горло; ѣхали эти же самыя лица на извощикахъ по пятку въ каждыхъ саняхъ, тихимъ, манернымъ шагомъ, и тоже кричали. Были въ рукахъ какъ у пѣшеходовъ, такъ и у ѣздоковъ бабы въ красныхъ сарафанахъ, пьяныя и орущія, и гармоніи въ золотыхъ бумажкахъ, тоже пьяныя и орущія...

— Фу, ты, Боже! восклицалъ одинъ будочникъ, подчуя стаканчикомъ лежащаго Кузьму.—Откуда только такія силы берутся? Половодье словно... Кушай, Кузьма Иванычъ!

Выкушивалъ Кузьма Иванычъ, а дѣвственная улица хмурилась все пуще и пуще, грознѣе и грознѣе развертывались ея праздничныя картины.

Цѣлое море головъ бурлило около пойманнаго вора. Разное носильное отрепье висѣло у вора на лѣвой рукѣ, а правую, съ сжатымъ кулакомъ, онъ держалъ выше своей сѣдой, не покрытой головы, которая, въ свою очередь, возвышалась надъ головами всей толпы.

Воръ одѣтъ въ старый, истерзанный и коротенькій полушубокъ. Сѣдые, кольцоватые усы грозно висѣли по челюстямъ; его смуглыя, впалыя щеки злобно вздрагивали по-временамъ. Очевидно, привыкшіе къ стрижкѣ

волосы встали дыбомъ, и такимъ образомъ этотъ человѣкъ весьма явственно изображалъ собою самаго лютаго безсрочнаго ундера.

— Бей, бей! вопило сумасшедшимъ манеромъ пять сотъ голосовъ.

— Тр-ронь! тихо, но мрачно отзывался воръ, и при этихъ словахъ на лицѣ его нельзя было увидѣть ни малѣйшаго движенія. Онъ былъ лютъ и серьезенъ, какъ, можетъ-быть, онъ былъ лютъ и серьезенъ, когда пускалъ въ славныхъ битвахъ батальный огонь на угорѣлую вражью кавалерію...

— Да вѣдь ты же укралъ? раздаются несмѣтные голоса.—Ты же вѣдь у ей, у модистки-то эфтой, изъ сундука сцулъ?

— Н-ну? спрашивалъ старый усачъ.

— Да что тамъ: н-ну? Б-бей!

— Тр-ронь!..

Сзади стоявшій молодецъ изъ овощной лавки хватилъ въ это время солдата кулакомъ въ спину и, проговоривши: «ну, вотъ и ударилъ,—что со мной сдѣлаешь?» снова пугливо скрылся въ живую горластую стѣну.

— Кто вдарилъ? какъ звѣрь вскрикнулъ солдатъ, однимъ махомъ обрушиваясь на всю толпу.—У-у-бью! Сказывай!

— Это вотъ онъ, дяденька, васъ.

— Он-нъ? Подь-ка, подди-и-ка ты суды, чортовъ сынъ!..

Парнишка завизжалъ какъ собака, когда солдатъ сталъ его бить своими длинными руками. Потомъ поглядѣлъ на него воръ, бросилъ и сказалъ:

— Да ну тебя къ чорту, молокососъ!

И опять посыпались изъ толпы вопросы:

— Дерется еще, словно правый! Вѣдь ты укралъ?

— Да ты вѣдь поймалъ, дьяволъ! треснувшимъ, но еще могшимъ командовать въ громѣ битвы, басомъ вскрикивалъ солдатъ.—Поймалъ вѣдь, чортъ! отчаянно наступалъ онъ на отливающее отъ него море.—Такъ отбери отъ меня, или къ начальству веди. А самъ ты надо мной издѣваться не смѣй... А то, сейчасъ умереть, убью.

— Да вѣдь ты укралъ?

— Да не укралъ, дьяволы! А такъ взялъ: шелъ—и взялъ.

При этомъ старикъ, какъ бы съ намѣреніемъ заткнуть всѣ эти широкія пасти, бросилъ въ кучку краденыя отрепья и пошелъ выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго.

— Ого-го-го! раздалось за нимъ уличное грохотанье.

— Я такихъ солдатовъ люблю... бурлилъ совсѣмъ пьяный Кузьма.—Вотъ теперь я хозяинъ. Н-ну, разбогатѣю, купцомъ буду. Сейчасъ я тогда такого старичка къ себѣ на житье возьму. «Будь, молъ, ты, скажу ему, у меня за мѣсто отца, старичокъ». Ахъ, нѣтъ у меня отца! плакался Кузьма. —Сроду я тятеньки своего не видалъ...

— Ну, будетъ, Кузя, не плачь. Христосъ съ имъ, съ родителемъ-то! утѣшалъ Кузьму одинъ изъ угостившихся на его счетъ будочниковъ.—Посылай лучше, ежели деньги есть. Говорилъ это будочникъ и тоже слезился.

Между тѣмъ толпа, отвалившаяся отъ вора, накатила теперь на Кузьму.

— Да што же, дру-угъ! отзывался Кузьма,—идѣ же

я денегъ возьму, ты спроси? Я вотъ хозяинъ, у меня, можетъ, артели одной человѣкъ сто, а денегъ все нѣтъ, пытаму времена нонѣ—ах-хъ, какія времена!...

И Кузьма заплакалъ, да и будочникъ тоже сквозь слезы заговорилъ:

— Не ври, дьяволъ! Какой ты хозяинъ?.. Сейчасъ я тебя бить примусь, потому не люблю, когда брешутъ.

— Онъ нынѣ, чортъ, сонъ видѣлъ, ребята! бубнила толпа.—Бредитъ теперича.

— Хвати его въ морду-то: може встанетъ.

— Сказывалъ въ кабакѣ: куры ему счастье напророчили.

— А куръ видѣть во снѣ, братцы мои, это безпремѣнно къ куреву какому-нибудь. Бунтъ, али бо изобьетъ кто кого... Чья, значитъ, сила возьметъ. Бида какъ послѣ такихъ сновъ раздираются — въ кровь и часто даже до полусмерти!

— По буднямъ ежели, такъ это такъ, точно дерутся, а въ праздники—ничего, завсегда, почитай, сбываются.

— До обѣда сбываются, голова! Послѣ праздничныхъ обѣдовъ—не вѣрь.

— Такъ, значитъ, его брать надо,—къ вечернямъ скоро заблаговѣстятъ, а не токмо обѣдъ... Гдѣ-жь теперь сбыться?..

— Тащи его, милый служивый! Забирай въ контору, а то, пожалуй, околѣетъ тутъ, рекомендовала толпа бесѣдовавшему съ Кузьмой будочнику.

— Кузя, а Кузя! Проснись, золотой! упрашивалъ будочникъ.—Проснись—и посылай, а то сейчасъ поташшу...

Но не просыпался Кузя, а только, болтая ногами, кричалъ совсѣмъ въ звѣриномъ образѣ:

— Я рр-рази не хозяинъ? Разувай меня, клади на кровать, а то всѣхъ изобью...

Тогда потащили Кузьму въ кварталъ; а одинъ изъ его пріятелей, жившихъ съ нимъ вмѣстѣ, толковалъ провожавшей шествіе толпѣ:

— Тоже и я однажды сонъ видѣлъ (пьяный легъ и Богу, слѣдственно, за спанье не молился). Стоитъ, быдто, лѣсъ, дремучій такой, высокій, а чортъ меня по самымъ верхушкамъ того лѣса дремучаго подъ руку водитъ и смѣется, смѣется и говоритъ:

— Ты, говоритъ, Русскай?

— Русскай! я ему говорю.

— Ну, такъ, говоритъ,—ты надъ этимъ лѣсомъ всю власть возьмешь, апосля только... Ты, говоритъ,—ему теперича полный хозяинъ,—руби его!...

— Я сталъ рубить, быдто, тотъ лѣсъ и проснулся, проснулся и вижу диво: сижу въ фарталѣ. Говорятъ, за буйство взятъ...

— Ахъ, батюшки! сокрушенно вскрикнула вдругъ какая-то бабенка, которая вмѣстѣ съ другими провожала Кузьму на успокоеніе въ сибиркѣ.—Ах-хъ, батюшки! Видно мы только хозяевами то и бываемъ, что праздничными снами.

— Извѣстно, что по такимъ временамъ только! отвѣтилъ бабенкѣ кто-то корявый и пьяный, игриво хватая ее за платье на груди.—Праздничный сонъ, сама знаешь, до обѣда только, а послѣ обѣда опять ужь за работу нашему брату надо садиться...

~~~~~~~~
~~~~~~~~

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ОТЪ РАЗЗОРЕНЬЯ.

(Посвящается А. К. С—ву).

I.

Дѣло это началось однимъ осеннимъ утромъ, пасмурнымъ такимъ утромъ, печальнымъ, съ проливными потоками дождя, непрестанно лившимися съ свинцоваго неба, съ крикливымъ вѣтромъ, буйно разбивавшимъ городскіе фонари и срывавшимъ раззолоченныя столичныя вывѣски. Сизые, волнующіеся туманы со всѣхъ сторонъ обложили Москву и самымъ зоркимъ глазамъ не давали разсмотрѣть ея, такъ сказать, всероссійскихъ, неописанныхъ дивъ.

И вотъ такимъ-то утромъ, положившимъ печать какой-то угрюмой мертвенности на столичныя улицы, подъ непрерывное и могуче-басистое гудѣнье *сорока сороковъ*, которому, какъ бы въ концертѣ, отрывисто вторили крѣпостныя пушки, стрѣлявшія *по орудіямъ*, на Кремлевскую площадь изо всѣхъ соборовъ и приходскихъ церквей собирались громко-пѣвшіе церковные клиры для

того, чтобы, по окончаніи кремкевской службы, тронуться однимъ всеобщимъ крестнымъ ходомъ вокругъ всей Москвы.

Море разнообразныхъ головъ, то благоговѣйно молящихся, то до испуга любопытствующихъ, разлилось по площади. Неразборчивый, но въ высокой степени мощный гулъ этого моря, смѣшиваясь съ громомъ выстрѣловъ и звономъ колоколовъ, одною согласною рѣчью говорилъ всякой душѣ о чемъ-то до того сильномъ и важномъ, что неминуемо обдавало эту душу невольнымъ, все существо человѣка проникавшимъ, ужасомъ.

Послѣдняя нота молебнаго гимна глухо и печально погасла наконецъ въ сыромъ, какъ бы вровень съ краями наполненномъ чѣмъ-то, воздухѣ и, словно по сигналу, народное море дружно, за одинъ разъ, колыхнулось въ эту секунду — и крестный ходъ поплылъ....

Сначала шли старинные, жестяные фонари сквозь узорчатыя прорѣзи которыхъ слабо виднѣлись тонкіе, желтенькіе, огонечки, безпомощно дрожавшіе и слезливо помаргивавшіе отъ сильнаго вѣтра, который неистово дулъ прямо въ лицо крестному ходу, какъ бы намѣреваясь побороться и даже побѣдить эту непобѣдимую, важно и торжественно двигавшуюся, силу. Несли эти фонари, утвержденные на высокихъ зеленыхъ шестахъ, какія-то необыкновенно серьезныя лица, которыя, очевидно, вполнѣ сознавали всю важность своихъ передовыхъ постовъ. Не сморгнувъ, встрѣчали они бойкіе порывы налетавшаго на нихъ вѣтра и лишь изрѣдка повелительными басками покрикивали сопровождавшимъ шествіе жандармамъ и макаркамъ (такъ въ Москвѣ

называютъ будочниковъ) взять кого-нибудь, кто забѣгалъ впередъ съ тою цѣлію, чтобы прямо въ лица поклониться святымъ полкамъ небеснаго воинства, которые были изображены на хоругвяхъ, шествовавшихъ за фонарями.

Какъ птицы рѣяли въ воздухѣ шелковые холсты хоругвей, сверкая золотомъ, которымъ написаны были вѣнцы и сіянія, окружавшія лики. Кротко смотрѣли эти лики, такъ много страдавшіе и молившіеся, на осѣняемую ими толпу,—шли, ничуть не возмущаясь буйствомъ вѣтра, обсыпавшаго ихъ цѣлыми рѣками дождевыхъ каплей, какъ въ многотрудной жизни своей хаживали они, ничѣмъ не возмущаясь и ни отъ чего не останавливаясь, на борьбу съ людскою неправдой. За хоругвями двигался весь залитый въ толстую, расцвѣченную драгоцѣнными каменьями парчу, важный, какъ сборище царей, хоръ священниковъ съ крестами и благовонно дымящимися кадилами.

Словно труба апокалипсическаго ангела, имѣющая нѣкогда возвѣстить всему міру про страшный судъ Божій, гремѣлъ изъ среды этого хора одинъ голосъ, протяжно пѣвшій:

— Миромъ Господу помолимся!

И, послушное этимъ словамъ, ницъ падало все это необозримое мірское море, переливчатыми и таинственно-шумѣвшими волнами катившееся по слѣдамъ хора и согласно, одною, невыразимо-глубоко вздыхавшею, грудью стонало:

— Господи помилуй! Господи помилуй!

И было о чемъ молиться міромъ, и было же тутъ,

надъ чѣмъ можно было застонать и разорваться отъ тоски этому міру, потому что свѣтлое небо все застлали туманы. Буйный вѣтеръ, валяя съ ногъ цѣлыя кучи народа, не въ силахъ былъ однако же разогнать этихъ тумановъ, а дождь такъ и щелкалъ по усердно-моливщимся лицамъ, такъ и щелкалъ, такъ и щелкалъ...

II.

Наканунѣ описаннаго происшествія случилось въ Москвѣ, какъ и вездѣ можетъ случиться, другое происшествіе, а именно вотъ какое: у воротъ одного замоскворѣцкаго купеческаго дома, съ великолѣпнымъ подъѣздомъ на дворѣ, съ зеркальными окнами, съ дремучимъ садомъ, деревья котораго, обитыя осенними дождями, съ угрюмымъ безучастіемъ смотрѣли съ раскрашеннаго досчатаго забора на тихую и пустую улицу, сидѣлъ молодой, бравый подкучеръ, въ ситцевой красно-лапистой рубахѣ, въ кафтанѣ, не по погодѣ, игриво и храбро накинутомъ на широкія плечи, въ поярковой шляпѣ, съ *сурьезомъ* надвинутой на лобъ, и пѣлъ томнымъ дискантомъ подъ тягучіе звуки новой цѣлковинной гармоники:

«Еж-ж-жель ты, моя мил-л-лая,
«Эф-ф-той ночью не придешь...»

затѣмъ, вдругъ переходя въ басовую, пугающую ноту, онъ ужасающимъ манеромъ мычалъ вмѣстѣ съ басами гармоники:

«Я ффа-тиши тебя лласкаю,

и потомъ еще болѣе томнымъ дискантомъ доканчивалъ:

«Бизъ тибя какъ разъ помр-р-решь»....

Такъ молодой паренекъ забавлялся очень долго, и очевидно было, что эта забава была не столько забавой, сколько поэтическимъ упражненіемъ въ составленіи *новаго стишка*, на какое дѣло, какъ извѣстно, такіе мастера всѣ вообще московскіе хозяйскіе молодцы.

— Ничего, очень складно выходитъ. Какъ есть, какъ въ пѣсенникѣ, похваливалъ поэтъ свою доморощенную поэму.—Поглядимъ, что дальше выдетъ.... Посмотримъ, какъ оно подъ конецъ пойдетъ.

Но не увидалъ парнекъ, какъ *оно подъ конецъ пойдетъ*, потому что, при послѣднихъ словахъ его, встряхивая нечесанными, но густыми и необыкновенно черными космами, и сіяя по-московски свѣжимъ и здоровымъ лицомъ, съ параднаго крыльца сбѣжала горничная. Быстро забѣгала она по широкому двору и звонкоголосно закричала:

— Митрей, Митрей! Гдѣ ты, чортъ, прохлаждаешься? Хозяинъ зоветъ.

— Хошь бы минутку спокою! Какъ дьяволы съ крючьями пристаютъ! прошепталъ Митрей, поднимаясь однако же съ приворотной лавки.—Ну, что ты орешь? Что тебѣ? азартно спрашивалъ онъ, перебившую его фантазію, горничную.

— Достанется тебѣ, дьяволъ! *Самъ* услыхалъ, какъ ты тутъ пѣсни орешь и на гармоніи этой играешь. Говоритъ мнѣ: «ступай ты, говоритъ, рабыня, разыщи его и сейчасъ ко мнѣ на хозяйскія очи представь».

— Коего я тамъ лѣшаго буду дѣлать? озлобленно спрашивалъ Дмитрій.—Рази я его пьяныхъ бѣльмъ, ты думаешь, сроду не видывалъ, што-ли?

— Не знаю, не знаю, милый, только Бога для иди, потому ежели не пойдешь, сейчасъ мнѣ разсчетъ. «Такъ-то ты, скажетъ, рабыня, волю мою творишь?» Я ужь съ нимъ и говорить-то по-нашему, по-простецкому, разучилась.

— Ну, гляди, дѣвка! рѣшился наконецъ Дмитрій.— Я вотъ по тебѣ все сполняю, мотри же и ты, въ случаѣ чего, ежели когда, охотѣ моей не перечь... Ахъ ты, чортова жисть, сичасъ умереть! Право, чортова жисть! и парень шелъ вслѣдъ за горничной, отчаянно поматывая намасленною свѣчнымъ саломъ головой и тяжко вздыхая.

Пришли. Сталъ подкучеръ на хозяйскія очи, сердито понурившн въ полъ свои собственные, молодецкіе глаза; горничная пугливо притаилась за его широкими плечами, а самъ хозяинъ на диванѣ на мягкомъ валялся. Предъ нимъ, какъ быть должно, на маленькомъ, съ кривыми точеными ножками, столикѣ стоялъ графинъ, водки, грибочки, ветчинка, капустка и проч.

— Митрей! взговорилъ хозяинъ съ горькимъ плачемъ.—Въ домѣ моемъ уныніе и печаль, а ты пѣсни играешь, на гармоніи зудишь. Што же это будетъ такое?

При этомъ купецъ отчаянно всплеснулъ руками и, обратясь къ горѣвшимъ золотыми ризами иконамъ, снова повторилъ вопросъ:

— Што же это будетъ такое? Нигдѣ я къ Богу моему

въ моихъ сокрушеніяхъ великихъ, воззвать и возскорбѣть не могу!...

Застоналъ хозяинъ послѣ такихъ словъ своихъ и уткнулся сокрушенною, по его словамъ, головой въ кожаныя подушки дивана. Рабы молчаливо смотрѣли, что будетъ дальше.

«Какую такую камедь разыграетъ,—посмотримъ», думалъ Дмитрій, поглядывая на хозяина изъ подлобья.

«Антиресно знать, какую онъ штуку еще отмочить ухитрится?» раздумывала въ свою очередь горничная.

Долго длилось молчаніе. По временамъ только нарушали его хозяйскіе тяжелые вздохи да всхлипыванія.

— Боже! сокрушался купецъ. — Ахъ, тяжело! Ахъ, горька моя чаша! Оч-чень, оч-чень даже довольно у меня тяготы на душѣ!

«А шутъ тѣ велитъ все эту одну очищенную жрать? Пилъ бы шинпанское, али бы какое другое вино», безжалостно отнеслась Дмитріева безсловная душа къ тяжелой купеческой чашѣ.

— Раба! словно бы вдругъ проснувшись, приказывалъ хозяинъ горничной.—Поди, позови супругу. Ох-хъ! горька моя чаша, потому много Ты мнѣ талантовъ далъ, многою властью меня надъ многими меньшими братьями, аки бы иссопомъ и елеемъ, умастилъ и украсилъ. Учить мнѣ надо ту меньшую братью, спокоить, да не буду ввер-р-женъ... О, Боже! отведи отъ меня ч-ч-а-ш...

И въ то время, какъ купецъ дрожащею рукой старался налить рюмку, въ кабинетъ его, послушная на зовъ своей главы, вошла супруга.

— Будетъ, будетъ тебѣ, Абрамъ Сидоровичъ! упрашивала она его.—Успокоился бы, право!

— Па-аг-губа моя! всплакался въ это время хозяинъ пуще прежняго и принялся жену по щекамъ бить:—за житницей ты не назришь, рабамъ моимъ управы ты никакой не даешь.... Вонъ отсюда пошла, дабы злоба моя на тебя, шельма ты эдакая, не возгремѣла въ домѣ моемъ и тишины его праведной не смутила бы. О, ч-ч-ча-а-ша!...

Едва-едва успѣвши выслушать столь душеполезное поученіе, супруга стремглавъ выкатилась изъ кабинета, а супругъ, продолжая свою роль исправителя домашнихъ нравовъ, съ новымъ притокомъ слезъ и воздыханій обратился къ проштрафившемуся парню. — Н-ну, Митрей! Младость только твою и сокрушенье родителей твоихъ убогихъ и престарѣлыхъ въ разсчетъ принимаю и за грѣхъ твой изъ храмины моей честной тебя не гоню. Обратись и покайся! Какимъ ни-на-есть раскаяніемъ изгони изъ себя бѣса козлогласованія, пьянства и все какъ слѣдуетъ... Нынѣшнимъ днемъ отселева до Чистыхъ Прудовъ приказываю тебѣ, труда для ради, али бы бдѣнія, понимаешь?—тридцать концовъ сдѣлать. Пѣшъ и сокрушонъ отыди въ путь свой, душой умились, а гармонью сожги. А пуще всего: не сквернословь, потому уста ... самое главное! Слышишь?...

— Слушаю-съ, басомъ отвѣчалъ Дмитрій, проворно повертываясь къ двери, но не поднимая однако же къ верху своей озлобленной головы.

— Стой, погоди! Не все сказалъ, воротилъ его хозяинъ.—Кайся какъ можно искреннѣе, — умил-л-леніе,

пос-с-стъ... первое дѣло! По дорогѣ зайди къ Марьѣ Петровнѣ, къ Онисиму Лукичу, къ Степану Петровичу. Скажи имъ, Митрей, отъ меня (вѣдь ты видѣлъ слезы мои, Митрей, а?),—скажи же: хозяинъ, молъ, оч-чень въ разстройкѣ,—мысли его, какъ осеннія бури, мятутся,—слезами онъ, аки-бы росой утренней, умывается. Приказалъ, молъ, онъ звать васъ къ себѣ на дружній совѣтъ, на душевныя слезы. А послѣ къ батюшкѣ зайди и учтиво ему доложи: молебенъ у нашего хозяина нонѣ съ водосвятіемъ... всѣмъ чтобы клиромъ... въ лучшихъ ризахъ. Одно слово, чтобы велелѣпіе и святыня вполнѣ.... Хозяинъ, молъ, сказывалъ, что великому-де молитвенному бдѣнію у насъ быть, потому несчастье.... Такъ и скажи, только учтивѣе докладывай, потому они наши наставники, пастыри. Слышь, Митрей? Они о душахъ нашихъ сокрушаются. Такъ ты того, гляди, не лицемѣрь.... Узнаю что, избави Боже, духъ вонъ вышибу!... Пош-шолъ!...

— Што, Митрей, што? Пошто призывалъ? спрашивали въ захватъ подкучера чады и домочадцы, окруживши его любопытною стаей.

— А ничего, отвѣтилъ Дмитрій. — Извѣстно, что у него ни чорта не поймешь. Говоритъ: кайся! Да вы спросите у него: кто его, стараго лѣшаго, къ французинкѣ возитъ?... А то кайся! Было бы въ чемъ.

— Б-будетъ тебѣ, Митрей! пугливо зажужжала на подкучера домашняя челядь.—Услышитъ, такъ еще пуще онъ тебя проберетъ. Въ часть, пожалуй, прикажетъ...

— Пог-г-гляжу!.... побахвалился парень и пошелъ, медленно передвигаясь съ ноги на ногу, бурча себѣ подъ

носъ какія-то сердитыя слова, а гармоника между тѣмъ не брала во вниманіе хозяйскаго горя и, разрѣзывая своимъ визгомъ дюжій гулъ осенней непогоды, продолжала тосковать о томъ, что

„Ежж-ж-жель ты, моя мил-л-лая,
„Еф-ф-фтой ноч-ч-чью не придешь,
„Я ф-фа тиши тибя л-ласкаю,
„Бизъ тебя какъ р-разъ пом-м-мрешь...“

III.

Всѣ ближніе, други и искренніе Абрама Сидоровича Переметчикова, московскаго первой гильдіи купца и потомственнаго почетнаго гражданина, созванные къ нему на молебствіе и дружній совѣтъ подкучеромъ Дмитріемъ, зная нравъ своего благопріятеля, сейчасъ же, какъ только ихъ пролетки останавливались предъ зеркальнымъ подъѣздомъ, принимали на свои лица выраженіе великаго сокрушенья и даже какъ бы какого убожества, и тихо принимались шагать по широкой, парадной лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ и убранной роскошными цвѣтами. Шли они, вздыхая и благоговѣйно крестясь, а съ ними вмѣстѣ поднимались въ хозяйскую резиденцію, въ бѣса изогнутыя и въ пухъ и прахъ разлакированныя лѣстничныя перила. Съ игривостью, совершенно презирающей хозяйское сокрушенье, вели они благочестиваго посѣтителя къ широкимъ площадкамъ съ мраморными статуями, со свѣтлыми зеркалами, весело отражавшими въ себѣ изящную красоту этихъ статуй.

Широкій баринъ, у котораго Переметчиковъ нѣкогда благопріобрѣлъ этотъ домъ, щедрою рукой пустилъ по лѣстничнымъ стѣнамъ миѳологическіе медальоны съ различными веселенькими пейзажиками, отъ которыхъ съ ненавистью отплевывались постныя купецкія лица,— клали на себя широкія крестныя знаменья и тихо шептали:

— Боже! изжени ты лукавство это женское, препаскудное! И што только такое этотъ Абрамъ Сидоровъ дѣлаетъ? Въ чью это онъ голову бьетъ, мерзости такія въ своемъ честномъ домѣ оставляючи? Сейчасъ бы это, ежели на мои руки, все бы я это писаніе прочь. Позвалъ бы красильщика и сказалъ: жарь, молъ, парень! Дѣйствуй, молъ, помеломъ-то!...

Но, поднявши къ верху прекрасныя руки, строго смотрѣли на проходящаго осла античныя лица каменныхъ женщинъ, — съ медальоновъ въявь и вслухъ хохотали надъ нимъ веселыя, танцующія группы древнихъ лѣсныхъ и полевыхъ боговъ, хохотали и прыгали,—прыгали и, вздымая надъ увѣнчанными главами руки свои въ красивыя дуги, звонко кричали:

— Куда ты? куда ты, болванъ? Куда, сивая борода, по парадному прешь? Здѣсь жилъ le comte de Petrovo-Koudrjaschevsky. Вышлетъ онъ на тебя сейчасъ своихъ ливрейныхъ, — выпорятъ они тебя на конюшнѣ, а мы имъ поможемъ. Мы такія сцены въ-старину любливали....

Хохотъ и пляска! Неблагопристойность и нагота самая что ни-на-есть смердящія!

— О, чортъ бы васъ побралъ! шепчетъ Лука Петро-

вичъ и, совершенно увѣренный, что вольныя руки le comte de Petrovo-Koudrjaschevsky неразгибисто сложены теперь на ретивой груди, что непробудно спятъ подъ сѣдыми, мохнатыми бровями палящія графскія очи,—продолжаетъ переть къ благопріятелю по парадной и шептать:

— Все это, ешшо скажу, сичасъ умереть на семъ мѣстѣ, я съ одного бы маху похѣрилъ. Вишь, вишь: бѣсъ какой-то картинку какую подлющую намалевалъ въ трубы трубятъ, въ бубны трепешшутъ, опять же винище это изъ экихъ-ли здоровенныхъ стакановъ жрутъ!... Тьфу!... А бабы? Эки бабы были подлыя въ старину—а? Эки бабы! Срамницъ такихъ по нашимъ мѣстамъ теперича ни за што не найдешь...

Но что игривая мѣдяница блеститъ своей серебристою кожей, пробираясь подъ палящими солнечными лучами въ густой зеленой травѣ,—игриво и даже, какъ бы, обидно-насмѣшливо сверкаетъ вверхъ изящная графская лѣстница. Не отставая отъ нея ни въ бѣгѣ, ни въ насмѣшкахъ, спѣшатъ съ нею вмѣстѣ и фарфоровыя цвѣтныя банки и скачущія въ медальонахъ группы. А дальше: по слѣдамъ молнійнаго блеска извилистыхъ, лакированныхъ перилъ съ торжественною задумчивостью входили статуи. При всемъ стараніи, онѣ весьма плохо скрывали свои умныя, почти живыя улыбки, которыя время отъ времени летали по ихъ каменнымъ устамъ, когда смрадная пасть Луки Петрова, лаявшая на вѣчную красоту, разносила хулящій шепотъ по ярко освѣщеннымъ сѣнямъ,—улыбались онѣ, говорю, и шли съ увѣренностью почетныхъ гостей и,

когда вокругъ ихъ вертѣлись, смѣялись и веселились надъ вонючимъ лисьимъ тулупомъ купца цвѣты, боги и освѣщавшіе ихъ огни,—онѣ старались сдержать общій смѣхъ и шептали:

— Да тише вы, шише, пожалуйста!

Обращались тогда малолѣтнія цвѣточныя головки къ своимъ менторамъ и, сморщившись точно такимъ же образомъ, какъ дитя, когда негодуетъ на неправду злыхъ взрослыхъ, вскрикивали:

— Да какъ онъ можетъ это говорить? Да и что этотъ Лука Петровъ говоритъ? Говоритъ: я бы ихъ всѣхъ, съ одного маху, похѣрилъ. И зачѣмъ онъ на *семъ* мѣстѣ умирать хочетъ, когда у насъ тутъ безпрестанная жизнь и веселье, говоръ и смѣхъ...

— Да тише! повторяли статуи.—Онъ ничего не можетъ сдѣлать, онъ чучело и теперь,—вы не смотрите, что онъ живой, — поэтому онъ ни васъ похѣрить, ни самъ умереть на *семъ* мѣстѣ не можетъ...

А на самой верхней площадкѣ остановился между тѣмъ могучій геркулесъ и, повертывая коренастымъ дубомъ, заговорилъ оттуда статуямъ:

— Ну что вы говорите: онъ не можетъ умереть на семъ мѣстѣ? Дуну на него—и кончено! Но я, убивавшій гидръ и львовъ, не хочу марать рукъ объ гадину.

— Я—гадина? Я г-ггад-дина р-рази? А ты х-хто такой? вдругъ раздается по сѣнямъ, каковой голосъ даже слышитъ сильно подвыпившій швейцаръ изъ отставныхъ вахмистровъ, покойно дремлющій внизу.

И молившею толпой окружили героя старинныя богини, — упали они предъ нимъ на колѣна, яркимъ свѣ-

томъ небесныхъ звѣздъ горѣвшія очи свои однимъ общимъ даромъ всѣ онѣ обратили къ нему и замолились съ злобнымъ, безпощаднымъ плачемъ:

— Убей его, убей! Онъ сказалъ сейчасъ: такихъ срамницъ бабъ, какими мы будто бы были, по ихнимъ мѣстамъ и не найдешь теперича! Развѣ мы не знаемъ, какія бабы-то у нихъ?...

— А бабы у нихъ извѣстно какія...шепнулъ изъ-за куста козлоногій сатиръ.—Бабы у нихъ главнымъ образомъ насчетъ Суконныхъ бань...

— К-ка-а-къ? Суконныхъ бань? неистово взревѣлъ голосъ, который слышенъ былъ выпившему швейцару.— Ты р-р-ра-ази мою жену въ Суконныхъ баняхъ з-застал ъ?...

—Засталъ! утвердительно отвѣтилъ сатиръ, скрываясь въ кустъ, не забывши однако же подмигнуть своими косыми глазами и брыкнуть косолапыми ногами.

— Вр-р-решь, под-длецъ! Я на тебя въ часть завтра. Пять золотыхъ и голову сахару Иванъ Ѳомичу снесу.

— Ну, и неси! послышалось насмѣшливое слово изъ тайной чащи дѣвственнаго лѣса древней Эллады.

— И отнесу! А теперь вотъ тебѣ, подлецъ! Тьфу! Прямо вотъ въ рожу тебѣ, козелъ ты эдакой, чор-р-ртъ, получай....

— Ахъ, Лука Петровичъ! Зачѣмъ же это вы завсегда, какъ придете къ намъ, на картинки плюетесь? сказалъ Лукѣ Петровичу внезапно соскочившій съ верху лакей.— Да еще и пальчикомъ изволите размазывать. Это нехорошо-съ,—хозяинъ за это взыскиваютъ.

— Мол-лчи, чортовъ сынъ! Дома хозяинъ?

— Дома-съ, — пожалуйте-съ.

— Сымай шубу, а разговоровъ со мной не разговаривать. Терпѣть не люблю!

— Вотъ чортъ-то! подивился лакей втихомолку, когда Лука Петровичъ ввалился въ залу.—Вѣдь вотъ и богатый купецъ, а не пьянымъ его ни разу не видалъ. Прикащикъ у нихъ живетъ, сѣдой весь, какъ лѣшій, а и тотъ говоритъ, что какъ онъ, послѣ смерти родителя, запилъ на пятнадцатомъ году, такъ ни разу и не проснулся. Вотъ какой чортъ-народъ по бѣлому свѣту расхаживаетъ. Даже чудно, ей-Богу!...

IV.

Наконецъ всѣ, кого ждалъ Переметчиковъ, собрались въ его великолѣпномъ графскомъ домѣ. Честнаго народа сошлось много, и бесѣда, слѣдовательно, завязалась не кое-какая, а все, какъ говорится, и по писанію, и изъ-подъ политики.

Крестились всѣ сначала страсть какъ, когда всенощное бдѣніе шло. Протяжные, умиленные вздохи молившихся время отъ времени перебивалъ тихенькій шепотъ про новаго дьякона, голосъ котораго, такъ сказать, передвигалъ съ мѣста на мѣсто колонны зала и спугивалъ засѣвшую на углахъ потолка паутину. Тихо сползывали съ верха ея сѣродымчатыя, лѣнивыя волны и, встрѣтивши на дорогѣ здоровое и жаркое людское дыханье, онѣ совсѣмъ неподвижно останавливались

въ воздухѣ, какъ бы раздумывая, на чью бы это имъ лучше голову сѣсть, чьи волоса, опутанные ихъ досаждающимъ вѣнцомъ, съ большимъ негодованіемъ встряхнутся на узкомъ лбѣ и потомъ, упавши на широкій носъ и толстыя губы, заставятъ эти губы съ большимъ остервенѣніемъ вскрикнуть:

— О, штобъ тебѣ! Вотъ искушенье, сейчасъ умереть! Чуть было не ругнулся я.

— Каковъ голосокъ? тихо шепталъ кто-то за колонной.—Органистый голосокъ!

— Да-съ, ничего! отвѣчалъ другой шепотъ.—Пріобрѣли украшеніе. Крестовоздвиженскіе прихожане къ себѣ ужь переманивали, да нѣтъ, не пошелъ. Я, говоритъ, и здѣсь взысканъ....

— Гмъ! Это хорошо! Значитъ, хорошій онъ человѣкъ! Безъ фанаберіи, значитъ, человѣкъ. Ну, да будетъ: не перебивай ты меня разговорами, дай помолиться-то...

Наконецъ тройное заключительное: Господи помилуй раскатисто заключило службу. Вмѣстѣ съ легкокрылыми ангелами, неизмѣнно присутствующими на молитвахъ, улетѣлъ въ небо звонкій дишкантъ, замерли тенора и подъ конечное гудѣнье грозной октавы, долго еще плававшей по залѣ вмѣстѣ съ благовонными волнами ладана, суетливо тронулся, доселѣ смирно стоявшій, людъ, заговорилъ, зашаркалъ....

Батюшка, съ сверкающимъ крестомъ въ рукахъ, поздравлялъ хозяина съ благодатью. Хозяинъ кланялся и на тихую рѣчь батюшки громкимъ и крайне безнадежнымъ голосомъ кричалъ:

— Ахъ, батюшка! Надежда моя одна на Всевидящее Око и на васъ! Іовъ я въ жизни моей, какъ есть Іовъ. Превзыдоша главу мою.... но я не ропщу, я знаю, я умѣю, я всегда готовъ.... Живу только молитвой, бесѣдой, добродѣтелью.... О, Боже!... Милости прошу садиться.

Въ углу хозяйскій сынъ и какой-то сѣдой купецъ, въ длинномъ сюртукѣ, въ дутыхъ козловыхъ сапогахъ, оба страшные охотники до церковнаго пѣнія, дружески разговаривали съ регентомъ, вокругъ котораго толпились серьезныя лица басовъ, красавцы тенора и хорошенькіе альты и дишканты.

— Вотъ какъ я вамъ скажу, господа, говорилъ регентъ.—Ежели вы мнѣ сейчасъ сторублевую въ руки, такъ наплюйте мнѣ въ лицо, ежели я въ слѣдующее воскресенье не представлю вамъ этого Вавилу Петрова. Я уже съ нимъ говорилъ. «Будьте спокойны, говоритъ,— я, говоритъ, съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ». Вотъ, господа, прямо скажу: ужь разуважили бы васъ тогда, потому баса такого и на заказъ не сдѣлаешь. Въ Тулѣ онъ однажды апостола читалъ: какъ разъ около него предводительская дочь стояла—дѣвица. «Велъ, велъ я, говоритъ, все, говоритъ, ровно веду: ни внизъ, ни вверхъ, а самъ думаю: постой, молъ, погляжу я, какая ты на расправу; да какъ, говоритъ, полысну съ маху, какъ, этта, гр-р-ромыхну,—барышня моя цопъ на полъ. Словно бы ее пулей прострѣлило! Три дня послѣ, сказываютъ, летаргіей одержима была! Ей-Богу!»

— Три дни! Тссъ! прошепталъ купецъ, медленно помахивая сѣдой, подстриженной въ скобку, головой.

— Л-ллетаргіей! Вонъ онъ какъ ее чесанулъ! какимъ-то всхлипывающимъ голосомъ восторгался хозяйскій сынъ, жмуря глаза и потирая руки.

— Гдѣ же тутъ противъ насъ устоять Крестовоздвиженскимъ, когда мы эдакое сокровище къ себѣ притянемъ! продолжалъ регентъ.—Да еще онъ что говорилъ: «я, говоритъ, г. регентъ, когда въ Тулѣ былъ, такъ хоша у меня и былъ верха, но не такой, какимъ, говоритъ, теперича я снабженъ». Вѣдь онъ изъ усманскихъ мѣщанъ, такъ когда это онъ чувства свои примется выражать—потѣха! «Гущины, сказываетъ, такой не имѣлъ, потому пилъ въ тѣ времена самую малость». Ну, и скажу вамъ, при этомъ регентъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ, — и пріобрѣлъ же онъ въ этой Москвѣ гущину, потому для всякаго интересно послушать, какъ это онъ, словно буря, голосомъ своимъ деревья ломаетъ....

— Это точно, что въ дѣйствительности не человѣческому органу подобенъ, а какъ бы дубравѣ какой дремучей, подтвердилъ регентовы слова нѣкто мрачный, чье лицо сплошь все поросло густыми черными волосами.

— Неужто страшнѣе тебя съ виду? замирая освѣдомился хозяйскій сынъ.

— Страшнѣй-съ, можетъ, въ двадцать пять разъ, самоотверженно отвѣтилъ нѣкто.

— И неужели, голубчикъ, въ свою очередь переспросилъ сѣдой купецъ, вдохновенно поднимая голову,— и н-неуж-жели, голуб-б-чикъ, ежели, къ примѣру, свесть тебя съ Вавилой Петровымъ, для того, т. е., чтобы потягаться,—неужели ты ему преферансъ отдашь?

— Отдамъ-съ! лаконически отвѣтилъ мрачный.—Мнѣ съ нимъ не совладать-съ, какъ по голосу, такъ и по силѣ, ни за что не совладать-съ. Въ Шустровомъ трактирѣ—на Пречистенкѣ изволите знать-съ?—сразились это мы въ билліардной тянуться: схватимся за кій—разъ! Въ двухъ, а то въ трехъ мѣстахъ въ ту же секунду изломленье давалъ. Бревешко такое намъ гладенькое принесли, потолще вотъ, пожалуй, моей руки будетъ, то вытерпѣло, одначе Вавилъ меня, какъ перо, махнулъ.

— Боже ты мой! подивился старый купецъ, а хозяйскій сынъ отнесся къ регенту такимъ образомъ, попрежнему замирая и всхлипывая:

— Вы, ради Создателя, не уходите подольше. Какъ тятенька засядутъ въ горку, сейчасъ я къ нимъ въ кабинетъ. Только чтобы въ надеждѣ было, чтобы безпремѣнно Вавила Петровъ у насъ въ хору былъ.

— Будьте благонадежны-съ! завѣрялъ регентъ съ большимъ умиленіемъ.—Помня ваши и тятеньки вашего благодѣянія, я теперь такія дѣла для Господней церкви обдѣлываю, такія дѣла бѣдовыя! Ну, да помолчу до поры до времени, тамъ увидимъ, па-а-смотримъ послѣ.

— Ш-што, што такое? съ усилившимися судорогами пристали къ дѣльцу ретивыя души.—Ради Бога скажите, что такое еще?

— Вамъ только однимъ говорю, такъ и быть! Смотрите же: никому ни гу-гу! Отъ Сургучова дискантикъ-то этотъ, Сашка-то Милушкинъ, къ намъ переходитъ... Проговорившi эти слова, регентъ отставилъ правую ногу и весело захохоталъ.

— Ш-што ты? растягивали купцы, тоже заливаясь самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Ей-Богу! Отъ Криволапина обоихъ альтовъ скупилъ, тенора...

— Б-ба-а-тюшки! Святители! Вотъ шельма-то! Вотъ онъ гдѣ езуитъ-то. Ахъ ты езуитъ-чортъ!

— А тутъ еще теноръ изъ Питера отъ самого Шереметьева подвернулся. Проѣздомъ ѣхалъ, ей-Богу! Услыхалъ я,—сейчасъ въ гостинницу къ нему. Выпили; и я его, можно сказать, съ одного маху объѣхалъ.

— Объѣхалъ?

— Объѣхалъ. Ну, ужь за то и сто́итъ же онъ мнѣ коку съ сокомъ. Хочу, господа, вспоможенья просить, потому одинъ, пожалуй, не выдержишь, лопнешь. Ей-Богу! Сами вы видите, какъ я хлопочу для васъ...

Между тѣмъ старшая хозяйская дочь, усѣвшись на диванчикъ, къ сторонкѣ, чтобы никто не мѣшалъ, вела въ свою очередь не менѣе интересный разговоръ съ выслужившимся изъ бурбоновъ майоромъ Бѣлкопытовымъ, котораго самъ Переметчиковъ, на своемъ языкѣ, звалъ всегда воеводой.

— Майоръ! шептала Саша, устремляя на него серьезные, черные глазки.—Вы клянетесь?

— Клянусь, такъ же серьезно отвѣчалъ майоръ, бренча на гитарѣ:

„Сс-своихъ съ побѣдой пр-роздравляю,
„Сс-себя съ отор-рванной рукой“.

— Милый мой! шептала Саша, и тутъ ужь въ глазахъ ея, вмѣсто прежней серьезности, засвѣтился ка-

кой-то другой огонь, гораздо лучше освѣтившій ея красивое, страстное личико.

— Моя богиня! снѣжничалъ майоръ и, закрывшись гитарой, приложилъ свои вѣчно-шевелившіеся и потому какъ бы живые усы къ дѣвственной щечкѣ.

Зардѣлась дѣвушка, какъ спѣлая вишня, послѣ этого прикосновенія, — замлѣла она отъ него, какъ молодая березка въ жаркій лѣтній полдень. Смотрѣла тогда стыдливая купеческая дочь во всѣ свои широкіе глаза на шумную залу, стараясь показать шумной залѣ, что ничего особеннаго съ ней—съ красной дѣвицей—въ эту секунду не было и ничего не видѣла; пристально вслушивалась она чуткимъ, дѣвичьимъ ухомъ, не говорятъ ли чего про нее въ той залѣ—и ничего не слышала... Сладкій угаръ какой-то въ головѣ у ней волновался, а сердце такъ-то билось, такъ-то ли билось сильно!..

А младшая сестра, давно ревниво слѣдившая за счастливой, гнѣвно прошла въ это время мимо нея и, сердито шумя дорогимъ шелковымъ платьемъ, шепнула:

— А? Ты у меня и этого отнимаешь? Вѣдь онъ въ меня сначала влюбился... Вотъ, ей-Богу, про все маменькѣ разскажу.

— Да, пожалуй, сказывай! не сестрѣ, а скорѣе самой себѣ отвѣтила дѣвушка, потому что жаркій языкъ ея не могъ тогда говорить другихъ рѣчей, кромѣ какъ: милый мой! Счастье мое! Возьми ты поскорѣе красу мою дѣвичью! Вѣдь вянетъ она здѣсь, вѣдь она здѣсь понапрасну, словно цвѣтъ въ глухой степи, сохнетъ...

Но всѣхъ рельефнѣе была группа, сидѣвшая вмѣстѣ съ хозяиномъ. Жирные выбритые затылки, окладистыя

бороды, пугающія своей суровой волосатостью, просторныя поддевки и новомодные пиджаки—все это, въ то время, когда втихомолку разыгрывались описанныя сейчасъ сценки задняго плана,—все это, говорю, уже успѣло разгорѣться въ пріятельской бесѣдѣ, и вслѣдствіе этого горланило, какъ неудержная буря, когда она летитъ, сломя голову, сама не зная куда, и метъ на дорогѣ все, что ей попадется, не разбирая дурнаго отъ хорошаго.

— Домъ мой сталъ домомъ печали и палата моя—палатою скорби... визгливымъ теноромъ вскрикивалъ самъ хозяинъ, щедушный, маленькій старичишка, съ подслѣпыми глазками, постоянно точившими слезы.

— Будетъ, будетъ тебѣ, Абрамъ Сидорычъ! Перестань: авось Богъ милостивъ.

— Аѳоня! дружески подзывалъ къ себѣ одинъ пиджакъ расфранченнаго лакея,—поди-ка сюда: видишь ли, милый человѣкъ? Хозяинъ твой въ уныніи,—пищи, можетъ, лишился; а ты за порядками какъ смотришь? Что это у васъ наставлено все шенпанское, да шенпанское? Это, братецъ, нехорошо. Я вонъ въ Питерѣ былъ, такъ тамъ шенпанскаго этого у купцовъ и въ ротъ не берутъ, потому, говорятъ, нынѣ про него всякая голь узнала, а подаютъ венгерское. Я у себя уже давно завелъ такой порядокъ: какъ же это ты, братецъ, не зналъ до сихъ поръ? Сичасъ чтобы было венгерское, а то я хозяина твоего—околѣть на мѣстѣ!—подлецомъ изругаю. Ты видишь вѣдь, онъ въ уныніи!

— Возрыкали на меня несчастья, какъ скимны, но я не ропщу!... продолжалъ хозяинъ, не слушая прія-

тельскихъ утѣшеній.—Яко главу кедра ливанскаго, сокрушилъ меня громъ гнѣва Господняго! Д-да!

— Эдакой вѣдь человѣкъ начитанный! удивлялись пріятели. — И откуда онъ только такія слова подбираетъ?...

— Ты разскажи намъ, упрашивали другіе, — какъ намъ тебя понимать?

— Я разскажу, въ совершенномъ отчаяніи соглашался хозяинъ;—но вамъ того не понять, потому кто пойметъ мои чувства? Но все-таки я вамъ разскажу, ибо вы ближніе мои, друзи мои... Точ-чно, я давно запилъ, признаюсь, потому чувствовалъ, что идетъ онъ приближается, яко тать въ нощи! Я иду по стогнамъ града, я сижу въ храминѣ своей, на колесницѣ ли ѣду, а въ уши мнѣ все шептанія, все шептанія: «я взыщу тебя, друже! я искушу тебя, рабе!» И понимаете ли вы, насчетъ чего этотъ шепотъ былъ?—Все насчетъ раззоренья... Воз-з-звелъ я тогда къ небу очи мои, простеръ руки и говорю: даде и отъя. Твоя, говорю, отъ Твоихъ! Д-да! Такъ я и сказалъ, потому сами вы знаете, какъ я въ горестяхъ моихъ завсегда шелъ и по писанію, и по добродѣтели...

— Что говорить! перебило хозяйскую рѣчь нестройное и недружное жужжанье гостей. — Слава Богу! Не въ первый разъ хлѣбъ-соль другъ у друга ѣдимъ.

— Вѣрны слова ваши! одобрилъ хозяинъ.—Только я все не робѣлъ, все молчалъ. Думаю, что будетъ дальше. Только, что ни день, то хуже, потому не даетъ спокоя, безъ отхода шепотъ этотъ мнѣ въ уши сквозитъ: «пришелъ, говоритъ, твой часъ...» Твори, сказалъ

я, волю свою, и заперся въ горницѣ своей и вознедуговалъ... Пью вотъ ужь, можетъ, недѣли съ три, не слажу никакъ съ сердцемъ своимъ, потому слабо сердце-то, боится оно скорбнаго часа.

— Такъ! согласились гости.—Извѣстно, сердце—сосудъ... скудѣленъ...

— Теперича сны... Боже! покоя не знаю отъ нихъ, вотъ уже который день. Полчища эти съ ристаніемъ, на тройкахъ, съ колокольцами, съ бубенчиками, въѣдутъ на дворъ мой (все вѣдь это я изъ окна вьявь вижу) и добро мое на тѣ тройки наваливаютъ и долой свозятъ. Пляшутъ, свистятъ, буйствуютъ и надо мною со двора гнусно смѣются. Все смѣется надо мной, весь обозъ: и телѣги, и лошади, и колокольцы...

— А это, полагать надо, не отъ статуевъ ли отъ этихъ, что у тебя по лѣстницѣ разстановлены? боязливо и съ большимъ сомнѣніемъ предположилъ было кто-то, но это предположеніе было сразу перебито всѣмъ обществомъ, живо заинтересованнымъ снами Переметчикова.

— Какія тутъ статуи? энергично вступился одинъ изъ предсѣдавшихъ.—Съ тятенькой съ нашимъ точь-въ-точь такая же исторія не однажды случалась, да вѣдь у насъ въ домѣ ни одной ихъ и въ поминѣ никогда не бывало.

— Нѣтъ-съ, это не отъ статуевъ! самоувѣренно и громко сказалъ одинъ сѣденькій, поджарый старичокъ-чиновникъ изъ духовнаго званія.—Это я доподлинно могу доказать, что не отъ нихъ! прибавилъ онъ съ твердымъ убѣжденіемъ знатока, понимающаго въ самой тон-

кости всю суть дѣла, причемъ, посмѣиваясь, плутовато выпятилъ впередъ нижнюю губу и ждалъ продолженія разсказа, какъ бы заранѣе зная, что разскажутъ ему.

— Ну-съ, что же дальше-съ? любопытно настаивалъ старичокъ, секретно похихикивая въ огромный желтый фуляръ.

— Да что же дальше? спрашивалъ хозяинъ, досадуя, что на горе его хихикаютъ.—Рази тебѣ этого мало? Другъ твой въ несчастьи, глава его аки быліе...

— Мы это понимаемъ-съ! А что же дальше-съ? упрямился старичокъ и хихикалъ уже вслухъ, не закрываясь фуляромъ.

Дѣло начинало уже принимать серьезный оборотъ. Гости ощущали въ себѣ нѣкоторое смущеніе, потому что справедливо полагали, что если старичокъ-чиновникъ продолжитъ еще свои вопросы и смѣхи, то имъ придется разнимать здоровую драку; но старичокъ предупредилъ сіе обстоятельство, какъ всегда самъ онъ выражался, когда писалъ купцамъ различныя прошенія, справки, явки и т. п.

— Находятъ и налетаютъ въ комнату вашу, началъ старикъ пророчески,—сонмы чудищъ разныхъ, двухголовыхъ, трехголовыхъ и болѣе. Такъ-съ?

— Такъ! подтвердилъ хозяинъ, удивляясь, почему это и какъ именно сѣдой чиновникъ извѣстился объ этомъ.

— И имѣютъ тѣ чудища—иныя обликъ человѣческій, а туловища звѣрины, а иныя—туловища звѣрины, а обликъ человѣческій. Хвостами и копытами снабжены и, прочія на себя несвойственныя естества принимая, во

ужасъ человѣка приводятъ, отнимаютъ у него разсудокъ и память, а такожде порою ударяя въ бубны и другіе нструменты, порою же голосами буйствуя, въ уши тому человѣку нѣкія словеса впущаютъ, кои слышны ему, другимъ же не слышны. Такъ-съ?

— Такъ! все больше и больше удивлялся Переметчиковъ.—Да почему же ты узналъ объ этомъ?

Но не отвѣтилъ старикъ на этотъ важный вопросъ и продолжалъ:

— Помаваютъ чудища крыльями и руками, подкивываютъ очами, языками дразнятъ, пальцы съ желѣзными когтями на носы свои наставляютъ и, бѣснуясь и прыгая туду и сюду, какъ бы плясавицы или козлы молодые, стонутъ гласами, трубамъ воинскимъ подобными: дай, дай! Отдай намъ душу свою... Такъ-съ?

И гости, и хозяинъ—всѣ въ одинъ голосъ пристали къ старику, сдѣлавшемуся необыкновенно важнымъ во время своего повѣствованія.

— Какъ же ты все это отгадалъ?

— Что же это знаменуетъ такое?

— А ничего не знаменуетъ: это она проситъ...

— Кто проситъ? Чего проситъ?

— А проситъ, Абрамъ Сидорычъ, твоя собственная душа, чтобы ты ей спокой далъ. Вотъ что! Встосковалась она по добрымъ дѣламъ,—жутко пришлось ей безъ нихъ.... Тутъ, не бойсь, всякій запроситъ, какъ *они* тебѣ гурьбами каждую минуту отъявляться почнутъ... Такъ-тось!

— Что же мнѣ дѣлать теперь? вскрикнулъ сильно перетрусившій Абрамъ Сидоровичъ.

— Какъ, что дѣлать? спросилъ старичокъ, снова при-

нимаясь улыбаться съ видомъ человѣка, показавшаго еще не всѣ фокусы.

— Да ты, Бога ради, не смѣйся, молилъ его Переметчиковъ.—Скажи поскорѣе, ежели знаешь.

— Знаю-съ и скажу-съ... Былъ тебѣ шепотъ, Абрамъ Сидорычъ, что, дескать, я тебя взыщу, рабе! И понялъ ты этотъ шепотъ, что яко бы тебѣ это къ раззоренью. Что же ты теперича должонъ дѣлать?

— Н-ну-съ?

— Призри въ дому своемъ брата нѣкоего, странствующа или юродствующа!... торжественно договорилъ старикъ свой совѣтъ.—Не для прибытковъ твоихъ, т. е. не для ради какого-либо дѣла работнаго, а любви ради дружней. Такъ-то! Ты богатъ,—возьми же къ себѣ самаго что ни-на-есть несчастнаго и спокой его. Завтра же—знаешь, небойсь?—крестный ходъ будетъ, такъ вѣдь они туда—люди-то Божьи—со всей Москвы соберутся. Ищи—и обрящеши...

— Друже! завопилъ Переметчиковъ, обнимая сѣдого совѣтника,—ничего для тебя не пожалѣю теперича. Аѳоня! шенпанскаго!..

Расфранченный лакей живо прибѣжалъ къ хозяину и почтительно доложилъ ему слѣдующее:

— Сейчасъ господинъ Колѣнкинъ изволили мнѣ насчетъ венгерскаго приказать, потому какъ, бымши они въ Питерѣ, запримѣтили, что шенпанское изъ моды вышло...

— Вышло?

— Такъ точно-съ...

— Колѣнкинъ! вышло въ Питерѣ изъ моды шенпанское?

— Въ ротъ никто не беретъ, потому жретъ его нынѣ всякая голь, отвѣчалъ Колѣнкинъ.

— О!.. Ну, инъ такъ! Подай венгерскаго, да прихвати картишки,—мы въ трынку для скуки сыграемъ.

V.

То поднимаясь на высокіе холмы, то спускаясь съ нихъ въ широкія и грязныя площади, медленно валила за крестнымъ ходомъ громадная сила народная. Общее дыханье ея, долетавшее, казалось, до далекихъ небесъ, обманывало близорукій глазъ видимою крѣпостью груди, изъ которой вылетало оно, потому что главная нота въ этомъ громовомъ гулѣ толпы до смерти сокрушала чуткое ухо своей необыкновенной, медленно и мучительно убивавшею, печалью...

— За-а-ступ-ница усердная! вскрикивала маленькая, изнуренная бабенка, съ желтоватымъ, сморщеннымъ лицомъ, выдѣляясь изъ толпы на дорогу, по которой длинною цѣпью тянулись экипажи и парадировали жандармы. Высоко подняла она руку, чтобы перекреститься на высокую хоругвь.

— Эй! Куды подъ экипажи лѣзешь? предостерегъ ее бравый жандармъ, манерно потряхиваясь на лошади и побрякивая, вслѣдствіе этого, палашомъ.

— Ахъ, милые! Я и не знала... запугалась бабенка, какъ бы каменѣя на опасномъ мѣстѣ.

— Па-а-ди! Стар-ронись, баба! Эй, женщина, берегись! на разные лады выкрикивали бородастые кучера.

— Что же ты? Что же ты разсѣлась-то здѣсь? Задавятъ сейчасъ! говорилъ жандармъ, командирски помахивая на бабенку своей бѣлою перчаткой.

— Рада бы, рада-бъ я сейчасъ отсюда, кормилецъ, да не знаю, какъ. Трясутся у меня поджилки-то, ноги-то у меня не стоятъ. Испугалась я тебя.

— Ну-ну, Богъ съ тобой! Поднимайся,—я тебя не трону, проходи. Ахъ, какія эти бабы чудныя! подивился жандармъ, догоняя товарища.—Какъ онѣ насъ боятся! Не въ примѣръ пуще пѣхоты боятся.

— Какъ же имъ насъ не бояться? отвѣтилъ товарищъ.—Одно слово: лифантерія! Опять же ты то возьми въ разсчетъ: то человѣкъ на конѣ сидитъ въ тонкомъ платьи, при бѣлыхъ перчаткахъ, а то такъ человѣкъ—пѣшкомъ, въ сѣрой шинели. Что-жь его бояться-то?

— Вѣрно!

Изъ узкаго боковаго переулка выскочилъ вдругъ пожилой мастеровой въ синей чуйкѣ, съ длинною, черною бородой, съ унылымъ лицомъ, смотрѣвшимъ какъ-то вкось. Долго смотрѣлъ онъ на крестный ходъ, любопытно провожая его мутными глазами, потомъ вдругъ повалился въ ноги какой-то старушкѣ, вмѣстѣ съ другими пробиравшейся за процессіей, и съ обильно поливщимися слезами закричалъ ей:

— Бабушка! прости ты меня, Христа ради! Не взыщи ты съ меня, старъ человѣкъ! Для Бога не взыщи! Видишь вонъ, святые образа идутъ, священники, бабушка, изъ всѣхъ церквей даже собрались....

— Пусти-ко, пусти-ко ты меня поскорѣе, мастеров-

щина! испуганно отбивалась отъ него старушка.—Что, я тебя трогаю развѣ? Вишь, для праздника начесался!

— Бабушка! я ничего, я, ей-Богу, ничего! продолжалъ взывать мастеровой.—Я не начесался, а потому какъ я имѣю добрую душу, жалосливую, я и сказалъ хозяину: «что это ты, молъ, хозяинъ, въ праздникъ насъ работою трудишь? За это тебѣ на томъ свѣтѣ худо придется». Я ему изъ жалости сказалъ, а онъ въ морду.... За что? Нѣтъ, стой! Погодишь немного въ морду-то. Нонѣ за это строго...

Съ легкими смѣшками и надъ пріостановленною старухой и надъ мастеровымъ, провалила толпа дальше, а самъ виновникъ этихъ смѣшковъ тутъ же уткнулся подъ заборъ въ мокрую траву и бормоталъ:

— Я вѣдь ему изъ жалости.... Я вѣдь правду сказалъ, что грѣхъ, что праздникъ, молъ. Анъ оно по-моему и вышло: со всѣхъ церквей собрались, празднество большое, а онъ работать.... Нѣ-ѣ-тъ! Не очень-то тебя за это жаловать будутъ....

Въ то же время въ дорогой коляскѣ Переметчикова, слѣдовавшей за ходомъ, самымъ сладкимъ образомъ разговаривая между собой, сидѣли самъ Абрамъ Сидоровичъ Переметчиковъ и вчерашній старичокъ-чиновникъ.

— Я тебѣ, Абрамъ Сидорычъ, не все вчерашняго числа разсказалъ, поучалъ старичокъ,—потому при людяхъ неловко было. Старые люди совѣтуютъ, чтобы какъ можно меньше народа знало про такія дѣла. Посовѣтовалъ я тебѣ взять кого-нибудь на призрѣніе, только что же съ этого будетъ? Мало ли благодѣтелей, какіе на призрѣнье къ себѣ бѣдныхъ людей берутъ? Са-

мое главное въ нашемъ разѣ, чтобы какъ-нибудь намъ такъ исхитриться, чтобы никто не примѣтилъ и не догадался, какъ и за какимъ дѣломъ мы того человѣка брать будемъ. По-просту сказать ежели, безъ затѣй, такъ—какъ бы украсть надо. Да! Дѣйствительнѣе такъ-то. Въ старину такъ дѣлывали, потому вѣдь незаправское воровство,—значитъ, стыда тутъ нѣтъ никакого. Понялъ?

— Понялъ! утвердительно отвѣчалъ Переметчиковъ!

— Ну, хорошо! Теперь, ежели намъ Матушка-Царица небесная въ этомъ дѣлѣ поможетъ, умѣй ты такъ поступать съ несчастнымъ, чтобы беречься тебѣ отъ раззоренья его счастьемъ и благочестьемъ. Тутъ опять, сказываю я тебѣ, по старинѣ поступай: какъ молодцы пойдутъ въ лавку, такъ чтобъ они безпремѣнно съ собой убогаго человѣка прихватывали, для того, чтобъ онъ самымъ первымъ покупателемъ былъ. Примѣрно сказать, на гривенникъ ли, или же хоша на семитку, только чтобъ убогенькому прежде всѣхъ товару какого ни-на-есть отпустили. Вѣрь ты мнѣ: отбою не будетъ отъ покупателей.

— Ахъ, другъ ты мой великій! восклицалъ Переметчиковъ.—Чѣмъ я тебѣ за твои благодѣянія отплачу только?

— Благодарность что? Намъ не нужно ея, — намъ лишь бы хорошему человѣку хорошее сдѣлать. Ты вотъ теперь высматривай получше человѣка-то.

— Во всѣ глаза смотрю, окромя какъ пятеро молодцовъ приказъ отъ меня съ самаго утра получили, чтобы какъ только увидятъ что-нибудь подходящее, сейчасъ же мнѣ бы докладывали.

— Ну, это чудесно! похвалилъ приказный купеческую

предусмотрительность, затѣмъ онъ перекрестился и съ набожнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ вздохомъ, означающимъ приступъ къ самому дѣлу, окончательно отдалъ это дѣло во власть Божью, проговоривши: съ Богомъ!...

И было тутъ много людей, которые бросались въ неопытные глаза Абрама Сидоровича своимъ убожествомъ, ранами, желѣзными посохами, не человѣческими криками; но старичокъ упорно отвертывался отъ обыденнаго страданья и, на рекомендацію купца — взглянуть на ползающую по грязи старушку или на перекошеннаго параличомъ и безрукаго мужика, сердитымъ, наставительнымъ тономъ говорилъ:

— Не наша! Не нашъ!

Порою къ коляскѣ подбѣгали уставшіе, запотѣлые молодцы и въ-попыхахъ докладывали:

— Видѣлъ я, сударь Абрамъ Сидоровичъ, сичасъ парнечка одного,—ахъ, жалости подобенъ! Глухъ и нѣмъ отъ рожденья, язвины этта на емъ все тѣло покрыли,— смотрѣть страсть! Только, этта, улыбка у него по лицу безпрестанно ходитъ, и такая-то улыбка райская! Ахъ Ты, Господи, подумаешь, до какой святости человѣкъ дойдетъ!

— Кажи сюда! Приведи его къ намъ какъ бы за милостыней! командовалъ приказный.

— Такіе ли есть? Не нашъ и этотъ! говорилъ онъ, когда молодцы подводили, или даже подносили къ коляскѣ какого - нибудь парнечка, глухого и нѣмого отъ рожденья и кромѣ того съ язвинами на всемъ тѣлѣ.

Со всѣхъ, кажется, безчисленныхъ селъ и деревень,

какъ бы на какую выставку, собралось въ Москву русское горе и русскія лютыя болѣзни. Цѣлые сонмы прихожихъ бабъ-богомольщицъ, въ неописанныхъ рубищахъ, съ неизъяснимо-убитыми и, какъ у подстрѣленнаго зайца, испуганными лицами, спѣшили за ходомъ, втихомолку собирая копѣечки и грошики. Бабы московскія, нищія по ремеслу съ самаго малолѣтства, бойко шныряли въ толпѣ, привычнымъ глазомъ отыскивая людей, подающихъ по пятачку и по гривенничку. Какъ пчелы, въ этомъ нищенскомъ роѣ визгливо жужжали свои просящіе выкрики сборщики *«на церковно построенье»*, позванивая въ колокольчики, погромыхивая бѣлыми оловянными кружками, до краевъ наполненными мѣдными деньгами. Какими-то судорожно-поспѣшными шагами тамъ и сямъ мелькали неизвѣстные люди въ особенной, полудуховной одеждѣ, въ высокихъ, плисовыхъ, поношенныхъ шапочкахъ,—серьезные какіе-то люди, у которыхъ у всѣхъ до одного человѣка были почему-то необыкновенно-большіе, на выкатѣ, глаза, сердито и быстро обстрѣливавшіе толпу. Разслабленные и убогіе всякаго рода шли и ползли длинными вереницами; безногихъ и безрукихъ везли въ маленькихъ тележкахъ; а по угламъ улицъ и переулковъ, по которымъ плыло шествіе, по двое и по трое стояли еще люди, молчаливые, неподвижно стоявшіе, какъ говорится по стрункѣ, съ большими усами, съ какимъ-то строгимъ выраженіемъ въ глазахъ. Безмолвно, порою только едва примѣтно подергивая сѣдыми усами, смотрѣли они на публику, да и публика тоже не безъ любопытства смотрѣла

на ихъ деревяшки вмѣсто ногъ и на рукава, пристегнутые къ пуговицамъ вмѣсто рукъ.

— Гдѣ ты, братецъ, лишился ноги? спрашиваетъ какой-то чиновникъ въ скомканной и облѣзлой шляпѣ.

— Въ 48 году, сударь, ходили когда.... началъ было говорить человѣкъ тихимъ басомъ.

— А-а! восклицаетъ удовлетворенный чиновникъ и, не дослушавъ, убѣгаетъ. Усы на секунду пошевелились было, какъ бы недовольные чѣмъ—и только! По-прежнему осталась безмолвною и безстрастною позитура, въ которой всегда подобаетъ стоять храброму и неторопливому солдату....

Мимо всего этого равнодушно проѣхали наши искатели. Старичокъ продолжалъ налагать на эти, такъ долго не забываемыя, лица свои немилосердныя резолюціи: не нашъ! не нашъ! Наконецъ къ коляскѣ подбѣжалъ главный прикащикъ Переметчикова, изъ всѣхъ силъ старавшійся угодить хозяину.

— Ну, что? Нашли?

— Нашелъ, судырь! сіяя радостью, вскрикнулъ прикащикъ.—Ужь истинно, что благодать. Рта нѣтъ....

— Какъ нѣтъ? вмѣшался удивленный чиновникъ.— Неужто совсѣмъ нѣтъ?

— Такъ только, судырь, одно званье, что ротъ.... Вотъ увидите сами.

— Веди скорѣе, да не болтай тамъ! посовѣтовалъ опытный старикъ и затѣмъ, обратившись къ кучеру, далъ ему такого рода нотацію:

— Слышишь, Лука? Какъ только я скажу тебѣ: трогай,—валяй во всѣ лопатки. Дѣло не шуточное. Дер-

жись крѣпче, Абрамъ Сидорычъ! Господи благослови! сотворилъ наставникъ окончательную молитву, и въ это время не только кучеръ, или сѣдоки, а кажется самыя купеческія лошади затаили дыханіе.

Подъ конвоемъ Переметчиковскихъ молодцовъ, медленно подвигались къ нашимъ друзьямъ двѣ, очевидно, деревенскія бабы, но въ той нелѣпой, противъ воли заставляющей всякаго покатываться со смѣху, городской одеждѣ, въ которую мужики, а пуще бабы съ претензіями походить на господъ, облекаются тогда, когда имъ удается зашибить гдѣ-нибудь лишнюю копейку. На ихъ головахъ были полинялые ситцевые платки, на плечахъ, какъ говорятъ, *пальты*, брошенныя средней руки горничными или модистками, не получающими содержанія отъ *придмета*, на глазахъ слезы, на лицахъ благоговѣйное умиленіе. Онѣ, парадно подхвативши подъ руки, вели что-то такое, чему, при первомъ взглядѣ, нельзя было дать рѣшительно никакого названія. До такой степени не походило на человѣка существо, имѣвшее своимъ счастьемъ спасти богатѣйшаго московскаго купца отъ чудищъ, которыя такъ долго нашептывали ему страшную пѣсню про раззореніе.

Рта у приведеннаго существа дѣйствительно, какъ объявилъ главный прикащикъ, не оказалось, а было вмѣсто него какое-то небольшое красноватое отверстіе, освѣщенное постояннымъ свѣтомъ мертвой, безвыразительной улыбки. Съ головы на плечи и на спину, вмѣсто волосъ, спускался какой-то скучившійся, отвратительный войлокъ сизаго цвѣта. Красное, все въ швахъ и шрамахъ, лицо его было исковеркано и изорвано,

словно въ борьбѣ не то чтобы съ заклятымъ врагомъ, а съ дикимъ звѣремъ. Ноги, едва сдерживая тощее туловище, тряслись ежесекундно, а при ходьбѣ такъ странно хромали, что издали можно было подумать, что идетъ кто-то до того несчастливый, который на каждомъ шагу попадаетъ въ глубокія, скрытныя ямы, проворно вылѣзаетъ изъ нихъ и снова падаетъ.

— Вотъ, судырь, извольте взглянуть! самодовольно рекомендовалъ прикащикъ Переметчикову свою находку.

— Батюшки! Гос-спо-ода, бояре честные! сотворите свою святую милостыню убогому сиротинкѣ... запѣли вожачихи протяжными и плаксивыми голосами.

— По-истинѣ такого страдальца найти нигдѣ не возможно, продолжалъ прикащикъ.—За то, сказываютъ, и взысканъ же онъ... Однажды, вотъ онѣ говорятъ, воспророчествовалъ даже....

— Хо, ххо, ххо-о! Не то засмѣялся, не то заплакалъ несчастный, причемъ его всегдашняя улыбка не слетѣла съ его ни чуть не измѣнившагося лица.— Ххо, ххо, ххо! продолжалъ онъ, протягивая обѣ руки къ купцу и его пріятелю.

— Вотъ отъ него только и словъ слышимъ! сокрушенно доложили вожачихи.

— Ничего больше не говоритъ? въ какой-то тихой задумчивости полюбопытствовалъ Переметчиковъ.

— Ни словечушка.

Старичокъ-приказный выразительно моргнулъ въ это время молодцамъ, тѣ схватили юродиваго подъ руки и мигомъ посадили въ коляску.

— Пошелъ! закричалъ воротила всему дѣлу, и Лука

рѣзко щелкнулъ возжами по спинамъ породистыхъ рысаковъ.

— Держи, держи! раздались за коляской крики бабъ, потерявшихъ вмѣстѣ съ своимъ питомцемъ всѣ возможности одѣваться въ *пальты* и ходить въ кабакъ, когда вздумается.

— Держи, держи! заревѣла толпа, бросаясь куда-то съ обольстительными надеждами поймать жулика и исколотить его до полусмерти.

— Ахъ дьяволы! Ахъ черти! орали бабенки. — Эти купцы-черти всегда такъ-то для счастья у насъ блаженныхъ воруютъ. Чѣмъ только мы, горемычныя, кормиться будемъ теперича? Ахъ, идолы толстомясые! Еще-ль мало у нихъ деньжищевъ эфтихъ идольскихъ!...

— Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ! согласно взывали, подъ грохотъ экипажа, Переметчиковъ и старый приказный, а убогій смотрѣлъ на нихъ своимъ мертвымъ, освѣщеннымъ безуміемъ лицомъ и кричалъ:

— Хо, ххо, ххо-о!

VI.

Сталъ нашъ Абрамъ Сидоровичъ послѣ описаннаго случая жить, поживать, да, какъ въ сказкѣ разсказывается, добра наживать. Покупатели толпой наваливались на его лавки: шла въ нихъ неугомонная, безпрестанная толкотня и, пожалуй, даже такая толкотня, за которой, по пословицѣ, не угоняешься. Самому паскудному парнишкѣ ничего не стоило выхватить изъ лавочныхъ кассъ зеленую бумагу и, сообразуясь съ темпераментомъ,

или спрятать зашибенную копѣечку про черный день, или задать ею тону въ горячемъ трактирѣ.

Чудищъ, нѣкогда пугавшихъ Переметчикова, какъ не бывало. Сталъ купецъ еще болѣе блаженъ и благословенъ, чѣмъ былъ прежде; разсказы благопріятелямъ про святостъ, которую онъ, по словамъ его, хранилъ въ палатахъ дома своего, сдѣлались и шумнѣе и, такъ сказать, воззвательнѣе....

— Воистинну, покрикивалъ онъ уже не въ безобразномъ запоѣ, а такъ только, пьяненькій малость,— воистинну, объялъ меня свѣтъ и увидѣли очи мои согрѣшенья мои.... О Б-б-о-оже! Ребята! приведите Гаврилу.

И ребята приводили Гаврилу, и Гаврило, поскакивая по гладкому паркету залы, какъ по глубокимъ ямамъ, разбивалъ эту мрачную тишину, воцарявшуюся всегда при его появленіи, своимъ обыкновеннымъ крикомъ:

— Хо, ххо, ххо!

Находились любители и знатоки, умѣвшие понимать Гаврилины рѣчи и подслушивать въ нихъ самое малѣйшее уклоненіе отъ всегдашнихъ возгласовъ. И однимъ утромъ истолковывали эти любители и знатоки Гаврилино: хо, ххо,—такъ, что это значило: хорошо, хозяинъ, хорошо; а другимъ утромъ въ этихъ же самыхъ изреченіяхъ они подмѣчали, что юродивый говоритъ: худо, хозяинъ, охъ худо! И береглись тогда всѣ въ домѣ, начиная съ хозяина и кончая лихимъ подкучеромъ, такимъ мастеромъ сочинять новые стишочки.

Долго такимъ образомъ тянулось это благоденствіе и протянулось бы оно на вѣки вѣчные, ежели бы не суще-

ствовало пословицы, говорящей къ великому людскому сокрушенью: нѣтъ ничего вѣчнаго на землѣ, о людіе!

Однажды АбрамъСидоровичъ услышалъ въ своей передней большой шумъ. Ему послышалось, что въ ней происходила рукопашная,—вслѣдствіе этого, воскипѣвши своимъ праведнымъ, хозяйскимъ гнѣвомъ, онъ сердито вскрикнулъ:

— Аѳонька! что это у тебя въ передней за возня такая? Уши всѣ, шельмамъ, оболтаю пойду.

— Да вотъ, сударь, заговорилъ Аѳонька изъ-за притворенныхъ дверей,—неизвѣстный человѣкъ какой-то безпремѣнно васъ видѣть хочетъ. Говоритъ: двери всѣ расшибу, а ужь дойду до хозяина, потому, говоритъ, важное дѣло.

Вслѣдъ затѣмъ двери, ведущія изъ передней въ залъ, съ шумомъ распахнулись и гнѣвно-изумленнымъ очамъ Переметчикова предсталъ нѣкоторый молодецъ, высокаго роста, въ длинномъ нанковомъ сюртукѣ, перетянутомъ черкесскимъ, съ серебрянымъ наборомъ, ремнемъ и, въ добавокъ, съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ.

— Ты что за человѣкъ? сердито спросилъ его Переметчиковъ.

— А я — липецкій мѣщанинъ, Кондратъ Добыча, отрекомендовался молодецъ, встряхивая вразъ и густыми волосами и золотою серьгой.—Къ вашей милости по дѣльцу пришли.

— Ахъ ты такой-сякой! закричалъ на Добычу купецъ.—Да я тебя, шельма, въ часть сейчасъ отправить велю. Какъ ты смѣешь драться въ моемъ дому—а?

— А намъ не только-что въ часть, беззаботно от-

вѣтилъ Кондратъ,—а, примѣрно, ежели въ острогъ, или на каторгу, такъ намъ все единственно, потому рази тамъ люди не живутъ?... Сами вы, ваше степенство, извольте разсудить!

— Что-жь тебѣ надо?

— А надо мнѣ, какъ передъ истиннымъ Создателемъ моимъ говорю, такъ и передъ вами,—надо мнѣ этого Ветчинникова въ таръ-тарары упечь—вотъ что мнѣ надо! И въ этомъ я вамъ помощь большую могу оказать, потому хоша онъ и говоритъ, что кучеръ его первый силачъ въ Москвѣ, только рази онъ противъ меня можетъ сустоять?

— Да ты объ чемъ разговариваешь-то?

— Все объ томъ же: безъ меня Ветчинниковъ васъ совсѣмъ задолѣетъ, потому кучеръ у нихъ точно что гора-человѣкъ...

— Да за что же мнѣ съ Ветчинниковымъ ссориться, голова?

— Какъ за что, судырь—ваше степенство? спросилъ Добыча въ большомъ изумленіи.—Рази я вамъ не говорилъ? Вѣдь Ветчинниковы безпремѣнно рѣшились нынѣшнимъ мѣсяцемъ украсть у васъ отца-Гаврилу (Слава юродиваго разпеслась уже такъ далеко, что многіе звали его не иначе, какъ отцомъ-Гаврилой).

— Какъ? завопилъ Переметчиковъ,—отца-Гаврилу? Бо-оже! Что же это такое?

— Такъ точно-съ, потому зависть... Бѣдняютъ они очень... Они было себѣ, доложу я вамъ, тоже подцарапали мать-Христинью, но нѣтъ, все плохо! Души-то у нихъ очень ужь того... иродскія...

— Почемъ же ты знаешь объ этомъ? тревожно спрашивалъ Абрамъ Сидоровичъ.—Какъ ты намѣренья ихъ отгадалъ воровскія?

— А какъ они, эти самые Ветчинниковы, зная мою силу и ловкость, призвали меня къ себѣ и говорятъ: такъ и такъ, Добыча! Зная мы твою силу и ловкость, приказываемъ одному тебѣ всей этой командой заправлять. Ты, говорятъ, у насъ одинъ въ отвѣтѣ за все, про все будешь... То-есть понимаете? Насчетъ этой кражи-то у васъ они мнѣ наказъ даютъ—а? Я имъ въ ту-жь пору отвѣтъ сталъ держать: это, молъ, я могу, потому и въ ратникахъ когда былъ, такъ дѣвокъ, или бабъ для господъ-офицеровъ воровывалъ. «Что съ насъ возьмешь? Наше дѣло мѣщанское, работное...» Только, говорю, господа, за эдакое прокуратство пожалуйте мнѣ сто на серебро, и опять же—деньги сейчасъ на-лицо. Потому, сами вы разсудите, ваше степенство, ежели бы меня за эти дѣла стегать принялись, что-бъ я безъ денегъ-то дѣлать сталъ?... Ну-ка?

— Такъ, такъ, согласился сильно озабоченный Переметчиковъ.—Это ты вѣрно...

— Истинно, что вѣрно, ваше степенство! А Ветчинниковы на такія мои слова что же сказали? Такъ это удивительно даже, однова дыхнуть! Сказали мнѣ Ветчинниковы: «ахъ ты, говорятъ, шаромыга! Да самъ-то ты и съ потрохами съ твоими стоишь ли сотню рублевъ? Да у насъ, говорятъ, кучеръ Исай одинъ васъ такихъ-то троихъ за поясъ заткнетъ. Вѣдь мы тебѣ за тѣмъ и велѣли придти, чтобы дать тебѣ, гольтяпѣ, какой ни-на-есть хлѣба кусокъ». Ладно, думаю про себя,

ладно Покажу я вамъ Кузькину мать. Потому зачѣмъ же они врутъ? Зачѣмъ они тѣмъ враньемъ человѣка обижаютъ напрасно? Да рази я ихъ кучера-то этого хваленаго не разутѣшивалъ? Слава Богу! Я ему, ваше степенство, въ полпивной однажды, вотъ тутъ у Серпуховскихъ воротъ, сейчасъ умереть—не вру, кэ-экъ дамъ въ башку, такъ онъ съ часъ сидѣлъ, словно бы обалдѣлый какой. Точно что, признаюсь, дербанулъ я его внезапу, сзади зашодчи. Все же, однако, рази его можно за это похвалить?

— Такъ, такъ, ободрялъ Переметчиковъ.—Кому много дано, съ того и взыщется много.

— Вѣрно! Только я все же, продолжалъ Добыча,—не далъ обидѣ моей верха надъ собою взять и говорю Ветчинниковымъ: прикажите, молъ, намъ съ вашимъ Исаемъ силу попробовать: борьбой ли, или, молъ, на кулачки. А самъ, грѣшный человѣкъ, мыслю въ душѣ моей кучера того разнесчастнаго такъ угодить, такъ это, разметываю въ своемъ умѣ, разутюжить его — сударика.... Проникли купцы такое мое намѣреніе и, опасаясь срамоты, какую, вѣрно вамъ докладываю, я бы на ихъ похвальбу кучеромъ своимъ напустилъ,— сейчасъ же напали на меня съ великимъ многолюдствомъ—и со двора въ шею. Грозились тоже они на меня всячески, когда били: «въ сибиркѣ, кричатъ, сопрѣешь, ежели словомъ однимъ заикнешься объ нашемъ умыслѣ Переметчикову». Теперь одна надежда на ваше степенство, т. е. на счетъ чести, потому раскассировать кого ежели, такъ я и одинъ много народа могу раскассировать.....

— Спасибо тебѣ, Добыча, за вѣрную службу, по-

благодарилъ лихача Переметчиковъ.—Отнынѣ ты мой рабъ. Сейчасъ мы съ тобой къ частному ѣдемъ, тамъ ему обо всемъ доложимъ и солдатъ возьмемъ на подмогу, дабы намъ въ полной безопасности быть.

— А это вы напрасно изволите, посовѣтовалъ Добыча.

— Насчетъ чего?

— А насчетъ солдатъ, потому что же такое полицейскій солдатъ? Одно слово: крупа! Рази онъ можетъ сустоять, нетокма противъ меня, или бы даже кучера Ветчинниковыхъ?... Сичасъ онъ, можно сказать, отъ одного моего щелчка съ копытъ вверхъ тормами должонъ летѣть, потому солдатъ—служба.... Онъ, ваше степенство, кажинный день въ чижолой работѣ и опять же на легкихъ хлѣбахъ...

— Такъ какъ же мы съ этимъ дѣломъ управимся?

— А такъ и управимся, рѣшилъ Добыча.—Я теперича все разузналъ, какая у нихъ, Ветчинниковыхъ, команда будетъ. Первое—кучеръ. Его я, глаза лопни, съ одного наскоку подомну подъ себя. Другое—Курилкинъ Иванъ—мясникъ. Его тоже пробовалъ я: по бревну разобралъ. Третьимъ теперича у нихъ—Бучиловъ Анкудинъ. Дѣйствительно, этотъ прежде силенъ былъ, только я ему еще въ третьемъ году, на кулачномъ бою, на Крымкѣ-съ, лѣвую руку сломалъ. Я ужь и говорилъ ему: ты, говорю, Анкудинъ, на одну руку-то не очень надѣйся. Остальные всѣ—сволочь, поголовная сволочь! добавилъ Добыча.—Не извольте ихъ опасаться, ваше степенство. Мнѣ ихъ на одну руку мало.

— Да вѣдь все же ты одинъ? возражалъ Абрамъ Сидорычъ.—Какъ же ты одинъ противъ нихъ всѣхъ пойдешь?

— А тоже и мы своихъ молодцовъ наберемъ, изъ вашихъ, потому вся сила во мнѣ, а имъ на гулянкахъ ничего— поразмяться для скуки... Да, право, ей-Богу! Вѣдь имъ, ваше степенство, тоже, небойсь, жалованье платите?

— Какъ же! Какъ же!

— То-то и есть! Опять ежели ваши молодцы очень ужь слабосильны, такъ мы ломы возьмемъ, дубье, потому вѣдь и они тоже съ колами и дубинами прикатятъ. Вотъ мы ихъ впустимъ въ садъ-то, дадимъ имъ на келійку-то отца-Гаврилы взглянуть, чтобы не даромъ имъ проѣзжаться, а тамъ ужь и съ Господомъ!...

— Молодецъ Добыча! похвалилъ его Переметчиковъ.— Ступай въ куфню... Ѣшь и пей тамъ, что только твоя душа пожелаетъ.

Осмѣлюсь спросить, ваше высокоблагородіе, заговорилъ Кондратъ, послѣ хозяйскаго приглашенія, мгновенно мѣняя и титулъ, съ которымъ онъ относился къ Абраму Сидоровичу, и свое собственное, необыкновенно-мускулистое, до-желта загорѣлое лицо, на кроткую физику ягненка,—осмѣлюсь спросить у вашего высокоблагородія деньжонокъ малость на расходы: сапожишками вотъ пообносился, опять же на родину думаю женѣ съ ребятенками послать. Семеро ихъ у меня, ваше высокоблагородіе, малъ мала меньше.

— Можно, можно, дружокъ! покровительственно принялъ эту просьбу Переметчиковъ и подалъ деньги.—Я умѣю награждать вѣрныхъ рабовъ, важно закончилъ купецъ и, какъ будто онъ былъ въ самомъ дѣлѣ вашимъ высокоблагородіемъ, параднымъ шагомъ отправился во внутренніе апартаменты, самодовольно посматривая въ

зеркало на свою закинутую вверхъ голову и на свои по-майорски вздутыя щеки.

— Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе! окончательно потѣшилъ его Добыча, живо юркнувшій въ переднюю, съ цѣлью прямо оттуда пробраться въ какую-нибудь пивницу, гдѣ онъ во всякое время любому можетъ насандалить рожу, чупрыснуть въ ѣдало, закатить подъ микитки, разуважить въ бокъ и проч. и проч.

Закончилось дѣло въ непроглядную осеннюю ночь. И была эта ночь, пожалуй, во сто разъ ненастнѣе, угрюмѣе и дождливѣе того осенняго утра въ которое началось дѣло. Такъ сказать: тьма тьму била въ сыромъ и, какъ-бы, горько встосковавшемся о чемъ-то воздухѣ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра; вѣтеръ вылъ совершенно понятныя слова:

— Вотъ я васъ! Ого-го! Огу-гу-гу! Вотъ я васъ!

Фонари, освѣщавшіе столицу, такъ-то жалобно, такъ-то скорбно моргали, словно бы старались удержать незримыя и невѣдомыя Московской Думѣ слезы свои, которая, въ жестокосердіи своемъ, отпускаетъ имъ такъ мало посконнаго масла, называя его и спиртомъ, и керасиномъ, и минеральнымъ масломъ, и разными другими почетными и современными именами... Жалобы фонарей, точно также какъ и взвизги вѣтра, можно было очень ясно разслышать. Они плакались:

— Что же мы съ такой темной ночью подѣлаемъ?.. Ничего!.. И тутъ они разставляли свои тонкія, кривыя, желѣзныя руки съ видомъ человѣка, сильно недоумѣвающаго, и глубоко вздыхали; а улица оставалась по-преж-

нему такою темною, что зги не было видно, и дождь тоже хлесталъ, и вѣтеръ громыхалъ жестяными крышами, и, разбуженный этимъ громыханьемъ, будочникъ, какъ и вчера, глубоко, протяжно и громко зѣвалъ и секретно повѣрялъ пустой улицѣ такія слова:

— Одначе какъ много дьяволовъ завелось на потолкѣ у мѣщанки Кривохвостовой. Надо ей объ этомъ безпремѣнно завтра сказать... Все, можетъ, раззорится она на шкалку за такой докладъ.

Въ такое-то время изъ густаго сада, опушавшаго домъ Переметчикова, надъ которымъ, какъ бы не въ примѣръ прочему, особенно гнѣвно раскинулось сердитое осеннее небо,—въ это время, говорю, изъ сада на улицу свѣтились тонкіе, но частые огоньки отъ свѣчей и лампадъ, затепленныхъ предъ образами въ уединенной келійкѣ отца-Гаврилы. Они только одни, да шумъ столѣтнихъ деревьевъ говорили пустынной и безмолвной улицѣ, что дескать:

— Ахъ! не одна ты здѣсь! Поменьше тоскуй.

Улица точно была не одна: на заборѣ Переметчикова сада сидѣлъ Кондратъ Добыча и пристально во что-то всматривался.

— Что Кондратъ Иванычъ, спросилъ его кто-то изъ густыхъ, хотя уже давно облетѣвшихъ, малинныхъ кустовъ,—не ѣдутъ еще?

— Не ори ты, шутова голова! отвѣчалъ Добыча.— Когда пріѣдутъ, скажу; не всѣ вѣдь такіе зѣваки, какъ ты. Дай-ка я покамѣстъ, для храбрости, цопану...

Послышалась выпивка на заборѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанный лошадиный хляскъ на концѣ переулка.

Добыча соскочилъ съ забора и прерывистымъ шепотомъ прошепталъ малиновымъ кустамъ:

— Держись крѣпче, ребята! Ломы чтобы, главное, наготовѣ были. Какъ скажу: дѣйствуй,—такъ и валяй.

— Бо-о-же! слышалось въ то же время съ тесоваго крыльца кельи отца Гаврилы.—На враги же побѣду и одолѣніе....

Нѣсколько головъ показалось на томъ же заборѣ, съ котораго только-что слѣзъ Добыча. Они перешептывались насчетъ того, кому первому въ садъ лѣзть.

— Я ни за что не пойду прежде всѣхъ... шепталъ кто-то,—потому Добыча теперь безпремѣнно у нихъ. Животъ вынетъ, ежели подъ первый кулакъ къ нему подвернешься.

— О, дьяволы! вслухъ проворчалъ какой-то медвѣжій басъ, и тутъ же басъ этотъ тучей скатился съ забора въ густой бурьянъ, опушавшій заборъ сада. Идите, лѣзьте, черти!.. Никого нѣтъ.

Головы, торчавшія на заборѣ, послѣ этихъ словъ, всѣ дружно попадали въ садъ.

— Теперича всѣ вы тутъ, али нѣтъ? громко вскрикнулъ Кондратъ Добыча, бросаясь на кучера.—Теперича я тебя, Исай Петровичъ, потѣшу, я тебя потѣ-ѣ-шу! Хозяева твои говорятъ, что сильнѣй тебя во всѣмъ свѣтѣ нѣтъ,—теперича мы поглядимъ на это, на силу-то на твою, пог-гля-ядимъ!...

Тутъ зазвенѣли ломы, застучали дубины и раздался страшный, задушаемый голосъ кучера:

— Дру-у гъ! Анкудинъ! Заступись: душитъ!

— А вотъ мы и Анкудина попробуемъ сейчасъ! словно чортъ этой дьявольской ночи грохоталъ Добыча.—Я у

него теперича другую руку намѣренъ испробовать.... Но оставшеюся здоровой рукой Анкудинъ сокрушилъ вѣковой заборъ Переметчикова сада—и былъ таковъ.

— Гдѣ хозяева? Гдѣ хозяева? рычалъ Добыча, какъ звѣрь, вывертывая руку у кого-то изъ поголовной, какъ онъ говорилъ, сволочи.—Сказывай: гдѣ? Я кишки изъ какой-нибудь шельмы выпущу, потому не обиждай занапрасно.

— На вр-р-раги же побѣду и одолѣніе! перебивала Переметчиковская молитва костоломную суетню сада.

— Голубчикъ, Кондратъ Иванычъ! кричалъ человѣкъ, котораго пыталъ Добыча,—пусти ты меня Христа-ради... Наше дѣло, все равно какъ твое, подневольное; а хозяева уѣхадчи, потому они за заборомъ съ лошадьми были.

— А-а-а! лютовалъ Добыча! Я бы имъ, я бы ихъ...

— Охо, х-хо, х-хо! оралъ юродивый, вырвавшись изъ кельи и бѣгая по капустнымъ грядкамъ, въ которыя завалились оставшіеся борцы.—Хо, х-хо!

— Взыскалъ ты меня, Боже мой, надъ врагами моими!... громко молился на крылечкѣ Переметчиковъ.

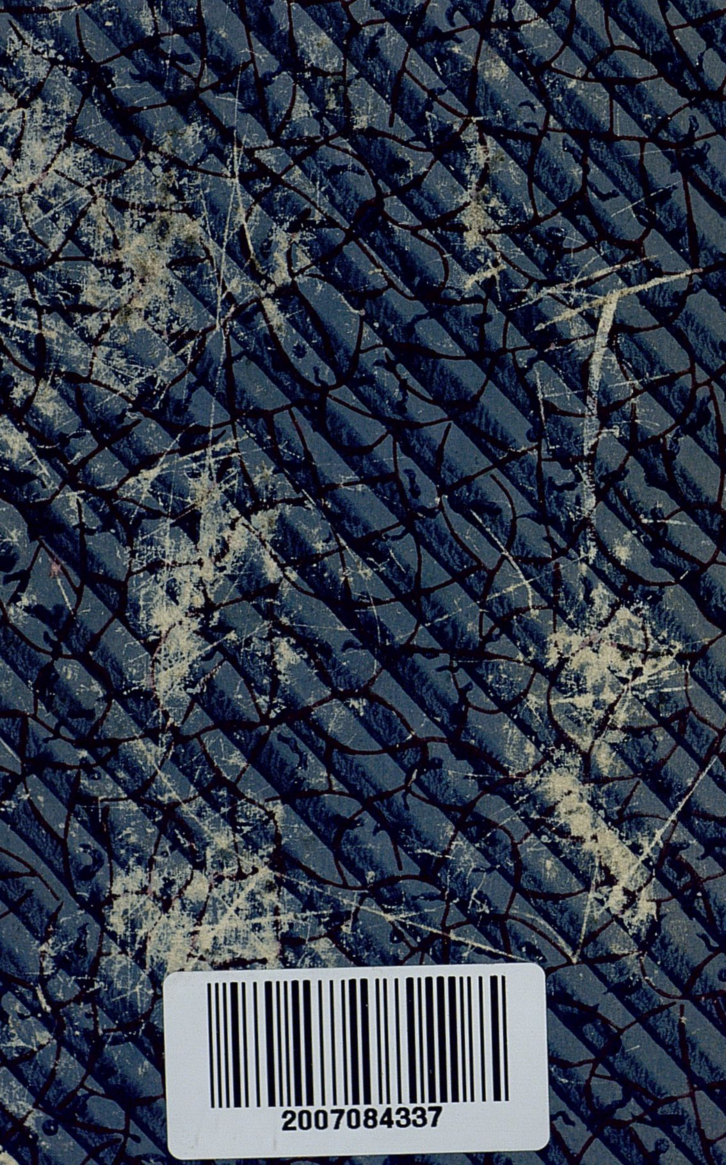
— Ужь истинно, что Мамаево побоище! радостно говорилъ Добычѣ главный помощникъ его въ побѣдѣ, подкучеръ Дмитрій.—Пошелъ бы ты, Кондратъ Иванычъ, попросилъ бы у чорта-то на чаишко. Теперь бы въ ночь-то пустить ничего.... Ей-Богу! Очень но бы это прикрасно!

— Я и то сейчасъ подкачусь къ нему... шепнулъ Добыча.—Только врядъ ли дастъ теперича, потому дѣло мы ему ужь обдѣлали.... Они вѣдь, эти купцы, хоша и неотесы, а надувать здоровы....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Передъ Пасхой (Московскій фельетонъ). 1
Московскія комнаты «снебилью» 12
Крымъ 110
Грачевка 146
Аркадское семейство. 176
Погибшее, но милое созданіе. 222
Московская тайна 264
Нравы московскихъ дѣвственныхъ улицъ 294
Счастливые люди 325
Запивоха. 387
Графчикъ 430
Праздничный сонъ. 460
Вѣрное средство отъ разоренья 490


2007084337